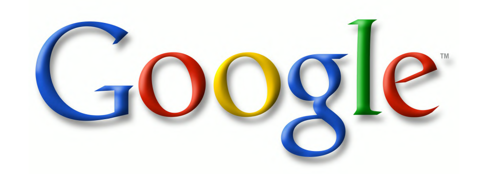
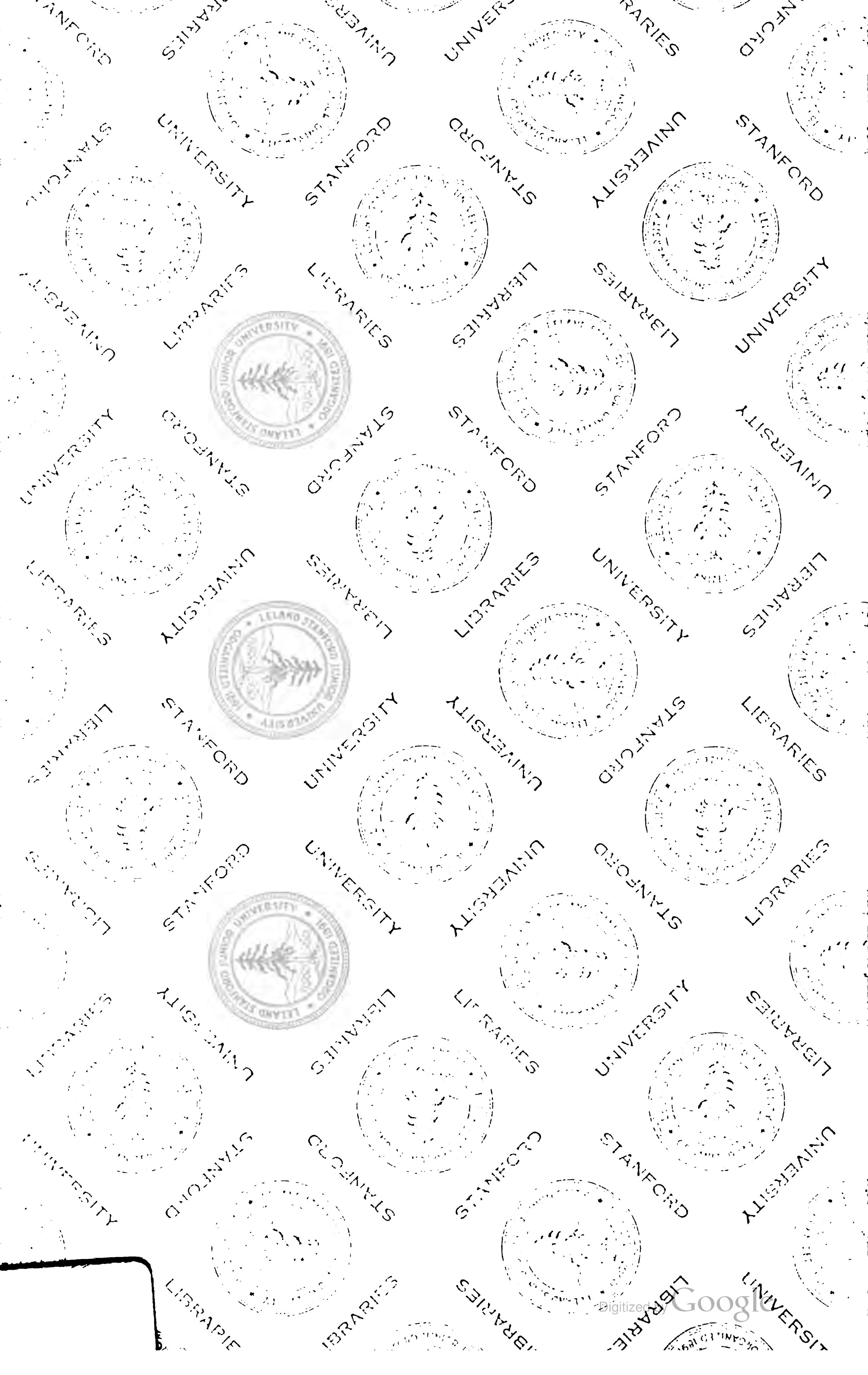

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
Digitized by Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Оглавленіе:

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 32 выпусковъ «Живой Старины» за восемь лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

LIII

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памяти языка, народной словесности и живой старины

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV. Стр.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія. наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка. народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Объявленія.

Стр.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

ОТДѢЛЪ I.

ОБЪ АВГАНИСТАНѢ И ЕГО НАСЕЛЕНІИ.

(По поводу статьи Л. А. Б-нча «Авганистанъ и его эмиръ». «Русск. Вѣстн.», 1898 г. авг., стр. 128—150, и сент., стр. 98—108).

I. Положеніе научныхъ изученій и литературы объ Авганистанѣ и авганахъ.

И ранѣе весьма мало извѣстныя страны, занятыя авганами или имъ подвластныя, сдѣлались послѣ первой англо-авганской войны (1838—1842 г.г.) почти недоступными для европейскихъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдователей. По этой же отчасти причинѣ и имѣющіяся, въ общемъ немалыя, свѣдѣнія объ Авганистанѣ и его населеніи до сихъ поръ весьма недостаточно подвергались соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ научной обработкѣ. О положеніи географіи и топографіи Авганистана можно судить по тому факту, что нѣкоторыя мѣстности, напр., части страны хезарейцевъ и Кафиристана, значительная часть бассейна рѣки Балха и т. д., остаются непосѣщенными европейцами и наносятся на карты по разспросамъ и догадкамъ. По этнографіи существуютъ только отрывочныя и случайныя данныя, научно необработанныя, потому что труды Белью и нѣкоторыхъ другихъ касавшихся этой отрасли знанія писателей почти лишены научнаго значенія. По языкознанію, нарѣчія западныхъ авганскихъ племенъ, хезарейцевъ, аймаковъ, кафировъ и т. д. почти неизвѣстны, если не считать кое-какія свѣдѣнія и образчики, доставленные не-лингвистами, а потому для науки мало пригодныя. По разнымъ отраслямъ естествознанія наука вынуждена пока довольствоваться общими, неточными и неопредѣленными свѣдѣніями. Исторія находится въ столь же плачевномъ положеніи: даже время умершаго 125 лѣтъ тому назадъ основателя существующаго авганскаго государства Ахмедъ-шаха научнымъ образомъ не изучено и важные для этого изученія источники не использованы, какъ указалъ недавно Оскаръ Маннъ (Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Schah Durrani, 1747—1773, въ Zeitschrift der Deutschen Mor-

genländischen Gesellschaft, 1898, B. 52, s. 97). Неудивительно, что существующія исторіи Авганистана и авгановъ (Феррье и Маллесона) представляютъ собою болѣе или менѣе плохія компиляціи изъ одностороннихъ, тощихъ и неподвергнутыхъ научной критикѣ источниковъ. Служащее до сихъ поръ необходимымъ и единственнымъ пособіемъ для общаго ознакомленія съ авганами и ихъ страною, прекрасное, для своего времени, сочиненіе Эльфинстона (An Account of the Kingdom of Cabool etc., by Mountstuart Elphinstone, London, 1815) было составлено на основаніи разспросовъ и немногихъ туземныхъ литературныхъ источниковъ, личное же знакомство автора съ Авганистаномъ было незначительно, такъ какъ въ предѣлы его онъ далѣе Пишавера не проникалъ. Между тѣмъ, это устарѣвшее почти на цѣлое столѣтіе сочиненіе остается до сихъ поръ ничѣмъ незамѣненнымъ.

Разумѣется, такое состояніе научныхъ изученій и литературы неизбѣжно отражается на служащихъ обычными пособіями для большинства пишущаго люда обобщающихъ сочиненіяхъ, энциклопедіяхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, а затѣмъ вообще на публицистикѣ. Вслѣдствіе этого политическія брошюры, книги, журнальныя и особенно газетныя статьи объ Авганистанѣ и имѣющихъ къ нему отношенія предметахъ слишкомъ часто бѣдны вѣрными свѣдѣніями и правильными взглядами, и, наоборотъ, обильны ошибками, недоразумѣніями и вымыслами.

Наша научная литература по Авганистану, кромѣ лингвистическихъ работъ академика Дорна, ограничивается весьма цѣнными дополненіями В. В. Григорьева и Н. В. Ханыкова къ тѣмъ отдѣламъ „Землевѣдѣнія“ Карла Риттера, которые обнимаютъ Авганистанъ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, переводъ съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева, Спб., 1867 г. „Иранъ К. Риттера. Перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханыковъ“, Спб., 1874 г.). Труды Григорьева и Ханыкова, во-первыхъ, уже значительно устарѣли и не содержатъ свѣдѣній и научныхъ пріобрѣтеній за 30 и 25 почти лѣтъ послѣ ихъ изданія, во-вторыхъ же, и во время своего выхода въ свѣтъ не обнимали всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній. Такъ, по исторіи Авганистана Григорьевъ далъ не имѣющій себѣ равнаго въ западно-европейской литературѣ обзоръ исторіи Кабулистана съ древнѣйшихъ временъ до XI вѣка и хорошій очеркъ англо-авганской войны 1838—1842 г.г.; исторіи же остальныхъ частей Авганистана въ древнѣйшее время и всей страны съ XI столѣтія Ханыковъ, на обязанность котораго это падало, сообразно содержанію изложенія Риттера, не составилъ. По этнографіи Авганистана дополненія Ханыкова, на долю котораго достались этническія и этнографическія свѣдѣнія объ авганахъ и другихъ народностяхъ, кромѣ обитающихъ въ Кабулистанѣ и Кафиристанѣ, также недостаточны, неполны и неудовле-

творительны. Даже географическія дополненія Ханыкова оставляютъ желать многаго какъ относительно полноты, такъ и систематичности.

О томъ, каковы были свѣдѣнія объ Авганистанѣ двадцать лѣтъ назадъ въ нашей литературѣ и въ военномъ вѣдомствѣ, можно судить по слѣдующему свидѣтельству составленной въ 1882 году записки одного изъ самыхъ компетентныхъ по этому предмету чиновъ генеральнаго штаба: „Когда въ 1878 году явилась необходимость оказать давленіе на Англію со стороны Индіи, то нами были сформированы два отряда и двинуты къ сторонѣ Афганистана совершенно на угадъ: мы не знали ни мѣстности, по которой придется идти, ни населенія, съ которымъ встрѣтимся" („Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 5, 1883 г., стр. 108). Съ 1882 года, по примѣру англійскаго правительства, которымъ давно уже издается сборникъ Central Asia, compiled for political and military reference, и у насъ выходитъ „Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи". Этотъ „Сборникъ",—содержащіяся въ которомъ статьи за восьмидесятые года указаны въ „Библіографіи Азіи" Межова,—состоитъ въ настоящее время уже почти изъ 80 выпусковъ и дѣйствительно даетъ, и относительно Авганистана, довольно значительное количество матеріала, правда, почти исключительно переводнаго или являющагося сокращеннымъ изложеніемъ печатныхъ книгъ и статей. Конечно, спеціалисты, слѣдящіе за литературою предмета, и въ „Сборникѣ" найдутъ мало имъ незнакомаго, тѣмъ не менѣе и для нихъ „Сборникъ" очень полезенъ, вслѣдствіе трудности каждому отдѣльному лицу просматривать выходящія въ свѣтъ массы книгъ и періодическихъ изданій, изъ которыхъ многія отсутствуютъ въ самыхъ лучшихъ библіотекахъ. Цѣнность матеріаловъ „Сборника", страдающихъ слабостью географической стороны и почти отсутствіемъ этнографической и исторической, видна изъ того, что, пользуясь едва не ими одними, В. Т. Лебедевъ издалъ недавно обстоятельно разработанный проектъ похода до Инда („Въ Индію. Военно-статистическій и стратегическій очеркъ. Проектъ будущаго похода", Спб., 1898 г.), тогда какъ до сихъ поръ вмѣсто серьезныхъ проектовъ появлялись и были возможны одни фантастическія мечтанія. Къ сожалѣнію, какъ англійскій, такъ и русскій „Сборники" недоступны для большинства публики.

Русскіе путешественники съ учеными цѣлями въ Авганистанъ не проникали, за исключеніемъ Н. В. Ханыкова, совершившаго въ 1858 г. поѣздку изъ Мешхеда въ Хератъ, съ экскурсіею въ Обе, и затѣмъ въ 1859 году проѣхавшаго изъ Херата въ Сеистанъ по западной окраинѣ Авганистана; географическія замѣтки Ханыкова не лишены интереса, этнографическія же скудны и авганъ почти не касаются („Иранъ К. Риттера", Спб., 1874 г.,

стр. 301—312 и 342—360). Записокъ перваго правительственнаго посланца въ Авганистанъ поручика Виткевича, ѣздившаго въ Кабулъ и Кандахаръ въ 1837—1838 г.г., не сохранилось или до сихъ поръ не опубликовано. О посольствѣ генерала Столѣтова изъ Ташкента въ Кабулъ сообщены любопытныя свѣдѣнія въ сочиненіи доктора И. Л. Яворскаго („Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 г.г.“, два тома, Спб., 1882—1883 г.г.). О поѣздкѣ въ 1878 г. изъ Мазари-Шерифа въ Хератъ полковника Гродекова изданы имъ путевыя записки („Черезъ Авганистанъ“, Спб., 1880 г.). Къ сожалѣнію, посольство Столѣтова и маршрутъ Гродекова почти не коснулись земель, заселенныхъ авганами, притомъ же члены миссіи и г. Гродековъ находились все время, если не подъ стражею, то подъ такимъ стѣснительнымъ надзоромъ авганскихъ властей, что лишены были возможности изучать страну и собирать свѣдѣнія о населеніи. Въ источникахъ карты Азіатской Россіи, приложенной къ монографіи „Геодезическія работы разныхъ вѣдомствъ и учрежденій въ связи съ постройкою Великаго Сибирскаго пути“ (1896 г.), упоминается о поѣздкѣ г. Комаровскаго въ 1891 г. отъ Пишавера въ Кафиристанъ, но никакихъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ мнѣ болѣе не встрѣчалось. Въ нынѣшнемъ году, командированный въ Индію генеральнаго штаба капитанъ Новицкій коснулся при поѣздкѣ своей части земель восточныхъ авганскихъ племенъ.

Въ нашей публицистикѣ слѣдуетъ упомянуть три сочиненія, не лишенныя интереса въ разныхъ отношеніяхъ: Л. Н. Соболева „Страница изъ исторіи восточнаго вопроса. Англо-афганская распря. Очеркъ войны 1879—1880 г.г. Изслѣдованіе“, Спб., 1882—1885 г.г., 1534 стр., in—8°, и С. Н. Южакова „Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ“, Спб., 1885 г., 195 стр., in—12°, и „Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ“, Спб., 1885 г., 106 стр., in—12°.

Журнальныхъ статей объ Авганистанѣ у насъ очень мало, заслуживающихъ же вниманія между ними почти нѣтъ. Газетныхъ статей появляется во время столкновеній Англіи съ авганами, особенно же во время политическихъ неладовъ Англіи съ Россіею, чрезвычайное обиліе, но по незнакомству авторовъ съ научной литературой и съ основательной публицистикой, при недостаточности притомъ фактическихъ свѣдѣній о текущихъ событіяхъ въ Авганистанѣ и Индіи, статьи эти, въ огромномъ большинствѣ, не серьезны.

Этотъ, слишкомъ быть можетъ, краткій обзоръ положенія науки и публицистики относительно Авганистана указываетъ на очень большія трудности составленія въ настоящее время удовлетворительныхъ общихъ описаній или очерковъ этой страны, ея населенія и политическихъ отношеній, хотя появле-

ніе ихъ крайне желательно. Недавно напечатанная статья Л. А. Б-ича „Афганистанъ и его эмиръ“ представляетъ попытку дать подобный очеркъ, притомъ съ той точки зрѣнія, которой держатся составители большинства нашихъ газетныхъ статей. Разборъ статьи г. Б-ича, располагавшаго свѣдѣніями, даже нѣсколько превышающими обычный уровень освѣдомленности нашихъ газетныхъ писателей, можетъ поэтому намѣтить нѣкоторые недостатки и ошибки не только статьи г. Б-ича, но и вообще нашей газетной публицистики. Я не ограничусь, однако, однимъ, конечно, достаточно доказательнымъ, указаніемъ промаховъ и недочетовъ разсматриваемой статьи, но сдѣлаю поправки и дополненія по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ предметамъ, въ особенности по поводу этническихъ и политическихъ отношеній, насколько это оказалось возможнымъ безъ доведенія настоящаго разбора до слишкомъ значительнаго объема.

I. Происхожденіе, главный источникъ, основная тенденція и задачи разсматриваемой статьи.

Въ нумерахъ 232, 234 и 237-мъ 23, 25 и 28-го августа 1897 года газеты „Мировые Отголоски“ была напечатана статья постояннаго лондонскаго корреспондента этой, въ нынѣшнемъ году уже закончившей свой недолгій вѣкъ, газеты Нила Бронского „Афганистанъ и его эмиръ“. Статья эта состоитъ, главнымъ образомъ, въ изложеніи изданнаго въ 1895 году краткаго описанія поѣздки Дж. Керзона въ Авганистанъ (A Recent Journey in Afghanistan, London, 1895), съ мало основательными и неинтересными большею частію комментаріями и разсужденіями самого г. Бронского и немногими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Не отличая невѣрные и извращенные слухи и вѣсти отъ правильныхъ извѣстій объ отношеніяхъ эмира къ Англіи во время разгоравшейся тогда войны Англіи съ независѣвшими отъ эмира авганскими пограничными племенами, г. Бронской думалъ, что пограничныя племена открыли военныя дѣйствія по подстрекательству эмира, который намѣревается и самъ объявить Англіи войну. Въ № 237 читаемъ у г. Бронского: „Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабулъ со всѣхъ сторонъ Афганистана муллъ съ цѣлью объявить джехадъ“... „Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ, что мы, очевидно, находимся наканунѣ великихъ событій, теперь мы можемъ сказать, что мы присутствуемъ при ихъ началѣ. Вопросъ о томъ, совершится ли англо-авганская война, теперь находится внѣ сомнѣнія. Тѣ, которые соберутся подъ зеленымъ знаменемъ пророка, составятъ лишь резервъ авганской арміи, съ организаціей которой читатели мало или совершенно

незнакомы. Это меня обязываетъ сообщить объ этомъ на основаніи достовѣрнѣйшихъ источниковъ, поговорить подробно о тѣхъ племенахъ, которыя встали и встанутъ подъ зеленое знамя пророка, и о театрѣ военныхъ дѣйствій, настоящемъ и возможномъ въ будущемъ". Это намѣреніе свое г. Бронской и исполнилъ въ №№ 245, 260 и 262 „Мировыхъ Отголосковъ", не указавъ—изъ какихъ именно „достовѣрнѣйшихъ источниковъ" онъ свѣдѣнія свои почерпаетъ. Хотя Л. А. Б—ичъ даже не упоминаетъ о статьѣ г. Бронского, появившейся въ „Мировыхъ Отголоскахъ" менѣе чѣмъ за годъ, но собственная его статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за августъ и сентябрь 1898 г. воспроизводитъ не только заглавіе, но и содержаніе статьи Нила Бронскаго. Отличія состоятъ въ томъ, что извлеченія изъ Керзона помѣщены у г. Б—ича не въ началѣ статьи, какъ у Бронского, а въ концѣ; что встрѣчаются и другія неважныя перемѣщенія; что г-номъ Б—ичемъ предпослано „очерку" небольшое вступленіе и сдѣланы мѣстами нѣкоторыя дополненія, и, наконецъ, что въ статьѣ г. Б—ича не повторено разныхъ неосновательныхъ сужденій г. Бронского и выкинуты извѣстія дня, неумѣстныя въ печатаемомъ черезъ годъ очеркѣ и притомъ же оказавшіяся явно невѣрными. Во всемъ остальномъ статья г. Б—ича есть повтореніе статьи Нила Бронского, частію тѣми же словами и, мѣстами, съ тѣми же описками,—повтореніе, воспроизводящее въ точности иногда даже опечатки. Вѣроятнѣйшее объясненіе кажущейся безцеремонности г-на Б—ича,—въ отношеніи къ автору статьи „Мировыхъ Отголосковъ", писаніями котораго онъ такъ пространно воспользовался, неупомянувъ о томъ ни однимъ словомъ, и въ отношеніи читателей которые получили въ качествѣ оригинальнаго „очерка" едва не одну перепечатку газетной статьи,—состоитъ въ томъ, что Нилъ Бронской и Л. А. Б—ичъ есть, повидимому, одно и то же лицо, и что г. Б—ичъ пожелалъ ознакомить и читателей „Русскаго Вѣстника" съ своими свѣдѣніями и взглядами относительно Авганистана, вновь обработавъ и улучшивъ для этого свою газетную статью.

Основнымъ и, въ сущности, единственнымъ источникомъ описанія Авганистана у г.г. Бронского и Б—ича, хотя оба объ этомъ умолчали, служила книжка Ш. Симона или Симонда (Charles Simond—L'Afghanistan. Les russes aux portes de l'Inde, Paris, 1885).

Это одна изъ компиляцій, которыя появляются на книжномъ рынкѣ по поводу выдающихся политическихъ событій и составляются на-скоро, въ нѣсколько дней или недѣль. Какъ видно изъ подзаглавія, предисловія и содержанія, книжка эта написана по поводу столкновеній между Англіею и Россіею относительно сѣверо-западной границы Авганистана, ознаменовавшихся стычкою на Кушкѣ 18—30 марта 1885 года и грозившихъ войною. Книжка

(въ ней всего 319 страницъ in—12⁰) дѣлится на три части, изъ которыхъ вторая „Русская интрига“ и третья „Англійская интрига“ отданы вмѣстѣ съ „Заключеніемъ“ политикѣ, вторгающейся мѣстами и въ первую часть, озаглавленную „Ключи Индіи“. Если изъ этой первой части оставить въ сторонѣ главы вторую „Стратегическія дороги“ и шестую „Прошлое Авганистана“, содержащія жиденькое исчисленіе путей и плохой обзоръ исторіи Авганистана, то останется 70 страничекъ на описаніе Авганистана, которое и служило основою трудовъ гг. Бронского и Б—ича. Авторъ не указываетъ вообще своихъ источниковъ съ желательной аккуратностью и подробностями, изъ сдѣланныхъ же мѣстами ссылокъ видно, что свѣдѣнія свои онъ бралъ изъ словарей Мейера, Брокхауза, Вивьенъ де-Сенъ-Мартена, изъ „Всеобщей географіи“ Эл. Реклю, изъ исторій Маллесона и Феррье, а также изъ разныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ войною 1878—80 гг. и столкновеніемъ 1885 г. и т. п.

Большинства публицистовъ и политическихъ дѣятелей пока весьма мало коснулось научное движеніе второй половины, особенно же послѣдней четверти истекающаго вѣка. Внутреннія и особенно внѣшнія отношенія государствъ продолжаютъ имъ казаться зависящими почти исключительно отъ дѣятельности правительствъ и находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, тогда какъ для современной науки становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, что жизнь человѣческихъ обществъ повинуется законамъ ихъ эволюціи, законамъ болѣе сложнымъ и труднѣе раскрываемымъ, чѣмъ законы природы, но столь же непреложнымъ, а потому дѣйствія привительствъ тогда только успѣшны и плодотворны, когда, сознательно или безсознательно, сообразны съ этими законами. Шарлю Симону внѣшняя политика представляется лишь борьбою дипломатіи, военныхъ и другихъ силъ и средствъ соперничающихъ государствъ, борьбою, имѣющей цѣлью захватъ территорій и увеличеніе могущества державъ, благопріятствуемыхъ случайностями, искусствомъ дипломатовъ и превосходствомъ военныхъ и другихъ средствъ. Авганистанъ для него лишь театръ русскихъ и англійскихъ „интригъ“ и неизбѣжной затѣмъ войны, въ результатѣ которой достанется побѣдителю, авганы же „будутъ подавлены громаднымъ превосходствомъ численности (военныхъ силъ) и съ этого дня начнется ихъ быстрое исчезновеніе съ политической сцены“ (p. 7). Какъ французъ восьмидесятыхъ годовъ, Симонъ столь же мало желаетъ успѣха бывшей всегда враждебною его странѣ Англіи, какъ и опасной своимъ военнымъ могуществомъ для всей западной Европы полуварварской Россіи. Теперь, когда Россія и Франція связаны союзомъ, французскій публицистъ, сохраняя въ сущности то же отношеніе къ соперничеству Россіи и Англіи на востокѣ, задался бы лишь вопросомъ—не слишкомъ ли ослабѣетъ союзникъ,—побѣди-

телемъ ли онъ окажется или побѣжденнымъ,—для войны съ цѣлью „реванша“.

Русскій публицистъ, хотя бы и столь же чуждый научной точки зрѣнія, конечно, не можетъ усвоить исключительно французское отношеніе своего главнаго источника къ Авганистану. Но г. Б-ичъ страждетъ другой, не менѣе односторонней и ошибочной точкой зрѣнія: „Рано или поздно, сразу-ли весь, или по частямъ, Афганистанъ должен попасть въ наши руки въ силу самой нашей великой миссіи въ Азіи и мы ждемъ этого не предупреждая событій, не торопя ихъ“... Вѣдь „по словамъ Абу-Ифазила (XVI вѣкъ)“, Авганистанъ „служитъ воротами въ Индостанъ и та европейская держава которая овладѣетъ Авганистаномъ упрочитъ свое владычество во всей этой части свѣта“ (стр. 130) *). „Англо-Русскій конфликтъ“ „разрѣшится именно въ Афганистанѣ“ (стр. 150) и „судьбы Афганистана“ уже стали „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ“ (130). „Овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи, а ударъ этотъ не можетъ не отозваться и въ Европѣ“ (стр. 102, у Симона, p. 94: èbranlera tout l'orient jusqu'à Calcutta et Bombay et peut-être au delá, vers l'extrême-est de l'Asie). Хотя г. Б-ичъ не выясняетъ, въ чемъ именно „наша великая миссія въ Азіи“ состоитъ и на чемъ его увѣренность въ ея существованіи основывается, но приведенныя мѣста его статьи достаточно ясно вы-

*) Здѣсь и повсюду ниже я стараюсь въ точности удерживать орѳографію и пунктуацію подлинника. У Ch. Simond, p. 2, читаемъ: «C'est là, écrivait Abou-Ifazil au seizième siècle, que depuis la plus haute antiquité se trouvent les portes de l'Hindoustan». Et il ajoutait: «Quiconque parmi les puissances européennes possedera ce territoire, affermira sa suprématie sur toute cette partie du globe». Источника своего французскій авторъ не указываетъ и не позаботился объяснить—какимъ это образомъ восточный, судя по имени, писатель XVI вѣка оказался одареннымъ пророческими талантами, потому что въ его время едва начинавшіе появляться на берегахъ Индіи европейцы играли слишкомъ ничтожную роль, чтобы кто-либо могъ предугадать будущее владычество ихъ во всей странѣ. Истинное имя восточнаго автора не Абу-Ифазиль, а Абуль Фазль, министръ и историкъ императора Экбера, родившійся въ 1551 г. и убитый въ 1602 г. (Ханыковъ, «Иранъ К. Риттера», стр. 404). Въ сочиненіи его Айини Экбери, содержащемъ описаніе царства Экбера, говорится: «Кабулъ и Кандахаръ считаются съ глубокой древности воротами Индостана. Одинъ даетъ входъ изъ Турана, а другой изъ Ирана. Но если оба города надлежащимъ образомъ охраняются, то обширная индостанская имперія вполнѣ безопасна отъ вторженій иностранцевъ». Объ европейскихъ державахъ Абуль Фазль, конечно, не говоритъ тутъ ни слова (Ayeen Akbery, or the Institutes of the Emperor Akber, translated by Francis Gladwin, London, 1800, vol. 2, p. 180). Такимъ образомъ Симонъ, а за нимъ и г. Б—ичъ, приписали Абуль Фазлю, превращенному въ Абу-Ифазила, соображенія, ему ни въ какомъ случаѣ не принадлежащія.

ражаютъ, что эта миссія заключается въ овладѣнія Авганистаномъ, Индіею и всею Азіею или связана со всѣми этими завоеваніями, если не въ нихъ вся ея суть. Источникомъ этихъ мечтаній служитъ, надо думать, узкій націонализмъ, столь удобно, по своей нераціональности, соединяющійся съ мистицизмомъ. Однако, мистическія грезы о „великихъ миссіяхъ" никогда не выдерживаютъ обращенія къ реальной дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности оказывается безспорнымъ, что величайшіе завоеватели и могущественнѣйшія государства, стремившіяся къ всемірному владычеству, никогда не овладѣвали ни всей Европой, ни всей Азіей, потому что встрѣчали непреодолимое сопротивленіе со стороны государствъ и народовъ, отстаивавшихъ свою независимость. Въ настоящее время,—если ограничиться даже однимъ цивилизованнымъ человѣчествомъ,—кромѣ русскихъ, существуютъ народности англосаксонская, нѣмецкая, группа романскихъ. Эти народности и по численности лишь немного уступаютъ русской (англо-саксонская—123 м., даже превосходитъ), по культурѣ же, техникѣ и богатству стоятъ много выше. Каждая изъ этихъ великихъ народностей дорожитъ своей самобытностью и въ состояніи отстоять ее противъ всякой изъ остальныхъ, не говоря уже о томъ, что притязанія на преобладаніе которой-либо изъ нихъ неизбѣжно встрѣчаются съ коалиціею прочихъ. Разумѣется, военное могущество Россіи значительно, но, во-первыхъ, она не можетъ съ успѣхомъ противостоять коалиціи, во-вторыхъ же, военное могущество досталось ей и поддерживается цѣною народной бѣдности и низкаго сравнительно со всѣми народами Европы уровня культуры, техники и народнаго образованія. Между тѣмъ, современная война все болѣе и болѣе дѣлается борьбою техники, и перевѣсъ даетъ въ ней не одна численность войска, а главнымъ образомъ совершенство техники, достигаемое высшимъ уровнемъ науки, промышленности и богатства. Чтобы только удержать свое почетное мѣсто въ средѣ великихъ народовъ, Россіи необходимо употреблять всѣ свои средства и усилія на распространеніе и развитіе народнаго образованія, благоустройства и богатства, отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ расширеній территоріи и завоеваній, которыя въ ея положеніи лишь ослабляютъ силы, а не увеличиваютъ.

Вѣрованія въ „великія миссіи" часто неразлучны съ наклонностью къ легковѣрію. Россія и Англія, „по слухамъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ въ Лондонѣ циркулирующимъ, вошли уже въ соглашеніе о раздѣлѣ Авганистана"— сообщилъ въ августѣ мѣсяцѣ г. Б—ичъ (стр. 128), устраняя возникающее вслѣдствіе такого раздѣла и соглашенія недоумѣніе—не полагается ли этимъ предѣлъ „великой миссіи"—успокоительнымъ поясненіемъ фатальности послѣдней: „рано или поздно, сразу ли весь, или по частямъ, Афганистанъ долженъ попасть въ наши руки" (стр. 130). Въ октябрѣ 1876 года, желая

преодолѣть упорное несогласіе эмира Ширъ-Али на водвореніе въ Кабулѣ постояннаго британскаго агентства и на посылку англійскихъ офицеровъ въ сѣверные предѣлы его владѣній, вице-король Индіи лордъ Литтонъ, между прочимъ, приказалъ передать Ширъ-Али, что ежели онъ не войдетъ немедленно съ Англіей въ предлагаемое соглашеніе, то его замѣнитъ Россія, которая желаетъ заключить соглашеніе съ Англіей на его счетъ (см. въ „Синихъ книгахъ“ Afghanistan, 1878, I, p. 183). Можетъ быть лордъ Литтонъ не просто обманывалъ, а основывался на слухахъ или недоразумѣніяхъ, но Ширъ-Али ему не повѣрилъ. Въ настоящее время нужна необычайная степень легковѣрія, чтобы допустить, что Англія,—почти столѣтіе добивающаяся обладанія Авганистаномъ, какъ щитомъ для Индіи съ сѣверо-запада, и достигшая по соглашеніямъ съ Россіею 1873, 1885—1887 и 1895 г. точнаго установленія границъ Авганистана и признавія нахожденія его въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, т. е. верховенства,—согласилась вдругъ дѣлить этотъ щитъ съ державою, противъ которой онъ направленъ и пресса которой не перестаетъ угрожать нашествіемъ на Индію.

Если дѣйствительно „мы ждемъ“ непреложнаго осуществленія „великой миссіи“, „не предупреждая событій, не торопя ихъ“,—какъ пишетъ г. Б—ичъ,—то не слѣдовало бы съ лихорадочнымъ легковѣріемъ собирать вздорные и невѣрные слухи и возвѣщать о начавшемся осуществленіи „великой миссіи“, когда къ этому на самомъ дѣлѣ не имѣлось никакихъ серьезныхъ основаній Между тѣмъ уже въ августѣ 1897 года „мы“ находились съ Ниломъ Бронскимъ „наканунѣ великихъ событій“, а черезъ нѣсколько дней даже „присутствовали при ихъ началѣ“ (см. приведенныя выше выдержки изъ „Мировыхъ Отголосковъ“). Все это оказалось произведеніемъ возбужденной фантазіи и результатомъ невѣдѣнія дѣйствительнаго положенія англо-авганскихъ дѣлъ и отношеній. Эмиръ (какъ будетъ изложено подробнѣе въ своемъ мѣстѣ) не только не объявилъ священной войны, но словесно, письменно и на дѣлѣ показалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи и отказалъ воевавшимъ съ нею пограничнымъ племенамъ въ какой бы то ни было помощи. Пограничныя племена, дѣйствовавшія, какъ всегда, разрозненно, были послѣдовательно разгромлены англійскими войсками, проникавшими во всѣ доселѣ считавшіяся недоступными горныя трущобы, вынуждены просить мира и уплатить наложенные въ наказаніе штрафы, съ выдачею значительныхъ массъ оружія. Съ заявленіемъ покорности упорствовавшими долѣе всѣхъ афридіями, съ марта 1898 года на англо-индійской границѣ установилось полное спокойствіе. Авганскіе горцы понесли такой уронъ, лишились столь значительной части оружія, особенно скорострѣльнаго, и подверглись такому раззоренію, что трудно ожидать новой войны ихъ съ англичанами въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что англій-

ское правительство рѣшилось уважать независимость племенъ, не вмѣшиваться въ ихъ управленіе и вообще избѣгать поводовъ для возбужденія вражды, въ какомъ смыслѣ и даны индійскому правительству инструкціи (см. депешу лорда Хамильтона отъ 23 января 1898 г. въ послѣдней „Синей книгѣ", C.—8714, Military operations on the North-West Frontiers of India, London, 1898, vol. II, p. p. 172—182). Если, несмотря на все это, г. Б—ичъ въ августѣ 1898 г. продолжаетъ твердить, что „судьба Авганистана" стала „à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ", толкуетъ о небывалой „перемѣнѣ курса политики эмира и улучшеніи его отношеній къ Россіи" (148), съ которою онъ не имѣетъ никакихъ сношеній, и увѣряетъ, что занятіе эмиромъ „въ началѣ настоящаго года" „страны Момаидовъ" „теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіятскій вопросъ" (131),—то приходится удивляться замѣчательной рѣшимости пребывать въ области фантазій и игнорировать происходящее въ дѣйствительности.

Поводомъ своей статьи г. Б—ичъ указалъ „судьбу Авганистана, ставшую à l'ordre du jour, благодаря послѣднимъ событіямъ": можетъ быть этимъ отчасти и объясняются замѣченныя странности. Задачею своею Л. А. В—ичъ ставилъ „дать краткій очеркъ" Авганистана и „характеристику" авганскаго народа и эмира, въ виду того, что Авганистанъ „большинству русскихъ читателей, не спеціалистовъ, мало знакомъ" (стр. 130). Авторъ находитъ интереснымъ вопросъ—„кто виноватъ въ возстаніи племенъ и англійскихъ неудачахъ?" Еще болѣе его „интересуютъ толки о прямомъ или косвенномъ участіи въ этомъ возстаніи... эмира афганскаго" и отношенія „эмира къ Россіи и Англіи" (128). Въ этомъ приблизительно порядкѣ я и разсмотрю трудъ г. Б—ича.

III. Авганская страна.

Это — заглавіе первой главы первой части книжки Симона, который, приведя выше воспроизведенныя мною цитаты изъ „Абу-Ифазиля", писалъ (p. 2): „Чтобы убѣдиться въ значительной важности этой стратегической позиціи, достаточно бросить взглядъ на карту Азіи (Dr. Jos. Chavanne, Afghanistan, Land und Leute, mit Rücksicht auf den englisch-afghanischen Kriege, Wien, 1879). На сѣверѣ авганская страна командуетъ, посредствомъ Хиндукоха, надъ долиной Аму-дарьи, на востокѣ, посредствомъ Сулеймановыхъ горъ, надъ долиною Инда; на западѣ, на большомъ протяженіи, она господствуетъ надъ Персіей посредствомъ хребта Кохъ-и-Бунданъ" и т. д. У г. Б—ича: „Чтобъ убѣдиться въ стратегическомъ значеніи Афганистана, стоитъ

лишь взглянуть на карту Средней Азіи: на сѣверѣ—Гиндукушемъ—Афганистанъ командуетъ долиной Аму-Дарьи; на востокѣ—Сулеймановскими горами—долиной Инда (есть основанія полагать что, по договору Дьюранда, точнѣе по его ненапечатанной картѣ, Сулеймановы горы вошли въ составъ Индійской территоріи); на западѣ цѣпью Кохъ-и-Бундала онъ командуетъ на значительномъ протяженіи Персіей" (130 и 131) и т. д. Хребта Кохъ-и-Бунданъ (Бундалъ г. Б—ича) нѣтъ ни на картѣ при книжкѣ Симона, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ картахъ и описаніяхъ: вообще, господство западной окраины Авганистана надъ Персіей есть „стратегическое" увлеченіе доктора Шаванна *). Далѣе у г. Б—ича: „при такихъ условіяхъ государство Абдуррахманъ-хана могло бы быть ограждено отъ всѣхъ нападеній, если бъ его политическія границы соотвѣтствовали физическимъ барьерамъ; но первыя совершенно условны и даже не опредѣлены, несмотря на нѣсколько работавшихъ въ послѣднее время разграничительныхъ коммиссій, что и дало поводъ въ началѣ настоящаго года недоразумѣніямъ между Индійскимъ правительствомъ и эмиромъ занявшимъ страну Момандовъ и что теперь грозитъ стать причиною кровавой борьбы которая, быть можетъ, и разрѣшитъ Средне-Азіятскій вопросъ". У Симона (р. 3), конечно, нѣтъ „Момандовъ", и „кровавой борьбы" опасался онъ по поводу совершавшагося въ 1885 году разграниченія Авганистана съ бухарскими и русскими землями (р. 3). Утвержденія на счетъ неопредѣленности границъ Авганистана уже со стороны Симона были не совсѣмъ вѣрны, потому что границы съ Персіею были установлены съ точностію еще въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, со стороны же г. Б—ича, въ 1898 году, почти совсѣмъ неосновательны, ибо граница съ Россіею и Бухарою опредѣлена живыми урочищами или пограничными знаками въ 1885—7 и въ 1895—6 гг., граница съ Белуджистаномъ пролегаетъ пустыней и никакихъ недоразумѣній не возбуждаетъ, граница же съ Индіею установлена соглашеніемъ Дьюранда 1893 года и хотя не вся еще обозначена знаками въ натурѣ **), по независѣвшимъ отъ

---

*) По ротмистру Стрѣльбицкому, путешествовавшему по восточному Хорасану въ 1890 году, граница между Авганистаномъ и Персіею лежитъ здѣсь въ «громадной впадинѣ, отдѣляющей возвышенности Персіи отъ системы Гиндукуша, впадинѣ, простирающейся отъ Сеистана до центральной части Каракумовъ и вмѣщающей бассейны Хамуна, ряда соленыхъ котловинъ Хафской пустыни, нижняго теченія Герируда и, наконецъ, древняго озера Арія-Палусъ» («Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи», выпускъ 46, Спб., 1891 г., стр. 145).

**) Пограничные знаки не поставлены только на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи, граница же на югъ отъ Кабулъ-дарьи уже точно опредѣлена пограничными столбами и пр. Граница эта значится на всѣхъ лучшихъ картахъ съ 1897 года. См. напр. Philips' Large—Scale Map of the North-Western Frontier etc., 1897.

обѣихъ сторонъ причинамъ, но направленіе ея опредѣлено достаточно ясно и важныхъ споровъ вызвать не можетъ, особенно при существующихъ дружественныхъ отношеніяхъ между эмиромъ и Англіею. Что касается занятія эмиромъ страны момендовъ (momunds, momands, mohmunds, mohmends у англичанъ, mohmounds у Симона, „момаиды“ же статьи г. Б—ича есть описка или опечатка вмѣсто „моманды“, какъ у Нила Бронского, хотя, благодаря вѣроятно редакціонной заботѣ объ однообразіи, опечатка эта проведена по всей статьѣ, гдѣ „момаиды“ встрѣчаются много разъ), то свѣдѣнія г. Б—ича по этому предмету есть результатъ какихъ нибудь его недоразумѣній или довѣрія къ неосновательнымъ слухамъ. Если бы дѣйствительно случилось что-нибудь, грозящее серьезными послѣдствіями, въ началѣ нынѣшняго года, то, конечно, въ серьезной прессѣ имѣлись бы своевременно подробныя извѣстія. Между тѣмъ говоритъ объ этомъ, и притомъ въ августѣ, одинъ нашъ авторъ, невѣдомо откуда это взявшій и, быть можетъ, незнающій, что эмиру подвластна значительная часть момендовъ и что въ его предѣлахъ, въ Лальпурѣ, обитаетъ главный ханъ этого племени.

Толкуя о сѣверной границѣ Авганистана, Симонъ говоритъ, что она принимаетъ юго-западное направленіе отъ „города Ходжа-Салэ, лежащаго (на Аму-дарьѣ) немного ниже переправы (gué) Килефской (de Kilef)“, и достигаетъ персидской границы „ниже города Сарахса“ (р.р. 3 et 4). Дѣйствительно такое представленіе и существовало въ Западной Европѣ объ этой части афганской границы въ маѣ 1885 года, когда Симонъ кончалъ свою книжку, но пишущему въ 1898 году автору, повторившему сказанное Симономъ безъ поправокъ и назвавшему „Килафъ“ „знаменитой переправой, бродомъ“, слѣдовало бы знать, что граница оставляетъ Аму-дарью у селенія Босага, а не у оказавшагося деревней, а не городомъ, Ходжа-Салэ; что граница эта примыкаетъ къ персидской не „подъ городомъ Сераксомъ“, а у Зульфакара, болѣе сотни верстъ выше Серакса, и, наконецъ, что при Келифѣ существуетъ переправа, а не бродъ, такъ какъ здѣсь одно изъ самыхъ глубокихъ мѣстъ Аму-дарьи, русло которой стѣснено тутъ высотами съ обѣихъ сторонъ.

Засимъ встрѣчаемъ у г. Б—ича слѣдующее: „Одинъ изъ афганскихъ поэтовъ, Молла-Мохаммедъ-Му-Амай, такъ воспѣвалъ Кабулъ: Пейте, пейте веселѣе въ Кабулѣ вино, пусть чаша безпрерывно совершаетъ свой кругъ, ибо здѣсь, въ Кабулѣ, все соединено: городъ и пустыня, высокія горы и быстро-бѣгущіе потоки“. По мнѣнію нашего автора, „это же можно отнести и ко всему Афганистану, площадь котораго представляетъ замѣчательное сочетаніе высочайшихъ горъ и пустынь прорѣзанныхъ потоками, на берегахъ которыхъ расположены густо населенные города“ (131 и 132). Во-первыхъ,

даже Симонъ, приводящій при описаніи Кабула эти самыя слова поэта, не называетъ его авганскимъ (р. 78). Во-вторыхъ, султанъ Баберъ, благодаря „Запискамъ“ котораго до насъ дошли эти персидскіе стихи, говоритъ, что поэтъ произнесъ ихъ владѣльцу Херата, изъ чего слѣдуетъ, что поэтъ былъ персидскій, а не авганскій. Въ-третьихъ, поэтъ высказалъ далеко не то, что приписали ему Симонъ и нашъ авторъ, а слѣдующее: „Пей вино въ замкѣ (цитадели) Кабульскомъ и пусть чаша ходитъ кругомъ безъ отдыха; здѣсь одновременно находятся гора, море, городъ и обширная равнина“ (Mémoires de Baber, trad. par Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 280). Дѣйствительно, изъ цитадели видны городъ Кабулъ, горы и зеленые луга его окрестностей, а, можетъ быть, и озеро Везирабадъ, названное по поэтической вольности моремъ, но до „пустынь“ отсюда слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ представлять себѣ природу Авганистана въ общемъ подобною красивому пэйзажу окрестностей Кабула было бы большой ошибкой. Совсѣмъ иначе рисуютъ природу Авганистана даровитѣйшіе изъ его властителей Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Султанъ Бабуръ или Баберъ. По словамъ перваго, страна его—одни скалы и камни (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. 1). По Баберу, горы Авганистана „имѣютъ видъ однообразный: высоты—средней, почва—вообще обнаженная, воды—рѣдки, растительности—никакой, физіономія—печальная и строгая. Впрочемъ, онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ своему населенію“ (Mémoires, t. I, p. 311). Надо впрочемъ имѣть въ виду, что во время Бабера Авганистаномъ именовалась только страна Сулеймановыхъ горъ, коренное, истинное отечество авганской народности, въ которомъ, отражая его природу, выработались основныя черты народнаго характера.

По увѣренію г. Б—ича, Кохи-Баба и его вѣтви „составляютъ ту горную область, которую древніе называли Парапомизосомъ (у насъ Парапомійскія горы) или Индійскимъ Кавказомъ“ (132). Но еще В. В. Григорьевъ выяснилъ, что Паропамисомъ древніе называли западную часть Хиндукуша, который именовали Кавказомъ, а „прозваніе Индѣйскаго дано этому Кавказу лишь въ новое время учеными Европейскими“ („Кабулистанъ и Кафиристанъ“, 1867 года, стр. 178, 137—189). Не знаю—съ чего взялъ г. Б—ичъ, что „Парапомизосъ“ у насъ называютъ „Парапомійскія горы“. Даже извращеніе Паропамизоса въ „Парапомизосъ“ встрѣчается весьма рѣдко не въ видѣ опечатки, компетентные же наши авторы пишутъ Паропамисъ, какъ Григорьевъ, или Паропамизъ, какъ Ханыковъ, названія же „Парапомійскихъ горъ“, еще болѣе извращеннаго, они не вѣдаютъ. Неправильно также называетъ г. Б—ичъ хребетъ Тирбендъ-и-Туркестанъ всѣхъ картъ *) и описаній „Турбанъ-и-Туркестаномъ“.

*) Кромѣ карты при книжкѣ Симона, гдѣ Turban-i-Turkestan, но на картѣ при

Симоновскій (p. 7) Tukht-i-Suliman вмѣсто Takht-i-Suliman, какъ написано правильно на картѣ Маллесона, обращенъ нашимъ авторомъ въ „Пухти-Сулиманъ или тронъ Соломона“ (132): на самомъ дѣлѣ эта вершина называется Тахти-Сулейманъ, что дѣйствительно значитъ „тронъ Соломона“, тогда какъ Пухти-Сулиманъ можетъ значить лишь „гора Соломона“.

Горный округъ Сиби или Сиви, или Сивистанъ (Sewestan на картѣ при Исторіи Авганистана Маллесона, къ которой всего ближе подходитъ карта при книжкѣ Симона), лежащій въ Сулеймановской горной системѣ, на юго-востокѣ, между горами Чапаръ и восточнымъ Сулеймановскимъ хребтомъ, по линіи между Дере-Гази-ханомъ и Пишиномъ, Ш. Симонъ неправильно называетъ Сеуестаномъ (Seouestan). Упоминая о томительно знойной температурѣ въ этомъ округѣ, онъ приводитъ стихи неназваннаго персидскаго поэта: „Боже, сотворившій Сеуестанъ, зачѣмъ ты создалъ адъ?“ (p. 20).

На самомъ дѣлѣ это не стихотвореніе, а пословица, гласящая: Боже, для чего было, послѣ сотворенія Сивистана, создавать адъ (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 35)?.

Г. Б—ичъ, во-первыхъ, обратилъ симоновскій Сеуестанъ въ Сэцестанъ и, во-вторыхъ, помѣстилъ его въ Сеистанъ, въ сосѣдство съ низовьями Хильменда и Хамуна, гдѣ будто бы находятся „Сэцестанская, Саистанская и др. пустыни“ (стр. 132 и 134). По его же замѣчанію, такъ какъ Гельмундъ „лежитъ поперекъ дороги Англичанъ изъ Кветты въ Кандагаръ, то какъ это обстоятельство, такъ и то что лѣвый, или южный, берегъ Гельмунда командуетъ надъ правымъ, составляютъ интересныя детали въ стратегическомъ отношеніи“. Въ дѣйствительности Хильмендъ не лежитъ между Кветтою и Кандахаромъ, а пересѣкаетъ дорогу отъ Кандахара въ Хератъ. Такъ и значится у Симона (p. 16), котораго авторъ нашъ, оказывается, не понялъ: „Лѣвый или южный берегъ Хельменда выше праваго или сѣвернаго: подробность, интересная съ стратегической точки зрѣнія, ибо Хельмендъ находится на дорогѣ между Кандахаромъ и Хератомъ, и англійская армія, которая направилась бы изъ Кветты въ этотъ послѣдній городъ (т. е. въ Хератъ), должна была бы перейти черезъ эту рѣку“.

Климатъ Авганистана, „смотря по широтамъ, или очень холодный, или очень теплый,—зима такъ же сурова какъ въ Сибири, лѣто такъ же знойно какъ въ Бенгаліи“ (133). Въ дѣйствительности, различія въ климатѣ разныхъ мѣстностей въ Авганистанѣ зависятъ, главнымъ образомъ, не отъ широтъ (вся страна лежитъ на протяженіи градусовъ восьми), а отъ высоты надъ уровнемъ моря: всѣхъ путешественниковъ, начиная съ султана Бабера,

---

History of Afghanistan by Malleson, служившей картѣ Симона источникомъ, значится правильно Tirband-i-Turkestan.

поражало различіе въ климатѣ и растительности между нижней и верхней частями долины Кабулъ-дарьи, хотя широта почти одинакова. Ссылка нашего автора (134), вслѣдъ за Симономъ (р. 18), въ доказательство знойности Авганистана, на температуру „въ окрестностяхъ Кея“, опредѣленную Ловеттомъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ 125° Фаренгейта, не достигаетъ цѣли, потому что Кеджъ (Ḵej), а не Кей, находится не въ Авганистанѣ, а въ Белучжистанѣ, градусахъ въ четырехъ южнѣе самыхъ южныхъ пунктовъ Авганистана, и притомъ невысоко надъ уровнемъ моря, которое находится верстахъ въ ста. Приравненіе суровости зимы къ сибирской есть, во всякомъ случаѣ, напрасное преувеличеніе. На сѣверѣ и югѣ страны „климатъ сухой и здоровый“: да, если не обращать вниманія на лихорадки балхскія, кундузскія, сеистанскія и вообще всѣхъ низкихъ долинъ, которыя губятъ европейцевъ, да не щадятъ и туземцевъ.

Гг. Симонъ и Б—ичъ повидимому не оцѣнили значенія для климата и производительности страны атмосферной влажности и условій ея распредѣленія, отъ которыхъ зависитъ растительность страны. „Сильная и многолѣтняя растительность встрѣчается лишь въ сѣверной половинѣ Авганистана, въ искусственно орошенныхъ долинахъ и по берегамъ рѣкъ“ (134). На самомъ дѣлѣ, благодаря вліянію достигающихъ частію сюда муссоновъ, склоны Хиндукуша, отчасти даже западнаго, особенно южные, богаты травами и деревьями, даже лѣсами, внѣ всякой зависимости отъ почти несуществующаго въ нихъ искусственнаго орошенія и отъ рѣкъ. Есть мѣстами, внѣ подобной зависимости, растительность и въ Сулеймановыхъ горахъ. Такъ хвалятъ растительность Хайсагара или Тахти-Сулеймана и увѣряютъ, что тутъ можно найти всѣ растенія и деревья, встрѣчающіяся въ другихъ странахъ (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, p. 48).

„Исключая лишь нѣкоторыя области юго-востока, почва всей страны родитъ изобильно рисъ, кукурузу, пшеницу, ячмень“. Если это вѣрно, то какимъ образомъ не хлѣбные продукты, а плоды составляютъ „главную пищу населенія въ теченіе года какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и въ сушеномъ“ (134)? Отвѣта у нашего автора не находимъ, но объясненіе заключается въ томъ, помимо недостатка во многихъ мѣстахъ воды, что „страна вообще весьма бѣдна почвою способною къ воздѣлыванію, такъ какъ огромныя ея пространства заняты или голыми скалами, или дресвою... Всякій лоскутъ удобный къ воздѣлыванію не остается втунѣ, такъ-что если Кабулистанъ славится своимъ плодородіемъ, обязанъ онъ этимъ не столько природѣ, сколько упорному труду человѣка“ (Григорьевъ „Кабулистанъ и Кафиристанъ“, стр. 371 и 372). Вмѣсто изобилія, производство хлѣбныхъ растеній столь не-

достаточно, что населеніе во многихъ мѣстностяхъ вынуждено, за неимѣніемъ хлѣба, питаться мукою изъ сушеныхъ ягодъ шелковицы и сырыми или сушеными плодами, которые причиняютъ кишечныя и желудочныя болѣзни.

Въ фаунѣ „высокихъ долинъ Гиндукуша" авторъ напрасно помѣстилъ „малорослыхъ львовъ" и пропустилъ тигровъ. На львовъ слухи указывали только въ горахъ около Кабула, но зоологи въ существованіи ихъ сомнѣваются. На тигра же охотился въ окрестностяхъ Пишавера султанъ Баберъ.

Къ скуднымъ свѣдѣніямъ изъ Симона о произведеніяхъ и минеральныхъ богатствахъ страны г. Б—ичъ добавилъ, изъ неуказанныхъ источниковъ, нѣсколько цыфръ объ оборотахъ внѣшней торговли Авганистана съ нашей Средней Азіей и Индіей, дѣлая изъ нихъ заключеніе, что размѣры первой во много разъ превышаютъ обороты послѣдней. Подобныя цыфры дѣйствительно встрѣчаются въ англійскихъ справочныхъ книжкахъ. Напр., въ Stanford's Compendium of Geography and Travels, Asia, vol. II, by A. H. Keane, London, 1896, p. 52, находимъ, что ввозъ въ Авганистанъ изъ Индіи (въ 1893 г.) оцѣнивался въ 68 т. фунтовъ стерлинговъ, и изъ русской Центральной Азіи и Бухары 394 т. ф. ст., а всего 462 т. ф. ст. Вывозъ въ Индію равнялся 34 т. ф. ст., въ русскую центральную Азію 398 т. ф. ст., а всего 432 т. ф. ст. Цыфры эти, однако, весьма сомнительны уже потому, что главными предметами вывоза изъ Авганистана въ русскія владѣнія и Бухару служатъ индійскій зеленый чай, кисея и индиго, которые провозятся чрезъ Авганистанъ и, безъ сомнѣнія, составляютъ главную часть его вывоза, въ цифрѣ котораго и значатся, но въ привозѣ изъ Индіи въ Авганистанъ почему-то не показываются. Въ виду этого предполагаемый г. Б—ичемъ громадный перевѣсъ оборотовъ бухарско-русской торговли съ Авганистаномъ надъ оборотами торговли Авганистана съ Индіей есть явная ошибка. Сверхъ того, г. Б—ичу осталось неизвѣстнымъ, что въ послѣдніе годы въ торговлѣ средней Азіи съ Индіею, въ которой Авганистанъ былъ лишь посредникомъ, совершились радикальныя перемѣны, совершенно видъ ея измѣняющія. Такъ уже съ начала девяностыхъ годовъ, избѣгая платежа пошлинъ въ Авганистанѣ и обращаясь къ болѣе дешевой морской перевозкѣ, чаи стали направляться въ среднюю Азію не сухимъ путемъ черезъ Авганистанъ, а моремъ чрезъ Персидскій заливъ въ Персію и чрезъ нее на Каспійское море и закаспійскую желѣзную дорогу. Съ 1895 г., со включеніемъ бухарскихъ и хивинскихъ владѣній въ русскую таможенную черту, торговля индійскимъ чаемъ и пр. черезъ Авганистанъ должна была еще сократиться, тѣмъ болѣе, что чай этотъ направился главнымъ образомъ даже не чрезъ Персію, а чрезъ Суэзскій каналъ, Батумъ и закаспійскую желѣзную дорогу. Въ результатѣ, по свѣдѣніямъ за 1895 г. („Вѣстникъ Финансовъ" и пр., 1897 г.,

№ 35, „О внѣшней торговлѣ Россіи по азіатской границѣ за 1895 г.“), привезено изъ Авганистана жизненныхъ припасовъ (подъ этой рубрикой значатся и чаи) на 577 т. р. и издѣлій (кисея и т. д.) 125 т. р., итого привозъ 702 т. р. (по прочимъ рубрикамъ въ источникѣ нашемъ свѣдѣній о привозѣ изъ Авганистана нѣтъ, но цыфры должны быть незначительны). Вывозъ въ Авганистанъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ опредѣленъ въ 38 т. р., животныхъ на 2 т. р. и издѣлій на 558 т. р., итого (безъ жизненныхъ припасовъ, о которыхъ цыфры для Авганистана въ нашемъ источникѣ нѣтъ) вывезено въ Авганистанъ на 598 т. р.

Торговля наша съ Авганистаномъ въ послѣдніе годы ведется почти исключительно чрезъ Авганскій Туркестанъ и Кабулъ. О положеніи ея на границѣ съ Хератской областью,— т. е. именно тамъ, гдѣ земли наши непосредственно примыкаютъ къ Авганистану, который въ другихъ мѣстностяхъ вездѣ отдѣленъ отъ насъ бухарскими землями, за исключеніемъ небольшого пространства на Памирахъ,—даютъ понятіе слѣдующія строки изъ „Обзора Закаспійской области за 1896 г.“ (стр. 147 и 148): „Торговыя сношенія съ Авганистаномъ были попрежнему стѣснены недружелюбными отношеніями къ намъ, подъ англійскимъ вліяніемъ, авганскихъ властей. Прямые пути въ Гератъ и далѣе внутрь страны были попрежнему закрыты для нашихъ торговцевъ, кромѣ туземцевъ. Въ виду этого торговля съ Авганистаномъ выразилась самыми скромными цыфрами и ведется исключительно по долинѣ Мургаба, через Пендинскую таможню, находящуюся въ сел. Тахта-Базаръ. Въ отчетномъ году, по свѣдѣніямъ Закаспійскаго таможеннаго округа, совсѣмъ не было вывоза отъ насъ въ Авганистанъ, а привозъ къ намъ авганскихъ товаровъ уменьшился противъ предшествующаго года, спустившись до цифры 104 т. р. *) (въ 1895 г. ввезено къ намъ на 183 т. р., а вывезено на 21 т. р.). Позволительно надѣяться, что съ проведеніемъ желѣзной дороги до границы Авганистана торговля наша съ этой страной получитъ должное оживленіе“. Сомнительно, чтобы эти надежды оправдались въ ближайшемъ будущемъ. Помимо „недружелюбныхъ отношеній къ намъ“, эмиръ Абдэррахманъ-ханъ, повидимому, вообще не любитъ желѣзныя дороги. Такъ, онъ до сихъ поръ „бойкотируетъ“, по выраженію маіора A. C. Yates, англійскую желѣзную дорогу, доведенную отъ Инда до Новаго Чемена и отдѣленную отъ Кандахара равниной, тогда какъ на прямомъ пути между кушкинской желѣзной дорогой и Хератомъ лежитъ нелегко проходимый горный хребетъ. Эмиръ запретилъ своимъ подданнымъ пользоваться англійской желѣзной дорогой и потому клади ихъ идутъ мимо Новаго Чемена на вьюкахъ. Очевидецъ, впро-

*) Скотъ, кожи и т. под., исключительно изъ округа Маймене, а не изъ Херата.

чемъ, увѣряетъ, что это запрещеніе, какъ и запретъ на вывозъ хлѣба, не исполняются на практикѣ, хотя за контрабанду полагается въ Авганистанѣ смертная казнь (The Scottish Geographical Magazine, 1898, March, Chaman, by Major Yates, p. 138).

Въ свѣдѣніяхъ нашихъ авторовъ о городахъ Авганистана прежде всего встрѣчаемся опять съ Абуль Фазлемъ: „По словамъ индусовъ, никто не можетъ считать себя господиномъ Индостана, если не обладаетъ Кабуломъ. Такъ говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (Ch. Simond, p. 77). „Не овладѣвъ Кабуломъ не будешь владѣть Индостаномъ, говорилъ въ XVI вѣкѣ секретарь Акбара Великаго“ (Б—ичъ, стр. 98). Если же справиться съ исторіей, то окажется, что наслѣдовавшій престолъ отца въ Дели въ 1556 году Экберъ двадцать пять лѣтъ властвовалъ въ Индостанѣ, не владѣя Кабуломъ, гдѣ сидѣлъ братъ его Мохаммедъ-Хакимъ; лишь около 1580 г. покушеніе послѣдняго захватить и Пенджабъ повело къ пораженію Мохаммедъ-Хакима и къ подчиненію Кабула Экберу, который оставилъ, впрочемъ, покорившагося брата правителемъ Кабула до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1586 году (History of Afghanistan, by Malleson, 1879, p. p. 181—190).

„Султаны и шахи, владыки Афганистана (географическаго), до созданія изъ него отдѣльнаго государства, нерѣдко, въ ущербъ Персіи, выбирали Кабулъ своею резиденціей“ (стр. 98). Спрашивается, какой же могъ быть ущербъ Персіи отъ нахожденія резиденціи владѣтелей Авганистана въ Кабулѣ? Оказывается, что г. Б—ичъ неправильно понялъ Симона, который говоритъ, что государи, властвовавшіе надъ Авганистаномъ ранѣе того времени, какъ авганскій старшина, скроилъ себѣ на востокѣ Персіи царство на ея счетъ (Симонъ разумѣлъ гильджійскаго Миръ-Вейса, возмутившагося противъ Персіи въ принадлежавшемъ ей въ то время Кандахарѣ и основавшаго независимое царство изъ персидскихъ земель), нерѣдко дѣлали изъ Кабула свое любимое мѣстопребываніе (p. 77).

Въ томъ, что Кабулъ есть „одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Азіи“ „легко убѣдиться... по существующимъ еще идоламъ Баміана которому въ IX вѣкѣ нашей вѣры принадлежали Кабулъ и Газни“ (стр. 99). Идолы Баміана никоимъ образомъ не доказываютъ древности Кабула. Г. Б—ичъ опять не понялъ Симона, по которому гигантскіе идолы Баміана доказываютъ древность Баміана, а не Кабула, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упоминаетъ, что въ IX вѣкѣ послѣ Р. Х. Кабулъ и Газна платили дань Баміану, и утверждаетъ, что время основанія Кабула „теряется во мракѣ временъ“ (p. p. 79, 80).

„Время и англичане почти разрушили его высокія стѣны и башни, но ремонтированный Бала-Гиссаръ можетъ быть и теперь грозенъ наступающему непріятелю“ (стр. 99). „Во 145 верстахъ къ югу отъ Кабула... располо-

женъ городъ Газни съ сильнѣйшей въ Афганистанѣ крѣпостію". „Цитадель Газни считалась неприступною до 1839 г., когда Англичане, правда, послѣ очень долгой осады, взяли ее; въ 1842 году Англичанамъ опять-таки стоило большихъ трудовъ овладѣть крѣпостію (осада длилась три мѣсяца) въ которой въ ту эпоху томились въ клоповникѣ всѣ офицеры 27 пѣхотнаго полка, взятые Афганцами въ плѣнъ. Англичане взорвали крѣпость, сожгли и разграбили Газни и изъ богатаго города обратили его въ развалины. Достъ-Магометъ возстановилъ крѣпость, а Ширъ-Али дополнилъ защиту города при помощи русскихъ инженеровъ научившихъ Афганцевъ строить блиндированные казематы" (стр. 101). Почти все это ошибочно или невѣрно, хотя и взято у Симона. Азіатскія крѣпости могутъ быть грозны лишь для азіатцевъ, при европейскомъ же противникѣ съ нынѣшней артиллеріей онѣ большею частію могутъ быть опасны лишь для своихъ гарнизоновъ. Бала-Гиссаръ, между прочимъ, замѣчателенъ тѣмъ, что и азіатскимъ врагамъ доставался обыкновенно безъ хлопотъ. Очень долгая осада Газны въ 1839 г. существовала только въ воображеніи Симона (р. 87) или его источника, если вымыселъ этотъ не принадлежитъ ему лично: подошедшій къ Газнѣ 21 іюля 1839 г. и неимѣвшій осадной артиллеріи отрядъ генерала Кина взялъ ее на разсвѣтѣ 23 іюля штурмомъ, удачно взорвавъ одни изъ городскихъ воротъ (History of the war in Afghanistan, by John Kaye, London, 1851, vol. I, p. p. 442—451). Въ 1842 году Газна была занята отрядомъ генерала Нотта, пришедшимъ наканунѣ, утромъ 6 сентября, такъ какъ оказалась оставленною гарнизономъ и жителями въ теченіе ночи; въ стѣнахъ опустѣвшаго города, состоявшаго изъ развалинъ, англичане нашли лишь нѣсколько индусовъ и нѣсколько сипаевъ 27 полка, бывшаго въ плѣну у авганцевъ послѣ сдачи англійскаго гарнизона цитадели 6 марта 1842 года; плѣнныхъ офицеровъ 27 полка въ Газнѣ не оказалось, потому что всѣ были отправлены въ Кабулъ заблаговременно; уходя изъ Газны къ Кабулу, генералъНоттъ велѣлъ взорвать стѣны города и цитадели, въ которой зданія были въ исправномъ видѣ (Kaye, vol. II, p. p. 602—606), но никакихъ дворцовъ не разрушено, потому что ихъ не было, если не считать губернаторскія помѣщенія въ цитадели (id., vol. I, p. 441), да и быть не могло, ибо газневидскіе дворцы и другія сооруженія были уничтожены около 1152 года гуридомъ Ала-эддиномъ, а затѣмъ городъ былъ еще разрушаемъ при нашествіи монголовъ (Tabakat-i-Nasiri, translated by major Raverty, London, 1881, p. p. 353, 1042 etc.), съ той же поры Газна не бывала уже столицею значительныхъ государствъ и не могла обзавестись замѣчательными зданіями. Слухи, которымъ повѣрилъ Симонъ (р. 88), относительно помощи русскихъ инженеровъ въ улучшеніи укрѣпленій Газны при Ширъ-Али (1863—1879 г.г.) и наученія ими

авганцевъ строить блиндированные казематы, были совершенно неосновательны: если бы въ нихъ была тѣнь правды, то въ 1878 году наши туркестанскіе отряды не оказались бы относительно путей по Авганистану и его населенія въ томъ невѣдѣніи, какое изображено въ цитированной выше запискѣ компетентнаго русскаго генерала.

Изъ Кандахара, по словамъ г. В—ича, вывозятъ, между прочимъ, „лошадей и джабусъ (пони)“ (стр. 101). Положимъ, у Симона значится (p. 91) „jabus (poneys)“, но все же странно, что г. В—ичу неизвѣстно, что это животное именуется не джабусъ, а ябу, въ англійской транскрипціи yabu. Невѣдомо почему, г. В—ичъ священнымъ долгомъ считаетъ англійскій знакъ множественнаго числа, букву s, воспроизводить въ русской транскрипціи, результатомъ чего явились диковинные джабусъ и разныя племена и народности: дуранисы или дураниссы, вмѣсто дурани или дураніи, афридиссы вмѣсто африди или африділ и т. д. Не постигаю, почему онъ не пишетъ, уже за одно, понисы, вмѣсто пони, момандсы (momands), вмѣсто моменды, и т. д.

Повторяя, вслѣдъ за Симономъ, преувеличенія и ошибки разныхъ публицистовъ, авторъ нашъ утверждаетъ, что округъ Херата „можетъ не медля дать весь необходимый провіантъ и перевозочныя средства для стотысячной арміи“; что Хератъ—„точка опоры занявъ которую можно весь міръ перевернуть“; что „овладѣвъ Гератомъ Россія не только пошатнетъ весь Востокъ до Калькутты и Бомбея, но и до крайнихъ предѣловъ Азіи“; что „если Гератъ попадаетъ въ руки русскихъ..., то въ Индостанѣ не окажется базара на которомъ не будетъ объявлено главенство русскихъ вмѣстѣ съ паденіемъ англійской власти“ и т. д. (стр. 102—104, а у Симона p. p. 93—95). Долина Херируда дѣйствительно плодородна, но избытка хлѣба не производитъ за неимѣніемъ сбыта; можетъ быть она и дастъ, *) при постоянномъ спросѣ, достаточное для стотысячной арміи количество провіанта (однако, не перевозочныхъ средствъ), но для такого огромнаго увеличенія производства потребуются года, въ продолженіе которыхъ значительная армія не можетъ разсчитывать на продовольствіе изъ мѣстныхъ продуктовъ. Во время осады Херата въ 1838 году персидская армія въ 20—30 т. человѣкъ находилась временами въ критическомъ положеніи вслѣдствіе недостатка продовольствія которое доставлялось съ большимъ трудомъ и проволочками съ большихъ разстояній изъ персидскихъ предѣловъ („Осада города Герата“, подп. Бларам-

*) Если хватитъ воды для орошенія дополнительныхъ новыхъ посѣвовъ. Но это весьма сомнительно, потому что вода Херируда, во время полива, разбирается до капли почти и теперь, отчего въ наши предѣлы воды его въ это время не достигаютъ.

берга, въ „Сборникѣ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 16, стр. 12 и др.). Въ виду этого, мнѣніе г. Лебедева („Въ Индію“, Спб., 1898 г., глава VII) о томъ, что продовольствіе и перевозочныя средства завоевательной арміи должны быть почти полностью обезпечены изъ русскихъ и персидскихъ предѣловъ, совершенно правильно. Согласятся съ нимъ всѣ свѣдущіе люди, не ослѣпляемые обманчивыми фантазіями, и относительно неосновательности „мнѣнія, что стоитъ появиться на границѣ Индіи (не въ Хератѣ только) одному нашему корпусу, какъ военное могущество англичанъ будетъ сломлено возставшими народами этой страны“ (тамъ же, стр. 39 и 40). Только для того, чтобы добраться до Инда, счастливо одолѣвъ сопротивленіе противника и обезпечивая сообщенія, необходимы, по его разсчетамъ, можетъ быть даже слишкомъ оптимистичнымъ, 230 т. ч. и три кампаніи, т. е. два-три года. Дѣйствія за Индомъ едва затронуты г. Лебедевымъ, по недостаточности, мнѣ кажется, матеріаловъ, но, конечно, потребуютъ значительныхъ добавокъ войскъ и затратъ новыхъ сотенъ милліоновъ. Наши мечтатели полагаютъ, „что когда русская армія продвинется къ сторонѣ р. Инда на столько, что англичане сознаютъ опасность, то сіи послѣдніе немедленно предложатъ условія мира, который и будетъ заключенъ“: „за обезпеченіе владѣнія англичанъ въ Индіи, что вполнѣ зависитъ отъ Россіи, эта послѣдняя держава вправѣ требовать обезпеченія владѣнія Чернымъ моремъ“ („Страница изъ исторіи восточнаго вопроса“, 1885 г., стр. 1410 и 1411), и конечно очень, очень многаго другого. Надо, однако, не знать характера англійскаго народа, который ясенъ изъ его исторіи, чтобы допустить возможность заключенія мира, оставляющаго сохраненіе обладанія Индіею въ зависимости отъ иностранной державы, утвердившейся въ Авганистанѣ или на Индѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что Англія вела многіе годы борьбу съ силами всей Европы и, благодаря власти на моряхъ, вышла изъ нея непобѣжденной.

По увѣренію г. Б—ича, англійскіе инженеры „пытались обратить Гератъ въ современную крѣпость“, но эмиръ отказался отъ ихъ услугъ (стр. 103). Видимо неимѣющій точныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи укрѣпленій Херата и полагающій, что гарнизонъ состоитъ изъ 7 т. ч., при 72 орудіяхъ, г. Лебедевъ думаетъ, что нашему отряду въ 50 т. ч. „будетъ вполнѣ достаточно 4—5 недѣль для того, чтобы водрузить русскій флагъ на стѣнахъ Герата“, англійскія же войска во всякомъ случаѣ не успѣютъ прійти на выручку (стр. 67—69). Но, во-первыхъ, весьма мало вѣроятно, что укрѣпленія Херата оставлены въ состояніи, недозволяющемъ болѣе или менѣе продолжительной обороны, и во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы англичане безучастно смотрѣли на скопленіе войскъ и приготовленія въ закаспійской

области и дождались объявленія войны, не усиливъ заблаговременно гарнизонъ Херата и не двинувъ войскъ для его поддержки,—если, конечно, англійское правительство не остановится окончательно на такомъ планѣ войны, который сосредоточитъ ее на оборонѣ Сулеймановыхъ горъ, предоставивъ русскимъ войскамъ отдаляться отъ своей базы въ враждебной и неимѣющей средствъ продовольствія странѣ до англійскихъ позицій.

Разумѣется, на шести страницахъ (131—136, сверхъ того описаніе городовъ на стр. 98—103) трудно дать обстоятельный географическій очеркъ Авганистана, но можно сдѣлать его весьма мало удовлетворительнымъ, если излагать орографію страны, вмѣсто геологическихъ основъ, съ псевдо-стратегической точки зрѣнія; если утверждать, что климатъ горной страны зависитъ главнымъ образомъ отъ широтъ, а не отъ высотъ надъ уровнемъ моря; если упустить изъ вида значеніе для растительности, животнаго царства и вообще производительности страны количества атмосферной влажности и ея распредѣленія; если сохранить ошибки своихъ источниковъ и надѣлать новыя, и т. д.

Перейдемъ теперь къ этнографической части труда г. Б—ича.

IV. Населеніе Авганистана.

„Нынѣ почти доказано..., что первоначально Афганцы занимали высокія долины расположенныя между Индомъ, Аму-Дарьей и Кабулъ-Дарьей“ (стр. 139). Симонъ не столь категориченъ. Онъ признаетъ неосновательными легенды объ еврейскомъ происхожденіи авгановъ (какъ и г. Б—ичъ, за нимъ) и считаетъ первоначальное обитаніе ихъ въ высокихъ долинахъ и т. д. лишь болѣе вѣроятнымъ (p. 104). Однако, это предположеніе всего менѣе вѣроятно, потому что не имѣетъ за себя ничего, противнаго же не мало. Такъ, аборигенами Хиндукуша были уцѣлѣвшія отчасти въ Кафиристанѣ племена неизвѣстной расы съ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ авганскимъ и вообще арійскими (The Kafirs of the Hindu-Kush, by sir George Scott Robertson, London, 1896, p. p. 78, 157 etc.). Эти аборигены были покорены и большею частію истреблены племенами индійскаго происхожденія, извѣстными со времени появленія мусульманства подъ именемъ кафировъ. Подтверждается историческими данными и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи авганы появились недавно, именно въ бассейнѣ Пянджкоры, Свата и Кунара лишь въ XV вѣкѣ, а выше по Кабулъ-дарьѣ на столѣтіе или полтора ранѣе. Вездѣ на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи авганы встрѣчали язычниковъ, кафировъ, на востокѣ индійскаго, на западѣ иранскаго происхожденія.

Существованіе авгановъ впервые „исторически засвидѣтельствовано въ

восьмомъ столѣтіи нашей эры, въ эпоху когда они утвердились въ окрестностяхъ Гора, въ центрѣ нынѣшняго Авганистана. Мусульманское нашествіе поглотило ихъ и силою массами обратило въ исламъ“ (стр. 139, у Симона p. 104). Основанія этихъ утвержденій не указаны, но заключаются они въ басняхъ и вымыслахъ авганскихъ писателей XVI—XVIII столѣтій, которыя не подтверждаются или опровергаются свидѣтельствами болѣе раннихъ и достовѣрныхъ историковъ. Населеніе Гура, т. е. бассейна верховьевъ Херируда и бассейновъ вершинъ Хильменда и другихъ сѣверныхъ притоковъ озера Хамуна или Заре, было отнюдь не авганскимъ, а таджикско-иранскимъ, въ смѣси, вѣроятно, съ предшествовавшими аборигенами не-арійскаго происхожденія. Въ настоящее время потомствомъ гурійцевъ являются отчасти хезаре и аймаки, образовавшіеся изъ смѣшенія гурійцевъ и другихъ мѣстныхъ народовъ съ тюрками и монголами, водворившимися въ странѣ въ XIII вѣкѣ и позднѣе, и говорящіе теперь большею частію персидскимъ языкомъ, заимствованнымъ у гурійцевъ. Обращеніе населенія Гура въ VIII вѣкѣ массами въ исламъ опровергается свидѣтельствами арабскихъ географовъ X вѣка Истахри и Ибнъ-Хаукала о томъ, что населеніе Гура пребывало въ ихъ время въ большинствѣ въ язычествѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ Отби, писатель начала XI вѣка, который описываетъ покореніе Гура газневидами. Этотъ Отби есть первый пока историкъ, знающій авгановъ. Онъ упоминаетъ ихъ, на юго-востокѣ отъ Кабула, обитающими въ трудно доступныхъ горахъ. Еще опредѣленнѣе выясняетъ обитаніе авгановъ въ Сулеймановыхъ горахъ, которыя, безъ сомнѣнія, и были ихъ кореннымъ гнѣздомъ, современникъ Отби Альбируни: „Въ горахъ, которыя образуютъ западную границу Индіи, обитаютъ разныя племена авганскія, простираясь до долины Синда“.

Какой расѣ или семейству народовъ принадлежатъ авганы, Симонъ и г. Б—ичъ умалчиваютъ, о языкѣ же говорятъ, что „корни афганскаго языка, пухту, или пушту, находятся въ персидскомъ, санскритскомъ, арабскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, но громадное количество словъ пушту не имѣетъ источника“ (стр. 139, p. 105) *). Симонъ пользовался столь устарѣлыми источниками, что не зналъ, что еще во второй и третьей четвертяхъ настоящаго вѣка существованіе въ авганскомъ языкѣ древне-еврейскихъ (впрочемъ, у Симона сказано просто „еврейскихъ“, а не „древне-еврейскихъ“, какъ у г. Б-ича) корней лингвистами отвергнуто вмѣстѣ съ существованіемъ самобытныхъ корней и словъ, признанныхъ, во всякомъ случаѣ, арійскими. Шелъ

*) Въ примѣчаніи на стр. 139 г. Б-ичъ писалъ: «Какъ увидимъ дальше, при дворѣ эмира, въ высшемъ афганскомъ обществѣ и въ дипломатическихъ перепискахъ употребляется исключительно персидскій языкъ». Это обѣщаніе авторъ нашъ потомъ забылъ, потому что дальше по этому предмету ничего нѣтъ.

споръ только о принадлежности пушту къ языкамъ иранскимъ или къ языкамъ индійскимъ. Споръ этотъ новѣйшимъ изслѣдователемъ авганскаго языка Дармстетеромъ рѣшенъ, кажется окончательно, въ пользу иранскихъ. Авганскій языкъ „происходитъ отъ зендскаго или отъ діалекта, очень похожаго на зендскій“ (Chants populaires des Afghans recueillis par James Darmesteter, Paris, 1888—1890, Introduction, p. LXII).

Авганы „раздѣляются на пять племенъ подраздѣленныхъ на массу классовъ“ (стр. 138). У Симона: „Они дѣлятся на пять племенъ (tribus), подраздѣляющихся на 405 хейлей или клановъ“ (p. 103). Отсюда ясно, что подраздѣленія племенъ на классы вмѣсто клановъ есть у г. Б-ича описка или опечатка, подобно тому, какъ у Нила Бронского, въ № 245 „Мировыхъ Отголосковъ“, „Афридисы“ „раздѣляются на пять классовъ“ вмѣсто клановъ, хотя пять авганскихъ племенъ дѣлятся у него „на 405 хайловъ или клановъ“. Ни Симонъ, ни г. Б-ичъ не приводятъ именъ пяти племенъ и ничего о нихъ и ихъ происхожденіи не говорятъ, за исключеніемъ племени „караланай, которое зоветъ себя патанами, чтобы отличить себя отъ остальныхъ четырехъ“ (p. 104). Все это не совсѣмъ вѣрно. Источникомъ свѣдѣній Симона о дѣленіяхъ авганъ на племена и хейли долженъ былъ быть,—хотя чрезъ неизвѣстныхъ посредниковъ въ лицѣ компиляторовъ, которыми пользовался Симонъ,—никто иной, какъ Белью, ибо только у него впервые появилась общая цыфра 405 хейлей. Между тѣмъ, по Белью, основывавшемуся на семи рукописяхъ, содержавшихъ сказанія о происхожденіи и исторіи авганъ, авганы дѣлятся на три вѣтви, происходящія отъ трехъ сыновей Каиса, потомка царя Саула; въ этихъ трехъ вѣтвяхъ или группахъ авганскихъ племенъ считается 277 хейлей; остальные (изъ общей цыфры 405) 128 хейлей принадлежатъ особой группѣ племенъ, которыя отвергаютъ для себя именованіе авгановъ, называются пухтунами или пуштунами и производятъ себя отъ нѣкоего Каррани или Каралани; къ ней принадлежатъ племена везири, африди, оракзи, ходжіани, хаттакъ и пр. (Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857 etc., by H. W. Bellew, London, 1862, p. p. 57—64). Патанами караланайцы или, правильнѣе по Раверти, керларни себя не называютъ, а зовутъ ихъ такъ индійцы, передѣлавъ имя пухтунъ, которое, впрочемъ, въ древности могло имѣть форму пахтанъ. Во всякомъ случаѣ, патанами индійцы зовутъ не однихъ керларніевъ, занимающихъ только сѣверную половину Сулеймановыхъ горъ, а всѣхъ авгановъ. Это указываетъ на то, что въ древности народнымъ именемъ было пухтунъ, а не авганъ. Имя авганъ—новое, неизвѣстнаго происхожденія. Такъ какъ въ авганскомъ языкѣ нѣтъ буквы ф, то произносится оно авганъ, а не афганъ, какъ говорится и пишется по-персидски. Хезарейцы говорятъ, по Личу, avghoon. За-

падно-европейскіе авторы почти всѣ пишутъ афганъ, Афганистанъ, у насъ же иные, какъ В. В. Григорьевъ, слѣдуютъ ихъ примѣру, но многіе, съ Н. В. Ханыковымъ, предпочитаютъ авганъ, правильно полагая, что этническія, географическія и пр. собственныя имена должны быть употребляемы согласно съ мѣстнымъ ихъ произношеніемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ своемъ языкѣ уже вѣками утвердилось другое. Кстати здѣсь замѣтить, что имена многихъ авганскихъ племенъ и ихъ дѣленій образованы изъ личнаго имени съ приставкою зай, значущею „сынъ", напр. Юсуф-зай, Орак-зай и т. д.; одного, отдѣльнаго члена племени правильно поэтому называть юсуфзай и т. д., но во множественномъ числѣ и цѣлое племя слѣдуетъ, какъ выяснилъ Раверти, именовать юсуфзи, оракзи и т. д., сообразно формѣ множественнаго числа въ авганскомъ языкѣ (The Afghans Waziris, by major Raverty въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1895, January, p. 153). По-русски слѣдовало бы пользоваться этой правильной формой, дающей возможность образованія множественнаго числа съ русскимъ окончаніемъ: юсуфзи, юсуфзіи, оракзи, оракзіи и т. д.

Свѣдѣнія о современныхъ авганскихъ племенахъ и ихъ дѣленіяхъ довольно обильны, такъ что Эл. Реклю справедливо находилъ, что, несмотря на противорѣчивость этихъ свѣдѣній, попытка общей классификаціи племенъ возможна («Всеобщая географія», томъ IX, стр. 51, Спб., 1887 г., изд. Ильина). Разумѣется, такая классификація должна быть основана на происхожденіи племенъ и съ своей стороны должна способствовать выясненію этого происхожденія. Наиболѣе успѣшныхъ попытокъ въ этомъ направленіи слѣдовало бы ожидать отъ такихъ изслѣдователей, которые, какъ Массонъ, Раверти, Белью, долго жили въ Авганистанѣ или имѣли съ авганами многолѣтнія столкновенія, занимаясь изученіемъ языка, быта, этнографіи и исторіи авгановъ. Надежды эти пока не оправдались. Массонъ ограничился нелишенными интереса, но изложенными бездоказательно предположеніями о томъ, что дураніи, по истинному своему имени абдалли, походящему на хефталъ, ефталъ, есть, быть можетъ, потомки ефталитовъ или бѣлыхъ хунновъ; хильджіи—тюркское племя халаджъ; юсуфзіи, быть можетъ, происходятъ отъ раджпутскихъ племенъ Индіи или, подобно имъ, суть потомки юечжей; везири и вообще племена Сулеймановыхъ горъ могутъ быть,—скорѣе, чѣмъ остальныя авганскія племена,—почитаемы истиннымъ корнемъ авганской расы, существующія же генеалогіи и сказанія, приписывающія авганамъ происхожденіе отъ еврейскихъ царей и патріарховъ, есть лишь результатъ народнаго тщеславія и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc., by Ch. Masson, London, 1842, vol. I, Preface, p.p. XII—XIV). Маіоръ Раверти, большой знатокъ языка, литературы и исторіи авгановъ, многіе годы уже собирается издать результаты своихъ изслѣдованій о происхожденіи, племенахъ и исторіи авгановъ, но къ сожалѣнію намѣреніе это еще не исполнено. Имѣвшій нѣсколько случаевъ про-

должительнаго пребыванія въ Авганистанѣ и служившій долго на его индійскихъ границахъ, трудолюбивый докторъ Белью успѣлъ незадолго передъ смертью издать интересное изслѣдованіе по этнологіи Авганистана—An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891, 208 стр., in—8°.

Въ предварительныхъ замѣткахъ по поводу этого труда, помѣщенныхъ въ The Imperial and Asiatic Quarterly Review (October, 1891, p. 267), Белью говоритъ, что «нелѣпыя этимологіи и безсмысленныя сказанія мусульманскихъ генеалоговъ, придуманныя для объясненія носимыхъ разными патанскими племенами именъ, вытѣснили преданія, прежде ходившія въ народѣ. Но къ счастію собственныя имена рѣдко извращены до неузнаваемости, по крайней мѣрѣ имена наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе извѣстныхъ племенъ; хотя мусульманскія передѣлки иногда совершенно вытѣснили коренныя имена, но старыя имена иногда употребляются совмѣстно, какъ второстепенныя названія, или сохранены въ именахъ сосѣднихъ племенъ. Родовыя преданія, хотя и сильно извращенныя мусульманскимъ вліяніемъ, большею частію удерживаютъ однако слабые слѣды или туманныя черты оригинала». Въ An Inquiry Белью привелъ имена народовъ и племенъ, упоминаемыхъ на пространствѣ нынѣшняго Авганистана древними классическими писателями: Геродотомъ, историками Александра Македонскаго, Страбономъ, Плиніемъ, Птолемеемъ и пр., и нашелъ, что не только обитавшіе въ предѣлахъ Авганистана, но и большая часть другихъ народовъ и племенъ геродотовскихъ временъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Авганистаномъ въ Иранѣ, Сиріи, Малой Азіи и даже Греціи, имѣютъ представителей въ лицѣ нынѣшнихъ авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей. Такъ, народы второй персидской сатрапіи Геродота, мизійцевъ, лидійцевъ, кабаловъ, хигеннійцевъ онъ узнаетъ въ нынѣшнихъ авганскихъ племенахъ и вѣтвяхъ муса (-хейль), лоди, кабулъ (-хейль) и хугани. Саттагиды, дадики и апариты седьмой сатрапіи оказываются авганскими хаттаками, дади и афридіями. Сагартійцы, заранги или дранги и утійцы четырнадцатой сатрапіи уцѣлѣли въ лицѣ сахари (вѣтвь хаттаковъ), дураніевъ и отманъ-хейлей, причемъ между прочимъ Белью не даетъ никакихъ объясненій по поводу того факта, что дураніи до Ахметъ-шаха носили имя абдалліевъ и что имя дураніевъ далъ имъ именно этотъ государь, въ связи съ принятымъ имъ титуломъ дури-дуранъ. Часто встрѣчающіяся вѣтви авганскихъ племенъ юнусъ, али и ака суть греческія племена іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ. Всѣ племена, на которыя дѣлились по Геродоту персы въ ихъ отечествѣ, а именно маспіои, марафои, германои, пантіалои, дерузіи, дааи, дропикои и сагартои, найдены нашимъ ученымъ въ Авганистанѣ: юсуфзіи, мару, рѣка Курамъ, урочище Пандіали, въ странѣ мохмендовъ, по которому носитъ свое имя одна изъ вѣтвей этого племени, племя дерези или дерзай на востокѣ отъ Херата (можетъ быть вѣтвь ливанскихъ друзовъ), дахи (племя хезарейцевъ), дерби, раджпутскій родъ, или дербеки, небольшой родъ между аймаками, сагери или сехри у хаттаковъ. Дѣлая эти идентификаціи, Белью вмѣстѣ съ тѣмъ отождествляетъ тѣ же частію имена и множество другихъ съ именами родовъ раджпутскихъ и кастъ и ихъ

подраздѣленій индусскихъ. По пути Белью приводитъ дѣленія авганскихъ племенъ съ указаніемъ ихъ мѣстообитанія, а иногда и численности, а также нѣкоторыя генеалогическія сказанія, къ сожалѣнію слишкомъ кратко, безъ указанія источниковъ и варіантовъ. Никакихъ общихъ выводовъ и какой либо теоріи происхожденія авгановъ и ихъ племенъ Белью не далъ. Онъ желалъ помѣстить въ своемъ трудѣ собранныя во время путешествій и столкновеній съ народностями Авганистана факты и замѣтки, относящіяся къ этнологіи страны. Признавая свои замѣтки отрывочными и недостаточными, Белью все же надѣялся, что собранные имъ факты и нѣкоторыя указанія могутъ быть не безполезны для позднѣйшихъ изслѣдователей, обладающихъ больше, чѣмъ онъ, нужными знаніями по исторіи Востока и большими методологическими способностями (p.p. 37, 53 и др.).

Всѣ отождествленія именъ авганскихъ племенъ и вѣтвей съ именами народовъ, обитавшихъ и въ древности внѣ предѣловъ Авганистана, не могутъ быть признаны правильными, такъ какъ основаны лишь на весьма дальнемъ сходствѣ нѣкоторыхъ звуковъ и ничѣмъ болѣе не подкрѣпляются, тогда какъ происхожденіе авганскихъ племенъ и ихъ вѣтвей отъ ничтожнаго числа іонійцевъ, эолійцевъ, ахейцевъ, лидійцевъ, отъ разныхъ народовъ Малой Азіи (между прочимъ киликійцевъ, которыхъ Белью отождествляетъ съ гильджіями, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднихъ за тюркское племя), Персіи и т. д. рѣшительно невѣроятно. Нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, отождествленія народовъ, въ древности жившихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Авганистана, напр. апаритовъ съ афридіями, могутъ быть приняты въ соображеніе, но большинство и такихъ идентификацій не можетъ быть признано достовѣрнымъ и даже сколько нибудь вѣроятнымъ, напримѣръ, отождествленіе юсуфзіевъ съ аспіями, обитавшими около нижняго теченія Кабулъ-дарьи, потому что звуковое сходство слишкомъ отдаленно, и притомъ же мы знаемъ, что юсуфзіи прибыли на Кабулъ-дарью лишь въ XV вѣкѣ, а потому Белью долженъ былъ прибѣгнуть къ мало вѣроятному предположенію, что аспіи уходили за Кандахаръ и оттуда вновь попали на Кабулъ-дарью подъ именемъ уже юсуфзіевъ. Отождествленія нѣкоторыхъ раджпутскихъ и индійскихъ племенныхъ, родовыхъ и кастовыхъ именъ съ именами авганскихъ племенъ и вѣтвей могутъ быть приняты во вниманіе, подкрѣпляя давно сдѣланное общее предположеніе о значительной примѣси къ кореннымъ авганамъ племенъ сосѣдней Индіи. Но если бы можно было допустить правильность всѣхъ идентификацій Белью, не исключая греческихъ, малоазійскихъ и персидскихъ, все же это нисколько не объяснило бы происхожденія авганскаго народа, ибо осталось бы неизвѣстнымъ: какимъ образомъ и откуда взялись весьма отличные отъ языковъ, типовъ, характеровъ и проч. всѣхъ отождествленныхъ съ его племенами и вѣтвями древнихъ народовъ Греціи, Малой Азіи, Персіи и Индіи авганскій языкъ, авганскій антропологическій типъ, авганскій народный характеръ, авганскій бытъ и обычаи, все тождественные у авганскихъ племенъ и вѣтвей, производимыхъ отъ народовъ и племенъ различныхъ языковъ, типовъ, нравовъ и характеровъ.

Происхожденіе авганскаго народа и его племенъ объяснить невозможно, не допустивъ первоначальнаго существованія особаго иранскаго племени на границѣ между Ираномъ и Индіею, которое, выработавъ основныя черты авганскаго языка, типа и характера, распространилось изъ этого первобытнаго гнѣзда, принимая постепенно въ свой составъ, въ качествѣ племенъ и вѣтвей, части сосѣднихъ и пришлыхъ народовъ и племенъ и объавганивая ихъ, т. е. надѣляя ихъ вмѣстѣ съ частицами своей крови чертами своего типа, своими языкомъ, народнымъ характеромъ и бытомъ.

Если принять въ должное соображеніе тотъ основной фактъ авганской жизни и исторіи, что народъ этотъ находится на извѣстной ступени развитія человѣческихъ обществъ, которая именуется родовымъ бытомъ, сохранивъ до сихъ поръ въ значительной степени скотоводческій и кочевой образъ жизни; если изучать народныя авганскія генеалогическія сказанія, принимая во вниманіе свойственныя имъ,—какъ подмѣчено въ такихъ же сказаніяхъ другихъ народовъ, пребывающихъ въ родовомъ и кочевомъ бытѣ,—особенности, дающія указанія на постороннія примѣси, вошедшія въ составъ племенъ или образовавшія въ составѣ народности особыя племена; если, наконецъ, воспользоваться различными, относящимися къ выясненію происхожденія авганской народности и ея дѣленій историческими и другими данными, то можно прійти къ слѣдующимъ, весьма вѣроятнымъ, заключеніямъ: Корнемъ авганскаго народа были к е р л а р н і и, именующіе себя понынѣ пухтунами, подъ какимъ именемъ они были уже извѣстны Геродоту (пактіи), китайскимъ историкамъ около Р. Х. (пу-ту или пу-ду) и индійцамъ съ древнѣйшихъ временъ (патанъ), обитая уже, въ качествѣ одной изъ восточныхъ вѣтвей иранскихъ народовъ, на границѣ съ индо-арійцами, въ сѣверной половинѣ Сулеймановыхъ горъ. Въ Сулеймановыхъ же горахъ жили, главнымъ образомъ, авганы и во время принятія мусульманства, такъ какъ въ Меккѣ именуются они понынѣ не авганами, а сулейманіями.—Остальныя три группы авганскихъ племенъ произошли отъ выселившихся изъ сѣверной половины Сулеймановыхъ горъ пухтунскихъ отраслей, смѣшавшихся на новыхъ мѣстахъ съ различными народностями или принявшихъ въ свой составъ крупныя инородныя массы въ качествѣ особыхъ племенъ. Древнѣйшимъ такимъ отвѣтвленіемъ была группа племенъ г а р г а ш т ъ, главное племя которой (какеры) считаетъ нынѣ не менѣе 200 т. д.; эта группа занимаетъ южную половину Сулеймановыхъ горъ и должна была получить здѣсь густую примѣсь брахуи и белучжей.—Вторая, выселившаяся, вѣроятно, частію изъ вѣтвей керларніевъ, частію изъ родовъ гаргаштовъ, на юго-западъ отъ Сулеймановыхъ горъ, была группа с а р б а н і й с к а я; къ ней принадлежитъ союзъ или вѣтвь каши или кахи, въ которой первое мѣсто занимаетъ племя юсуфзи; эта вѣтвь каши въ XIII или XIV вѣкѣ передвинулась на сѣверо-востокъ къ Кабулу и отсюда въ XV столѣтіи перешла въ

низовья Кабулъ-Дарьи, занявъ лѣвый ея берегъ. Другому племени той же группы, абдалліямъ, вышедшимъ, можетъ быть раньше юсуфзіевъ, съ юга Сулеймановыхъ горъ (небольшое племя той же сарбанійской группы китранъ является и нынѣ самымъ юго-восточнымъ авганскимъ племенемъ), суждено было, благодаря отчасти одному изъ его родоначальниковъ Ахмедъ-шаху. стать съ половины XVIII вѣка во главѣ авганскихъ племенъ и дать двѣ династіи, изъ которыхъ вторая продолжаетъ и теперь, съ 1818 г., властвовать въ Авганистанѣ; абдалліи, переименованные Ахмедъ-ханомъ въ дураніевъ, занимаютъ юго-западную окраину Авганистана отъ Кандахара къ Херату.—Послѣдняя группа авганскихъ племенъ производится отъ третьяго сына Каиса Бетени, но изъ 77 ея хейлей только 25 считаются потомствомъ сыновей Бетенія, остальные же признаются происходящими отъ дочери его, вступившей въ связь съ нашедшимъ у Бетенія убѣжище царевичемъ владѣтельной фамиліи Гура, изгнаннымъ изъ своего отечества. Такъ какъ она вступила съ нимъ потомъ въ бракъ, то зачатый до брака сынъ ея получилъ имя Гильзай (зай—сынъ, гель—грѣхъ, преступленіе, воровство), отъ второго же, уже законнаго, сына ведутся роды лоди и суръ. Отъ Гильзая происходитъ племя гильзай, гильджи, хильджи. Патріархально-родовой бытъ зиждется на кровномъ родствѣ членовъ рода по мужскимъ только линіямъ, вслѣдствіе чего потомство дочерей отъ чужеродцевъ не можетъ, строго говоря, причисляться къ роду матери, а принадлежитъ роду отца. Но въ дѣйствительности, по разнымъ случайностямъ, въ составъ племенъ и родовъ попадаютъ иноплеменники и инородцы, иногда производящіе многочисленное потомство, которое образуетъ цѣлые роды и племена. Эти пришельцы, по необходимости, включаются въ генеалогіи, но не какъ родные сыновья, а въ качествѣ пріемышей, дѣтей дочерей и т. п. Въ данномъ случаѣ хильджіи, лоди и суръ самими генеалогическими сказаніями указываются какъ племена не авганскаго, чуждаго происхожденія, но объавганившіяся и примкнувшія къ племенамъ авганской группы Бетени. Хильджія есть несомнѣнно объавганившееся тюркское племя хальджъ или халаджъ, которое еще въ X вѣкѣ Истахри и Ибнъ-Хаукалъ описывали сохраняющимъ свои тюркскіе языкъ и обычаи, а Отби упоминаетъ рядомъ съ авганами. Въ началѣ XVI вѣка султанъ Баберъ считаетъ уже гельджіевъ авганскимъ племенемъ, стало быть къ его времени они успѣли объавганиться. Что касается лоди и суръ, то весьма вѣроятно, что и эти небольшія племена были чуждаго происхожденія, родство же ихъ съ хальджами вѣроятно есть лишь вымыселъ авганскихъ писателей—патріотовъ XVI и XVII столѣтій, желавшихъ поставить въ небывалыя родственныя отношенія, по общему происхожденію отъ мифическаго гурійскаго царевича,

властвовавшія въ Дели династіи авантюристовъ изъ хильджіевъ (1288–1321 г.г.), лоди (1450—1517 г.г.) и суръ (1538—1556 г.г.) *).

По Симону и за нимъ по г. Б-ичу, „важнѣйшими кланами являются Дураниссы, Гильзаи (Гильзаисы), Турисы, Шинварисы, Момаиды, Афридисы и Оракзаисы“ (стр. 142). Неизвѣстно почему, ни Симонъ, ни г. Б-ичъ совершенно не упоминаютъ юсуфзіевъ, тогда какъ уже въ XV вѣкѣ они выставляли „сто тысячъ копьеносцевъ“, да и теперь въ сложности могутъ выставить не менѣе, численность же ихъ нынѣ во всякомъ случаѣ не менѣе 500 т. д., а земли—самыя плодородныя и богатыя изъ всѣхъ земель авганскихъ. Нилъ Бронской, именовавшій юсуфзіевъ сватисами, могъ писать: „О сватисахъ „Мировые Отголоски“ довольно говорили въ дни рѣзни на Малакандъпассѣ, а потому я останавливаюсь на прочихъ“. Но въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о сватисахъ никто не писалъ, а потому приходилось дать объ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія автору помѣщаемой въ немъ статьи. Ничего также не говорится о такихъ большихъ племенахъ, какъ какеры и везири; между тѣмъ численность послѣднихъ Раверти, нѣсколько преувеличивая кажется, полагаетъ въ 100 тысячъ семей.

Численность керларніевъ и дураніевъ авторы наши опредѣляютъ по 1 м. д. „Самыми близкими сосѣдями послѣднихъ являются Гильзаи, значительно уступающіе Дураниссамъ численностью (ихъ 250.000), но имѣющіе въ странѣ значительное вліяніе, благодаря тому, что чрезъ нихъ ведутся всѣ торговыя сношенія Индіи съ Центральною Азіею“ (стр. 143, р. 108). „Ch. Simond говоритъ что „торговые вкусы Гильзаевъ дѣлаютъ ихъ мало пригодными къ борьбѣ“, но ихъ возстанія противъ эмира... доказываютъ противное“ (стр. 143). Это единственный случай, когда г. Б-ичъ упоминаетъ Симона, не называя однако его сочиненія, и то для того, чтобы от-

*) Важнѣйшіе историческіе факты, относящіеся къ происхожденію авгановъ и ихъ племенъ, а также къ древнѣйшему ихъ мѣстопребыванію, можно найти во второй главѣ Введенія къ Chants populaires des Afghans Дарместетера, содержащей «Исторію и происхожденіе авгановъ» (р. р. CLII—CLXXXIV), но значительная часть выводовъ сдѣлана мною самостоятельно. Въ упомянутой главѣ всего 32 страницы, однако она представляетъ лучшій пока, несмотря на всю его краткость, очеркъ исторіи авгановъ въ главныхъ ея чертахъ. Къ сожалѣнію, вышедшій изъ старой школы и бывшій только лингвистомъ Дарместетеръ остался чуждъ новѣйшему движенію политико-соціальныхъ наукъ. Такъ, по его парадоксальному утвержденію, «авганы не имѣютъ исторіи, потому что анархія не можетъ ея имѣть». Дѣло въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на основу жизни авганскаго народа—на родовой его бытъ, и не сообразилъ, что кажущаяся анархія жизни авганскихъ племенъ и подраздѣленій есть на самомъ дѣлѣ своеобразная и сильно замедлившаяся эволюція родового быта, подъ вліяніемъ особыхъ внутреннихъ, внѣшнихъ и историческихъ условій.

вергнуть его мнѣніе. Свѣдѣнія Симона неосновательны не только по приводимой г. Б-ичемъ причинѣ, но прежде всего потому, что гильджіи очень мало занимаются торговлею: кочевые торговцы, служившіе во время оно (теперь съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ почти до Кандахара и со введеніемъ Хивы и Бухары внутрь русской таможенной границы все сильно измѣнилось) посредниками въ торговомъ обмѣнѣ между средне-азіатскими ханствами и Индіею, принадлежали главнымъ образомъ къ союзу лохани или нухани, который въ составъ хильджійцевъ не входитъ, и сами хильджіи родство съ нимъ отвергаютъ (Raverty въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1875, vol 44, p. p. 34, 36 etc.). Если-бы лоханіи и принадлежали къ хильджіямъ, все же они составляли бы ничтожную часть ихъ и не могли бы вліять на характеръ всего племени. Впрочемъ свѣдѣнія Симона, а за нимъ и г. Б-ича, о дураніяхъ и гильджіяхъ вообще невѣрны. Такъ еще Эльфинстонъ, опредѣлявшій численность дураніевъ въ 100 т. семействъ или отъ 800 т. до 1 милл. душъ, а гильджіевъ въ 90 т. семействъ, признавалъ послѣднихъ за храброе, самое сильное по физическому сложенію, самое красивое и самое честное изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. p. 99, 100, 147—149, 158). Массонъ, больше всѣхъ европейцевъ жившій между авганами, считалъ гильджіевъ самымъ многочисленнымъ изъ авганскихъ племенъ (vol. II, p. 204). По Бернсу, число гильджіевъ простирается до 200 т. сем. (Кабулъ, русскій переводъ, Москва, 1847, ч. 2, стр. 184). Раверти, считая дураніевъ только до 300 т. душъ, оцѣняетъ численность гильджіевъ въ 500 т. д. (id., p. 34, I. and A. Quarterly Review, 1894, April, pp. 323, 326). Съ своей стороны, по разнымъ соображеніямъ, едва ли я очень ошибусь, предполагая численность дураніевъ и хильджіевъ по 650 т. д., на остальныя племена авганъ въ вѣдѣніи эмира предположу 700 т. д., такъ что подъ властію эмира буду считать около 2 м. авгановъ, внѣ же его владѣній въ Сулеймановыхъ горахъ 1 м. д. керларнійцевъ съ гаргаштами и на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи 500 т. душъ, итого въ независимыхъ племенахъ $1^1/_2$ м. д., а всего авгановъ около $3^1/_2$ м. д., вмѣсто 3 м. Симона, который полагалъ по 1 м. дураніевъ и караланіевъ слишковъ преувеличенно, а 250 т. хильджіевъ и 750 т. на всѣ остальныя племена чрезмѣрно преуменьшенно.

Относительно хильджіевъ Симонъ и г. Б-ичъ повторяютъ басню, которую еще Юлъ (см. статью его въ Encyclopaedia Britannica) склоненъ былъ считать выдумкою: „Когда въ семьѣ Гильзаевъ родится ребенокъ, мать пробиваетъ дыру въ стѣнѣ дома и, пропуская чрезъ нее ребенка, говоритъ: Гильзай! Будь добрымъ воромъ, дитя мое“! (стр. 143). Конечно это вымыселъ, основанный на наивной этимологіи имени гильзай: сынъ грѣха, воровства.

По собственнымъ (не по Симону) свѣдѣніямъ г. Б-ича, „Афридиссы“ „не рѣдко... добровольно вербуются въ англо-индійскую армію для того чтобы, научившись обращенію съ скорострѣльнымъ ружьемъ, бѣжать изъ полка, конечно, захвативъ съ собой ружье и аммуницію“ (стр. 144). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы англо-индійскія власти были столь просты, чтобы часто допускать что-либо подобное, а афридіи столь часто коварны. По крайней мѣрѣ имѣется такой фактъ, что значительная часть „хайберскихъ стрѣлковъ“ (большею частію изъ афридіевъ), занимавшихъ форты и посты въ Хайберскомъ ущельи, послѣ взятія этихъ укрѣпленій большими силами ихъ соплеменниковъ, въ августѣ 1897 г., явилась къ англо-индійскимъ властямъ съ ружьями Снайдера, какъ только успѣла добраться до безопасныхъ мѣстъ, хотя могла бы объяснить утерю казеннаго оружія отнятіемъ его непріятелемъ и т. п. (Military operations on the N. W. Frontiers, C.—8714, vol. II, p. 96). Считающій солдатъ изъ афридіевъ въ британскихъ войскахъ вообще примѣрно вѣрными своему долгу, полковникъ Хольдичъ, который долженъ былъ пріобрѣсти недурное знакомство съ авганами вообще и съ афридіями въ особенности во время войны 1879—1880 г.г., при русско-авганскомъ разграниченіи и во время экспедиціи въ Тира въ 1897 г., напоминаетъ еще, что именно рота афридіевъ первая пришла на помощь части 35 сейкскаго полка, окруженной момендами (The Geographical Journal, 1898, October, Tirah, by colonel sir T. H. Holdich, p. 351); онъ имѣетъ, повидимому, въ виду дѣло 16 сентября 1897 г., когда генералъ Джеффрей съ частію артиллеріи небольшимъ количествомъ пѣхоты (35 полка) и саперовъ не успѣлъ дойти до главныхъ силъ своего отряда, подвергся ночью нападенію превосходныхъ силъ момендовъ, понесъ значительныя потери и былъ выручень подоспѣвшими изъ отряда четырьмя ротами (Military operations, vol. 2, p. 15). По мнѣнію Хольдича, стремленіе афридіевъ обзавестись дальнобойными магазинками истекаетъ, помимо ихъ воинственности и страсти къ оружію, изъ превосходства, которое даетъ хорошее оружіе для кровной мести; прежде афридіи, будучи конечно на сторожѣ противъ враговъ, все же могли заниматься земледѣльческими полевыми работами днемъ, теперь же, при распространеніи дальнобойныхъ винтовокъ, это сдѣлалось крайне опаснымъ, ибо невозможно стало ни увидать прячущагося врага, ни опредѣлить—откуда летятъ пули, вслѣдствіе чего приходится полевыми работами заниматься по ночамъ. По его же мнѣнію, большинство афридіевъ побывало на британской службѣ въ „хайберскихъ стрѣлкахъ“ или въ рядахъ туземной пѣхоты и кавалеріи, и каждый накопилъ достаточныя деньги для покупки „дорогой сердцу каждаго афридія хорошей винтовки“ (Geogr. Journal, id., p. p. 349—351).

Не принимая въ соображеніе, что авганы живутъ подъ властію

родового быта и должны подчиняться свойственнымъ этой ступени соціальнаго развитія институтамъ и формамъ, Симонъ и нашъ авторъ описываютъ обычаи кровной мести, гостепріимства и убѣжища, какъ какіе-то странные курьезы *). О левиратѣ авторъ нашъ пишетъ: „афганскіе браки представляютъ ту особенность, что вдова обязательно должна выйти замужъ за брата ея покойнаго мужа,—обычай этотъ часто встрѣчается и въ другихъ странахъ, но здѣсь онъ оригиналенъ, ибо Афганистанъ съ этими странами ничего общаго не имѣетъ“ (стр. 140, Симонъ, p. 107): общее у авгановъ съ народами, у которыхъ встрѣчается левиратъ, есть нахожденіе въ родовомъ бытѣ. Только то же невѣдѣніе свойственныхъ родовому быту обычаевъ и понятій дозволяетъ г. Б-ичу утверждать, что „бракосочетаніе“ у авгановъ „является попросту куплей-продажей“, тогда какъ самъ же описываетъ обычай умыканія, совсѣмъ не соотвѣтствующій простой куплѣ-продажѣ. Хотя г. Б-ичъ вдобавокъ увѣряетъ, что мать послѣ смерти мужа „становится имуществомъ сына своего“ и что „нерѣдки случаи когда сыновья продаютъ своихъ вдовствующихъ матерей подходящимъ покупателямъ“ (стр. 141), но ни у Симона, ни у компетентныхъ писателей ничего подобнаго не встрѣчается и надо думать, что это вымыселъ или крайнее преувеличеніе, или недоразумѣніе неназваннаго авторомъ источника.

Въ одной неудобопонятной, по недостатку смысла и пунктуаціи, фразѣ г. Б-ичъ приписываетъ развитіе памяти и, кажется, генеалогическихъ способностей у авганскихъ начальниковъ, между прочимъ, неимѣнію въ Авганистанѣ паспортной системы (стр. 141): „Каждый Афганецъ, къ какому бы племени онъ ни принадлежалъ, имѣетъ свою часть въ имуществѣ всего клана (вѣтвь), а въ случаѣ побѣды и удачнаго грабежа—долю въ награбленномъ,—благодаря этому и потому что въ Афганистанѣ не имѣется паспортной си-

*) Авганскіе термины для обычнаго права, кровной мести, гостепріимства и права убѣжища г. Б-ичъ взялъ вѣроятно у Дарместетера, который въ Chants populaires des Afghans (p. 120) вкратцѣ цитировалъ изъ Lettres sur l'Inde (p. p. 99—103) слѣдующее: Nangi pushtâna ou Pushtûn-vâlai, le code d'honneur afghan comprend trois devoirs: nanavâta, le devoir de protection envers celui qui est sous votre toit; badal, devoir de vendetta; mailmastiyâ, devoir d'hospitalité. Эти термины слѣдуетъ читать у французскаго оріенталиста не примѣнительно къ англійскому произношенію, какъ это дѣлаетъ г. Б-ичъ (стр. 142)—ненаватай, бадалъ, мейлмастай и почему то пуштды-валай,—а нанавата, бадаль, мэльмастія и пуштунъ-валэ. Послѣднее впрочемъ правильнѣе произносить, какъ значится у автора пуштунскихъ грамматики и словаря Белью и какъ читается у самого Дарместетера приводимая имъ туземная транскрипція: пухтунъ или пуштунъ-вали. Значитъ этотъ послѣдній терминъ не «авганскій кодексъ чести» (это значеніе нанги пуштана), а «пуштунскій законъ» или «право».

стемы каждый мущина записанъ въ памяти старѣйшинъ клана, имамовъ и вообще начальниковъ, генеалогическія способности которыхъ развиты до чрезвычайности". По свидѣтельству Эльфинстона (vol. 2, p. 328), авганы „знаютъ свою, а часто и чужихъ людей, генеалогію за шесть или за семь колѣнъ". Происходитъ это отъ того, что при родовомъ бытѣ почти вся жизнь опредѣляется родствомъ и его степенями, съ соотвѣтствующими родовыми отношеніями.

Не могу я также согласиться съ г. Б-ичемъ и Симономъ, что въ бѣдныхъ классахъ „господствуетъ развратъ" (стр. 140), потому что это не подтверждается компетентными источниками, а также и потому, что по авганскому обычному праву за прелюбодѣяніе полагается смерть.

Вслѣдъ за Симономъ (p. 106) авторъ нашъ открылъ въ Авганистанѣ „религіозную секту сеидовъ" (стр. 140), но сеиды, т. е. потомки Магомета, существуютъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ и никакой религіозной секты не составляютъ, а принадлежатъ обыкновенно къ тому толку, который преобладаетъ въ странѣ, гдѣ обитаютъ.

Игнорированіе родового быта и недостатокъ свѣдѣній о соціальной и политической организаціи авганскихъ племенъ помѣшали Симону и Б—ичу, за нимъ слѣдовавшему, правильно понять и описать эту организацію. „Типъ общаго управленія племенъ", по ихъ словамъ, таковъ: „Каждая община (улусъ) племени, раздѣленная на хайлы или кланы, ведетъ въ мирное время совершенно независимую жизнь. Внутреннее управленіе улуса находится въ рукахъ хана которому помогаетъ джиргахъ (собраніе начальниковъ), каждый членъ котораго является предсѣдательствующимъ въ джиргахахъ второстепеннаго значенія, т. е. въ собраніяхъ по хайламъ... Въ маловажныхъ случаяхъ ханъ дѣйствуетъ не совѣтуясь съ главнымъ джиргахомъ, какъ и послѣдній иногда постановляетъ рѣшенія не совѣтуясь со второстепенными собраніями. Наоборотъ, въ важныхъ событіяхъ безъ ознакомленія съ мнѣніемъ всего племени ничего не рѣшается" (стр. 137, p. 101). На самомъ дѣлѣ, это не общій типъ соціально-политической организаціи авганскихъ племенъ, какъ утверждаютъ наши авторы, а средній между двумя преобладающими типами, которые остались имъ неизвѣстными. Коренной авганскій типъ существуетъ у племенъ керларнійской группы и заключается въ томъ, что дѣла каждой мельчайшей вѣтви племени рѣшаются джиргою или собраніемъ всѣхъ главъ семей вѣтви, которое само и исполняетъ свои рѣшенія, если же это невозможно или неудобно, поручаетъ исполненіе старшинѣ или мелику. Мелики эти выбираются джиргами на опредѣленный срокъ и никакой властью, внѣ точнаго исполненія рѣшенія джирги, не пользуются. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ вѣтвей, состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ и имѣющихъ постоянные общіе

интересы, рѣшаются джиргою изъ меликовъ всѣхъ вѣтвей, въ составъ которой обыкновенно входятъ также, по обычаямъ, почетнѣйшія и вліятельнѣйшія лица вѣтвей, исполнительная же власть поручается, опять избираемому мелику. По количеству степеней племенныхъ развѣтвленій, степеней собраній бываетъ нѣсколько, дѣла же всего племени рѣшаются джиргами изъ всѣхъ меликовъ высшихъ вѣтвей, съ участіемъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей племени, а исполненіе поручается меликамъ этихъ высшихъ вѣтвей или особо для того назначеннымъ племенною джиргою на каждый случай лицамъ. Такимъ образомъ, вся власть въ керларнійскихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ принадлежитъ джиргамъ и мелики или старшины являются лишь исполнителями, внѣ точнаго исполненія рѣшеній общины никакою властью не пользующимися. Другой типъ соціально-политической племенной организаціи существуетъ у западныхъ авганскихъ племенъ, особенно же у дураніевъ и хильджіевъ, являясь видимо результатомъ иныхъ историческихъ и природныхъ условій, въ зависимости притомъ отъ инородныхъ примѣсей, которыя привили къ авганскимъ корнямъ чуждыя имъ деспотическія начала. Въ этихъ племенахъ и ихъ вѣтвяхъ также существуютъ джирги, но надъ ними стоятъ наслѣдственные старѣйшины или ханы, которые обыкновенно дѣйствуютъ по обсужденіи важныхъ дѣлъ въ джиргахъ и сообразно ихъ постановленіямъ, но могутъ дѣйствовать и по своему усмотрѣнію. Ведетъ это къ тому, что ханы достаточно людныхъ и сильныхъ вѣтвей пользуются деспотической властью, обративъ подчиненныхъ хановъ въ простыхъ исполнителей своихъ распоряженій и упразднивъ общеплеменныхъ хановъ и джиргу. Естественнымъ этого послѣдствіемъ было распаденіе племенъ на управляемыя независимыми ханами вѣтви, находящіяся вслѣдствіе честолюбія хановъ въ вѣчной враждѣ и безсильныя для всякихъ внѣшнихъ предпріятій. Благодаря именно такому положенію дѣлъ, въ западныхъ авганскихъ племенъ утвердилась и держится власть эмировъ, опирающаяся не столько на значеніе ихъ въ племени дураніевъ, къ которому они по происхожденію принадлежатъ и которое также раздѣлено на недружныя вѣтви съ особыми наслѣдственными родоначальниками, сколько на обладаніе городами, дающими финансовыя средства и отчасти кадры для чуждой племеннымъ раздорамъ арміи, и на безсиліе враждующихъ между собою племенъ и ихъ вѣтвей, почему эмиры могутъ усмирять ослушающихся хановъ при помощи ихъ враговъ. Занимающія южную половину Сулеймановыхъ горъ племена гаргаштской группы издавна уже раздроблены на множество управляемыхъ наслѣдственными ханами вѣтвей, почему онѣ, несмотря на дальность отъ Кабула и гористую природу страны, допускающую успѣшное сопротивленіе, легко приводились къ послушанію эмирами. Воспользовалась этимъ и англійская политика, склонивъ хановъ субсидіями, пенсіями и поддержкою

ихъ власти къ подчиненію британскому управленію, введеніе котораго въ южной части Сулеймановыхъ горъ и завершено въ 1887 году образованіемъ и присоединеніемъ къ Индіи „Британскаго Белучжистана“, области съ довольно страннымъ названіемъ, ибо белучжей въ странѣ очень мало и населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ авганскихъ племенъ. Подобнымъ образомъ давно уже подчинено британской власти самое восточное изъ керларнійскихъ, племя хаттаковъ, благодаря тому, что оно управлялось наслѣдственными ханами и обитаетъ въ легко доступныхъ мѣстностяхъ. У пограничныхъ племенъ на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи идетъ борьба между демократическимъ и деспотическимъ типами. Изъ нихъ у терколарніевъ (вѣроятно тюркскаго происхожденія) и у момендовъ ханы, повидимому, существуютъ искони. У юсуфзіевъ имѣется нынѣ ханъ лишь въ той части, которая обитаетъ въ верховьи р. Пенджкоры, въ Дирѣ, остальные же юсуфзіи сохраняютъ демократическій родовой строй, керларнійскаго типа. Ни потомки Бабера, владѣвшіе Индіею, Пишаверомъ и Кабуломъ, ни эмиры Авганистана, ни могущественные сейки не могли добиться прочной подчиненности керларнійцевъ и юсуфзіевъ. Столь же безуспѣшны пока попытки Англіи. Главная тому причина—отсутствіе наслѣдственныхъ владѣтелей. Хановъ не трудно склонить къ покорности деньгами, усиленіемъ ихъ власти въ племенахъ, увеличеніемъ ихъ владѣній, угрозами лишить ханства и т. д., тогда какъ всѣ эти средства непримѣнимы къ цѣлымъ племенамъ или ихъ вѣтвямъ. Между выборными меликами независимыхъ пограничныхъ племенъ всегда оказывается достаточное, въ избыткѣ, количество охотниковъ получать субсидіи изъ индійскаго казначейства и обратиться въ наслѣдственныхъ хановъ своихъ племенъ, сдѣлавъ сколько угодно заявленій о пламенномъ желаніи ихъ родовъ подчиниться британскому управленію, но какъ только англійскія власти приступаютъ къ исполненію ихъ просьбъ, племена оказываются враждебными, и тѣ же мелики, волей неволей, принимаютъ участіе въ открывающихся противъ англичанъ военныхъ дѣйствіяхъ. Таково было, имѣвшее конечно отчасти и другія причины, происхожденіе столкновеній съ везиріями въ 1894, 1895 и 1897 гг., вызвавшихъ снаряженіе большихъ отрядовъ съ значительными расходами. Но и поддержка хановъ, съ цѣлію подчиненія горцевъ при помощи возвышенной на счетъ демократіи родовъ ханской власти, не проходитъ для англійской политики въ этихъ странахъ безъ большихъ непріятностей. Такъ, въ началѣ іюля 1897 года англійскія власти оставили безъ удовлетворенія жалобы юсуфзіевъ Свата на захваты дирскимъ ханомъ непринадлежавшихъ ему земель праваго берега р. Свата и на насильственное имъ подчиненіе своей власти тамошнихъ независимыхъ родовъ. А чрезъ три недѣли нѣкій безумный факиръ увлекъ все населеніе Свата къ

нападенію на англійскія укрѣпленія въ Чакдере и Малакандѣ, повлекшему затѣмъ послѣдовательно къ возстанію момендовъ, афридіевъ и оракзіевъ, а также бунирцевъ, подавленіе котораго потребовало отъ Англо-Индіи тяжкихъ усилій. Между тѣмъ этотъ самый факиръ болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ проповѣдовалъ джихатъ и населеніе смотрѣло на него лишь какъ на сумасшедшаго.

Удержаніе и защита независимости есть, по словамъ Симона, единственная связь, существующая между вѣтвями и племенами авгановъ, но она такъ сильна, что каждый членъ ихъ пренебрегаетъ ради нея всякими опасностями и жертвуетъ жизнью. „Народъ авганскій болѣе чѣмъ какой-либо другой восточный обладаетъ тѣмъ патріотизмомъ, которому приносится все въ жертву" (р. 102, стр. 137). Къ страстной привязанности къ независимости г. Б-чъ присоединяетъ „общую религію" и, конечно, можно прибавить большее или меньшее количество общей крови, общій языкъ, общіе нравы и обычаи и т. д. Совокупность всего этого создаетъ народность, но преобладающая черта авганской народности есть свободолюбіе и страстная привязанность къ независимости. Конечно, всякая народность дорожитъ своей независимостью и самобытностью, но интензивность и формы этой привязанности весьма различны. У авгановъ эта привязанность достигаетъ особой энергіи и страстности.

Одно констатированіе общеизвѣстнаго факта цѣны не имѣетъ, если оно не сопровождается уясненіемъ его происхожденія и всесторонней оцѣнкою. Отъ Симона и г. Б-ича слѣдовало бы поэтому ожидать, что они дадутъ какія-нибудь разъясненія по поводу этого факта, имѣющаго въ политическомъ отношеніи, въ сущности единственно ихъ интересующемъ, самыя важныя послѣдствія *), но ни у того, ни у другого ничего не находимъ. Мнѣ кажется яснымъ, что свободолюбіе и привязанность къ независимости выработались и укоренились въ качествѣ основной черты авганской народности благодаря демократическо-родовому строю керларнійскихъ племенъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальныя, страстность же этой привязанности есть послѣдствіе сангвиническаго расоваго темперамента. Подтверждается это, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что западныя авганскія племена и племена гаргаштской группы, конечно главнымъ образомъ вслѣдствіе примѣсей въ нихъ чужихъ народно-

---

*) По словамъ Симона, «священная война, объявленная муллами, будетъ столь же fatale aux Anglais qu'aux Russes, le jour où de montagne au montagne se rèpèterait dans tout l'Afghanistan le même cri: Independance! Independance! (p. 113). По г. Богдановичу, авганскія племена и въ отдѣльности «грозною силою встаютъ въ защиту своей независимости», но «еще болѣе грозною массой встанутъ эти племена, когда въ опасности окажется независимость всей федераціи афганской, откуда бы эта опасность ни шла—съ сѣвера или съ юга» (стр. 150).

стей съ отличными отъ коренныхъ авганскихъ особенностями политическо-соціальнаго строя и народнаго характера, допустили у себя возникновеніе наслѣдственной деспотической ханской власти и преобладаніе ея надъ джиргами, являющимися у нихъ лишь пережиткомъ кореннаго авганскаго строя. Именно эта замѣна кореннаго авганскаго демократическо-родоваго строя деспотическо-ханскимъ и ослабленіе чрезъ это свободолюбія и привязанности къ независимости объясняютъ и тотъ фактъ, что западныя и гаргаштскія племена легко, сравнительно, подпадали чуждому господству, тогда какъ керларніцпы и сохранившіе наиболѣе ихъ общественный строй юсуфзіи успѣвали отстаивать свою независимость и свободу противъ притязаній знаменитѣйшихъ завоевателей и сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ.

Свѣдѣнія разбираемой статьи о нравахъ и характерѣ авганскаго народа слишкомъ скудны и поверхностны. Упоминается конечно, по обыкновенію, о „лукавствѣ и жестокости“, о грабежахъ и убійствахъ, о „двухъ заповѣдяхъ, чтимыхъ всѣми авганцами: Кровь за кровь, желѣзо и огонь всѣмъ невѣрующимъ“ (стр. 137, р. 102). Но насилія, жестокость, вѣроломство и т. д. не могутъ быть почитаемы непреложными, неотъемлемыми принадлежностями какого-либо народа, ибо онѣ суть лишь результатъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и условій и должны исчезнуть съ устраненіемъ и измѣненіемъ этихъ условій. Какимъ образомъ авганы, при врожденномъ сангвиническомъ темпераментѣ, могутъ быть не жестокими, не мстительными, не кровожадными, не склонными къ грабежамъ и насиліямъ, ежели они въ теченіе тысячелѣтій своего существованія подвергались непрерывнымъ насиліямъ, жестокостямъ и грабежамъ со стороны большихъ и малыхъ владѣльцевъ сосѣднихъ странъ? Одинъ изъ гуманнѣйшихъ людей своего времени султанъ Баберъ, описывая походы свои противъ разныхъ авганскихъ племенъ, предпринимавшіеся съ однообразною цѣлію грабежей и вынужденія къ платежу дани, упоминаетъ, въ качествѣ неизбѣжнаго финала стычекъ съ авганами, о воздвиженіи пирамидъ изъ головъ не только убитыхъ въ бою, но и взятыхъ въ плѣнъ авгановъ. „Когда авганы видятъ невозможность продолжать борьбу, они являются къ (побѣдоносному) врагу съ травою во-рту, какъ бы говоря этимъ: Я твой быкъ“ (Mémoires, t. I, p, 325). Одинъ этотъ обычай показываетъ—какова была участь авганскихъ горцевъ, приносившихъ покорность: имъ предстояло положеніе даже не раба, а животнаго.

Въ краткихъ свѣдѣніяхъ о не-авганскихъ народностяхъ страны г. Б-ичъ говоритъ о таджикахъ, что ихъ „слѣдуетъ считать аборигенами сѣверо-западныхъ провинцій страны“ (стр. 145), но правильнѣе было бы сказать не однихъ „сѣверо-западныхъ провинцій“, а всей западной половины страны. „Народность эта названа таджиками (крестьянами) въ отличіе отъ тюрковъ

(воиновъ), имъ родственныхъ". Это невѣрно, ибо таджики и тюрки суть народности, этнически другъ другу чуждыя. У Симона сказано не то. Онъ признаетъ таджиковъ аборигенами „западныхъ провинцій", а не только сѣверо-западныхъ (p. 110). По его словамъ, имя таджикъ, „значащее крестьянинъ, противоположно имени тюркъ (воинъ). Истинные (proprement dits) таджики сами даютъ себѣ именованіе парсивановъ или парсизевановъ. Тѣ изъ нихъ, которые ведутъ жизнь кочевую, извѣстны подъ именемъ аймаковъ. Эти послѣдніе кочуютъ въ странѣ, образуемой бассейномъ верховьевъ Херируда" (p. 111). Было въ иранскихъ земляхъ время, когда таджики были только земледѣльцы, крестьяне, а всѣ тюрки только воины; однако это время давно миновало, особенно въ Авганистанѣ. Но чтобы слово таджикъ означало крестьянинъ, а слово тюркъ—воинъ, это невѣрно (см. о происхожденіи и значеніи слова таджикъ у Ханыкова „Иранъ К. Риттера", стр. 507 и слѣд.). Справедливо (по Феррье и др.), что таджики Авганистана зовутъ себя парсиванами, т. е. людьми персидскаго языка, но не вѣрно, будто кочевые таджики именуются аймаками, ибо аймаки есть особое племя, происходящее отъ смѣшенія гурійцевъ и пр. съ тюрками. Хотя аймаки и хезарейцы говорятъ персидскими нарѣчіями, но таджиками не называются, какъ и кызылбаши. Г. Б-ичъ напрасно приписываетъ кызылбашамъ „персидское происхожденіе" (стр. 145): это тюрки, приведенные Надиръ-шахомъ изъ Персіи, но донынѣ говорящіе между собою по-тюркски (Elphinstone, Bellew). Хезарейцевъ онъ производитъ то отъ какихъ-то „персидскихъ завоевателей" (стр. 140), то отъ монголовъ (стр. 145). На самомъ дѣлѣ это тюрки и монголы до-тимуровскихъ временъ, смѣшавшіеся съ найденнымъ ими въ восточномъ Паропамизѣ и западномъ Хиндукушѣ мѣстнымъ населеніемъ смѣшаннаго происхожденія, но персидскаго языка, которымъ и говорятъ теперь почти всѣ хезарейцы. Различіе происхожденія хезарейцевъ и аймаковъ, являющихся одинаково смѣшеніями тюрко-монголовъ съ мѣстнымъ населеніемъ персидскаго языка, заключается въ томъ, во-первыхъ, что тюрки и монголы, потомствомъ которыхъ являются хезарейцы, прибыли во время Чингизъ-хана и его первыхъ наслѣдниковъ, тогда какъ тюркскіе роды аймаковъ были другіе и прибыли при первыхъ тимуридахъ; во-вторыхъ же, и составъ мѣстнаго населенія, тоже смѣшаннаго происхожденія, былъ разный. Разница въ вѣроисповѣданіи (хезарейцы—шіиты, тогда какъ аймаки—сунниты) также есть слѣдствіе этническаго различія и историческихъ судебъ двухъ народностей: у аймаковъ утвердился суннизмъ вслѣдствіе вліянія хератскихъ тимуридовъ, которые водворили въ странѣ тюрковъ, составлявшихъ главную часть ихъ войскъ; хезарейцы же, принявъ исламъ отъ мѣстнаго населенія, проникнутаго шіитскими началами, остались вѣрными шіитству, потому что подчиненность ихъ тимуридамъ

и позднѣйшимъ государямъ Херата и Кабула была всегда слаба, если не упразднялась совсѣмъ.

Неосновательно также Симонъ (р. 111) и нашъ авторъ считаютъ узбековъ „потомками тюркменовъ" (стр. 145): узбеки происходятъ отъ разныхъ тюркскихъ родовъ, перешедшихъ на югъ отъ Сыръ-Дарьи съ шейбанидами въ началѣ XVI столѣтія, и отъ найденныхъ въ Мавераннагрѣ тюрковъ, но туркменовъ между ними было и есть очень немного.

Г. Б-ичъ нѣсколько разъ утверждаетъ (стр. 142 и 146), что „въ нашей Средней Азіи, равно какъ и въ Бухарѣ, всѣ ростовщики также Индусы", какъ въ Авганистанѣ. Это не совсѣмъ вѣрно: въ средѣ кочевниковъ, которые составляютъ много болѣе половины населенія нашей Средней Азіи, т. е. Туркестана и степныхъ областей, индусовъ не было и нѣтъ, между тѣмъ они терпятъ отъ ростовщиковъ (татары, сарты и русскіе) гораздо болѣе, чѣмъ осѣдлое населеніе, въ которомъ сарты и таджики также едва ли когда либо уступали на этомъ поприщѣ пальму первенства индусамъ, хотя постановленія шаріата заставляли ихъ облекать здѣсь свой промыселъ въ формы, скрывающія его сущность.

V. Управленіе и военныя силы Авганистана.

„Афганистанъ какъ государство существуетъ лишь 135 лѣтъ, и Амедъ-Шахъ, его основатель, образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ, безпрестанно осаждаемое честолюбивыми ханами и соперниками находившимися въ вѣчной враждѣ" (стр. 146). Авторъ нашъ упустилъ изъ вида, что 135 лѣтъ значатся у Симона, писавшаго въ 1885 году, почему въ 1898 году, когда онъ самъ пишетъ, къ 135 годамъ прибавилось еще 13, такъ что долженъ бы считать, что авганское государство существуетъ уже 148 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ оно существуетъ уже 151 годъ, потому что основано Ахмедъ-ханомъ въ 1747 году: Симонъ, видимо, взялъ свою цифру изъ чьей-то книги 1882 года. У Симона стоитъ Ахмедъ-шахъ, а не Амедъ-шахъ, какъ у Нила Бронского („Мировые Отголоски" 1897 г. № 262), по опискѣ или опечаткѣ, которую г. Б-ичу повторять надобности не было, потому что въ другомъ мѣстѣ статьи у него значится правильно Ахмедъ-шахъ. Обратившись къ исторіи, мы увидимъ, что внутреннее управленіе авганскихъ племенъ Ахмедъ-шахъ предоставилъ ихъ старѣйшинамъ, по существовавшимъ обычаямъ; во всѣхъ важныхъ дѣлахъ по управленію государствомъ онъ совѣтовался съ главами племенъ и дѣйствовалъ съ ихъ согласія, вообще же онъ установилъ порядки управленія, соотвѣтствовавшіе быту своего народа (History of Afganistan, by Malleson, 1879, p.p. 276 и слѣд.).

Такъ какъ именно тѣ правительства обладаютъ небольшой прочностью, которыя соотвѣтствуютъ духу, быту и потребностямъ народнымъ, то никакъ нельзя согласиться съ утвержденіемъ, что Ахмедъ-ханъ „образовалъ правительство безъ твердыхъ началъ“. Изъ преемниковъ его только тѣ и могли править съ успѣхомъ и доставить своему народу спокойствіе и извѣстную степень благосостоянія, а государству силу и внѣшнюю безопасность, насколько дозволяли обстоятельства, кто, какъ Достъ-Мохаммедъ, Ширъ-Али и Абдэррахманъ, слѣдовали началамъ управленія, принятымъ Ахмедъ-шахомъ. Если за престолонаслѣдіе возникали распри и честолюбивые претенденты возбуждали смуты, то происходитъ это отъ причинъ, которыя никакими „началами“ у народовъ, подобныхъ авганскому, при его бытѣ и характерѣ, устранены быть не могутъ, пока не совершится измѣненіе быта и нравовъ.

Народности Авганистана „не соединены узами общей крови, не обладаютъ общими преданіями и стремленіями и не имѣютъ общей имъ всѣмъ исторіи. Современный Афганистанъ является чисто случайною географическою единицею составленною изъ обитателей Средней Азіи, объединенныхъ мечомъ побѣдителей или геніемъ отдѣльныхъ государственныхъ людей, но общая имъ религія и любовь къ независимости являются, однако, достаточно сильною связью различныхъ частей той конфедераціи, во главѣ которой стоитъ Абдуррахманъ-ханъ“ (стр. 146). На самомъ дѣлѣ образованіе Авганистана совсѣмъ не случайность, а необходимое и естественное слѣдствіе существованія и роста энергичной и полной силъ авганской народности, которая, послѣ долговременнаго прозябанія въ своемъ горномъ гнѣздѣ, пустила ростки въ окрестныя страны и сдѣлалась въ нихъ господствующею, постепенно впитавъ въ свой составъ значительныя части ихъ разноплеменнаго населенія. Чистыхъ, безпримѣсныхъ народностей теперь на бѣломъ свѣтѣ почти не существуетъ, и смѣшенія, въ большинствѣ случаевъ, не ухудшаютъ расы, а улучшаютъ, восполняя недостатки каждой достоинствами другихъ. Единство народности создается не безпримѣсностью крови, общія капли которой, однако, у смѣшанныхъ народностей становятся гуще и обильнѣе съ каждымъ поколѣніемъ, а единствомъ языка, быта, нравовъ, вѣрованій и т. д. Все это у авганскаго народа есть, а потому совершенно естественно, что въ XVIII вѣкѣ, когда численность ихъ достигла значительнаго размѣра, авганы воспользовались одряхленіемъ, разложеніемъ и безсиліемъ властвовавшихъ надъ ними дотолѣ правительствъ Индіи и Персіи, освободились и даже пытались подчинить оба государства своему господству. Ни численность, ни силы авгановъ не дозволили, однако, имъ удержать владычество надъ Персіею и Индіею, но они прочно утвердились въ части земель, отнятыхъ у болѣе слабой Персіи, и успѣваютъ пока возвращать въ свои руки узбекскія и таджикскія ханства и владѣньица между

Хиндукушемъ съ его западными продолженіями и Аму-дарьею, хотя эти владѣнія неоднократно отлагались вслѣдствіе отсутствія авганскаго населенія на сѣверѣ отъ Хиндукуша.

Въ истекающемъ столѣтіи на судьбы авганскаго народа и Авганистана, не только во внѣшнихъ, но отчасти и во внутреннихъ отношеніяхъ, оказали весьма важныя вліянія соперничество Россіи и Англіи и стремленіе послѣдней, для большей безопасности Индіи отъ русскаго нашествія, подчинить Авганистанъ непосредственной своей власти или по крайней мѣрѣ поставить его въ прочныя вассальныя отношенія. Двѣ предпринятыя Англіею, съ промежуткомъ почти въ 30 лѣтъ, войны одинаково выяснили, что справиться съ войсками авганскаго правительства и занять Кабулъ и Кандахаръ не трудно, но къ удержанію страны въ своей власти представляются весьма большія препятствія, порождаемыя неукротимой враждебностью авганскаго народа къ чужому господству, возстаніями его и затрудненіями продовольствовать войска и поддерживать сообщенія съ Индіею. Трудности удержанія Авганистана въ своей власти вынудили Англію заключить обѣ войны выводомъ войскъ изъ страны и возстановленіемъ независимыхъ во внутреннемъ управленіи эмировъ. Неопровержимый опытъ показалъ также, что только тотъ эмиръ можетъ удержать свой престолъ и власть, который не допускаетъ не только вмѣшательства Англіи во внутреннее управленіе страны, но не дозволяетъ также пребыванія въ Кабулѣ и другихъ городахъ англійскихъ резидентовъ, такъ какъ примѣромъ индійскихъ туземныхъ владѣній авганы убѣждены, что пребываніе резидентовъ неминуемо влечетъ за собою вмѣшательство англичанъ во внутреннее управленіе. Сообразно этому, подчинявшіе внѣшнія отношенія страны усмотрѣнію Англіи Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али не допускали ни вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла, ни англійскихъ резидентовъ. Принятіе Якубъ-ханомъ въ 1879 г. резидента въ Кабулъ имѣло послѣдствіями убіеніе возставшими войсками и населеніемъ столицы резидента Каваньяри, возобновленіе войны и потерю эмиромъ престола. Повинуясь опыту, Англія, при возведеніи на престолъ Абдэррахманъ-хана въ 1880 г., отказалась и отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла, и отъ назначенія резидента. Вслѣдствіе этого внутреннія отношенія во владѣніяхъ эмира почти свободны отъ прямыхъ внѣшнихъ вліяній, хотя конечно получаемая эмиромъ субсидія много увеличиваетъ его силу внутри государства.

Въ полномъ и непосредственномъ подчиненіи эмиру и назначаемымъ имъ по усмотрѣнію агентамъ состоятъ, какъ и при его предмѣстникахъ, лишь города и находящіяся въ ихъ окрестностяхъ не-авганскія селенія, а также населеніе авганскаго Туркестана. Авганскія племена сохраняютъ своихъ на-

слѣдственныхъ хановъ и старшинъ и самостоятельное внутреннее управленіе по обычаямъ. Въ такомъ же положеніи находятся племена аймаковъ и хезарейцевъ, изъ которыхъ первые впрочемъ издавна приведены въ тѣсную зависимость отъ губернатора Херата. Хезарейцы, напротивъ, всегда отличались непокорностью, и взиманіе налоговъ производилось съ нихъ весьма часто лишь при помощи военной силы.

У г. Б-ича, слѣдующаго Симону, находимъ: „Политически Авганистанъ раздѣленъ на 9 провинцій, административно соединенныхъ въ слѣдующія пять губерній, отчасти прямо подчиненныхъ эмиру, отчасти полунезависимыхъ (у Симона, p. 100, 5 gouvernements, soumis à l'émir de Caboul ou bien semi - independants): 1) „Кабулистанъ—занимающая территорію Кабула и Кафиристана; 2) Гезаръ“, т. е. Хезареджатъ, страна хезарейцевъ; 3) „Хорассанъ—состоящая изъ Кандагарской и Гератской провинцій; 4) Туркестанъ“, и 5) „Саистанъ. Провинціи подраздѣлены на округи, называемые заесъ, а послѣдніе—на племена и хайлы (кланы), живущіе въ вѣчной враждѣ и кровавыхъ спорахъ“ (стр. 136). Эмиръ, „пользуясь неограниченною властію въ областяхъ находящихся подъ его непосредственнымъ управленіемъ (Кабулистанъ), руководитъ другими улусами и ханствами не умаляя авторитета ихъ собственныхъ управленій. Что же касается территоріальнаго подраздѣленія, то во главѣ каждаго заеса находится хакемъ (статскій начальникъ); правосудіе же, полиція и военныя силы находятся въ рукахъ сердаря, или военнаго начальника“ (стр. 138).

О „политическомъ“ дѣленіи Авганистана на девять провинцій и объ „административномъ“ соединеніи ихъ въ пять губерній я не встрѣчалъ ни свѣдѣній, ни упоминаній ни у одного компетентнаго писателя и потому полагаю, что эти дѣленія и соединеніе суть лишь собственныя догадки, соображенія или недоразумѣнія Симона или столь же мало, какъ онъ, компетентнаго источника. Конечно, вслѣдствіе географическихъ, топографическихъ, этническихъ, экономическихъ и историческихъ причинъ, въ Авганистанѣ существуютъ области или провинціи, центры и границы которыхъ остаются почти неизмѣнными, каковы бы ни были административныя и даже политическія дѣленія и обстоятельства. Такія провинціи составляютъ: 1) Кабулъ, 2) Кандахаръ, 3) Хератъ, съ принадлежащими къ нимъ округами, и 4) Туркестанъ съ Бадахшаномъ. Только эти области имѣютъ значеніе провинцій или губерній, ибо всегда существуютъ въ качествѣ и административныхъ подраздѣленій, между которыми распредѣляется вся территорія Авганистана. Вопреки Симону, Кандахаръ и Хератъ никогда не составляли одной области или губерніи и всегда имѣли особаго начальника или губернатора, подчинявшагося непосредственно эмиру. Напротивъ Сеистанъ (нѣсколько деревень и нѣсколько

небольшихъ родовъ дураніевъ и белучжей) всегда подчиняется губернатору Кандахара, иногда Херата, а Хезареджатъ состоитъ въ вѣдѣніи то Херата, то Кабула. Четыре области или провинціи состоятъ изъ округовъ или дѣленій двухъ родовъ, отличающихся по населенію и управленію. Перваго рода округа состоятъ изъ деревень и городковъ, населенныхъ главнымъ образомъ не авганами и не кочевниками и находящихся по управленію и платежу податей и отправленію повинностей въ полной зависимости отъ правителя области, который назначаетъ или утверждаетъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Второго рода округа состоятъ изъ племенъ и вѣтвей авганскихъ, хезарейскихъ и аймакскихъ, которыхъ управленіе принадлежитъ ихъ наслѣдственнымъ ханамъ и старѣйшинамъ. Чтобы округа именовались „заесъ“ (у Симона *zaes*, у Нила Вронского, по опискѣ или опечаткѣ, засеъ), этого нигдѣ кромѣ названныхъ Симона, Б-ича и Бронского не встрѣчалъ и увѣренъ, что тутъ какое нибудь недоразумѣніе со стороны Симона или его неизвѣстнаго источника.

Хотя свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ Авганистана, а также о поземельномъ строѣ, о налогахъ и доходахъ государства вообще и теперь довольно скудны, а въ то время, когда писалъ Симонъ, въ 1885 г., въ началѣ эмирствованія Абдэррахманъ-хана, были еще менѣе обильны и точны, однако все это не оправдываетъ неудовлетворительности однихъ изъ этихъ свѣдѣній и отсутствія остальныхъ въ очеркѣ г. Б-ича, который могъ найти ихъ даже въ лучшихъ словаряхъ, не говоря уже о другихъ источникахъ послѣднихъ лѣтъ.

Не лучше и свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ Авганистана. „Регулярная армія подраздѣляется на три категоріи: дѣйствующая армія, резервъ (дефтери) и территоріальная армія (улуси)“ (стр. 148). Такъ какъ вслѣдъ за этимъ пояснено, что территоріальная армія есть „ополченіе“, численность котораго равняется „десятой части здороваго мужскаго населенія страны“, т. е. это поголовное ополченіе всего могущаго носить оружіе населенія, то непонятно—какимъ образомъ такое ополченіе можетъ составлять одну изъ категорій регулярной арміи, ибо регулярная армія и ополченіе вещи совершенно разныя. Въ регулярной арміи состоитъ около 60 т. ч. изъ вольноопредѣляющихся всѣхъ народностей, главнымъ же образомъ „изъ взятыхъ по набору обитателей Кандагара, Герата и Кабула и ихъ округовъ“. Полки, эскадроны и батареи регулярной арміи „въ случаѣ войны, могутъ быть усилены значительными резервами“, ибо численность резервныхъ доходитъ до 100 т. ч. „Если разсчитывать, что улусы могутъ, какъ то показалъ 1838 годъ, выставить въ поле десятую часть мужскаго населенія, то въ случаѣ джехада ... авганскія силы будутъ состоять изъ 700 тысячъ человѣкъ“. Такъ какъ

регулярная армія вмѣстѣ съ резервами составляетъ 160 т., то ополченіе должно дать 540 т. ч. Мы уже видѣли, что всѣхъ авгановъ,—считая и неподвластныя эмиру, состоящія подъ контролемъ Англіи восточныя племена,—слѣдуетъ полагать около $3^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола; съ добавленіемъ около 3 м. душъ остальныхъ народностей, обитающихъ на земляхъ, подвластныхъ авганамъ, все населеніе авганскихъ земель составитъ $6^1/_2$ м. душъ обоего пола; мужское населеніе, т. е. около половины этой цифры, будетъ равняться 3.250.000 ч., десятою же частью послѣдней цифры является 325.000 ч., а не 540.000 ч., какъ ошибочно представилось нашему автору. У Симона нормою для разсчета принята была не десятая мужского, а восьмая часть всего населенія: „Если считать, что въ ополченіе (ouloussi) станетъ, какъ показали событія 1838 года, одна восьмая часть всего населенія Авганистана, то, въ случаѣ джихада, дѣйствующія авганскія силы слѣдуетъ оцѣнять въ цифру до 700.000 человѣкъ“ (р. 118). Но восьмая часть всего населенія или четвертая мужского даетъ 812.500 ч. Ссылка Симона на событія 1838 года совершенно неудачна, потому что собственно въ 1838 г. никакихъ военныхъ дѣйствій не происходило (если не имѣть въ виду войны Персіи съ владѣльцемъ Херата) и война съ Англіею фактически началась лишь въ 1839 году. Въ этой войнѣ ни всѣ восточныя племена, ни Хератъ, ни хезарейцы никакого участія не принимали, Бадахшанъ и Туркестанъ остались въ сторонѣ отъ нея, въ кабульской же области, гдѣ и сосредоточивались военныя дѣйствія, англійскимъ войскамъ не приходилось имѣть дѣлъ съ массами ополченцевъ болѣе, чѣмъ въ 15—20 т. ч. Во всякомъ случаѣ, и тутъ общая цифра ополченцевъ осталась неизвѣстною, такъ что никакихъ данныхъ для опредѣленія, какую часть населенія они составили, не существуетъ. Англо-индійскіе дѣятели и генералы обыкновенно полагаютъ, что восточныя племена могутъ выставить въ общей сложности до 200 т. воиновъ. Повидимому эта цифра близка къ дѣйствительности. Если, сообразуясь съ нею, принять, что населеніе владѣній эмира въ состояніи выставить 300 т. ополченія и 150-тысячную регулярную армію (со включеніемъ резервныхъ), то общая цифра всѣхъ авганскихъ вооруженныхъ силъ составитъ 650 т. ч., т. е. какъ разъ десятую часть населенія, и эта цифра тѣмъ болѣе вѣроятна, что нѣкоторое превышеніе нормы у воинственныхъ авганъ едва вознаградитъ дефицитъ со стороны не-авганскаго населенія.

Обученіе и „внутренняя организація регулярной афганской арміи представляетъ почти копію съ таковой же арміи индійской, инструкторами же были до сихъ поръ частію офицеры и унтеръ-офицеры Англичане, частію же туземцы служившіе въ англо-индійской арміи“ (стр. 148, р. 118). Пѣхота и кавалерія имѣютъ магазинки, артиллерія состоитъ изъ орудій „послѣднихъ евро-

пейскихъ образцовъ". „Довести до такого состоянія армію почти въ 60 тысячъ (кромѣ упомянутыхъ резервовъ) Абдуррахманъ-хану удалось лишь благодаря Англичанамъ видѣвшимъ въ арміи эмира авангардъ индійской арміи при русскомъ нашествіи. Нынѣ эта ихъ жестокая ошибка ими же сознается, но поздно..." (стр. 149). Можетъ быть, и есть оплакивающіе „жестокую ошибку" англичане, но люди свѣдущіе смотрятъ на дѣло иначе и притомъ совершенно правильно. И эмиръ Ширъ-Али-ханъ имѣлъ 60 т. войска, обученнаго по англо-индійскимъ уставамъ и очень не дурно вооруженнаго, съ хорошею артиллеріею. Арміи Абдэррахманъ-хана не достаетъ, по отзывамъ англійскихъ членовъ разграничительной комиссіи 1885—1887 г.г., того же, чего не доставало главнымъ образомъ арміи Ширъ-Али-хана: европейскихъ офицеровъ (см., напр., Northern Afghanistan, by major Yate, London, 1888, p.p. 367, 368). Въ случаѣ вѣрности Абдэррахманъ-хана, въ войнѣ съ Россіею, авганскія войска, обученныя одинаково съ англо-индійскими, получатъ британскихъ офицеровъ, владѣющихъ авганскимъ языкомъ (знаніе его обязательно для службы въ войскахъ сѣверо-западной границы), и въ состояніи будутъ противостоять лучшимъ европейскимъ войскамъ. Напротивъ, въ случаѣ войны противъ Англіи, авганскія войска, безъ европейскихъ офицеровъ, говорящихъ по-авгански и знающихъ англо-индійскіе воинскіе уставы, будутъ столь же безсильны, какъ оказались войска Ширъ-Али-хана. Сверхъ того, авганскія войска и ополченія не въ состояніи бороться съ арміями европейскаго противника въ правильной войнѣ по той причинѣ, что бѣдность страны продуктами продовольствія и средствами перевозокъ не дозволяетъ сосредоточивать значительныхъ массъ не только ополченія, но и регулярной арміи. Самое выставленіе ополченія возможно въ столь значительныхъ размѣрахъ, какіе выше приняты, лишь при условіи нахожденія ополченцевъ вблизи ихъ жилищъ и полученія ими продовольствія изъ домовъ своихъ. По всѣмъ этимъ причинамъ единственною разумною системою войны для авганскихъ военныхъ силъ можетъ быть признана лишь партизанская, при которой ополченіе, пользуясь знаніемъ мѣстности, можетъ, не безуспѣшно и причиняя большой уронъ, задерживать движенія наступающаго противника, а главное нападать на его обозы и прерывать сообщенія, вызывая раздробленіе силъ и случаи истреблять мелкія части.

По свѣдѣніямъ Симона, источникъ которыхъ не указанъ, но которыя повторяются нашимъ авторомъ, Абдэррахманъ-ханъ пытался убѣдить племена дураніевъ и шинвари „держать, по примѣру Бадахшана и Вахана, автономныя войска на которыя эмиръ могъ бы опереться въ случаѣ необходимости. Мы не наемники и не будемъ ими—отвѣчали приглашенные въ Кабулъ делегаты" (стр. 150). Весьма сомнительно все это, потому что „автономныя войска" опасны для власти эмира надъ землями и племенами, гдѣ заведутся,

какъ это показывалъ примѣръ Бадахшана не разъ. „Въ 1895 году Абдрахманъ-ханъ затѣялъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ введеніе въ Афганистанѣ всеобщей воинской повинности, для обсужденія чего созвалъ въ Кабулъ всѣхъ хановъ улусовъ. Протесты оказались столь рѣшительными и твердыми, что эмиру не оставалось ничего другого какъ, по афганскому выраженію, „оставить отдыхать спящихъ собакъ“ (стр. 150). Я не знаю, откуда все это взялъ г. В-ичъ, но „афганское выраженіе“ приводилось Симономъ въ 1885 году (p. 121): „Абдрахманъ-ханъ пытался въ послѣднее время ввести въ независимыхъ ханствахъ ту повинность, которую несутъ уже ханства Бадахшанъ и Ваханъ, которыя имѣютъ особыя мѣстныя войска, обязанныя однако выступать въ походъ каждый разъ, какъ потребуетъ эмиръ. Но опытъ скоро показалъ, что въ настоящее время, какъ и прежде, сдѣлать изъ всѣхъ авгановъ наемниковъ невозможно. Шинваріи и дураніи дали по этому поводу убѣдительныя доказательства своей рѣшимости не принимать никакого ига, и эмиръ, несмотря на свои деспотическія наклонности, вынужденъ былъ оставить, по авганскому выраженію, reposer les chiens qui dorment».

VI. Эмиръ и англо-авганскія отношенія.

Авторъ разбираемой статьи „Афганистанъ и его эмиръ“, намѣчая ея задачи, собирался, кромѣ очерка Авганистана, дать „характеристику“ его эмира. Слѣдовало поэтому ожидать, что въ статьѣ будутъ помѣщены важнѣйшія біографическія данныя объ эмирѣ Абдэррахманъ-ханѣ и изложены главныя событія его жизни и характерныя черты его дѣятельности, въ связи съ тѣми задачами, которыя ставили правителю Авганистана внутреннія и внѣшнія политическія отношенія. Ожиданія эти не оправданы. Вмѣсто обѣщанной характеристики, у г. Б-ича читаемъ: „Намъ остается сказать нѣсколько словъ о самомъ повелителѣ Афганистана, эмирѣ Абдрахманъ-ханѣ, для чего мы воспользуемся трудомъ послѣдняго Европейца бывшаго и описавшаго свое пребываніе въ Кабулѣ... г. Керзона, добавивъ кое-что изъ извѣстной работы Дарместетера“ (стр. 104). Какое именно сочиненіе французскаго оріенталиста Дармстетера имѣлъ въ виду нашъ авторъ,—онъ не указалъ. Извѣстной ученой „работой“ Дармстетера, относящейся къ Авганистану и авганамъ, можно правильно назвать только Chants populaires des Afghans, Paris, 1888—1890, но книга эта г. Б-ичу неизвѣстна, какъ видѣли мы по его весьма неудовлетворительнымъ свѣдѣніямъ объ авганскомъ языкѣ. Другимъ сочиненіемъ того же умершаго уже четыре года тому назадъ ученаго, имѣвшимъ отношеніе въ авганамъ, были Lettres sur l'Inde. A la frontière afghane, Paris, 1888; это наброски, замѣтки и впечатлѣнія изъ поѣздки въ Индію

и на авганскую границу, предназначенныя для большой публики, живо написанныя и не претендующія на научное значеніе. Вѣроятно г. Б-ичъ имѣетъ въ виду именно эту книжку Дарместетера.

Джорджъ Керзонъ (George Curzon), сынъ лорда Scarsdale, выступилъ на поприще политической дѣятельности въ 1885 году, въ качествѣ секретаря лорда Солсбери; въ 1886 году онъ былъ избранъ въ члены палаты общинъ и вскорѣ сдѣлался вліятельнымъ дѣятелемъ партіи тори и ея министерствъ; въ нынѣшнемъ году, не достигши еще сорока-лѣтняго возраста, онъ назначенъ на постъ вице-короля Индіи. Избравъ спеціальностью азіатскую политику Англіи, онъ, для ознакомленія съ ея предметами на мѣстахъ, совершилъ нѣсколько путешествій въ Индію, лично ознакомился съ значительною частію Персіи и наконецъ осенью и зимою 1894 года совершилъ поѣздки на Памиры и затѣмъ въ Кабулъ. Книжка Керзона, которою пользовался нашъ авторъ, есть содержащее краткій отчетъ о поѣздѣ въ Кабулъ сообщеніе. прочитанное 10 мая 1895 года въ Royal Institution of Great Britain. Все существенное и имѣющее значеніе для уясненія политики эмира и его характеристики изъ взятаго г. Б-ичемъ у Керзона заключается въ слѣдующемъ: „Я смотрю на эмира Абдурахманъ-хана какъ на твердо убѣжденнаго и вѣрнаго союзника великобританскаго правительства. Хотя и часто случались у него несогласія съ индійскимъ управленіемъ, бывали даже моменты когда отношенія между ними были натянуты, но я не думаю чтобы общій ходъ имперской политики могъ когда либо поколебать его вѣрность. Онъ знаетъ что мы не замышляемъ, да и не желаемъ присоединять къ себѣ его владѣнія. Онъ смотритъ на насъ какъ на единственную опору цѣлости его территоріи и сохраненія свободы Афганистана. Какъ независимый государь, онъ, ради подданныхъ своихъ, долженъ играть въ независимость, чѣмъ нѣсколько и раздражается нашъ офиціальный міръ, но въ критическую минуту онъ непремѣнно обратится за совѣтомъ къ Англіи и бросится въ ея объятія. Какъ одно изъ доказательствъ этого, я могу привести настоятельное желаніе непремѣнно пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ (1895 г.) въ Англію... Если же онъ не могъ исполнить своего желанія и послалъ вмѣсто себя своего младшаго сына, то это отнюдь не вслѣдствіе нѣкоторыхъ безпорядковъ въ странѣ, а просто благодаря состоянію своего здоровія, при которомъ онъ не считалъ себя въ правѣ уѣхать изъ Афганистана“ (стр. 105 и 106). Тутъ г. Б-ичъ замѣчаетъ отъ себя: „Дальнѣйшія обстоятельства показали что въ этомъ отношеніи англійскій дипломатъ жестоко ошибся: восточный перехитрилъ его. Весною 1895 г. здоровье эмира было несравненно лучше чѣмъ во время визита г. Керзона, миссія котораго и заключалась въ томъ чтобы во что бы то ни стало добиться отъ эмира его путе-

шествія. Восточный дипломатъ прекрасно зналъ что онъ нуженъ Англичанамъ въ Лондонѣ лишь для манифестаціи въ пику Россіи, но другъ Англіи благоразумно не пожелалъ быть непріятнымъ и своему сѣверному сосѣду" (стр. 106 и 107). Мы обсудимъ ниже, на основаніи дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ и не несообщенныхъ читателямъ обстоятельствъ, кто ошибался, Керзонъ или нашъ авторъ.

„Эмиръ съ твердостью заявилъ мнѣ что считаетъ Англію и Афганистанъ членами одной семьи, и это убѣжденіе, хотя принадлежащее пока только правителю, сравнительно съ его подданными ушедшему впередъ на цѣлыя поколѣнія,—можетъ проникнуть и въ прочіе умы населенія". По этому поводу г. Б-ичъ,—такъ мѣстами переводящій Керзона, что не легко догадаться объ истинной рѣчи послѣдняго,—приводитъ, по воспоминаніямъ лорда Робертса, заявленіе эмира на свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Пинди: „Лично я сторонникъ тѣснаго союза въ Англіей, но... подданные мои не раздѣляютъ моихъ мнѣній и симпатій... Это грубые люди, невоспитанные и подозрительные". „Что это была фраза восточнаго дипломата и патентованнаго стилиста,—пишетъ самъ г. Б-ичъ,—видно изъ настоящихъ событій, ибо отъ одного слова эмира зависитъ прекращеніе войны на сѣверо-западной границѣ Индіи. Увѣряя Англію въ дружбѣ, эмиръ слова этого не произноситъ" (стр. 108). На самомъ дѣлѣ, въ „настоящее" время, т. е. въ августѣ и сентябрѣ 1898 г., когда обращался г. Б-ичъ къ читателямъ „Русскаго Вѣстника", никакой войны на сѣверо-западной границѣ Индіи нѣтъ, и мы увидимъ, что эмиръ словомъ и дѣломъ выказалъ себя вѣрнымъ другомъ Англіи во время происходившихъ, съ конца іюля 1897 года до начала 1898 года, между нею и пограничными племенами столкновеній, которыя къ концу марта завершились покорностью наиболѣе упорствовавшихъ горцевъ, и установленіемъ на всей сѣверо-западной границѣ Индіи спокойствія, съ того времени не нарушавшагося.

Относительно внутреннихъ отношеній приводится изъ Керзона объ эмирѣ: „Ему приходилось управлять твердою рукою, которую не достаточно назвать желѣзною. Я не могу представить себѣ чтобы въ цѣломъ мірѣ нашелся государь котораго его народъ боялся бы съ такимъ основаніемъ какъ боится Абдурахманъ-хана его народъ". Здѣсь г. Б-ичъ замѣчаетъ: „Дарместетеръ первыя недѣли своего пребыванія въ Кабулѣ возмущался жестокостію эмира, но, пишетъ онъ, „по мѣрѣ того какъ проходило время я убѣдился что смотрѣть на поведеніе азіятскаго правителя буйной націи съ точки зрѣнія западной цивилизаціи XIX вѣка—значитъ совершать не только ошибку, но и несправедливость"" (стр. 107). Ограничимся пока указаніемъ на странное недоразумѣніе г. Б-ича или его источника, если онъ цитируетъ съ чужихъ

словъ: французскій оріенталистъ въ Кабулѣ и вообще въ предѣлахъ земель эмира никогда не бывалъ; онъ посѣтилъ только часть британскихъ владѣній, граничащихъ съ Авганистаномъ, какъ видно и изъ подзаглавія его книги, выше приведеннаго,—„На афганской границѣ".

Я уже приводилъ изъ предисловія статьи г. Б-ича, что его интересуютъ вопросы: кто виноватъ въ возстаніи племенъ противъ Англіи въ 1897 году, участвовалъ ли въ этомъ возстаніи прямо или косвенно эмиръ, каковы отношенія эмира къ Россіи и Англіи. Вмѣсто обстоятельнаго рѣшенія этихъ вопросовъ авторъ нашъ ограничивается разбросанными въ разныхъ статьяхъ статьи случайными замѣчаніями и намеками. Если по возможности собрать ихъ, то оказывается:

1) Причиною возстанія 1897 года, согласно съ мнѣніемъ неизвѣстныхъ „здраво смотрящихъ на вещи Англичанъ", были захваты Англіею „путемъ обмана" земель пограничныхъ племенъ и покушенія на ихъ независимость (стр. 129).

2) Такъ какъ Англія нанесла эмиру „въ послѣдніе годы цѣлый рядъ оскорбленій", то „возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей было бы актомъ естественнымъ" (стр. 130); если же сообразить, что эмиру, оружейные заводы котораго производятъ 15 ружей и 20 т. патроновъ въ день, „было чѣмъ снабдить десятки тысячъ Афридиссовъ, Оракзаисовъ, Момандовъ, Мумандовъ и пр." (стр. 150), и что хотя „отъ одного слова эмира зависитъ прекращеніе войны", но онъ „слова этого не произноситъ", коварно „увѣряя Англію въ дружбѣ" (стр. 108), то повидимому несомнѣнно, что авторъ нашъ склоненъ къ мнѣнію, что подъ вліяніемъ „цѣлаго ряда оскорбленій" эмиръ не чуждъ возбужденію племенъ къ возстанію и снабжалъ ихъ оружіемъ. Указать—въ чемъ именно состоялъ „цѣлый рядъ оскорбленій", возбудившихъ эмира противъ Англіи, г. Б—ичъ не позаботился, но этотъ пропускъ, зная отношенія статьи его къ писаніямъ Нила Бронского подъ тѣмъ же заглавіемъ, можно восполнить при помощи послѣднихъ: „Въ послѣдніе годы эмиръ видитъ въ себѣ жертву преднамѣренныхъ оскорбленій. Лордъ Лэнсдоунъ, дебютируя въ качествѣ вице-короля, счелъ долгомъ протестовать передъ эмиромъ противъ варварскихъ его наказаній, но наказанія эти для Афганистана совсѣмъ не варварскія, а составляютъ единственное средство для укрѣпленія трона эмира". Эмиръ обидѣлся, и „когда правительство Индіи пригласило его на дурбаръ, приглашеніе было принято съ обдуманной грубостью". Чтобы не возвращаться потомъ къ этому предмету, приходится сказать, что приглашеніе на дурбаръ и грубость въ отвѣтъ эмира есть чей-то вымыселъ, такъ какъ ничего подобнаго не знаютъ компетентные писатели, какъ Wheeler и др. „Тогда индійское правительство рѣшило послать доктора

Робертсона *) для улаженія все увеличивавшихся затрудненій, но эмиръ, согласившись въ принципѣ на принятіе миссіи, разошелся съ правительствомъ въ опредѣленіи численности эскорта... и не назначалъ дня для пріема миссіи, которая и не состоялась. Положеніе дѣлъ, казалось, не имѣло исхода, какъ вдругъ, благодаря совѣту мистера Пайна, эмиръ заявилъ, что если его здоровье не позволяетъ ему посѣтить Индію и вице-короля, то за то онъ отправится въ Англію". Результатомъ будто-бы этого заявленія были „миссія сэра М. Дагоранда и приглашеніе королевы посѣтить Англію (миссія Керзона)". Упомянувъ затѣмъ о брошюрѣ The Afghan Alliance нѣкоего Kay Robinson, котораго, почему-то, считаетъ очень компетентнымъ человѣкомъ и у котораго, повидимому, болѣе или менѣе почерпнулъ свои свѣдѣнія объ „оскорбленіяхъ", Нилъ Бронской продолжалъ: „Оскорбленія, о которыхъ онъ говоритъ, дошли въ послѣднее время до своего апогея, чаша эмира переполнилась и... по всей афганской границѣ возстали племена потанскаго и афганскаго происхожденія, изъ коихъ послѣднія (афридиссы и окариссы) всегда признавали надъ собою власть эмира, а не Англіи... Эмиръ... по послѣднимъ извѣстіямъ дѣятельно собираетъ въ Кабулъ со всѣхъ сторонъ Афганистана муллъ съ цѣлію объявить джехадъ..." („Міровые Отголоски", 28 августа 1897 года, № 237). Ниже мы укажемъ, что происходило въ дѣйствительности вмѣсто фантазій корреспондента „Міровыхъ Отголосковъ", теперь же предупредимъ, что М. Дагорандомъ названъ у Нила Бронского сэръ Мортимеръ Дьюрандъ, а „окариссами" оракзіи или „оракзаиссы" г. Б-ича.

3) „Возмущеніе эмира противъ его покровителей и друзей", т. е. противъ Англіи, г. Б-ичъ находитъ не только „актомъ естественнымъ", но „при настоящихъ обстоятельствахъ вполнѣ возможнымъ" (стр. 130). Какія это обстоятельства—авторомъ не выяснено, но „главныя массы" войскъ эмира, которыя ранѣе „были сосредоточены болѣе на нашей, чѣмъ на индійской границѣ, теперь... частію передвинуты, частію передвигаются на южную и восточную границы, благодаря перемѣнѣ курса политики эмира и улучшенію его отношеній съ Россіей позволившихъ ему исполнить это передвиженіе" (стр. 147 и 148). Кажется, всего этого нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что доведенный до крайности оскорбленіями Англіи эмиръ вошелъ въ какое-то соглашеніе съ Россіей и передвинулъ „массы" своихъ войскъ на англо-индійскую границу, дабы оказать помощь уже открывшимъ военныя дѣйствія пограничнымъ племенамъ, которыя онъ подстрекнулъ къ войнѣ и снабдилъ оружіемъ.

---

*) Въ доктора Робертсона Нилъ Бронской умудрился превратить, какъ увидимъ главнокомандующаго англо-индійской арміей генерала Робертса.

Обращаясь къ разсмотрѣнію приведенныхъ свѣдѣній и мнѣній г. В-нча, припомнимъ, что съ независимыми отъ эмировъ или мало имъ подчинявшимися, занимающими Сулеймановскую горную систему и южные отроги Хиндукуша противъ низовьевъ Кабулъ-дарьи, восточными авганскими племенами Англія вошла въ соприкосновеніе съ 1849 года, по завоеваніи Пенджаба у сейковъ, унаслѣдовавъ и границы владѣній сейковъ съ землями означенныхъ племенъ. Отношенія къ этимъ племенамъ въ продолженіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ не переставали составлять одну изъ труднѣйшихъ задачъ англо-индійской политики, оставшуюся, однако, не разрѣшенною. Конечно, отношенія Англіи къ пограничнымъ племенамъ находятся въ связи съ ея отношеніями къ Авганистану и имѣютъ общимъ источникомъ и цѣлью оборону Индіи отъ Россіи. Отказавшись отъ обладанія Авганистаномъ и возведя въ 1880 году на престолъ Кабула Абдэррахманъ-хана, на условіи подчиненія ей внѣшнихъ отношеній его страны, Англія оставила, однако, за собою пріобрѣтенныя по гандамакскому договору 1879 года отъ эмира Якубъ-хана главныя долины Сулеймановыхъ горъ, съ ведущими въ Индію изъ Авганистана путями и перевалами, и „контроль“ надъ окрестными горными племенами, съ тою цѣлію, чтобы, усиливъ естественныя затрудненія для движеній вражескихъ силъ чрезъ Сулеймановы хребты искусственными укрѣпленіями, сдѣлать изъ пограничной горной страны главную преграду русскому нашествію, на случай неуспѣшности военныхъ дѣйствій на сѣверныхъ границахъ Авганистана или въ предѣлахъ его, а также на случай перехода Авганистана на сторону Россіи. Для достиженія цѣли было бы, разумѣется, всего лучше, если бы Англія фактически обладала страною и управляла населеніемъ. Къ этому естественно и стремится англо-индійская политика, но воинственность, свободолюбіе и враждебность всякой, особенно же чуждой, власти восточныхъ авганскихъ племенъ представляли столь большія препятствія, что Англія рѣшила признавать независимость племенъ и не вмѣшиваться въ ихъ внутреннее управленіе и отношенія, не допуская, однако, связей ни съ эмиромъ, ни тѣмъ болѣе съ Россіею, не отказывая себѣ, въ случаѣ надобности, по стратегическимъ соображеніямъ, завладѣвать нужными дорогами и пунктами, съ согласія племенъ или силою, и намѣреваясь подчинить своей власти и управленію всѣ племена постепенно, при помощи политическихъ мѣропріятій и вліянія. Благодаря щедрымъ субсидіямъ, во время войны 1878—1880 гг., пограничныя племена держали себя нейтрально. По окончаніи ея, британскій агентъ для Белучжистана и юго-восточной части авганскихъ племенъ сэръ Робертъ Сендеманъ, во время войны умостившій—по выраженію Раверти—дорогу отъ Инда до Кандахара золотомъ, приступилъ къ подчиненію юго-восточныхъ авганскихъ племенъ англійской власти и управленію.

Вслѣдствіе преобладанія у какеровъ и другихъ юго-восточныхъ племенъ наслѣдственно-ханской власти дѣятельность Сендемана, располагавшаго, особенно послѣ покоренія Россіею Туркменіи, а затѣмъ послѣ подчиненія Мерва и столкновеній на авганской границѣ, обильными средствами, была успѣшна и въ 1887 году изъ земель племенъ, въ которыхъ введено имъ англійское управленіе, съ сохраненіемъ власти хановъ и суда по обычаямъ, образована особая провинція Индіи подъ названіемъ Британскаго Белучжистана. Но попытки дальнѣйшаго распространенія англійскаго управленія на сѣверъ, среди свободолюбивыхъ, съ демократическо-родовымъ самоуправленіемъ, керларнійскихъ племенъ встрѣтили большія препятствія. Сендеманъ находилъ и здѣсь меликовъ, призывающихъ англійскія деньги и военныя силы для своего обогащенія и пріобрѣтенія деспотической власти надъ общинами, но народная масса относилась враждебно, встрѣчала англійскихъ агентовъ и войска съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1888—1891 гг. Сендеманъ успѣлъ еще подчинить англійскому управленію Сивистанъ (долины Зхоба, Бори и Барханъ), но только при помощи ежегодно высылавшихся военныхъ отрядовъ, которые первые года достигнуть Зхоба не могли, вслѣдствіе вооруженнаго сопротивленія племенъ. Затѣмъ расспространеніе британскаго управленія на сѣверъ, уже въ земляхъ воинственныхъ везирей, остановилось. Даже въ долинѣ Зхоба возникли волненія, возбужденіе которыхъ приписывалось отчасти пограничнымъ авганскимъ властямъ.

Признавъ крайне необходимымъ окончательно устранить сношенія эмира съ пограничными племенами и служившую для нихъ предлогомъ неопредѣленность границы, англо-индійское правительство добилось этой цѣли соглашеніемъ Дьюранда 12 ноября 1893 года. Однако, вмѣсто ожидавшагося умиротворенія и подчиненія горцевъ, установленіе въ натурѣ знаковъ на точно опредѣляемой границѣ и устройство постоянныхъ военныхъ стоянокъ въ Вано, въ долинѣ Точи и пр., съ подчиненіемъ районовъ около этихъ пунктовъ британскому управленію, вызвали въ 1894—1897 гг. рядъ вооруженныхъ столкновеній съ везиріями и нѣсколько дорого стоившихъ военныхъ экспедицій. Между тѣмъ читральскій походъ 1895 и послѣдовавшее за нимъ устройство военной дороги для сообщенія Пишавера съ Читралемъ, съ возведеніемъ для ея охраненія укрѣпленій въ Малакандѣ и Чакдере, въ земляхъ юсуфзіевъ, вызвали со стороны сѣверныхъ пограничныхъ племенъ опасенія за свою независимость и неприкосновенность земель. 10 іюня 1897 года ожесточеніе и ненависть къ британской власти и территоріальнымъ захватамъ выразились, неожиданнымъ и для самого мѣстнаго населенія, нападеніемъ его въ деревнѣ Майзаръ, долины Точи, на англійскій отрядъ, составлявшій конвой мѣстнаго британскаго коммиссара, при чемъ были убиты или ранены всѣ пять офицеровъ отряда и 52 человѣка изъ 300 нижнихъ чиновъ. Снаряжен-

ный для отмщенія отрядъ генерала Бирда, изъ 5—6 тыс. человѣкъ, долженъ былъ остаться въ предѣлахъ Везиристана до конца ноября, чтобы, во-первыхъ, вынудить покорность вѣтви маддахель, произведшей нападеніе и удалившейся въ предѣлы владѣній эмира, и, во-вторыхъ, чтобы удержать отъ возстанія остальныхъ везирей, которые иначе послѣдовали бы примѣру юсуфзіевъ и другихъ сѣверныхъ племенъ. Возстаніе послѣднихъ началось, подобнымъ майзарскому, неожиданнымъ взрывомъ въ долинѣ Свата 26 іюля 1897 года и нападеніями внезапно образовавшихся скопищъ горцевъ на укрѣпленія Чакдере и Малаканда. Ночныя и дневныя аттаки противъ этихъ укрѣпленій, съ большими потерями для горцевъ, продолжались до прибытія подкрѣпленій къ 31 іюля и до перехода затѣмъ англичанъ въ наступленіе.

Племена Свата были усмирены въ продолженіе августа, но между тѣмъ въ возстаніи приняли участіе и открыли враждебныя дѣйствія, съ одной стороны, племена Бунира, съ другой—нѣкоторыя племена Баджаура, нижней Пянджкоры и моменды, увлеченные муллою Неджмъ-эддиномъ, въ скопище котораго стеклось много добровольцевъ изъ пограничныхъ владѣній эмира и изъ населенія британской пишаверской долины. Двѣ бригады изъ сватскаго отряда генерала Биндонъ Блуда и двѣ бригады изъ Пишавера подъ начальствомъ генерала Эллиса привели всѣ эти племена къ покорности въ теченіи сентября и части октября, за исключеніемъ бунирскихъ юсуфзіевъ, усмиреніе которыхъ совершено въ январѣ 1898 года. Между тѣмъ въ двадцатыхъ числахъ августа открыли военныя дѣйствія афридіи и оракзіи. Первые 23—25 августа, не безъ нѣкотораго сопротивленія, овладѣли фортами Хайберскаго прохода, гарнизоны которыхъ состояли изъ „хайберскихъ стрѣлковъ", набранныхъ большею частью изъ племени самихъ же афридіевъ. Оракзіи въ концѣ августа и началѣ сентября дѣлали нападенія на форты въ хребтѣ Самана и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, но большею частію безъуспѣшно. Сформированный противъ афридіевъ и оракзіевъ отрядъ генерала Локхарта, силою до 20 тыс. чел. (не считая всего до 4 тыс. резерва и вспомогательныхъ колоннъ, изъ которыхъ приняла участіе въ войнѣ лишь курамская подвижная колонна численностью до 2.500 чел.), началъ военныя дѣйствія 18 октября. Форсировавъ три горныхъ перевала, войска Локхарта, въ числѣ около 14 тыс. чел., къ 1 ноября достигли котловины Майданъ, центра страны афридіевъ, извѣстной подъ именемъ Тира. Здѣсь Локхартъ обнародовалъ условія, на которыхъ оракзіямъ и афридіямъ могъ быть дарованъ миръ. Оракзіи немедленно ихъ приняли, афридіи же уклонились. Тогда отдѣляемыя изъ отряда колонны постепенно опустошили обработываемыя мѣстности земель афридіевъ, истребляли ихъ жилища, захватывали скотъ и т. д. Между 27 ноября и 6 декабря Локхартъ, съ частью отряда, совершилъ экспедицію

въ долину р. Курманы, соединился съ проникшею туда курамскою колонною и вынудилъ мѣстныя племена чамканніевъ и масузіевъ принести покорность. Такъ какъ афридіи, отправивъ частію свои семьи въ авганскіе предѣлы, частію же укрывая ихъ въ горахъ, не покорялись, продолжая партизанскую войну и дѣйствуя на сообщенія, а между тѣмъ наступили холода и оставлять войска въ Тира долѣе не представлялось возможности, то, отправивъ тяжести обратно прежнимъ путемъ, Локхартъ 7—17 декабря вывелъ свой отрядъ двумя колоннами къ Пишаверу, внизъ по теченію рѣкъ Бара и Мастуры, объявивъ афридіямъ, что въ случаѣ дальнѣйшей непокорности ихъ вернется обратно въ ихъ земли. Въ концѣ декабря часть отрада Локхарта заняла Хайберсній проходъ почти безъ сопротивленія. Наступленіе весны, невозможность засѣва хлѣбовъ въ случаѣ возвращенія англійскихъ войскъ въ Тира, угрожающій вслѣдствіе этого голодъ и конечное раззореніе вынудили, наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, и афридіевъ принести покорность и выполнить поставленныя условія къ началу апрѣля, когда и послѣдовало расформированіе отряда Локхарта.

Въ продолженіе военныхъ дѣйствій 1897 года, принимавшія въ нихъ участіе авганскія горныя племена понесли огромныя потери убитыми и ранеными; большая часть ихъ укрѣпленныхъ башенъ, домовъ и другихъ с е н г е р о в ъ (укрѣпленій) уничтожена, множество жилищъ, садовъ и разнаго имущества истреблено; спасаясь отъ непріятельскаго нашествія, семьи ихъ подверглись въ горныхъ убѣжищахъ великимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и болѣзнямъ. Горцы убѣдились, что, благодаря дѣйствію артиллеріи, англичане могутъ овладѣвать всѣми считавшимися непроходимыми ущельями, горами и перевалами, защищать же ихъ, несмотря на все свое мужество и жертвы, племена оказываются не въ состояніи. Понесенные матеріальные ущербы и упадокъ духа, безъ сомнѣнія, лишатъ пограничныя племена на долгое время возможности возобновить борьбу съ Англо-Индіею. Конечно, озлобленіе противъ англичанъ и ненависть къ нимъ крайне возрасли, но потребуется нѣсколько лѣтъ для того, чтобы горцы возстановили разрушенныя жилища и сильно пострадавшее хозяйство, а также для того, чтобы гнетущее впечатлѣніе пораженій, своей слабости и превосходства могущества врага нѣсколько изгладилось *). Съ другой стороны и Англо-Индіи столкновенія съ горцами обош-

*) Приведеніе всѣхъ источниковъ краткаго обзора столкновеній Англіи съ пограничными племенами въ 1897 г. потребовало бы много мѣста. Поэтому ограничусь указаніемъ на главнѣйшій, самый достовѣрный: Military operations on the North-West Frontiers of India, London, 1898. Въ двухъ томахъ этого представленнаго парламенту сборника содержатся телеграммы и различная официальная переписка. У насъ имѣется обстоятельная статья г. Г. В. «Очеркъ Тирахской экспедиціи» и пр. въ «Военномъ сборникѣ» 1898 года, августъ, стр. 342—384. Въ наши газеты слишкомъ часто попа-

лись не дешево. Съ 10 іюня 1897 года по 8 марта 1898 года англо-индійскія войска потеряли убитыми и умершими отъ ранъ 506 чел. и ране-

дали невѣрныя или извращенныя свѣдѣнія. Такъ, напр., Нилъ Бронской въ № 260 «Міровыхъ Отголосковъ» (20 сентября 1897 г.) извѣщалъ, что 16 (н. ст., т. е. 2 ст.) сентября генералъ Джеффрей «натолкнулся» на громадное скопище «мумандовъ» «и потерпѣлъ полное пораженіе». «Я нарочно вчера посѣтилъ два клуба... чтобы... посмотрѣть, отразилось ли что нибудь на высокихъ ликахъ»... «Отразилось... лица вытянутыя». Злорадство однако было напрасное, такъ какъ ночное нападеніе на небольшую часть отряда Джеффрея, не успѣвшую соединиться съ главными силами отряда, было все же отражено и никакихъ вліяній на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій не имѣло (см. Military operations, vol. 2, p.p. 14—18). М. В. Венюковъ, въ газетѣ «Кавказъ» 31 октября 1897 г., представлялъ положеніе дѣлъ такъ: «Въ прошломъ іюлѣ (англичанамъ) пришлось потерпѣть пораженіе въ долинѣ Суата; позднѣе смѣлыя нападенія Афридіевъ, Мохмендовъ, Оракзаевъ приблизили театръ военныхъ дѣйствій къ Пешаверу, а тѣмъ англійскимъ войскамъ, которыя проникли было въ Баджауръ на правый берегъ Пянджкоры, приходится опасаться не только пораженія, но и истребленія». Имѣющему 60 т. «Локгарту приходится изворачиваться съ трудомъ и англійское правительство вынуждено было посылать подкрѣпленія изъ Европы».—Даже чуждый англофобства и обыкновенно хорошо освѣдомленный хроникеръ «Русскаго Богатства» С. Н. Южаковъ писалъ ошибочно, что «въ долинѣ Тачи, въ концѣ іюня, былъ аттакованъ и истребленъ»... «летучій отрядъ англійскихъ войскъ, обходившій предгорья Соломонова хребта» (февраль 1898 г., стр. 123); на самомъ дѣлѣ нападеніе было произведено 10 іюня н. ст. въ д. Майзаръ, долины Точи, не на летучій отрядъ и т. д., а на конвой мѣстнаго коммисара Ги въ 300 ч., но конвой этотъ истребленъ не былъ, а только потерялъ 57 ч. убитыми и ранеными, «Осенняя кампанія (генерала Локгарта) была неудачна. Англичане послѣдовательно потеряли всѣ горные форты, которыми владѣли, а успѣхи, одержанные въ открытыхъ сраженіяхъ, не привели къ покорности» (стр. 124); въ дѣйствительности, африди овладѣли лишь фортами и постами Хайберскаго прохода, занятыми «хайберскими стрѣлками» изъ туземцевъ, безъ британскихъ офицеровъ, притомъ задолго до начала кампаніи Локгарта, которая именно этими дѣйствіями афридіевъ была вызвана, всѣ же главные форты въ горахъ Самана, занятые регулярными войсками, англичане удержали въ своей власти, отразивъ нападенія оракзіевъ; не покорились осенью лишь афридіи, союзники же ихъ оракзіи не только принесли покорность до выхода Локгарта изъ Тира, но и выполнили всѣ ея условія. «Весною войну придется возобновить съ новыми силами» (тамъ же); на самомъ дѣлѣ весною покорились и афридіи, видя готовность старыхъ силъ возвратиться въ Тира.

Нѣкоторыя русскія, французскія и нѣмецкія газеты,—столько же по нерасположенію къ Англіи, сколько по невѣдѣнію истиннаго положенія дѣлъ на англо-индійской границѣ,—старательно собирали и печатали лѣтомъ и осенью 1898 года всякіе слухи о грабежахъ и убійствахъ на этой границѣ, о раздорахъ дирскаго хана съ сосѣдями и т. под., предвѣщая возобновленіе войны Англіи съ пограничными племенами. Всѣ эти предсказанія не оправдались и не могли оправдаться, потому что ранѣе нѣскольких лѣтъ горцы могутъ взяться за оружіе лишь въ случаѣ крайней необходимости, будучи вынуждены Англіею, которая совершенно, съ своей стороны, не желаетъ вызывать ихъ къ войнѣ.

ными 1,378 чел. Въ томъ числѣ убито и умерло отъ ранъ англійскихъ офицеровъ 44, нижнихъ чиновъ 136 чел. и ранено офицеровъ 93, англійскихъ нижнихъ чиновъ 404 чел. Для военныхъ дѣйствій противъ горцевъ Англо-Индія должна была выставить одновременно, въ разныхъ отрядахъ, отъ 60 до 70 тыс. чел., т. е. такое число войскъ, которое только и можетъ, при нормальныхъ условіяхъ, выдѣлять вся англо-индійская армія для военныхъ операцій за границею и которое превосходитъ силы, употреблявшіяся въ англо-авганскихъ войнахъ. Огромные расходы, потребовавшіеся для войны, при голодѣ въ Индіи, отразились на финансахъ Индіи чрезвычайно тяжело. Между тѣмъ, хотя враждебнымъ племенамъ нанесены были чувствительныя пораженія, однако слишкомъ суровыя условія мира, въ особенности, напримѣръ, введеніе англійскаго управленія и отчужденіе земель, могли побудить многія племена къ рѣшимости продолжать войну, для которой отъ Англіи потребовались бы тяжкія усилія на неопредѣленно-долгое время, въ продолженіе котораго могли возникнуть столкновенія съ Россіею, легко возможныя по поводу борьбы интересовъ на дальнемъ Востокѣ, и въ такомъ случаѣ враждебныя отношенія населенія сѣверо-западной границы угрожали бы Индіи большими опасностями. Какъ бы то ни было, англійское правительство не пожелало ожесточать горцевъ и возбуждать ихъ къ отчаянному сопротивленію для защиты своихъ земель и самоуправленія. Предложенныя племенамъ условія примиренія однообразно сохраняли имъ независимость и обладаніе ихъ землями; побѣдители ограничились наложеніемъ весьма умѣренныхъ штрафовъ и требованіемъ выдачи нѣкоторой части имѣвшагося у горцевъ оружія, особенно дальнобойныхъ магазинокъ, или ихъ довольно высоко назначенной стоимости. Той же осторожной и миролюбивой политики нынѣшнее министерство намѣрено держаться относительно пограничныхъ племенъ и въ будущемъ. Такія, по крайней мѣрѣ, инструкціи даны лордомъ Хамильтономъ въ упоминавшейся уже депешѣ вице-королю Индіи отъ 28 января 1898 года, и таковы были объясненія правительства въ парламентѣ, въ началѣ весенней сессіи нынѣшняго года.

Для выясненія отношеній эмира къ столкновеніямъ пограничныхъ племенъ съ Англіей необходимо бросить краткій взглядъ на его общее внутреннее и внѣшнее положеніе *). Когда, послѣ отреченія эмира Якубъ-хана отъ престола и высылки его въ Индію, осенью 1879 года, престолъ эмира Авганистана сдѣлался вакантнымъ, то племянникъ Ширъ-Али-хана Абдэррахманъ-ханъ,—

*) Помѣщенныя ниже свѣдѣнія взяты изъ различныхъ источниковъ, но главнѣйшіе факты можно найти въ извѣстной біографіи эмира Абдэррахманъ-хана, изданной Wheeler'омъ (The Ameer Abdur-Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895), замѣчательной какъ по обилію и вѣрности свѣдѣній, такъ и по безпристрастію автора.

поддерживавшій нѣкогда соперника Ширъ-Али, другого своего дядю Азима, вмѣстѣ съ нимъ разбитый въ январѣ 1869 года и проживавшій съ 1870 г. въ Самаркандѣ,—получилъ отъ русскаго правительства разрѣшеніе попытать свое счастіе. Въ началѣ 1880 года онъ появился въ Бадахшанѣ, а въ мартѣ власть его была признаваема уже во всѣхъ авганскихъ владѣніяхъ на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Успѣху его способствовало отсутствіе соперниковъ, такъ какъ старшій сынъ Якубъ-хана, провозглашенный эмиромъ вождями ополченій, боровшихся съ англичанами въ Кабульской области, былъ несовершеннолѣтенъ и находился на югѣ отъ Хиндукуша, братъ же Якубъ-хана, Эюбъ-ханъ, вслѣдствіе безпорядковъ между его войсками въ Хератѣ. долго не могъ собраться съ силами и выступить противъ англичанъ къ Кандахару. Окончательно уже рѣшившее, вслѣдствіе трудностей удержать Авганистанъ подъ непосредственной своей властью, передать страну эмиру, котораго излюбитъ населеніе и который согласится подчинить Англіи свои внѣшнія отношенія, англійское правительство поручило завѣдывавшему въ Кабулѣ политическою частію сэру Лепель Гриффину войти съ Абдэррахманъ-ханомъ въ сношенія. Начатые письмомъ Лепель Гриффина отъ 1 апрѣля переговоры шли довольно медленно, такъ какъ Абдэррахманъ-ханъ, находившійся за Хиндукушемъ, не рѣшался дѣйствовать безъ одобренія вождей племенъ и ополченій на югѣ Хиндукуша. Англійскія условія заключались въ томъ, что эмиру Кабула будетъ предоставлено подчинить себѣ Хератъ, но Кандахаръ останется подъ властію особаго правителя, отъ него независимаго и поставленнаго Англіею, и что постановленія гандамакскаго договора о границѣ съ независимыми племенами и „контролѣ“ надъ ними Англіи останутся въ силѣ; эмиръ обязуется не имѣть политическихъ сношеній съ другими государствами, за что Англія будетъ помогать въ защитѣ его владѣнія отъ всякаго невызваннаго нападенія извнѣ; отказываясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе владѣній эмира и отъ назначенія въ предѣлы ихъ англійскихъ резидентовъ, Англія предоставляла себѣ содержать въ Кабулѣ агента изъ мусульманъ, для обычныхъ сношеній съ эмиромъ по текущимъ дѣламъ. Принявъ наконецъ предложенныя условія, Абдэррахманъ прибылъ 20 іюля въ Чарикаръ, англійскія же власти собрали въ Кабулѣ подчинявшихся имъ мѣстныхъ сердарей и старѣйшинъ и объявили его эмиромъ. Свидѣвшись затѣмъ съ сэромъ Гриффиномъ, эмиръ совершилъ свой въѣздъ въ Кабулъ лишь послѣ выступленія англійскихъ войскъ, закончившагося 10 августа. Получивъ, съ августа 1880 года до іюля 1881 года, отъ Англіи въ субсидіи всего 3.615.000 рупій, новый эмиръ успѣлъ въ теченіе этого времени прочно утвердиться въ принятыхъ отъ Англіи владѣніяхъ, съ добавленіемъ 15 апрѣля 1881 г. Кандахара, правитель котораго отказался отъ своего поста. 27 іюля

1881 года Эюбъ-ханъ хератскій успѣлъ захватить Кандахаръ, но 22 сентября онъ былъ разбитъ эмиромъ и бѣжалъ въ Персію, такъ какъ въ это же время войска эмира изъ Туркестана заняли Хератъ. Такимъ образомъ, въ концѣ сентября 1881 года Абдэррахманъ-ханъ объединилъ въ своихъ рукахъ весь Авганистанъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣлъ онъ при Достъ-Мохаммедѣ и Ширъ-Али, за исключеніемъ земель, уступленныхъ по гандамакскому договору.

Призваніе Абдэррахманъ-хана на тронъ эмира Авганистана и дальнѣйшая его поддержка были со стороны Англіи правильнымъ и вполнѣ оправдавшимся политическимъ разсчетомъ. Коль скоро Англія рѣшила отказаться отъ непосредственнаго обладанія Авганистаномъ, желая, для противодѣйствія нашествію съ сѣвера, имѣть въ немъ лишь вѣрнаго вассала, пользующагося полной самостоятельностью во внутреннемъ управленіи, то всякій эмиръ, если только онъ человѣкъ умный и энергичный, неминуемо сдѣлается вѣрнымъ слугою ея внѣшней политики, потому что, при признаніи со стороны Россіи Авганистана находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, ни одинъ эмиръ не можетъ удержаться на престолѣ не только противъ воли Англіи, но безъ ея субсидій и поддержки внутри государства. Субсидіи крайне нужны были эмиру, по вступленіи на престолъ, для организаціи всѣхъ частей управленія въ странѣ, расшатанной смутами и раззоренной непріятельскимъ нашествіемъ. Безъ денегъ едва-ли бы онъ справился съ Эюбъ-ханомъ, пользовавшимся значительной популярностью въ качествѣ побѣдителя надъ бригадою генерала Борроуза при Мейвандѣ; эмиръ не одержалъ бы, быть можетъ, надъ нимъ побѣды, если бы не имѣлъ денегъ для подкупа части войскъ Эюбъ-хана, измѣнившихъ ему въ критическій моментъ. Безъ англійскихъ денегъ очень трудно было бы Абдэррахманъ-хану удержаться на тронѣ и усмирять многочисленныя возстанія, имѣя противъ себя хановъ и старѣйшинъ могущественнѣйшихъ племенъ, которыхъ независимость онъ прекращалъ или ограничивалъ, приверженцевъ семейства Ширъ-Али, все духовенство и руководимую имъ массу населенія, считающую, вмѣстѣ съ муллами, Абдэррахманъ-хана за невѣрнаго и друга невѣрныхъ. При такомъ положеніи, когда эмиръ, въ сущности, опирается лишь на немногихъ личныхъ приверженцевъ и на армію, вѣрность которой, противъ внутреннихъ, по крайней мѣрѣ, враговъ, весьма, при извѣстныхъ условіяхъ, проблематична, главная поддержка эмира заключается въ силахъ и помощи Англіи. Такъ смотритъ на свое положеніе и самъ эмиръ, потому что, получивъ въ 1888 году извѣстіе о пораженіи своей арміи, посланной для усмиренія возстанія Исхакъ-хана въ Авганскомъ Туркестанѣ, онъ немедленно обратился за помощью къ англо-индійскому правительству: справедливо, при ненависти духовенства, нелюбви народа и враждебности хановъ и сердарей,

считая себя находящимся въ крайней опасности, онъ просилъ вице-короля выслать къ нему на помощь возможно болѣе войскъ, и готовъ былъ даже просить о занятіи британскими войсками Кандахара, если бы не отговорилъ его британскій векиль (агентъ при эмирѣ). Тревога была напрасна и ошибочныя вѣсти о пораженіи его войскъ вскорѣ замѣнились достовѣрными свѣдѣніями о рѣшительномъ пораженіи Исхакъ-хана, едва спасшагося бѣгствомъ въ Бухару. Но приведенный фактъ весьма интересенъ, ибо показываетъ, съ одной стороны, что самъ эмиръ видитъ единственную надежную опору для себя, при крайней опасности, въ помощи Англіи, и что, съ другой стороны, онъ считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на эту помощь, какъ вѣрный другъ и вассалъ. Разсказываютъ, что эмиръ, въ доказательство точнаго исполненія главнаго требованія отъ Авганистана со стороны Англіи, категорически заявлялъ, что у русскихъ властей не найдется отъ него ни одной строчки, написанной по вступленіи на тронъ эмира. Конечно, это—правда, хотя вѣрность эмира въ этомъ отношеніи вѣроятно не подвергалась большимъ искушеніямъ, такъ какъ русскія власти прекратили существовавшія ранѣе письменныя сношенія съ эмирами Авганистана со времени полученнаго еще отъ Якубъ-хана, на поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, извѣщенія о томъ, что при подчиненіи внѣшнихъ сношеній страны Англіи авганскому эмиру не подобаетъ имѣть непосредственной переписки съ властями другихъ государствъ. Если Абдэррахманъ-ханъ считалъ себя обязаннымъ Россіи благодарностью за одиннадцати-лѣтній пріютъ въ Самаркандѣ, то пораженіе его войскъ на Кушкѣ въ 1885 г. нанесло такой ударъ его самолюбію, какъ государя и авганца, что отъ чувства расположенія къ Россіи, которое онъ, весьма, впрочемъ, умѣренно, выражалъ при первыхъ сношеніяхъ съ сэромъ Лепель Гриффиномъ, не осталось и слѣдовъ. Съ своей стороны Англія скоро стала смотрѣть на утвердившагося на кабульскомъ тронѣ Абдэррахманъ-хана, какъ на полезнаго и надежнаго друга, и уже въ іюнѣ 1883 года, для укрѣпленія взаимныхъ связей, лордъ Рипонъ предложилъ эмиру ежемѣсячную субсидію въ 100 т. рупій (т. е. 1.200.000 рупій въ годъ), „на содержаніе войскъ и оборону сѣверо-западныхъ границъ его владѣній“. Свиданіе съ новымъ вице-королемъ Индіи лордомъ Дюффериномъ въ Реваль-Пинди, въ началѣ апрѣля 1885 г. содѣйствовало окончательному утвержденію союза, которому обѣ стороны и остаются неизмѣнно вѣрными, не смотря на неизбѣжныя, временами, съ той или другой стороны, недоразумѣнія и небольшія неудовольствія, скоро улаживаемыя, такъ какъ союзниковъ связываютъ крѣпкія узы обоюдныхъ интересовъ.

Такъ, устраняясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе Авганистана, англо-индійское правительство считало необходимымъ дѣлать эмиру, въ общихъ интересахъ, дружественныя представленія о большей

умѣренности и мягкости наказаній. Первымъ дѣломъ эмира по вступленіи на престолъ было сильнѣйшее гоненіе противъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ его враговъ въ лицѣ пользовавшихся популярностью вождей народныхъ ополченій, боровшихся противъ англичанъ, за опасную для его власти ихъ популярность, противъ приверженцевъ семейства Ширъ-Али-хана, противъ сторонниковъ Англіи, оказавшихъ ей услуги въ Авганистанѣ, и т. д. Множество людей было лишено жизни или свободы и изгнано изъ предѣловъ Авганистана. Въ 1881 г. индійское правительство воздержалось отъ всякихъ вмѣшательствъ по этому поводу, но въ 1882 году, когда власть эмира уже достаточно окрѣпла, вице-король обратился къ нему съ просьбою о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ изгнанныхъ или бѣжавшихъ, находящихся подъ покровительствомъ Англіи за ихъ услуги, лицъ возвратиться въ ихъ отечество. Эмиръ отказалъ наотрѣзъ: «Они никогда не будутъ мнѣ друзьями и я не могу выплачивать имъ по три лака (300 т. рупій) въ годъ. Если британскія власти пришлютъ ихъ ко мнѣ, я уничтожу ихъ всѣхъ». Усмиренія возстаній въ 1881 г. (вардаковъ и кохистанцевъ), въ 1883 г. (шинваріевъ), въ 1886—7 гг. (гильджіевъ, братъ мятежнаго главы которыхъ былъ подвергнутъ жестокимъ истязаніямъ: ему выщипали изъ бороды волосы и лили на голову кипящее масло, пока не замучили до смерти) и особенно въ 1888 г. (возстаніе Исхакъ-хана) сопровождались жестокими казнями и мучительствами. Послѣ пораженія и бѣгства Исхакъ-хана, эмиръ въ ноябрѣ 1888 года отправился на сѣверъ Хиндукуша и пробылъ тамъ до іюня 1890 года, занимаясь казнями. Еще гильджіи обращались къ императрицѣ-королевѣ Викторіи съ просьбою о защитѣ отъ тиранніи эмира. Въ 1890 году индійское правительство нашло необходимымъ рекомендовать эмиру большую умѣренность въ производимой имъ въ Туркестанѣ расправѣ, ссылаясь на то, что излишняя жестокость можетъ подать поводъ къ вмѣшательству Россіи. Эмиръ отвѣтилъ, что онъ лучше, чѣмъ индійское правительство, знаетъ нравы своихъ подданныхъ, и что только сообразныя этимъ нравамъ наказанія, имъ примѣняемыя, могутъ упрочить спокойствіе въ его владѣніяхъ и предотвратить возобновленіе смутъ. Конечно, эти и позднѣйшія, по поводу кафировъ, представленія о большей гуманности были не совсѣмъ пріятны эмиру, но такъ какъ дружественные совѣты мотивировались общими интересами, а отклоненіе ихъ эмиромъ не имѣло никакихъ послѣдствій, то нѣтъ основаній полагать, что эмиръ считалъ ихъ для себя какими либо «оскорбленіями», тѣмъ болѣе, что не можетъ же онъ не сознавать, что Англія, къ которой онъ прибѣгаетъ за помощью даже по внутреннимъ дѣламъ, какъ это случилось при полученіи извѣстій о побѣдѣ Исхакъ-хана, не можетъ быть лишена права давать ему дружественные совѣты для пре-

дупрежденія народнаго ожесточенія и возстаній, для усмиренія которыхъ требуются ея силы и средства.

Дарместетеръ, оставляя слишкомъ скоропалительно составленное имъ на основаніи первыхъ слуховъ объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ о жестокомъ тиранѣ, мнѣніе былъ не совсѣмъ неправъ, потому что одна строгость наказаній не лишаетъ азіатскаго властителя популярности, ибо азіатцы привыкли къ примѣненію смертной казни. Однако, мнѣніе Дарместетера объ Абдэррахманъ-ханѣ, какъ объ ideal du justitier asiatique (Chants populaires des Afghans, p. 48), также неосновательно и объясняется недостаточностью свѣдѣній, которыя доходили до него во время кратковременнаго пребыванія въ 1886 году на авганской границѣ, тѣмъ болѣе, что возстаніе гильджіевъ было усмирено черезъ годъ послѣ путешествія Дарместетера въ Индію и на авганскую границу, а возстаніе Исхакъ-хана произошло черезъ два года, и потому онъ не имѣлъ свѣдѣній ни о жестокостяхъ, которыми сопровождались усмиренія, ни о произведенномъ ими на народъ впечатлѣніи. Хотя азіатцы не смущаются казнями преступниковъ и мятежниковъ, однако и на востокѣ всему есть мѣра, положимъ, отличная значительно отъ западной. И на востокѣ народное сознаніе признаетъ справедливымъ наказаніе лишь виновныхъ и не всегда мирится съ массовыми истребленіями и съ мучительствами въ видѣ нормы. Перешедшее мѣру терпѣнія тиранство и безумная жестокость Надиръ-шаха возбудили общенародную ненависть и закончились его гибелью отъ рукъ персіянъ, хотя это былъ освободитель Персіи отъ ига и грабительства авгановъ-гильджіевъ и завоеватель Авганистана и Индіи. Положимъ, Абдэррахманъ-ханъ не доходилъ до такихъ безумныхъ злодѣйствъ, какъ Надиръ-шахъ, но зато же онъ не совершилъ и тѣни тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя долго заставляли переносить тиранство Надира. Достъ-Мохаммедъ-ханъ и Ширъ-Али-ханъ, предмѣстники Абдэррахманъ-хана, были строгими правителями, прибѣгавшими къ казнямъ, когда это было нужно, но жестокость и казни нынѣшняго эмира переходили всякую мѣру и достойно вызвали ненависть къ нему всего его народа, такъ какъ жертвами его жестокости пало множество вліятельнѣйшихъ людей всѣхъ подвластныхъ ему племенъ и народностей. Въ авганскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ Дарместетеромъ, нѣтъ и намека на существованіе у народа взгляда на эмира, какъ на «идеалъ азіатскаго судіи». Въ этихъ пѣсняхъ Абдэррахманъ-ханъ клеймится какъ «вскормленникъ» русскихъ, продавшійся англичанамъ и измѣннически погубившій національнаго героя Мохаммедъ-Джана, стоявшаго во главѣ народныхъ ополченій, успѣшно возставшихъ въ концѣ 1879 г. противъ нашествія англичанъ и вынудившихъ Робертса очистить Кабулъ и отсиживаться въ Ширпурѣ до прибытія подкрѣпленій. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ

поется: «Гази (воитель за вѣру) Мохаммедъ-Джанъ-ханъ, мученикъ, оставилъ этотъ міръ. Его велѣлъ погубить эмиръ, схвативъ его при помощи измѣны... Съ той поры, какъ сердарь Абдэррахманъ сѣлъ на тронъ эмировъ, исчезло довѣріе человѣка къ человѣку. Онъ не перестаетъ дѣлать нападенія на Миръ-Баку и Баку-Гуля (предводители возставшихъ въ 1881 г. кохистанцевъ) и избиваетъ газіевъ массами» (Chants populaires des Afghans, p. p. 67—69). Еслибы мы имѣли пѣсни позднѣе 1886 года, то, конечно, тамъ нашлось бы много о тиранствѣ и жестокости эмира, остальныя же черты, возбудившія къ нему народную нелюбовь, уже есть въ небольшомъ собраніи Дармстетера, содержащемъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, лишь пѣсни авганъ британскихъ земель и частицы ближайшихъ къ Пишаверу пограничныхъ племенъ.

Болѣе чѣмъ жестокость и кровожадность эмира въ отношеніи къ его подданнымъ озабочивали англо-индійское правительство честолюбивыя стремленія эмира къ увеличенію его владѣній на востокъ, на счетъ пограничныхъ племенъ, Читрала и пр. Волненія въ Везиристанѣ, не безъ нѣкоторой основательности, приписывались желанію эмира расширить тутъ свои владѣнія. Съ цѣлію окончательнаго устраненія недоразумѣній относительно границы и пограничныхъ племенъ, индійское правительство заявило въ 1892 году о желаніи отправить въ Кабулъ британское посольство, о присылкѣ котораго эмиръ самъ просилъ въ 1888 году, но тогда поѣздка предназначавшагося въ послы сэра Мортимера Дьюранда не состоялась, вслѣдствіе возмущенія Исхакъ-хана и путешествія затѣмъ самого эмира въ Туркестанъ. На предложеніе 1892 года эмиръ отвѣтилъ согласіемъ, но когда оказалось, что въ послы снаряжается главнокомандующій индійской арміей генералъ Робертсъ, возбудившій двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ въ Кабулѣ, своими казнями и жестокостію, неизгладимую ненависть и ожесточеніе населенія, то эмиръ благоразумно затянулъ переговоры, а затѣмъ отклонилъ отправленіе посольства подъ предлогомъ смутъ въ странѣ вслѣдствіе возмущенія хезарейцевъ. Дѣйствительно, прибытіе въ Кабулъ Робертса могло ознаменоваться катастрофою, подобною участи Каваньяри. Между тѣмъ, зная, что Робертсъ, за истеченіемъ срока его службы въ Индіи, долженъ отправиться въ Англію въ первой половинѣ 1893 года, эмиръ правильно разсчиталъ, что, отсрочивъ прибытіе посольства, избавится отъ Робертса и сопряженныхъ съ его появленіемъ въ Авганистанѣ опасностей. Серьезные писатели ничего не говорятъ о переговорахъ относительно конвоя Робертса. Одинъ изъ муллъ, пописывающихъ въ англійскихъ журналахъ, увѣрялъ (Nineteenth Century, 1898, February, p. 244), что на увѣдомленіе лорда Лэндсдауна о назначеніи въ конвой Робертса, сообразно его высокому положенію

во главѣ индійской арміи, отряда въ 10 т. ч., эмиръ отвѣтилъ, что съ своей стороны, согласно восточнымъ обычаямъ, вышлетъ на встрѣчу 50 т. ч. Это, конечно, такой же и по тому же шаблону вымышленный анекдотъ, какъ приводимый Wheeler'омъ: во время пребыванія эмира въ Авганскомъ Туркестанѣ, одинъ русскій генералъ послалъ предупредить эмира, во избѣжаніе недоразумѣній, что онъ намѣренъ произвести близъ авганской границы маневры съ отрядомъ въ 500 ч.; на это эмиръ отвѣтилъ, что самъ собирается произвести соотвѣтственные маневры съ 5 т. ч. По выѣздѣ Робертса въ Англію, эмиръ не замедлилъ извѣстить, что смуты прекращены и что поэтому никакихъ препятствій къ пріему британскаго посольства не имѣется. Посолъ сэръ Мортимеръ Дьюрандъ былъ принятъ въ Кабулѣ съ большимъ почетомъ и заключилъ 12 ноября 1893 года соглашеніе, которое удовлетворило обѣ стороны. Сохранивъ за собою на восточныхъ склонахъ западнаго Сулейманскаго хребта довольно доходныя и заселенныя спокойнымъ населеніемъ округа Хостъ и Фермуль, эмиръ отказался отъ притязаній на остальныя земли въ Сулеймановыхъ горахъ, принялъ предложенную въ этомъ смыслѣ линію границы и обязался окончательно устраниться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла живущихъ за этою границею племенъ, какъ состоящихъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи; на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи эмиръ отрекся отъ всякихъ притязаній на Читралъ и лежащія далѣе на востокъ владѣнія, а также на земли въ бассейнахъ Свата и Пянджкоры, за что Англія утвердила произведенный имъ захватъ Асмара, предоставивъ завладѣть и Кафиристаномъ. Сверхъ того, Англія увеличила ежегодный размѣръ субсидіи эмиру на 400 т. р., такъ что всего онъ сталъ получать 1,600.000 рупій.

Свѣдѣнія г. Б-ича, о возложенной на Керзона при поѣздкѣ его въ Кабулъ оффиціальной миссіи, ошибочны. Керзонъ, членъ консервативной партіи, не только не имѣлъ какого либо порученія отъ стоявшаго въ то время у власти либеральнаго министерства, но публично въ лондонскомъ географическомъ обществѣ,—гдѣ дѣлалъ 18 февраля 1895 года сообщеніе о поѣздкѣ на Памиры, — претендовалъ на англо-индійское правительство, запретившее ему „по неизвѣстнымъ таинственнымъ причинамъ“ съѣздить на озеро Викторіи и на Б. Памиръ (The Geographical Journal, 1896, July, p. 17). Кабулъ посѣтилъ онъ какъ частный человѣкъ, какъ стоявшій въ это время не у дѣлъ бывшій товарищъ государственнаго секретаря по дѣламъ Индіи, могущій снова сдѣлаться членомъ кабинета, когда событія приведутъ ко власти консервативную партію взамѣнъ либеральной. Эмиръ, съ трудомъ допускающій и оффиціальныя посольства, разрѣшилъ Керзону поѣздку въ Кабулъ какъ политическому дѣятелю, лично къ нему расположенному. Дѣйствительно,

Керзонъ въ корреспонденціяхъ въ Times и въ многочисленныхъ статьяхъ въ журналахъ не разъ высказывался объ эмирѣ, какъ о дорогомъ и вѣрномъ другѣ Англіи, доходя напр. до утвержденія, что Авганистанъ существуетъ потому, что находится подъ управленіемъ человѣка съ желѣзной волей, по смерти же его или удаленіи все государство рухнетъ, какъ карточный домикъ (The Nineteenth Century, 1893, August). Не мудрено, поэтому, что эмиръ, при бесѣдахъ съ Керзономъ, сообщилъ ему о намѣреніи своемъ совершить путешествіе въ Англію для укрѣпленія существующихъ дружественныхъ отношеній. Затѣмъ, по болѣзни или по другимъ причинамъ эмиръ самъ не поѣхалъ, а послалъ младшаго сына, это большой важности не имѣетъ. Я отвергаю, однако, предположеніе г. Б-ича о томъ, что эмиръ не поѣхалъ въ Англію, чтобы не причинить непріятности Россіи. Такъ какъ Россія признаетъ Авганистанъ находящимся въ сферѣ вліянія Англіи, то до поѣздки вассала Англіи въ Лондонъ ей не могло быть никакого дѣла, какъ и вообще до взаимныхъ между ними отношеній. Самъ же г. Б-ичъ разсказываетъ, что въ 1885 г., при свиданіи съ вице-королемъ въ Реваль-Пинди, эмиръ, „потрясая поднесенною саблею, воскликнулъ: поражу ею всѣхъ враговъ Англіи“ (стр. 103). Англійскія описанія ничего не говорятъ о потрясаніи саблей и угрозѣ поразить ею всѣхъ враговъ Англіи; по нимъ рѣчь эмира состояла въ слѣдующемъ: „Я глубоко тронутъ доброжелательствомъ вице-короля и оказанными мнѣ королевой-императрицей знаками расположенія. Въ отвѣтъ на эти чувства я выражаю готовность вмѣстѣ съ моими войсками и народомъ оказать всякаго рода услуги, которыя могутъ быть потребованы отъ меня или авганцевъ. Такъ какъ англійское правительство объявило о своей помощи мнѣ для отраженія какого бы то ни было внѣшняго врага, то справедливость требуетъ, чтобы Авганистанъ шелъ самымъ непоколебимымъ образомъ рука объ руку съ британскимъ правительствомъ“.

Соглашеніе Дьюранда не оправдало возлагавшихся на него со стороны Англіи надеждъ относительно пограничныхъ племенъ, но эмиръ съ своей стороны исполнялъ его во всей точности. Вѣренъ ему онъ оказался и во время столкновеній Англіи съ горцами въ 1897 году, хотя положеніе его было весьма затруднительно. Съ одной стороны, начавшія войну съ англичанами или собиравшіяся открыть военныя дѣйствія племена обращались къ эмиру съ просьбами о помощи; духовенство ихъ, поддерживаемое муллами всего Авганистана, настаивало на объявленіи эмиромъ священной войны противъ невѣрныхъ и о помощи возставшимъ всѣми его силами и средствами; населеніе смежныхъ съ пограничными племенами областей Авганистана устремлялось массами подъ предводительствомъ муллъ за границу въ ряды воюющихъ съ невѣрными; пограничные начальники, въ душѣ большею частію сочув-

ствующіе войнѣ противъ невѣрныхъ англичанъ, безсильны были, и при добромъ желаніи, задержать переходъ за границу добровольцевъ, тѣмъ болѣе, что въ горныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ прекратить уходъ за границу безчисленными горными тропами, особенно въ ночное время, невозможно; вожди и руководители возстаній не стѣснялись злоупотреблять именемъ эмира, увѣряя горцевъ въ сочувствіи эмира и въ его готовности объявить священную войну по окончаніи необходимыхъ приготовленій. Съ другой стороны, введенные въ заблужденіе разсѣваемыми подстрекателями къ возстаніямъ слухами и дѣйствительнымъ присоединеніемъ къ скопищамъ горцевъ прибывшихъ изъ владѣній эмира добровольцевъ, нѣкоторые англійскіе политическіе пограничные коммиссары доносили, что эмиръ помогаетъ племенамъ высылкою подкрѣпленій и оружія. Получивъ сообщеніе англо-индійскаго правительства отъ 13 августа 1897 года о поступившихъ къ нему донесеніяхъ относительно участія въ скопищѣ муллы Адды, вторгшемся изъ страны момендовъ, подданныхъ эмира и даже его солдатъ, чего не могло бы случиться безъ вѣдома сипахъ-салара (главнокомандующаго), Гулямъ-Хайдеръ-хана, на враждебность котораго правительство обращало и ранѣе вниманіе эмира (Military operations on the North-west Frontiers of India, London, 1898, C.—8713, vol. 2, p. 75), эмиръ 18 августа отвѣтилъ, что свѣдѣнія о нахожденіи въ шайкѣ муллы Неджмъ-эддина солдатъ его арміи ложны и онъ лично готовъ принять присягу, что ничего подобнаго не было. Что касается уроженца деревни Адды джелальабадскаго округа, муллы Неджмъ-эддина, то британскимъ пограничнымъ начальникамъ хорошо извѣстно, что мулла этотъ бѣжалъ изъ Кабула нѣсколько лѣтъ тому назадъ и проживалъ послѣ того въ деревнѣ Джароби пишаверскаго вѣдомства, на британской сторонѣ границы. Мулла этотъ имѣетъ тысячи учениковъ и послѣдователей въ населеніи джелальбадскаго округа и между момендами, и считается ими за пророка. Какъ въ прежнія времена въ Европѣ папы выдавали себя за хозяевъ рая и ада и народъ имъ вполнѣ въ этомъ вѣрилъ, такъ Неджмъ-еддинъ и другіе муллы присваиваютъ себѣ такую же власть и имѣютъ тысячи вѣрующихъ. Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ муллы употребляли всѣ усилія возмущать противъ него его подданныхъ и въ каждомъ бунтѣ, какъ напр. въ Кандахарѣ (вѣроятно, разумѣется овладѣніе этимъ городомъ со стороны Эюбъхана), въ дѣлѣ муллы Мушкъ-и-Алямa (духовный глава гильджіевъ, возбуждавшій ихъ возстанія 1886—1887 гг.) и въ дѣлѣ узбекскихъ муллъ, поддерживавшихъ бунтъ Исхакъ-хана въ Балхѣ (1888 г.), во всякомъ мятежѣ подстрекателями были муллы. Всѣ муллы уже многіе годы всевозможными способами стараются убѣдить своихъ послѣдователей и народъ, что онъ, эмиръ, есть кафиръ (невѣрный), и производятъ вооруженные мятежи во всѣхъ

мѣстахъ Авганистана. Тысячи людей погибли въ бояхъ съ обѣихъ сторонъ, нѣкоторые изъ муллъ-возмутителей были убиты съ тысячами своихъ учениковъ. Каждый мулла возбуждаетъ народъ противъ него, эмира, пока въ состояніи, придя же въ безсиліе, бѣжитъ въ британскіе предѣлы и, по великодушію Англіи, находитъ тамъ пріютъ. Такъ поступилъ и Неджмъ-эддинъ, по милости котораго теперь льется столько крови (тамъ же, pp. 88, 89). По объясненію британскаго пограничнаго начальства, мохмендская деревня Джароби дѣйствительно находится на британской сторонѣ, если руководствоваться тою чертою границы, которая объявлялась коммиссаромъ въ 1894 году; если же придерживаться соглашенія между пограничными начальниками обѣихъ сторонъ, состоявшагося весною 1897 года, то деревня лежитъ въ авганской территоріи (id., p. 89).

По донесенію британскаго агента (изъ мусульманъ) въ Кабулѣ, британское сообщеніе, отъ 13 августа, было прочитано эмиромъ на торжественномъ собраніи, созванномъ для празднованія годовщины принятія эмиромъ титула Зія-уль-миллятъ вад-динъ и состоявшемъ изъ гражданскихъ и военныхъ сановниковъ Авганистана, хановъ, старшинъ и муллъ изъ всѣхъ частей Авганистана, всего около 3 тыс. человѣкъ. По прочтеніи, эмиръ напомнилъ обстоятельства вступленія его на престолъ и заявилъ, при общемъ подтвержденіи присутствующихъ, что былъ всегда вѣренъ своимъ обязательствамъ предъ британскимъ правительствомъ, никогда не намѣревался дѣйствовать противъ него, не дозволялъ и не побуждалъ своихъ подданныхъ и солдатъ принимать участіе во враждебныхъ противъ него дѣйствіяхъ. Въ заключеніе эмиръ торжественно поклялся, что всегда желалъ сохранить дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ и никогда не желалъ ему какого либо вреда. На собраніи же былъ прочитанъ и одобренъ проектъ вышеизложеннаго отвѣта индійскому правительству отъ 18 августа (тамъ же, pp. 91, 92).

23 сентября, въ письмѣ къ британскому агенту въ Кабулѣ, эмиръ увѣдомилъ, что прибывшіе отъ афридіевъ 18 депутатовъ задержаны, по его распоряженію, въ Джелальбадѣ, въ привезенныхъ же ими и высланныхъ къ нему изъ Джелальбада просьбахъ отъ 5 сентября афридіи изъявляютъ желаніе повиноваться ему, какъ мусульманскому государю, и просятъ о помощи противъ Англіи, съ которою начали священную войну за захваты авганскихъ земель и возведеніе крѣпостей. Въ данномъ на эти петиціи отвѣтѣ эмиръ, по его словамъ, изложилъ, что проходитъ уже 18-й годъ, какъ онъ прибылъ въ Кабулъ, но они не обращались къ нему относительно дѣлъ своихъ съ Англіею, даже въ то время, когда онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ земли, чрезъ Хайберъ, въ Ревал-Пинди и обратно; не пожелали они обратиться къ нему по этимъ дѣламъ и въ ту пору, когда проѣзжалъ въ Кабулъ сэръ

Мортимеръ Дьюрандъ и когда, при переговорахъ съ этимъ британскимъ посломъ о границѣ, онъ могъ бы коснуться и дѣлъ афридіевъ. „Все это время они молчали, молчаніе же означаетъ согласіе. Я не знаю, по какому поводу возникъ раздоръ между вами и англичанами, но прежде, чѣмъ начинать войну, вамъ слѣдовало увѣдомить меня“. Заключивъ, по государственнымъ видамъ, союзъ съ британскимъ правительствомъ, онъ, эмиръ, не можетъ его нарушить, пока британцы, хотя христіане, строго его соблюдаютъ; какъ можетъ онъ, будучи мусульманиномъ, нарушить договоръ, когда въ коранѣ сказано: „исполняйте ваши обѣщанія“. Въ концѣ концовъ, эмиръ отказалъ въ просьбахъ афридіевъ наотрѣзъ: „за надѣланное вашими руками, отдѣлывайтесь своими шеями“ (тамъ же, pp. 133, 134).

7 октября, увѣдомляя, что британскія военныя силы, разбивъ шайки муллы Адды, преслѣдовали его до Джароби, но онъ успѣлъ скрыться въ авганскіе предѣлы, лордъ Эльджинъ просилъ эмира воспрепятствовать муллѣ возобновить смуты въ британскихъ владѣніяхъ, въ случаѣ же бѣгства оракзіевъ,—противъ которыхъ выступаютъ войска подъ начальствомъ генерала Локхарта,—въ авганскіе предѣлы, обезоруживать ихъ и не дозволять принимать участіе въ смутахъ. Эмиръ отвѣтилъ 13 октября, что Неджмъ-эддинъ скрывается, въ случаѣ же поимки будетъ высланъ изъ предѣловъ Авганистана. „Я хорошо знаю этихъ муллъ многіе годы. Они подобны тѣмъ попамъ временъ Петра Великаго, которые причинили большія смуты въ Россіи“. Обѣщаясь, въ случаѣ бѣгства оракзіевъ и афридіевъ въ его предѣлы, не дозволять имъ вторгаться за британскую границу, эмиръ просилъ принять въ соображеніе, что его положеніе относительно этихъ горцевъ много отлично отъ положенія британскаго правительства. Послѣднее—великое правительство. Оно употребляетъ для усмиренія горцевъ войска изъ англичанъ, сейковъ и индусовъ. Между тѣмъ всѣ военныя силы эмира состоятъ изъ соплеменниковъ этихъ горцевъ, которые притомъ тысячами отдаютъ дочерей въ замужество другъ другу и находятся между собою въ постоянныхъ родственныхъ сношеніяхъ. Если бы онъ, эмиръ, запретилъ своимъ подданнымъ принимать къ себѣ семейства ихъ заграничныхъ родственниковъ, то подвластныя ему племена сдѣлались бы къ нему столь же враждебными, какъ къ британскому правительству, тогда какъ онъ не имѣетъ солдатъ изъ англичанъ, сейковъ и индійцевъ (томъ же, pp. 162, 163).

Въ собственноручномъ отвѣтѣ на письмо британскаго агента, сообщавшее, между прочимъ, благодарность вице-короля за устраненіе домогательствъ афридіевъ о помощи, эмиръ писалъ 17 октября: „Что касается дружбы моей съ британскимъ правительствомъ, то она существуетъ уже долгое время, и я желаю, чтобы она продолжалась. Я не откажусь отъ этой дружбы,

пока живу. Что можетъ сказать мнѣ этотъ жалкій и трепещущій народъ (т. е. афридіи, приславшіе новыхъ депутатовъ) такого, что побудило бы меня измѣнить мои убѣжденія? Если бы (могущественный) непріятель (разумѣется, конечно, Россія) вступилъ въ борьбу съ славнымъ британскимъ правительствомъ, то, несмотря на мощь и силу этого врага, даже не взирая на на раззореніе моей страны его руками, я не отступлю отъ дружбы съ славнымъ правительствомъ. Эти люди (т. е. афридіи) поступаютъ какъ безумные, вслѣдствіе своего невѣжества и по наущенію своихъ муллъ: какъ могу я (ради нихъ) измѣнить своимъ убѣжденіямъ и вѣрѣ въ дружбу Англіи?" (pp. 167, 168). Въ дополнительномъ, посланномъ ночью того же 17 октября, письмѣ эмиръ извѣстилъ, что послѣ отправки перваго принялъ посланцовъ афридіевъ и оракзіевъ, умолявшихъ о спасеніи, признавшихъ безуміе затѣянной ими войны съ Англіею и просившихъ эмира исходатайствовать имъ прощеніе отъ британскаго правительства. Эмиръ отвѣтилъ имъ, что они лжецы и бездѣльники, но депутаты клялись, что говорятъ правду. Эмиръ пришелъ къ заключенію, что ежели британскимъ правительствомъ уже сдѣланы распоряженія о наказаніи оракзіевъ и афридіевъ, то толковать ему съ ними не о чемъ: что они заслужили, безумно слушаясь своихъ проклятыхъ муллъ, то и получатъ; если же приказовъ о карѣ еще не отдано и британское правительство согласится даровать имъ прощеніе на какихъ либо условіяхъ, то можно бы вступить съ нимъ въ переговоры, о чемъ эмиръ и могъ бы объявить депутатамъ (p. 168).

Въ газетѣ Times of India, 16 октября 1897 года, напечатанъ англійскій переводъ прокламаціи эмира отъ 13 августа того же года. Хотя объ этой прокламаціи въ „Синей книгѣ", относящейся къ столкновеніямъ съ пограничными племенами, совсѣмъ не упоминается, однако въ подлинности ея едва-ли можно сомнѣваться, такъ какъ въ ней выражены главныя идеи эмира, изложенныя имъ въ разное время въ дипломатической перепискѣ, частію даже позднѣе напечатанія перевода прокламаціи въ индійской газетѣ. Изъ содержанія этой прокламаціи можно заключить, что тотчасъ по полученіи вѣстей о возстаніи юсуфзіевъ въ Сватѣ муллы и мелики другихъ пограничныхъ племенъ, поддержанные всѣмъ духовенствомъ Авганистана, обратились къ эмиру, какъ къ мусульманскому государю и общей главѣ авганскихъ племенъ, съ просьбою принять со всѣмъ своимъ народомъ участіе въ священной войнѣ. Обращаясь въ прокламаціи къ мулламъ, къ „ученымъ мужамъ Авганистана", возведшимъ его на престолъ, эмиръ съ горечью упрекаетъ ихъ въ измѣнѣ и враждѣ, которую они вскорѣ къ нему обнаружили, оставшись ей вѣрными до послѣдняго времени. Онъ перечисляетъ важнѣйшіе случаи, въ которыхъ муллы становились противъ него, на сторонѣ его враговъ: Эюбъ-

хана, Мохаммедъ-Джана, вождей мятежныхъ гильджіевъ и пр. Относительно пограничныхъ племенъ прокламація констатируетъ, что они не признавали власти эмира и что сэръ Мортимеръ Дьюрандъ предъявлялъ эмиру въ Кабулѣ письма отъ народа Баджаура, момендовъ, юсуфзіевъ, афридіевъ и пр., въ которыхъ заключались заявленія о желаніи находиться подъ англійской властью и о томъ, что они отъ эмира не зависятъ. Въ виду всего этого и невозможности нарушить союзъ съ Англіею, который британское правительство точно соблюдаетъ, эмиръ категорически отказывается принять участіе въ затѣваемыхъ муллами и пограничными племенами безпорядкахъ. Съ какой стати—говоритъ эмиръ въ прокламаціи—буду я губить себя изъ-за васъ?.. Почему вы называете эти безпорядки священной войной? Для священной войны придетъ свое время: когда оно наступитъ, тогда объ этомъ будетъ вамъ объявлено. „Если бы вы (т. е. пограничныя племена) теперь предоставили себя въ мое распоряженіе и подчинились моей власти, то я постарался бы, если Богу угодно, удовлетворительно покончить ваши дѣла съ англійскихъ правительствомъ“. Въ послѣдней фразѣ заключается, видимо, та же мысль, какую эмиръ проводитъ во второмъ письмѣ отъ 17 октября: отнюдь не желая ссориться съ англійскимъ правительствомъ, эмиръ тѣмъ не менѣе не прочь былъ заручиться подчиненіемъ своей власти пограничныхъ племенъ и выступить въ роли посредника между ними и Англіею По словамъ состоящей при эмирѣ въ качествѣ врача миссъ Л. Хамильтонъ (статья ея въ Pearson's Magazine, April, 1898), эмиръ предвидитъ для Англіи большія затрудненія въ отношеніяхъ ея къ пограничнымъ племенамъ: „Чѣмъ далѣе на сѣверъ подвигается Англія, тѣмъ болѣе будутъ противиться ей горныя племена и тѣмъ болѣе постоянными и серьезными сдѣлаются мелкія пограничныя войны“ (см. Review of Reviews, 1898, April, p. 369). Можетъ быть эмиръ мечтаетъ, что, убѣдившись въ неудобствахъ имѣть дѣло съ авганскими горцами, Англія рѣшится передать и ихъ въ управленіе своего вѣрнаго вассала, какъ ввѣрило Авганистанъ. Англо-индійское правительство, однако, не пожелало допустить эмира даже до посредничества между собою и состоящими по договорамъ подъ исключительнымъ контролемъ Англіи пограничными племенами. Оставивъ безъ отвѣта намеки эмира въ этомъ смыслѣ, вице-король ограничился посылкою 28 октября копіи съ объявленія, которое поручено было сдѣлать горцамъ генералу Локхарту объ условіяхъ мира (Mil. operations, vol. 2, p. 169). Изданною въ Джелальбадѣ прокламаціею эмиръ воспретилъ своимъ подданнымъ переходить границу для участія въ войнѣ горцевъ противъ Англіи подъ опасеніемъ штрафа съ каждаго виновнаго въ I т. рупій (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1898, January, p. 216) На покорность афридіевъ имѣло рѣшительное вліяніе то обстоятельство, что посланная родомъ закка депутація не была въ началѣ

весны пропущена въ Кабулъ и выслана, по приказанію эмира, обратно за границу (тамъ же, 1898, July, p. 218). 28 іюня 1898 года, при обсужденіи въ United Service Institution of India сообщенія полковника Хэтчинсона The Story of Tirah etc., членъ совѣта вице-короля сэръ James Westland подтвердилъ заявленіе докладчика о томъ, что эмиръ честно выполнилъ свои обязательства къ Англіи; эмиръ предупреждалъ племена, что они безумствуютъ, начиная войну противъ Англіи, высланнымъ же отъ нихъ депутатамъ объявлялъ, что не хочетъ имѣть съ ними никакого дѣла, ибо они подчинены британской власти, къ которой и должны обращаться; „и это онъ говорилъ въ то время, когда ему достаточно было пошевелить мизинцемъ, чтобы война приняла несравненно болѣе обширные размѣры, чѣмъ тѣ, которыми она ограничилась“ (Journal of the United Service Institution of India, 1898, July, pp. 251, 252).

Такимъ образомъ оказались правы Керзонъ и англійскіе государственные люди, полагавшіе съ нимъ и съ сэромъ Лепель Гриффиномъ (Nineteenth Century, 1897, October, p. 507), что „эмиръ Кабула—самый вѣрный изъ союзниковъ, которыхъ Англія имѣетъ въ Европѣ и Азіи“. Конечно личность эмира имѣетъ значеніе, но, вопреки Керзону, крайне сомнительно, чтобы Авганистанъ непремѣнно разсыпался послѣ смерти Абдэррахманъ-хана, ибо государство это составляетъ достаточно прочное географическое, этническое и политическое цѣлое, въ существованіи котораго притомъ заинтересована Англія. Если бы по смерти Абдэррахманъ-хана и возникли распри за обладаніе престоломъ, Англія, наученная примѣромъ неудачнаго уклоненія ея отъ помощи Ширъ-Али-хану въ борьбѣ съ соперниками, на этотъ разъ озаботится предупредить и прекратить смуты немедленною и твердою поддержкою признаннаго ею наслѣдника престола, который, подъ давленіемъ необходимости и интересовъ, окажется столь же вѣрнымъ вассаломъ, какъ Абдэррахманъ-ханъ. Помимо войны съ Россіей,—которая, надо надѣяться, будетъ избѣгнута, благодаря благоразумію правительствъ, такъ какъ успѣхи ея и результаты не вознаградятъ и побѣдителя за причиненныя войною бѣдствія,—огромныя для Англіи опасности заключаются не въ личности эмира, а въ англо-индійской политикѣ относительно пограничныхъ племенъ и въ возможности образованія англо-индійскаго Кавказа съ населеніемъ столь же воинственнымъ и столь же страстно привязаннымъ къ независимости, какъ кавказскіе горцы, но не раздѣленнымъ, какъ послѣдніе, на десятки особыхъ народностей, говорящихъ различными языками, а принадлежащимъ лишь къ разнымъ племенамъ одной и той же авганской народности и потому могущимъ объединиться противъ общаго врага, чего не могли достигнуть кавказскіе горцы. Сами англійскіе писатели начали въ послѣднее время признавать большое сходство между русскимъ и индійскимъ Кавказами и предлагать для покоренія послѣдняго тѣ

же мѣры, которыя употреблены были Россіею. Едва ли однако такія мѣры могутъ быть признаны ведущими къ цѣли, такъ какъ авганскіе горцы отличаются отъ кавказскихъ не только возможностью объединенія между собою, но составляютъ сверхъ того лишь часть народности, господствующей въ Авганистанѣ, и непремѣнно, рано или поздно, привлекутъ къ участію въ борьбѣ своихъ западныхъ единоплеменниковъ. Какимъ образомъ англо-индійская политика можетъ создать англо-индійскій Кавказъ — это предметъ очень сложный, который, понятно, разсматривать здѣсь неумѣстно, но который весьма важенъ и интересенъ, выдвинутъ на очередь столкновеніями 1897 года и занимаетъ многіе наиболѣе вліятельные и дальновидные умы Англо-Индіи, хотя не привлекаетъ пока вниманія общественнаго мнѣнія Англіи, отвлеченнаго теперь въ другія стороны.

Подробный разборъ статьи Л. А. Б—ича показываетъ, что поставленныя себѣ авторомъ задачи выполнены во многомъ неудовлетворительно. Произошло это въ значительной мѣрѣ не отъ недостатка доброй воли и стараній. Взятый авторомъ въ основу работы очеркъ Симона, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все же одинъ изъ лучшихъ въ публицистикѣ и г. Б—ичъ пытался дополнить его изъ новѣйшихъ публицистическихъ сочиненій. Неуспѣхъ зависѣлъ главнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ къ весьма значительной степени, отъ указанной въ началѣ настоящей статьи скудости свѣдѣній объ Авганистанѣ и отъ неудовлетворительнаго положенія научной ихъ разработки и изученій. При недостаткѣ же отчетливыхъ, правильныхъ и всесторонне обработанныхъ свѣдѣній о странѣ, ея населеніи и положеніи трудно разбираться и въ противорѣчивыхъ вѣстяхъ, слухахъ и толкахъ о недавнихъ и текущихъ событіяхъ.

Октябрь 1898 г.
Спб.

Н. А. Аристовъ.

Усть-Ницынская слобода, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губ.

(Продолженіе).

Домашній бытъ

жителей слободы Усть-Ницынской.

Жители слободы Усть-Ницынской не всегда жили въ такихъ помѣщеніяхъ, какія представляются глазамъ современнаго наблюдателя. По преданіямъ старожиловъ, жильемъ усть-ницынскаго крестьянина еще въ первой половинѣ XIX столѣтія служила изба, устроенная «по черному». Главное отличіе этой избы отъ нынѣ существующей заключается въ устройствѣ печи. Въ старинной избѣ печь не имѣла трубы, и дымъ, получавшійся отъ топки, выходилъ прямо въ избу и поднимался къ потолку. Въ задней стѣнѣ избы подъ потолкомъ находилось четыреугольное окно для выхода дыма наружу. Къ этому окну снаружи пристраивался изъ досокъ конусообразный дымникъ, который въ наклонномъ положеніи выходилъ своимъ концомъ поверхъ крыши. Подобныя избы отличались отъ нынѣ существующихъ еще тѣмъ, что имѣли, для доступа свѣта, квадратныя оконца около полуаршинной высоты. Вмѣсто стекла, оконца затягивались слюдой или же брюшиной. Рамы переплетались въ квадратную клѣтку узкими полосами желѣза. Вмѣсто привѣшенныхъ нынѣ снаружи ставней, оконца въ избахъ задвигались извнутри помѣщенія особою приспособленною доскою.

Живое подобіе этихъ, нынѣ исчезнувшихъ, черныхъ избъ представляютъ бани. Хотя за послѣднее время жители строятъ бани «по бѣлому», но большинство бань въ слободѣ Усть-Ницинской устроено «по черному».

Вторую часть крестьянскаго стариннаго жилья составляла клить (т. е. клѣть).

Клѣть отдѣлялась отъ избы большими холодными сѣнями и представляла изъ себя совершенно темную и, притомъ, холодную комнату. Въ клѣти не было ни одного окна, не было печи и назначена она была для складыванія и храненія имущества.

Таковы прототипы нынѣ существующихъ жилыхъ крестьянскихъ построекъ въ слободѣ Усть-Ницынской.

XIX вѣкъ, вѣкъ пара и электричества, принесъ въ жилье усть-ницынскаго крестьянина стекло вмѣсто слюды и брюшины; въ темной клѣти построилъ онъ печку, прорубилъ окна, назвавъ ее горницей, и, видоизмѣнивъ такимъ образомъ крестьянское жилье, пустилъ его въ обращеніе на встрѣчу XX-му вѣку... XX вѣкъ, Богъ дастъ, будетъ для Сибири вѣкомъ улучшенныхъ путей сообщенія, по которымъ населеніе, въ невольной погонѣ за столь необходимымъ для него презрѣннымъ металломъ, двинется изъ одной стороны въ другую, учась въ тоже время, такъ сказать «на ходу», новымъ способамъ стройки жилищъ, шитья одежды и пр., на живыхъ примѣрахъ дѣйствительности. Мы твердо убѣждены въ томъ, что при условіяхъ болѣе частыхъ сношеній единымъ нивеллирующимъ факторомъ будетъ та или другая степень экономическаго благосостоянія, и архитектурныя и иныя преданія дѣдовъ, владѣвшія умами въ безмолвіи минувшаго времени до первой половины XIX вѣка, отойдутъ въ область небытія. Мы полагаемъ, что къ концу XX вѣка уже трудно будетъ говорить о типѣ мѣстныхъ крестьянскихъ построекъ. Типъ этотъ уже и теперь разрушается. Въ новѣйшихъ пятистѣнныхъ домахъ видно скорѣе властное вліяніе высшаго жизненнаго строя, чѣмъ преданія дѣдовъ, посѣдѣвшихъ въ курныхъ избушкахъ...

Въ настоящее время типичное народное жилище въ данной мѣстности представляетъ собою домъ, состоящій изъ двухъ половинъ: избы и горницы, между которыми находятся холодныя сѣни. Кромѣ домовъ подобнаго типа существуютъ въ слободѣ Усть-Ницынской дома «пятистѣнные», въ которыхъ пятая стѣна проходитъ внутри дома и дѣлитъ его на двѣ части. Самое бѣдное жилище представляетъ собою изба. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что слово «изба» служитъ для обозначенія «половины дома» и «цѣлаго зданія».

Займемся сначала описаніемъ дома.

При входѣ въ ограду крестьянскаго дома вы замѣчаете крыльцо—большею частью закрытое со всѣхъ сторонъ,—отворяете «крылéчную» дверь и вступаете внутрь крыльца. Тутъ вамъ необходимо подняться вверхъ по крылечнымъ ступенямъ и, затѣмъ, вы очутитесь лицомъ къ лицу съ «сѣнной дверью», отворивши которую вы вступите въ сѣни. Это довольно обширное, но совершенно темное и холодное помѣщеніе. Если вы посѣщаете крестьянское жилье въ первый разъ и совершенно незнакомы съ топографіей его, то вамъ придется взывать о помощи. Услышавши незнакомый голосъ, хозяйка съ замѣтной дозой испуга въ голосѣ спроситъ васъ: «кто крешшеной?» и сотворитъ молитву. Если вы желаете вступить въ мирную бесѣду съ обывателями посѣщеннаго дома, то вамъ придется употребить нѣкоторыя усилія для того, чтобы побѣдить робость, которая овладѣла всѣми при вашемъ появленіи... Положимъ, вы попали въ избу крестьянскаго дома. Переступивши порогъ, вы замѣчаете, что вамъ нельзя выпрямиться во весь ростъ, такъ какъ сверху васъ гнетутъ палáти, и вы должны приблизиться къ гóбцу или же, подавшись впередъ, миновать палати: тамъ просторнѣе. Почувствовавъ себя свободнѣе, не забудьте, дабы на первыхъ порахъ себя не компрометировать, помолиться на образъ и сказать какое нибудь общее

привѣтствіе хозяевамъ дома. Заговоривши, не дѣлайте сильныхъ удареній на а: вы приличны и вамъ нѣтъ надобности заимствовать манеру разговора у посельщиковъ... Въ числѣ самыхъ первыхъ словъ отъ хозяевъ вы услышите «милости просимъ» и приглашеніе сѣсть. Вамъ придется сѣсть на лавку, поближе къ переднему углу, и тогда вы вполнѣ можете изучить внутреннее убранство крестьянской избы.

Вдоль трехъ стѣнъ, на высотѣ около трехъ четвертей аршина отъ пола, тянутся лавки для сидѣнія. Аршина на два вверхъ тянутся три полки. Въ переднемъ углу божница съ иконами, а передъ нею на полу стоитъ столъ. Добрую половину избы заняла печь, рядомъ съ печью много мѣста отнимаетъ гоўбецъ—досчатый ящикъ, прикрывающій входъ въ подполье. Наружную стѣнку гоўбца называютъ заборомъ, а пристройка около входа въ подполье носитъ названіе стамика̀. Если на кого либо изъ хозяевъ найдетъ веселый стихъ, то онъ скажетъ вамъ прибаутку относительно этого самаго стамика.

Старуха старика
Донимать у стамика,
Назавтре старикъ
На ногахъ не стоитъ.

Около стамика находится лохань и надъ нею—рукомойникъ.

Часть избы, находящаяся противъ передней части печи, называется ку́тью. Куть назначена для стряпни. На лавкѣ около печи находится ящикъ, предназначенный для храненія соли, посуды и пр. и называемый залавкомъ. Далѣе вы замѣтите, что залавокъ занимаетъ половину лавки, а надъ другой ея половиной подъ полкой находится—полочка или верхній залавокъ, предназначенный также для храненія разнаго рода кухонныхъ принадлежностей. Залавки и лавки въ кути моются изъ особой чистой посуды. Отъ собственно избы куть отдѣляется зана́вѣсой. Въ заднемъ углу избы противъ печи на одной высотѣ съ полками устраиваются пола́ти. Полати представляютъ изъ себя широкую досчатую кровать, поддерживаемую брусьями.

Если мы опустимся въ подполье, называемое иногда еще гоўбцемъ, мы найдемъ тамъ столъ, для храненія хлѣба; уголъ, отведенный для картофеля; полки съ масломъ и яйцами. Тамъ совершенно темно, это жилище—сусѣдка, пугало для подрастающаго поколѣнія. Заговоривъ о сусѣдкѣ, вамъ разскажутъ еще о какой-то букари́цѣ, которая обитаетъ чуть-ли не въ томъ же подпольѣ...

Но гостей не подобаетъ принимать въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ васъ, навѣрное, пригласятъ въ горницу. Проходя черезъ сѣни съ огнемъ, вы замѣтите, что въ сторонѣ, противоположной отъ сѣнной двери, находится казёнка. Это часть сѣней, отгороженная досчатой перегородкой. Казенка не всегда находится въ сѣняхъ: иногда ее устраиваютъ и въ горницѣ около печки.

Горница представится вамъ въ слѣдующемъ видѣ.

Передній уголъ занятъ иконами. Въ срединѣ помѣщается особенно-почитаемая икона (Святителя Николая, Спасителя, Божіей Матери), а отъ нея въ обѣ стороны идетъ рядъ другихъ иконъ и картинъ священнаго содержанія. Около каждой иконы сдѣланы приспособленія для постановки восковыхъ свѣчей. Иконы круглый годъ бываютъ украшены убранными вербами. Въ Вербное воскресенье жители получаютъ вербы въ церкви, а затѣмъ, принеся домой, принимаются за убранство ихъ. Для чего берутъ цвѣтной бумаги, приготовляютъ изъ нея бумажные разныхъ цвѣтовъ, или красокъ, цвѣты и прикрѣпляютъ къ вербамъ. Кромѣ того, вся верба закутывается въ цвѣтную бумагу. Каждое Вербное Воскресеніе вербы перемѣняются.

На одной высотѣ съ иконами по двумъ стѣнамъ развѣшаны картины свѣтскаго содержанія. Это—большею частью, портреты Государя Императора, Его семьи, портреты полководцевъ, генераловъ, военныя сраженія, богатыри и т. п.

На Свѣтлой недѣлѣ горница украшается развѣшанными по стѣнамъ полотенцами изъ тонкаго холста и тонкой, по мѣстному, работы. Къ этимъ полотенцамъ обыкновенно присоединяютъ разноцвѣтные лоскутки для вящей красоты.

Кромѣ картинъ стѣны въ горницѣ украшаются обоями, называемыми здѣсь шпанéрами.

Полатей, полокъ и грядокъ, какіе мы видѣли въ избѣ, въ горницѣ не бываетъ. За то вдоль двухъ или трехъ стѣнъ идутъ лавки; подъ образами, въ углу, образуемомъ лавками, стоитъ столъ, а уголъ, около порога, занятъ ящиками. Лавка, идущая вдоль задней стѣны въ горницѣ, называется кóнникомъ. Кóнникъ бываетъ, впрочемъ, и въ избѣ.

Въ другой половинѣ горницы помѣщается печка, а въ углу противъ печки находится кроватъ. Отъ собственно горницы кроватъ отдѣляется занáвѣсой. Въ нѣкоторыхъ горницахъ вмѣсто занавѣсы устраивается деревянная перегородка, и тогда мѣсто за перегородкой носитъ названіе казёнки.

Въ окна двойныхъ рамъ крестьяне не вставляютъ, довольствуясь и въ холодныя зимы только одиночными. Окна снаружи закрываются ставнями. Жители по будничнымъ днямъ не любятъ открывать всѣ ставни въ домѣ. Лѣтомъ обыкновенно отпираютъ всѣ ставни въ избѣ и одно или два въ горницѣ, зимою же и въ избѣ открываютъ только одно или два окна. Въ праздникъ отворяютъ всѣ ставни.

Крестьянскій домъ обыкновенно строится со дворомъ, который называется огрáдой. По сторонамъ ограды обыкновенно идутъ хозяйственныя постройки: амбары, завозни, крыши, подъ которыми складываются дрова, ставятся экипажи и пр. Далѣе, вглубь двора, идетъ скотный дворъ, который жители называютъ пригóномъ. Пригонъ обыкновенно дѣлится на три части: одна часть его предназначается для содержанія лошадей, другая—для содержанія коровъ, а третья—для овецъ. Мѣсто, назначенное для складыванія сѣна, называется сѣнникóмъ; хлѣвà для коровъ и овецъ носятъ названіе стáй или стáекъ (стáя, стáйка), лошадиный хлѣвъ называется конюшной (конюшна).

Позади пригоновъ находятся огороды. Въ огородахъ же обыкновенно жители устраиваютъ свои бани.

Вышеописанное устройство дома слѣдуетъ признать типичнымъ для избранной мѣстности. Въ силу необходимости иногда жители строятъ для своего жилья одну только избу (безъ горницы), пристраиваютъ къ ней сѣни и домъ-изба готовъ.

Богатые строятъ себѣ пятистѣнные дома съ тесовой т. н. круглой крышей, имѣющей покатости въ четыре стороны. Для стряпни и другихъ черныхъ работъ при такомъ домѣ на дворѣ устраиваютъ «черную избушку».

Дома въ слободѣ Усть-Ницынской растянулись длинными рядами по теченію рѣки Ныцы вдоль берега. Въ однихъ мѣстахъ дома идутъ въ 2 улицы, въ другихъ—въ 3 улицы. Между улицами соединительными путями служатъ проулки или заулки.

Въ противоположную сторону отъ берега рѣки за свободой расположились гумна съ овинами и вѣтряныя мельницы, а еще далѣе начинаются поля и лѣсъ.

Къ статьѣ: «Болѣзни и смертность»

(стран. 116).

Къ группѣ болѣзней, происходящихъ отъ ближняго, слѣдуетъ причислить такъ называемые «уроки». По мнѣнію жителей слободы Усть-Ницынской, всякій посторонній человѣкъ, вовсе необладающій знахарскимъ искусствомъ, можетъ «изурочить» другого человѣка и этотъ послѣдній почувствуетъ недомоганіе. «Уроки» слишкомъ распространенная болѣзнь, и чуть ли не при всѣхъ болѣзняхъ вначалѣ считаютъ долгомъ лѣчить отъ «уроковъ»... Что касается ближайшахъ причинъ происхожденія этой болѣзни, то онѣ, по мнѣнію жителей, заключаются въ томъ, что или просто недобрый глазъ взглянетъ и возбудитъ болѣзнь, или же кто «съ вѣтру скажетъ», «хавнетъ» необдуманно,—и болѣзнь тутъ какъ тутъ. Въ особенности урокамъ подвержены дѣти.

Поэтому не принято слишкомъ долго восторгаться, или «дивоваться» тѣлесною красотою ребенка, его разговоромъ, вообще, его способностями—чтобы не изурочить.

Отъ уроковъ вспрыскиваютъ водой «съ угольковъ» и поятъ этой водой.

Обычай, соблюдаемый ежегодно въ великій четвергъ.

Въ среду вечеромъ на страстной седмицѣ хозяйка приноситъ въ избу ковригу ужаного хлѣба и особую старинную (если таковая имѣется въ домѣ) солонку, въ которую насыпаетъ толченой и сѣяной соли. Затѣмъ, помолившись передъ образами, хозяйка кадитъ передъ иконами ладаномъ и ставитъ принесенный хлѣбъ и соль на божницу. Кромѣ хлѣба и соли на божницу ставится еще немного золы. Зола эта впослѣдствіи идетъ на присыпку надрѣзовъ на ушахъ домашняго скота, когда его мѣтятъ или, по мѣстному выраженію, «пятнаютъ».

Въ великій четвергъ раннимъ утромъ, до восхода солнышка, хозяева рѣжутъ на куски (по мѣстному: «ру́шаютъ») хлѣбъ (ковригу), поставленный наканунѣ на божницу, затѣмъ посыпаютъ его солью, съѣдаютъ по куску сами, а потомъ кормятъ этимъ хлѣбомъ всю свою домашнюю скотину. (Существительное «скотина» употребляется въ Усть-Ницѣ какъ собирательное существительное). Подобный хлѣбъ и соль носятъ названіе «четверёжныхъ»: четверёжный хлѣбъ, четвережная соль.

По общей увѣренности, съ этого хлѣба и соли Богъ хранитъ на цѣлый годъ людей и скотъ *).

Старинная солонка, употребляемая въ великій четвергъ, приготовлена (выточена) изъ дерева. Она имѣетъ почти конусообразный видъ и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: верхняго и нижняго. Въ обоихъ отдѣленіяхъ теперь находится соль, раньше же, какъ говорятъ, въ верхнее отдѣленіе сыпали перецъ.

Дно верхняго отдѣленія служитъ крышкой для нижняго, а верхнее закрывается особой крышкой.. Все время года послѣ великаго четверга описанная солонка остается безъ употребленія.

Помимо всего сказаннаго въ великій четвергъ, также до восхода солнышка, производится окуриваніе верескомъ, ладаномъ или же богородской травой всего дома и хозяйства: окуриваютъ въ избѣ, въ подпольѣ, въ горницѣ, въ подвалѣ, въ пригонѣ, стойкахъ и пр.

Жители придаютъ значеніе раннему вставанію въ великій четвергъ: кто въ этотъ день до солнышка «надѣнетъ обувь»—(«обуётся»), того ожидаетъ удача будущей весной и лѣтомъ—онъ будетъ находить съ лѣсу и въ полѣ утиныя гнѣзда.

О старинной пооудѣ.

Предки жителей слободы Усть-Ницынской употребляли почти исключительно мѣдную посуду, изъ которой и теперь уцѣлѣли стаканы, стопки, солонки, вилки.

Находящаяся передъ нашими глазами старинная мѣдная солонка видомъ своимъ вполнѣ напоминаетъ чашу, употребляемую въ церкви для Св. Даровъ и

*) Съ этого хлѣба хранитъ на ц. годъ... мѣстный оборотъ рѣчи..

отличается отъ нея только меньшей величиной. Въ прежнее время эта солонка сверху имѣла крышку, на которой находилось другое помѣщеніе для перца, но нынѣ верхнее отдѣленіе утеряно. Солонка эта и нынѣ ставится по праздникамъ на столъ.

Мѣдные стаканы служили въ прежнее время для угощенія пивомъ. Сдѣланы они изъ гладкой мѣди безъ всякихъ украшеній или рисунковъ. Нынѣ эти стаканы остаются безъ употребленія.

Старинная мѣдная стопка гораздо выше стакана, съ постепенно расширяющимся кверху отверстіемъ. Стаканъ ставится прямо на дно, между тѣмъ какъ по окружности дна стопки выдаются удлиненныя края стѣнокъ. Дальнѣйшее отличіе стопки отъ стакана заключается въ тѣхъ узорахъ, которые выведены по верхней части наружныхъ стѣнокъ стопки.

* *
*

Сказка—приказка,
Прикована невѣстка
За ручку, за ножку,
За синь кафтанъ,
За зеленъ сафьянъ.
За ручку, за ножку
Молодушку ведутъ.

* *
*

Пѣтушокъ кукурику спѣлъ,
На ворота сѣлъ,
Трои лапти сплелъ
Кочетыкъ потерялъ,
За то денежку нашелъ,
Молодицу купилъ.
Молодица то добра
Калачи пекла,
Не про насъ пекла
Про бояръ пекла.
Про бояръ пекла —
Бояры то наѣхали,
Собакъ накормили,
Собаки то сдурѣли,
Попа укусили.
Попъ за столъ,
Попадья съ пестомъ.
Треснули въ дѻску,
Поѣхали въ Мѻскву,
Мостъ мостить,
Поросятъ крестить;
Туды же Макарко
съ огаркомъ
Матрёшка съ поварёшкой.

*
* *

Поѣдемъ-ко жениться!
Дѣдушко—кузнечикъ!
Скуй-ко намъ колечко.
Поѣдемъ-ко жениться
Съ горки на горку,
Въ соломенну избушку,
Тамъ пиво пьютъ,
Воеводу бьютъ;
Злаяла собачка на пꙋстынькѣ,
Зревѣлъ медвѣдь на полыдбинкѣ.

*
* *

Живалко, бывалко,
На кустѣ дворъ,
На колѣ ворота,
У него, старика, пять овецъ
Да баранъ кастецъ,
Побѣжалъ въ кустецъ.
Принесъ тебѣ конфеточку,
Ванѣ черносливинку,
Кошкѣ мыльца кусочекъ,
А собакѣ г...а подъ носочекъ.

*
* *

Баушка Петровна
Поѣхала по брёвна,
Вскачь погонила,
Бревно уронила,
Ногу изломила.
Какъ старику показать?
Шубной рукавъ привязать.

*
* *

Анна Петровна
Поѣхала по бревна,
Запнула за пенекъ,
Простояла весь денёкъ.

*
* *

Вышеприведенными прибаутками забавляютъ маленькихъ дѣтей, причемъ предпослѣдняя изъ этихъ прибаутокъ «Баушка Петровна» сопровождается слѣдующими тѣлодвиженіями. Ребенка садятъ себѣ на колѣна или же на животъ (если взрослый находится въ лежачемъ положеніи) и, слегка подбрасывая его,— подражаніе качкѣ при ѣздѣ — сказываютъ «Петровну».

Одного характера съ «Петровной»—качаніе ребенка на ногѣ. Взрослый садится на стулъ или на лавку, затѣмъ перекидываетъ одну ногу на колѣно другой, ребенокъ становится ножками на ступню, а руки даетъ взрослому, который и качаетъ ребенка на своей ногѣ.

Кромѣ всего сказаннаго дѣтей въ возрастѣ 2—5 лѣтъ забавляютъ 1) ла́душками, 2) сорокой-бѣлобокой, 3) козой и 4) баранками.

Ла́душки. Ребенка садятъ себѣ на колѣни, затѣмъ берутъ его руки,— если ребенокъ еще нетвердо ими владѣетъ —и хлопаютъ въ ладоши, приговаривая:

Ла́душки, ла́душки
Гдѣ были?
У баушки!
Чего ѣли?
Кашку!
Чего пили?
Бражку!
Кашка слатѐнька,
Баушка добрѐнька:
Накормила киселемъ,
Проводила голичкомъ.

Иногда берутъ ребенка за ручки и, не складывая ихъ ладонями одна къ другой, поднимаютъ медленно кверху, подражая полету птицъ и приговаривая: «Уты-уты полетѣли, полетѣли; полетѣли, на головку сѣ-ѣ-ли»! и при послѣднихъ словахъ ручки ребенка кладутъ на головку.

Сорока-бѣлобока. Чтобы сказать «сороку бѣлобоку», слѣдуетъ плюнуть ребенку на ладонь его лѣвой руки, затѣмъ нужно взять указательный палецъ правой руки ребенка и, мѣшая имъ слюпу на ладони, приговаривать:

Сорока-бѣлобока
На порогъ скакала,
Гостей скликала,
Не придутъ ли гости,
Не съѣдятъ ли кашку,
Не на.рутъ ли въ чашку,
Пришли гости,
Съѣли кашку,
На.рали полну чашку.

Послѣ этой прибаутки начинаютъ перебирать пальцы на одной рукѣ ребенка, начиная съ мизинчика. Взявши за мизинчикъ, говорятъ, «этому ложка», взявши за безъимянный палецъ, «этому поварешка», среднему—«чашка», указательному—«этому весь горшокъ», большому—«нѣтъ ничего»: «вотъ онъ ходитъ, баню топитъ, воду носитъ»; тутъ (при этомъ показываютъ на запястье или за́вить руки) холодна вода, тутъ (показываютъ выше) тепла вода, тутъ щекотятъ ребенка подъ основаніемъ руки) кипятокъ, кипятокъ, кипятокъ»!

Ребенокъ обыкновенно хохочетъ и проситъ еще «сороку бѣлобоку».

Коза. Чтобы представить, «козу» взрослый пригибаетъ три пальца къ ладони, оставляя несогнутыми только указательный и мизинецъ, которые должны изображать рога козы; затѣмъ, постепенно приближая эту «козу» къ ребенку, приговариваютъ:

Идетъ коза-боза
Золоты рога,
Кто титю сосетъ,
Молочко пьетъ,—
Забудётъ, забудётъ, забудётъ.

Бара́нки. Мотаютъ головой, желая придать себѣ видъ бодающагося барана, затѣмъ легонько стукаютъ своей головой о голову ребенка, приговаривая: «Баранки-баранки кокъ! Баранки-баранки кокъ»!

Въ разговорѣ съ маленькими дѣтьми вообще подлаживаются къ ихъ несовершенному гово̀ру и, между прочимъ, вмѣсто «стукнуть», «стукнуться» маленькимъ дѣтямъ и о маленькихъ дѣтяхъ говорятъ: «кокнуть», «кокнуться», откуда происходитъ и «кокъ»! вмѣсто «стукъ-стукъ»! «Яйцо» въ разговорѣ съ ребенкомъ называется: «ко̀ко», вѣроятно, вслѣдствіе того, что прежде, чѣмъ съѣсть яйцо, нужно его «кокнуть».

Ф. Зобнинъ.

Два письма П. И. Прейса къ Нейю въ Гнѣзно и къ Н. И. Надеждину *).

1. Д-ру Нейю, Директору въ Гнѣзнѣ.

20 juny 1840.

Sie werden sich noch vielleicht erinnern eines Reisenden aus Russland, der die Ehre hatte Ihnen seine Aufwartung zu machen in März Monate dieses Iahres in Gnesen. Derselbe Reisende nimmt sich die Freiheit in einer für Slawen wichtigen Angelenheit an Sie zu schreiben.

In der St. Georg's Kirche zu Gnesen sah ich zwei Figuren, die merkwürdig in vieler Hinsicht sind. Ich enthalte mich jeder Beschreibung derselben. Sie haben dieselben vor sich. Sie werden auch leicht erfahren können, was darüber die Tradition erzählt. Eine von diesen Figuren ist beschädigt. Herr Wolanski soll aber eine Copie haben von diesen Figuren als sie noch unversehrt waren.

Es wäre demnach wünschenswerth zu erfahren

1) Ob diese Figuren wirklich in dem für heidnisch gehaltenen Theile der Kirche einst placirt waren, wovon ich gehört habe?

2) Ietzt sind sie von einander getrennt, waren sie auch früher?

3) Genau noch zu forschen, was darüber in der Volkstradition vorhanden ist, und ob sonstige Nachrichten vorhanden sind.

4) Es wäre zu wünschen eine genaue Beschreibung des für heidnisch gehaltenen Theiles der Kirche?

5) An die Hauptsache wäre aber eine genaue Abzeichnung der Figuren, wie sie jetzt zu sehen sind, mit Hinzurichten der Copie des H. Wolanski u. Angabe des Materials, aus welchem sie verfertigt sind?

Ich habe über diese Figuren mit dem Herrn Prof. C. Richter gesprochen; er findet auch, dass die Sache sehr wichtig ist.

Ich erlaube mir hiebei einen Aufsatz von Herrn Szafarzyk in Prag über ein Bildniss des slawischen Czarny Bóg in Bamberg zu übersenden. Man erhält dadurch die angenehme Ueberzeugung, dassdie Slawen noch

*) Въ дополненіе къ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» 1892 года. Черновикъ найденъ мною въ находящихся у меня бумагахъ Прейса В. Л.

nicht alles aus ihrer vorchristlichen Zeit verloren haben. Möglicher Weise gehoren auch die Gnesener Figuren derselben Zeit an. Entweder Przyjaciel Ludu wäre die geeignetste Zeitschrift für die Mittheilung über diesen Gegenstand oder eine andere Zeitschrift, die jetzt in Berlin erscheinen soll,—die Adresse wäre an die Buchhandlung Behr zu Berlin.

Ich bin fest überzeugt dass Eure Wohlgebohren. werden die Güte haben auf das Genaueste zu prüfen und veranschaulichen; ob Herr Wolanski soll eine Sammlung von inländischen Antiquitäten haben,—könnten Sie nicht auch davon einen kleinen Bericht erstatten.

Ich verbleibe, Wohlgeborener Herr

mit Hochachtung
ergebenster Diener
Preis.

Sr. Wohlgeb. dem Herrn Dr. Neu
director in Gnesen.

2. Н. И. Надеждину.

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ!

Вчера въ полночь получилъ я отвѣтъ отъ хранителя рукописей Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова. Спѣшу увѣдомить Васъ о подробностяхъ дѣла собственными его словами.

«Мѣсяца два тому назадъ князь Любомирскій также, какъ кажется, по порученію одного изъ львовскихъ ученыхъ, хотѣлъ снять fac-simile первыхъ шести листовъ лѣтописи Дзѣржвы, но ограничился, по совѣту Г. Малевскаго, одною только страницею. Причинами этого были неразборчивость рукописи и трудность пріискать человѣка, способнаго снять fac-simile».

За симъ Г. Бычковъ совѣтуетъ «обратиться къ Г. Рейхелю, директору экспедиціи заготовленіи бумагъ для государственныхъ билетовъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько людей, весьма искусныхъ въ снятіи fac-simile. У него обыкновенно исполняются всѣ снимки для археографической коммиссіи».

Такимъ образомъ есть надежда, что желаніе Г. Мацѣевскаго можетъ легко исполниться еще во время пребыванія Вашего въ Петербургѣ. Источникъ, указанный Г. Бычковымъ, для меня совершенно новый. Радуюсь этому открытію.

Поручая себя Вашему расположенію, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашимъ, Милостивый Государь,
покорнымъ слугою П. Прейсъ.

14 февраля 1846 г.
С. Петербургъ.

*) Копія этого письма мнѣ недавно была доставлена молодымъ русскимъ славистомъ, магистрантомъ Варшавскаго Университета г. Францевымъ изъ Праги. Оригиналъ находился въ б—кѣ Чешскаго Нар. Музеѣ. Г. Францеву приношу искреннюю благодарность. В. Л.

Остатки работъ П. И. Прейса.

(Къ исторіи Славяновѣдѣнія).

Предисловіе.

Вскорѣ послѣ изданія писемъ Прейса („Жив. Ст." 1892 г.), я получилъ отъ Мих. Степ. Куторги, собраніе бумагъ нашего слависта, доставшееся ему въ наслѣдство вмѣстѣ съ прекрасною библіотекою по археологіи и исторіи Древней Греціи и съ небольшимъ имѣніемъ „Боровъ" въ Мстисл. уѣздѣ, Могилевской губ., отъ дяди его, покойнаго профессора, друга Прейсова, Мих. Сем. Куторги. Еще лѣтомъ 1891 г. въ бытность мою въ Боркѣ, въ гостяхъ у М. Ст. Куторги, я бѣгло ознакомился съ этими бумагами Прейса. Разобравъ и перечитавъ ихъ у себя на досугѣ, нахожу теперь возможнымъ приступить къ изданію особаго сборника этихъ остатковъ трудовъ Прейса, къ которымъ намѣренъ присоединить и всѣ появившіяся въ печати, до его смерти (1846), статьи.

Здѣсь помѣщаются:

а) I, II. письма князя Ширинскаго-Шихматова и М. С. Куторги. Изъ этой переписки видно, что часть бумагъ и подготовительныхъ работъ Прейса была передана проф. Куторгою во II отдѣленіе И. Ак. Н. Упоминается еще объ одной рукописи, оставшейся у проф. университета Св. Владиміра Яроцкаго (I, II).

б) III. Взятый мною изъ записной книжки Прейса—составленный и занумерованный имъ списокъ темъ и задачъ для предположенныхъ, заготовлявшихся и отчасти въ чернѣ подготовленныхъ изслѣдованій. (III). Этотъ списокъ ясно указываетъ, какъ широко понималъ Прейсъ задачи славяновѣдѣнія и какъ вѣрно намѣтилъ онъ ходъ дальнѣйшаго развитія этой области знанія. Одни изъ его вопросовъ, темъ и задачъ получили значительную разработку только черезъ 20, 30 лѣтъ по его смерти, другіе—еще позже или продолжаютъ разработываться и понынѣ (хронографы, апокрифы), третьи еще ожидаютъ или только что нашли изслѣдователей (Геогр. Отрыв. Воскр. Лѣт., Исторія западно-русскаго нарѣчія).

Эта широта воззрѣній Прейса и глубокое изученіе предметовъ, за которое онъ брался, оцѣнены будутъ знатоками еще болѣе, по изданіи разныхъ отрывковъ или почти оконченныхъ статей и по описаніи собранныхъ матеріа-

ловъ и всѣхъ остальныхъ бумагъ этого замѣчательнаго человѣка и ученаго: проживи онъ еще лѣтъ 20—30, онъ бы вѣроятно составилъ эпоху въ исторіи Славяновѣдѣнія.

в) IV. Отдѣльныя замѣтки о разныхъ рукописяхъ и рѣдкихъ книгахъ заграничныхъ библіотекъ по Литовщинѣ и по Славянщинѣ и нѣкоторыя интересныя отмѣтки для себя pro memoria—чтò сдѣлать, чтò достать и собрать.

г) V. Списокъ знакомыхъ и пріятелей Прейса въ Россіи и заграницею, преимущественно въ славянскихъ земляхъ. Конечно это—мелочи, но я счелъ нужнымъ это напечатать, такъ какъ 1) тотъ или другой кругъ знакомыхъ, точно также какъ и извѣстное собраніе книгъ, лучше выясняетъ намъ человѣка; 2) въ бумагахъ наслѣдниковъ этихъ знакомыхъ и пріятелей Прейса могутъ еще отыскаться его письма или какія-нибудь о немъ замѣтки, упоминанья и даже воспоминанья.

д) VI, VII, VIII. Этнографическая Программа, составленная Прейсомъ, не безъ участія кажется Срезневскаго, его спутника по Истріи, Далмаціи и Черной Горѣ, для изученія сербо-хорватскихъ земель въ нынѣшней Австро-Венгріи. Программа написана Прейсомъ по нѣмецки для напечатанія въ хорватскихъ и сербскихъ журналахъ, хотя Прейсъ хорошо зналъ сербскій языкъ, но очевидно затруднялся написать по сербски такую программу, боясь быть неточнымъ и непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ 40-хъ годовъ сербскій литературный языкъ, особенно у Хорватовъ, былъ очень мало обработанъ для научныхъ вопросовъ; по русски же мало у нихъ кто зналъ въ то время. Я строго придерживался правописанія Прейса и вообще сохранилъ нѣкоторыя неправильности и ошибки въ его нѣмецкомъ оригиналѣ: для Прейса нѣмецкій языкъ не былъ роднымъ. Онъ научился владѣть имъ уже въ Дерптѣ, и полагаю, немногіе русскіе его товарищи: Порошинъ, Калмыковъ, Неволинъ, Куторга и др., прожившіе въ Дерптѣ, и потомъ въ Германіи года два, владѣли вѣроятно нѣмецкимъ языкомъ не только не хуже, но, сравнительно, можетъ и лучше Прейса, которому знаніе эстонскаго, а потомъ латышскаго, литовскаго и славянскихъ языковъ скорѣе мѣшало его успѣхамъ въ практическомъ знаніи нѣмецкаго языка. Тутъ же приложены написанная Прейсомъ и программа хорватскаго журнала и замѣтки Срезневскаго и Прейса по поводу выше упоминаемой этнографической программы (VII, VIII).

е) IX. Очень милое и красивое стихотвореніе С (ерба) Милутина Н (иканора) Груича, тогда уже архимандрита Кувеждинскаго монастыря на знаменитой Фрушкой горѣ (Frankochorion) въ Срѣмѣ (въ Славоніи). Отличный знатокъ родного языка, Груичъ, былъ человѣкъ образованный и даровитый. Въ бытность свою, на Фрушкой горѣ, въ Кувеждинѣ, Прейсъ пользовался гостепріимствомъ Груича. Хозяинъ изящно выразилъ страсть Прейса къ научнымъ историческимъ занятіямъ въ написанномъ, ему на память, стихотвореніи.

Печатаемъ его съ автографа на листкѣ почтовой бумаги, сохранившемся въ бумагахъ Прейса.

ж) X. Первая лекція Прейса, читанная 18 марта или всячески весною 1843 г. въ И. Спб. Университетѣ въ присутствіи тогдашняго министра Народн. Просв. Уварова. Лекція эта начисто переписана рукою Прейса въ особой тетрадкѣ *).

30 Декабря 1893 г. *В. Ламанскій.*

I.

Письмо кн. Ширинскаго-Шихматова М. С. Куторгѣ.

Милостивый Государь

Михаилъ Степановичъ!

Ординарный Академикъ А. Х. Востоковъ, которому было поручено разсмотрѣть представленныя Вами бумаги покойнаго Прейса, довелъ нынѣ до свѣдѣнія Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, что бумаги Прейса заключаютъ въ себѣ:

1. Словарь нынѣшняго Болгарскаго языка въ азбучномъ и отчасти въ словопроизводномъ порядкѣ,—въ одномъ переплетномъ томѣ.

2. Коробка съ карточками того же Болгарскаго Словаря, и въ той же коробкѣ на маленькихъ карточкахъ особое собраніе по алфавиту всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ словѣ о полку Игоревѣ.

3. Карточки Сербскаго Словаря.

4—8. Въ пяти коробкахъ карточки Церковно-Славянскаго Словаря.

9. Карточки географическихъ именъ Россіи.

10. Тоже географическихъ именъ Сербіи.

11. Тоже географическихъ именъ разныхъ Славянскихъ земель, этимологическія замѣтки о производствѣ словъ, разныя выписанныя изъ книгъ слова, оглавленія книгъ и пр.

Означенные здѣсь словари, по мнѣнію Г. Востокова, нельзя назвать полными. Они содержатъ въ себѣ только матеріалы для словарей, матеріалы, которыми Отдѣленіе Русскаго языка и словесности едва ли можетъ пользоваться. Притомъ же, тутъ рѣдко гдѣ приложены объясненія словъ, а только ссылки на страницы разныхъ книгъ, откуда слова выписаны. Въ числѣ словъ находятся и собственныя имена, которыя не вносятся въ нашъ Словарь, а также окончанія словъ, напр. акъ, алъ, елъ, олъ, и т. под.

---

*) По некрологу Прейса (Иллюстр. 1849 г.) эта лекція была читана: «въ исходѣ академическаго 1843 г.» слѣд. зимою, а изъ Жур. Зап. Сов. нашего Университета оказывается, что она была назначена 18-го марта 1843 г. См. Письма Прейса «Жив. Стар.» 1892 г. и отд. отт., стр. 91.

**) Необходимыя болѣе или менѣе подробныя примѣчанія и поясненія всякаго рода къ статьямъ, лекціямъ и замѣткамъ Прейса будутъ мною написаны и помѣщены къ концу изданія всѣхъ остальныхъ его какъ прежде неизданныхъ, такъ и изданныхъ уже статей и замѣтокъ, и послѣ описанія всѣхъ остальныхъ его работъ и собранныхъ имъ матеріаловъ. Иначе нельзя избѣжать частыхъ повтореній; притомъ же иныя примѣчанія не могутъ не занять много мѣста.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, по выслушаніи означеннаго мнѣнія, опредѣлило: 1) просить Васъ, Милостивый Государь, о предоставленіи ему слѣдующихъ бумагъ покойнаго Прейса: а) связки, содержащей въ себѣ слова нынѣшняго Болгарскаго языка и словъ, встрѣчающихся въ пѣсни о полку Игоревѣ, б) связки съ сербскими словами, в) пяти связокъ съ словами Церковно-Славянскаго языка, и г) тетради, заключающей въ себѣ Словарь нынѣшняго Болгарскаго языка, и 2) увѣдомить Васъ, что Отдѣленіе можетъ воспользоваться собраніемъ Болгарскихъ и Сербскихъ словъ при предполагаемомъ изданіи сравнительнаго Словаря Славянскихъ нарѣчій, а остальными бумагами при второмъ изданіи Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, и что три связки съ матеріалами для Географическихъ Словарей Отдѣленіе считало бы съ своей стороны приличнымъ передать въ Русское Географическое Общество.

Сообщая о семъ заключеніи Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, покорнѣйше прошу не оставить меня Вашимъ по оному отвѣтомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

24 Марта 1848 г. *Кн. Ширинскій Шихматовъ.*

II.

Письмо М. С. Куторги къ кн. Ширинскому-Шихматову о бумагахъ покойнаго Прейса.

Его Сіятельству, Господину Предсѣдательствующему Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Проф. Мих. Куторги

Донесеніе.

Въ отвѣтъ на почтенное письмо В. С. отъ 24-го Марта сего 1848 года за № 91, честь имѣю донести, что я съ величайшею готовностію предоставляю второму отдѣленію Академіи Наукъ тѣ бумаги покойнаго П. И. Прейса, которыя угодно было отдѣленію назначить. Поставляю долгомъ присоединить, что если въ прочихъ бумагахъ П. И. Прейса найдутся еще нѣкоторыя, относящіяся къ лексикографіи, то я непремину препроводить и ихъ въ Отдѣленіе. Дѣйствуя такимъ образомъ, я желалъ бы оказать пользу наукѣ и извлечь изъ забвенія имя ученаго, бывшаго первымъ преподавателемъ Славянскихъ нарѣчій въ Россіи. Имѣя въ виду только эти двѣ цѣли, я осмѣливаюсь утруждать Ваше Сіятельство покорнѣйшею своею просьбою: о сдѣланіи распоряженія, чтобы какъ въ новомъ изданіи словаря Церковно-Славянскаго и другого языка, такъ и въ предполагаемомъ сравнительномъ словарѣ славянскихъ нарѣчій была подписана буква П подъ словами, заимствованными изъ трудовъ покойнаго П. И. Прейса, съ объясненіемъ ея значенія въ предисловіи.

Судя по письму Прейса отъ 30-го Іюня 1843 г. съ Сухачеву вѣрнѣе, что первая его лекція была прочитана не зимою, и даже не осенью, а именно весною 1843 г. (Письма Прейса отд. отт. с. 91).

Я уже имѣлъ честь лично докладывать Вашему Сіятельству о многихъ другихъ ученыхъ трудахъ сего самого почтеннаго Славянскаго Филолога и, между прочимъ, о лекціяхъ читанныхъ имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Нисколько несомнѣваюсь, что изданіе въ свѣтъ сихъ лекцій принесло бы существенную пользу какъ по своей новости, ибо подобное сочиненіе будетъ первымъ въ нашемъ Отечествѣ, такъ и потому, что въ нихъ заключается Грамматика Церковно-Славянскаго языка, бывшая главнымъ предметомъ занятій покойнаго. Все это заставляетъ меня прибѣгнуть къ В. С. съ убѣдительнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи изданія въ свѣтъ сихъ лекцій вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

Предоставляя такимъ образомъ означенные труды П. И. Прейса, безъ всякаго вознагражденія кромѣ только оттиска нѣсколькихъ экземпляровъ для раздачи роднымъ и друзьямъ умершаго, я льщу себя надеждою, что Отдѣленіе не откажетъ соорудить небольшой памятникъ надъ его могилою, остающеюся теперь совершенно безъ чести и имени.

При семъ я имѣю честь представить рукопись, въ которой заключаются лекціи П. И. Прейса, кромѣ одной только Грамматики Ц.-С. языка. Послѣдней нѣтъ здѣсь еще потому, что лучшій экземпляръ ея находится у Г. Яроцкаго, адъюнкта Университета Св. Владиміра. Польза науки даетъ мнѣ смѣлость просить В. С. объ истребованіи у Г. Яроцкаго сей рукописи, которую онъ вышлетъ немедленно. Что же касается до составленія сей Грамматики, то его принялъ на себя молодой ученый Г. Билярскій, который проситъ только разрѣшенія обращаться въ сомнительныхъ случаяхъ къ Г. Академику А. Х. Востокову.

24 Мая 1848.

III.

Составленный Прейсомъ списокъ задачъ и темъ для предположенныхъ, заготовлявшихся и отчасти въ чернѣ подготовленныхъ изслѣдованій и трудовъ.

1. Босна.
2. Fennica.
3. Ц. С. Хрестоматія.
4. Сербская грамматика.
5. Географія Славянъ.
6. Исторія Славянъ.
7. Исторія Сербской литературы.
8. Монеты сербскія.
9. Словарь ручной.
   1) Русско-сербо-ческо(sic)-польскій.
   2) Сербо-русско-ческо-польскій.
   3) Ческо-русско-сербско-польскій.
   4) Польско-ческо-русско-сербскій.
10. Изъ С.-Петербургскихъ библіотекъ для
    1) Польской исторіи и литературы
    2) Сербской исторіи сборникъ.
    3) Ческой исторіи.
11. Изъ Штетина достать копію грамоты, о коей говорилъ Мронговіусъ.
12. Матеріалы къ исторіи Кирилла и Меѳодія.

(Для Жур. М. Н. П. о прологѣ Кувеждинскомъ).

13. Болгарія.
14. Index codicis diplomatici Croatiae cum appendice fontium historiae Croatiae.
15. Славянскій альманахъ.
16. Отношеніе Сербіи къ Дубровнику.
17. Просмотръ каталоговъ рукописей разныхъ библіотекъ.
18. Глагольскія рукописи.
19. Jllyricum и Албанія.
20. Описаніе С.-Петербургскихъ рукописей.
21. Сказанія о Александрѣ великомъ.
22. Сказки рукописныя.
23. Чисто-болгарскія рукописи.
24. Sancti patres in versione slavica.
25. Хронографы см. ниже 109.
26. Дубровницкіе писатели.
27. Vitae Sanctorum Slavicorum.
28. Житіе св. Димитрія (Šafar Starož 566 пр. 25.
29. Извлеченія изъ записокъ людей, путешествовавшихъ въ 11—12 ст. въ Палестину черезъ Сербію и Болгарію.
30. Синаксари по русскимъ, сербскимъ и болгарскимъ источникамъ.
31. Синхронистическая таблица исторіи Славянъ.
32. Разговоры въ 4-хъ главныхъ діалектахъ.
33. Пермскія письмена.
34. Клинообразныя письмена.
35. Названія мѣсяцевъ у Іудеевъ.
36. О Хазарахъ по lois maritimes *).
37. Lituanica.
38. Боппова Slavica.
39. Рукописные словари славянскіе и особенно Памвы Берынды.
40. Матеріалы къ лексикографіи славянскихъ нарѣчій обще съ Срезневскимъ.
   a) Выписки изъ Милутиновиħа.
   b) Изъ прочихъ ново-сербскихъ книгъ.
   c) Изъ иллирскихъ книгъ.
41. Москва и Царьградъ.
42. Запросы въ сербскія-пештанскія, београдскія и иллирскія новины **).
43. Дополненія къ русскимъ словарямъ особенно издать.
44. Извлечь изъ Качиħа всѣ слова замѣчательныя, незанесенныя въ словари или характеризующія его діалектъ.
45. Для Сербовъ составить Aufgabenbuch zu Aufsätzen, при чемъ стараться о томъ, чтобы темы касались языка, народности, отечественной исторіи, пѣсенъ.
— Грамматики разныхъ языковъ по одной и той же системѣ.
— Продолженіе Магарашевиħевој исторіи.
— Христоматія Сербска.
46. Игоревы и Олеговы трактаты.
47. Издать градской законъ.
48. Литургическія книги православной церкви.
49. Сдѣлать запросъ «о гегавачкомъ језику» Србска Новина или Магазин за художество, книжество и моду. Основао уредіо и издао А. Арнотъ. 1838 № 8 p. 34.

«Кој прости народ у Европи имаде у језику-језик»? Имају Срби-Гегавачи; наши слијепци говоре свој језик особити од обштега народња, и нитко им га не разумије, докле га не научи као и други језик; он имаде своје основаније, пространство и правилност, и могао би од ползе и дике бити. Напр.

Гегавац зове се слијепац
клиндров—воħа
рамко—коњ
урвиз—вино
готивица—ракија
паверина—ватра
поредивати—говорити
скењивати—мучати и пр.

У Сријема Иригу, док је било сајмиште слијепацах, зборен је тај језик; но данас у босанској Поса-

*) т. е. по сборнику Pardessus.
**) Тутъ надо полагать разумѣется «Этнографическая программа» (см ниже).

вини, те лише у градачкој околини мало тко и окати, де га не збори. Ја мислим, да је ово сокровиште духа!

(Симон) Милутиновић). С?.

50. Объясненіе посланія Владиміра Мономаха.
51. Даніилъ паломникъ по древнѣйшимъ рукописямъ съ примѣчаніями.
52. Русская Правда.
53. Кормчая. Отдѣльныя изъ нея статьи: градскій законъ, о сектахъ, славянскія статьи, словари, русскія статьи.
54. Србы (sic), прославившіе себя въ Россіи (напр. Макарій) (sic?)
56. Матеріалы къ древнѣйшей русской литературѣ.
56. Путешествіе Аѳанасія въ Индію.
57. О чужеязычныхъ словахъ церковно-славянскаго: 1) Еврейскія, 2) Греческія, 3) Арабскія, 4) Германскія 5) неизвѣстнаго происхожденія.
58. Качића напечатать кирилловскими буквами.
59. По поводу учрежденія Общества Сербской словесности написать для сербской лѣтописи статью о томъ, что сдѣлали для языка академія французская, италіянская, русская и другія общества и что слѣдуетъ дѣлать.
60. Написать статью для лѣтописи о несообразностяхъ, которыя должны проистечь отъ старой орѳографіи.
61. Заняться переводомъ чего нибудь съ нѣмецкаго напр. Гумболтовой Sprachbau.
62. Описаніе святогорскаго Аѳонскаго монастыря.
63. Составить болгарскую грамматику такимъ образомъ, чтобъ она служила запросомъ, побужденіемъ какому нибудь Болгарину представить правила своего языка добросовѣстно.
64. Издать «похвалу мниха Якова Владиміру» по рукописи Царскаго и Публичной Библіотеки.
65. Діоклеецъ.
66. Linguae zendicae grammatica.
67. Michalonis fragmina,
68. О происхожденіи Монголовъ по русскимъ лѣтописямъ и Abulghasi (v. Z. nr. 678). *).
69. Пустить воду (Zur. 723).
70. Вѣсы и мѣры Чуди Лифляндской и Латышей; христіанство.
71. Объясненіе миѳологическаго мѣста у Нестора. См. ниже 100.
72. Мордва исторически, этнографически и филологически. См. ниже 102 Z. 937.
73. Филологическія (отдѣльныя) замѣчанія къ слову о полку Игоря, Русскимъ Лѣтописямъ (Z. nr. 626, 627, 628, 783, 814, 621, 641, 924, 1005, 1012.
74. Бранныя слова южныхъ Славянъ nr. 854, 898, 900, 902.
75. Славянскія слова въ Венгерскомъ nr. 870, 873.
76. Русь и Венгрія.
77. О Троянѣ (nr. 771, 681, 739. Šaf. Starož. p. 127, 418.
78. Замѣчанія къ древностямъ Шафарика.
79. Исторія западно-русскаго нарѣчія.
80. Славянскія слова и элементы въ Валашскомъ и Албанскомъ.
81. Слова восточнаго происхожденія въ русскомъ языкѣ.
82. Замѣчанія русскаго относительно хода и развитія новоческаго языка.
83. Слова германскаго происхожденія въ русскомъ языкѣ.
84. Слова, особенно свойственныя извѣстному діалекту или извѣстной отрасли діалектовъ.

*) Въ друг. книжкѣ подъ № 678 О происхожденія Монголовъ въ Русск. Лѣтописяхъ сказаніе совершенно сходное съ Abulghasi (Schmidt Forsch. p. 12, 18, 19. Hammer Gold. Horde 54).

85. О движеніи народонаселенія съ юга на сѣверъ и сѣверовостокъ.
86. Geographia Sarmatiae et Scythiae epigraphica. (Šafářjk Starož. 417 пр. 118).
87. Изъ Дюканжа выбрать все славянское или относящееся къ славянству.
88. О происхожденіи имени города Gömör.
89. Издать все относящееся къ византійской или церковной исторіи по славянскимъ переводамъ, коихъ греческіе подлинники потеряны.
90. Славянскія названія мѣсяцевъ.
91. Какіе болѣе или менѣе важные варіанты для лѣтописи Нестора могутъ быть извлечены изъ Длугоша.
92. Для библіотеки пріобрѣсть печатныя богослужебныя книги на греч. языкѣ.
93. Общество печатанія полезныхъ славянскихъ книгъ.
94. Слав. Отдѣленіе при Императ. Публичной Библіотекѣ.
95. Книжная слав. торговля.
96. Птолемеевъ текстъ о Сарматіи и Скиѳіи по С.-Петербургскому списку.
97. Изъ Византійцевъ извлечь слова и имена славянскія съ тѣмъ, чтобы «од прилике» имѣть понятіе, какъ писали Славяне до Кирилла «грьчьскыми письмены» по свидѣтельству Мниха Храбра.
98. Разобрать историко-филологически разныя названія хлѣбовъ у Славянъ (Пособіе побочное! Denkschriften Berliner Akademie).
99. Свести знакомство съ Горцами въ Петербургѣ для узнанія ихъ языка, обычаевъ.
100. Podlé Eddy zdá se gisto býti, že Skandinavci od Alanůw mnohé náboženské obřady přijali. Šaf. Star. 294. Отыскать.
101. Русь до-Несторовская. 1) колоніи греческія. 2) Продотово описаніе etc.
102. См. выше 72. Волга не значитъ «святая», тѣмъ болѣе, что Мордва не зоветъ этой рѣки Волгою. Walg значитъ свѣтлый cf. венгр. vilåg, vilågos, можетъ быть и ili турецк. сюда.
103. Составить словарь къ Ексарху болгарскому (и комментарій).
104. Eymund'ову сагу издать съ примѣчаніями и словаремъ.
105. Древняя географія Руси.
106. Изъ Record's выписать все слав (янское).
107. О политикѣ Византійцевъ въ отношеніи къ Венгріи. cf. брош. p. 7—8 sq.
108. Извлечь изъ памятниковъ особенности нарѣчія новгородскаго и псковскаго.
109. См. выше 25.

Хронографы.

a) важность ихъ, какъ памятниковъ языка. Могли сохраниться слова, которыхъ (я) въ текстахъ духовнаго содержанія никогда не были встрѣчены.
b) Можно надѣяться, что въ нихъ найдется не одно изъ мѣстъ потерянныхъ нынѣ греческихъ писателей.
c) Славянскія вставки.
d) Въ Греческихъ извѣстіяхъ о Славянахъ имена собственныя, нынѣ crux interpretum, откроются въ славянской формѣ.

110. Описаніе монетъ русскихъ, лифляндскихъ etc., находящихся въ моемъ собраніи и донынѣ еще неизвѣстныхъ.
111. При составленіи ц. с. грамматики необходимо синоптически представлять особенности формъ по рукописямъ болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ.
112. Составить статью о народномъ синтаксисѣ изъ Нестора и другихъ писателей: сочетаніе предложеній, размѣщеніе частей предложенія.
113. Novum testamentum slavicum secundum antiquissimos codices.
114. Слова Ц. С. юридическія по Гримму

115. Изданіе на Слав. языкѣ писателей (напр. Меѳодій Патарскій et ctr.), на которыхъ ссылаются русскія лѣтописи. Сюда.
   1) темы изъ свящ. писанія и ихъ примѣненіе.
   2) Хронографъ.
   3) Меѳодій Патарскій.
   4) Откуда взялъ Несторъ Хорутанъ?. Знакомство съ этими книгами было источникомъ новыхъ понятій, постепенно переходившихъ изъ высшихъ къ низшимъ и истреблявшихъ мнѣнія, понятія древнихъ Славянъ.
116. Положеніе западныхъ Руссовъ (ко времени подпаденія ихъ власти Поляковъ и со времени религіозныхъ гоненій) и тогдашняя форма образованія произвели въ западной Руси особенныя понятія о древней русской исторіи.
117. Theodoreti locus de Slavis.
115. (sic) Эпическія выраженія въ оригинальныхъ славянскихъ легендахъ.
116. (sic). Въ чемъ сходствуетъ русская исторіографія съ византійскою и въ чемъ заключаются особенности первой.
117. Военныя границы Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
118. Не имѣетъ ли языкъ албанскій сходства съ чаконскимъ?
119. Славянскій альманахъ на нѣмецкомъ языкѣ.
120. Ганза—сѣверная Русь.
121. Несторъ и Martinus Gallus параллель.
122. Исторія польскаго образованія въ Россіи.
123. Составить Греческую хрестоматію для переводовъ на Ц. С(лавянскій языкъ).
124. Окаменѣлости слав. языковъ.
125. Index ad Institutiones linguae Slavicae.
126. Объ Települ Уграхъ et de cognatis eorum.
127. Fennica.
128. Брѫдоква.
129. Мѣсто въ Несторѣ изъ Амартола.
130. Russische Quellen zur Geschichte der morgenländischer Völker.
131. Готы въ Крыму.
132. О происхожденіи Мр. (Малорусскаго) нарѣчія.
133. Mythologica: Сварогъ.
134. Lexicographica.
135. Geographica для Лифлянд.
136. Лужицкія пѣсни.
137. Перевесть Herberstein'ову грам.
138. О Болгарахъ Волжск.

Грунове?

Грдъ Ошела, Ашли Очела въ Лиф? cf. Мађ. os (т. е. ош).

Васея р. Костр. Д. Р. Г. 148. Басов.

Предположеніе Кеппена о знахаряхъ весьма справедливо: кудесниковъ вѣшали на деревѣ и въ Руси.

Въ Маћ. также Болгар (ск)ом и называется юфть.

Можжары временъ Іоанна Грознаго и Μαζάροι Конст. Багрян.

Что Славяне селились въ Поволжьѣ cf. Пургасова Русь.

Финнизм Болгар: Ошела, Собекула, Исады?

139. Варяги по мнѣнію Потта II, 532.
140. Для Ж. М. Н. П. о торговлѣ Холопья городка.
141. Извлеченіе изъ Вука всего, что касается до Сербіи и ея обычаевъ.
142. О Краледвор. рпси.
143. Slaw. Erbfolgerecht.
144. Изъ Hammer'а все относящееся къ Сербіи.
145. Рукописи у Паризу.
146. О глагольск. письму.
147. Земун.
148. О граматикѣ Срб. у Калаjдовича. (т. е. грам. Крижанича. Ред.).
149. Грануло сунце.
150. Новое изданіе Русской Вивліоѳ. съ словаремъ и введеніемъ по образцу Штенцеля.
151. Вытяжка изъ Гортологіи Снегирева.
152. Роспись сочиненій на Мр. нарѣчіи.

153. Срб. пословицы юридическія.
154. Царствованіе краля Милутина съ 1275—1321. Монографія по Сербской исторіи.
155. О династіяхъ чужеземныхъ.
1) Славяне сражаются пѣшіе, господа ихъ конники.
2) Славяне живутъ осѣдло. Господа ихъ кочуютъ, живутъ въ шатрахъ, кибиткахъ.
2) Образъ правленія.

156. Разсмотрѣть славянскія пѣсни о женщинѣ.
1) въ домѣ отца.
Comme fille
Comme soeur et parente
2) въ домѣ супруга
Comme femme
Comme veuve
Comme mère
Къ тому прибавить la capacité civile des femmes.

IV.

Отдѣльныя замѣтки.

а.

На особомъ листкѣ.

Pro memoria

1) Мурко о составленіи хорутанской хрестоматіи съ обозрѣніемъ литературы. Его же просить о списаніи грамоты глагольской въ Градцѣ.
2) Шафарика о географическомъ отрывкѣ.

б.

Тутъ-же.

— Многообразіе предметовъ.
— Прошлый годъ болѣзнь.
— Собственная выгода заставляетъ меня спѣшить.
— Сосредоточеніе всѣхъ силъ на одну дѣятельность, съ отверженіемъ всякой другой.
— Недостатокъ пособій.
— Недостатокъ совокупной дѣятельности.

в.

На отдѣльномъ листкѣ.

Надеждинъ Н. И.

1) О доставленіи въ Бѣлградъ книгъ.
2) О булгарскихъ печатяхъ.
3) Нельзя ли черезъ Одесскихъ знакомцевъ узнать о Болгарахъ, живущихъ въ СПБ.

г.

На друг. такомъ же листкѣ.

Куршатъ.

1) Что можетъ стоить ежегодная поѣздка въ Литву во время каникулярное для собиранія словъ литовскихъ.
2) Просить Iordan'а о подлинникѣ тѣхъ литовск. пѣсенъ, которыя имъ переведены.

д.

Замѣтки изъ записныхъ дорожныхъ книжекъ.

1) Будим v. Ofen узнать о Исторіи Сербской литературы, составленной Антоном Арнот'ом. Эта рукопись находится у вдовы его.

2) Вѣна. Громникъ; Георгій Амартолъ; Толковая Псалтирь Аѳанасія; Strykowsky. Вукъ (праздники и обычаи Сербовъ; Bulgarica; Словарь; Prosodie; Иллирскіе древніе писатели. Bulgarica; Bersworth Neueste Grammatik der türkischen Sprache für Deutsche zum Selbstunterricht. 1839. Berlin.

3) Болгарія.

I. Церковныя отношенія, епархіи, начальство епархіальное и т. д.

е.

(на особомъ листкѣ).

4. Просить Дубровскаго о
Popis publiczny uczniów szkoly wojewodzkiey Lubelskiey etc. При семъ księdza Stanisława Zaborowskiego ortografia polska. Przez Kucharskiego. Warszawa. 1825.
1. Юридическіе слав. памятники.
2. Chronicon slavosarmaticum Procossii

Varsav. 1827 (Grimm Myth. 391) Польское у меня есть).

ж.

5. Сербиновичъ.

1. Слав. журналы и обозрѣніе ихъ.
2. Rozmaitości, Tygodnik literacki..
3. Статья Касторскаго.
4. Вук.

ж.

Изъ записной книжки Прейса (116°) съ печатнымъ алфавитомъ на поляхъ. Тутъ же записаны въ алфавитномъ порядкѣ Сербскія слова (изъ Сборн. пѣс. Вука и др.) съ отмѣтками, чего нѣтъ въ Словарѣ Вука или что недостаточно въ немъ разъяснено. Взяты слова личныя и мѣстныя).

Берлинъ.

Handschrift d. Berliner Bibliotek MS. boruss. № 176. Chronika der Preussen, wie das Land erfunden u. gebaut ist.

6. Въ Герлицѣ въ библіотекѣ Верхне-Лузацкаго Общества находится Schleissig Grony Adam-Derer beyden Czaaren in Russland Iwan u. Peter Alexeiovicz nebst der Schwester Princessin Sophia dreyfach geführter Regiments-Stab. Zittau. 1693. 8.

7. In Halle справиться, нѣтъ ли Литовскихъ книгъ и рукописей: здѣсь была семинарія Литовская.

8. Въ Данцигѣ находится списокъ (хотя и неполный) хроники Симона Грунау второй половины XVI столѣтія (по свидѣтельству Tettau (Beiträge zur Kunde Preussens. Von O. W. H. Richter. I. 1837. Kbg. p 7). Здѣсь есть изображеніе надписи на древне-прусскомъ знамени.

9. Въ Дрезденѣ узнать о сочиненіяхъ Преторіуса.

10. Въ Данцигѣ находится много книгъ для Исторіи Польши, рукописныхъ матеріаловъ для исторіи Данцига.

11 По Краузе (Litthauen u. dessen Bewohner. 1834. Königsberg p. 135) въ Краковѣ въ тамошней библіотекѣ находится Литовская грам(матика), писанная Іезуитомъ, можетъ быть Iaknowitz, около 1660.

12. Въ королевской Библіотекѣ въ Кенигсбергѣ находятся слѣдующія книги старопечатныя и рукописныя по каталогу тамошнему.

Nr. 331, CB. fol. 19. Moscovia, der Hauptstadt in Reussen Beschreibung durch Sigm. v. Herberstein.

— 465, CB fol. 42. Ostawa albo porząd koscielny. 1560.

— 836, fol. 44. Agenda. Какая?

— 888, LU fol. 4. Magdeburgisches Recht (Ms).

— 899, LU fol. 15. Das alte kölnische Recht (Ms).

— 919. Mmm. 4 tc. fol. 16: De nuptiis Sigismundi regis Poloniae auctore Adamo Schroethero. 1553.

923. Mmm quarto-Historia funebris Sigismundi Sarmat regis. Auct. Petro Royzio.

936. Mmm-octav. Der Catechismus in crobatischer Sprach. (Глаг.) 1561.

937. » /49 Der Catechismus in deut. Sprach.

938. » /49 Der Catechismus in crobatischer Sprach. 1561. (Glag).

1014. Ooc quarto/61 Xiążeczki roskoszne auct. Martin Quiatkovius de Rusicze. 1564.

1034. Ooo Octav. /1 Vergerii epistola de legato Papae ad regem Sigismundum Augustum.

1039. » /28 Otto Crumesius querela de statu Livoniae. 1562.

1043. BR fol. Biblia belgice.

1214–1218 } 44 fol. Biblia lithuanica Iani Bretkii 5 vol MS papyr.

1219—1220—77 fol. Biblia lithuanica MS papyr. quarto.

1512. Xx, 107 Agenda.

1543. LR—Banderia Prutenorum Dlugoss MS.
1570. LK Des Fürsten Boguslaw Radziwill.. (нельзя разобрать) [1]) Königsberg. 1667. Leichenprocezzion der Fürstin Anna Maria Radziwil. 1667.
1634. Postilla polonica.
1635. » » T. II.
1636. » » T. III.
1637. » » T. IV.
1638. » » T. V.
1639. » » T. VI.
1689. Ein Buch in russ. Spr. anfangend Slowo. Es enthält des Patriarchen Ioachim in Moskau: Wort des Dankes Gott dem Herrn 1682 (или 1681 трудно разобрать). [2])
1707 Ein Buch in russ. Sprache: das Psalmenbuch nebst Gesängen u. Gebeten der russ. Kirche. Gedruckt in Moskau. 1721.

Iagols und Witolds Ankunft in Preussen. MS. LR. 6, fol.

13. München.

«Die von Grunau angeführte Schrift des Aeneas Sylvius: Liber vitae Brutenicae scil. de miseria ist wahrscheinlich identisch mit der in Pistorii Scriptoribus rer. Polonic. T. I abgedruckten u. auch früher in den ersten Iahren des 16 Iahrh. besonders erschienen. (vergl. Gamburgers Zuverläszige Nachrichten Th. IV S. 780) Schrift des Aeneas Sylvius de situ et origine Prutenorum. Hartknoch (Vorr. zu Alt и Neu-Press.) macht aus des von Grunau allegierten Schrift ein Leben der heiligen Iutta: Liber Iutae Prudenices de Mysterio, aber ein solches ist unter den Schriften des Aeneas Sylvius gar nicht vorhanden. In der Münchener Bibliotek befindet sich übrigens eine Handschrift «Die Akten des Streites etc. fol. 163—232. (Catalog. Bibl. Monac. MSS. in antiquo idiomate german. scriptor. p. 31); möglich wäre es dass dieselbe mit der von Grunau angeführte Schrift in Verbindung stände». (Beiträge zur Kunde Preussens B. I. 1837. Klg. p. 16).

14. Въ Пестѣ узнать о рукописи мнимо-Венгерской.

15. «P. Cybulski, посѣтивъ почти всѣ главнѣйшие города Славянские, возвратился въ Познань», Tygodnik literacki 1839. nr. 28.

16. Въ Познани узнать, что стоитъ Нарбутъ и писать къ Резѣ. Также узнать, нѣтъ ли Стриков (скаго) на Лат.

17. Училища. Ходаковский.

18. Въ Прагѣ сказать Юнгману, что Mrongovius заставилъ городскую библіотеку выписать его Словарь.

19. Въ Stanisl. Sarnicii Annales Polonic. lib. VI p 1041 (въ изд. Длугоша. Лейпц. 1711) сказано: «Sic duplici literarum Slavonicarum figura, quarum altera Bukovica, altera Cyrulica apud eos vocata; et ex epitaphio Romae Reginae Bosnensium, quod extat in sacello templi magni characteribus magnis descriptum».

20. In Rautenburg (hinter Labiau in Preussen) auf dem adeligen Gute. gehörig Grafen Kayserling, befindet (n sich) altslawische Documente, auf alte kirchliche Zustände Russlands bezüglich.

---

[1]) рукою Прейса. В. Л. [2]) ib.

V.

Русскіе и иностранные знакомые и пріятели Прейса.

Въ той же книжкѣ находятся (въ алф. пор.) фамиліи и адреса русскихъ и иностранныхъ пріятелей и знакомыхъ Прейса. Помѣщаю эти мелочи, такъ какъ 1) кругъ знакомыхъ человѣка, какъ и собраніе его книгъ, даетъ вообще болѣе или менѣе вѣрное представленіе и ясное понятіе о человѣкѣ и 2) въ бумагахъ наслѣдниковъ этихъ знакомыхъ въ Россіи и заграницею могутъ еще отыскаться кое какія письма, бумаги Прейса или тѣ или другія воспоминанія о немъ.

Изъ Русскихъ отмѣтимъ:—Барановскій Степ. Иван.—Бодянскій. Ему послано 14 авг. 1843 книги вѣсом 14 ф. № 3215. Большаковъ Ив. Ив. – Бычковъ (Стол. пер. у Кокушк. м. въ д. Скуридина). Boetlinck на Вас. ову 11 л. № 21 въ д. Траншеля). Горловъ Ив. Як.—Галанинъ. Ив. Дм. Князь Дондуковъ-Корсаковъ (Мих. Дмитр. Б. Подьяч. собств. д.), Дубровскій (Петръ Павл. въ Варшавѣ), Дель Алекс. (въ Моховой въ домѣ генеральши Есаковой № 25). Евецкій (въ Варшавѣ Орест. Степан. старш. братъ). Евецкій Ѳед. Ст. (младш. братъ). Елецкій (Влад. Нив. безъ адреса), Заикинъ (Пав. Ѳед. Wien. Wollzeil nr. 787), Ивановъ (Андр. Ив. книгопродавецъ). М. А. Измайловъ (въ к. Галерн. въ д. Бека вм. съ Всеволодскимъ), Иславинъ (Влдм. Александр.) на Воскр. просп. д. Бача. Izdebski Фин. (вѣроятно студентъ, слушатель Прейса). Касторскій М. К. Кеппенъ П. И. Вас. ов. 7 л. № 9. Куторга М. С., Куникъ (Вас. ов. д. Дитрикса, уг. 2 лин. у ср. пр. № 27). Кернъ. Княжескій (Зах. Петр.) въ канц. Оберъ Прокур. Св Син. въ кв. Бируковича. Лапшинъ Гр. Ив. (близь 1 гимн. д. Строгонова. № 7). Лунинъ Ром. Як.—Lundberg Buchbinder Больш. Подъяч. д. Лермонтова). Менгденъ Н. Торгов. д. Жюльеня, Костр. г. въ гор. Кинешму. Мацѣевскій (гдѣ то въ Варш.), Надеждинъ Н. И. (Свѣчн. пер. д. Турчанинова). Норманъ (Горох. за Семен. мост. д. Самойлова), Нейдгардтъ (О. И у Красн. м. д. Меньшикова, въ кв. Шиллера); Прейсъ Ив. Ив. Знаменск. собств. д. № 19; Прейсъ А. Ив. Новгородскаго у. Ст. Бабино Діодору Вас. Трубникову. Поповъ (Вас. Алексѣев. Симб. губ. въ гор. Ардатовъ). Порошинъ (Мохов. д. Ѳедорова). Порошинъ (В. С. Лит. ч. Офиц. ул. на углу Спасск. пер. д. Бѣльскаго). Пржецлавскій (Осип. Антон. Горох. д. Лерха). Регули (въ д. Архит. Пеля, противъ дома Пашкова, кв. 27), Розенбергеръ (Карл. Оттон. Др. въ женск. больн. у Троицк. церкви, Изм. полка). Сатинъ (Андр. Ив. 10 л. на больш. пр. д. Голубина). Савельевъ (Ник. Вас.), Устряловъ (Н. Гер. въ Коломин. д. Коммис. д-та). Юревичъ (на углу Вознес. и Садов. д. Карелина, кв. № 21).

Изъ иностранныхъ: или Русскихъ, служившихъ заграницею: Бѣлград. Милутиновић, Возаревић (книгопродавецъ (отъ Враза-оба). Ващенко и Герас. Вас. (генер. ком.). Берлић v. Дмитровица.

Бѣлград-Василій Анастасіевић. Врановъ Секретарь Россійскаго Генеральнаго Консульства въ Сербіи—Егоръ Лазаревић Зорић ibid. Мушицкій Dr. Гавриловић Director. Тирол. Поповић І. С. Іакшић. Стеић. Sr. Wohlgebor. Herrn W. Steph.

Karadschitsch in Wien (Landstr. in d. ober. Reisenstr. № 472). Волянскій въ Гнѣзнѣ. Ђуричићь Александеръ савршени Богословіе слушатель и ве годние Медицинеръ родом из Баната месца Врища. (видно сам записал-сербск. почерк). Зара-Баронъ Шайлеръ. Загребъ-Зупан книгопродав. Hirschfeld. Ужаревић. Бабукић. Taj. Раковац. Поповић. Деметер. Ференц. Сузанић. Прус. Sr. Wohlg. H. J. P. Iordan Slaw. Literaten (Петръ Николаевичъ. Bei Kint in Prag (должно б. рукою Іордана). H. Kurschat in d. Tiepoltschen Schule dritte Fliess Strasse № 1. An den Wohlg. H. Michael Kasteliz kk. Lycealbibliothek Scriptor zu Laibach in Krain (вѣроятно, рукою Каст.). Копитар Библіотека [1]). Кузманичь (Al chiarissimo Signore il Signor Antonio Cusmanich i. v., Professore in Chirurgia ed (in) Ostetricia à Zara (вѣр. р. сам. К.). Herrn Murko Anton Weltpriester in Gratz abz. in der k. k. Burg. durch den Commissionär A. Brockhaus an die Buchhandlung Damian et Sorge in Gratz (кажется р. сам. Мурка). v. Marwitz-Fleischer-Strasse nr. 631 in Danzig. Prof. Müller Arcistrasse 15/2 München. Toma Mužar Dr. iz Horvatska (вѣр. его собств. р.). V. Novitzky Lehrer bei der Stadtschule in Thorn. Нови-Сад: Дреновац, Шафарик. Аџић. Іоанновић. Кадлинц. Петар Илија Стојановић книгопродавецъ живет у главној улици у собств. кући № 1799). Paff (Dr.) in Marburg Professor. Палацкій (Gürtler Gasse 719). Петек in Gradiška od Враза. Павловић in Винковац ab eodem. Въ г. С.-Петербургѣ Петар Палковић ради сас трговином Alexander Eck. Невск. просп. отъ его брата въ Пешти поздрав. Dr. Fugger поклон отъ Dr. Мальуса. Iosephus Soltesz Clericus Ruthenicus Dioecezis Eperiesiensis. Шолтес. (вѣр. его собств. рук.); Zaf Caplan in Frauheim Seiner Höchwürden dem H. Caplan Georg Zaf in Frauheim bei Marburg. Челяковскій (Praha Dorngasse nr. 187). H. Prof. Paul Ioseph Safarik S. Horhwrblgeb. in Prag, Stephans Gasse—№ 614). Шћавница—Георгiя Бранковић, Василій Мирковић, Степан Бранковић, Божић, Павловић. (Georg Brankovich fürstlich-serbischer Berg-Akademiker in Schemnitz). У Београду Афанасију Бранковићу, чиновнику у ђумруку. Iungman Breite Gasse nr. 749.

VI.

Этнографическая программа [2]).

1. Natürliche u. politische Grenzen.
2. Flacheninhalt.
3. Gebirge, Hügel, Höhlen.
4. Flüsse, ihr Ursprung, Zuflüsse, Seen.

Государственныя.

1. Естественныя и политическія границы.
2. Площадь.
3. Горы, холмы, пещеры.
4. Рѣки, ихъ истоки, притоки, озера.

---

[1]) Приписано Прейсомъ: «карта Крыма». [2]) Внизу помѣщаю свой переводъ. В. Л.

5. Beschaffenheit des Bodens.

6. Klima (Winde, Witterung).

7. Produkte.

aus dem a) Mineralreiche.

b) Pflanzenreiche.

c) Thierreiche. Krankheiten der Hausthiere u. ihren Volkskuren.

8. Wie weit geht die Kenntniss der Bauern über ausländische Produkte.

Ueberall die Benennungen nach Verschiedenheit d. Dialekte u. der Unterdialekte.

9. Politische, kirchliche Eintheilung des Landes.

10. Stimmt die politische Eintheilung mit der kirchlichen überein?

11. Es giebt auch eine Eintheilung des Landes, dem Volke gehörig und verschieden von der politischen und kirchlichen Eintheilung.

12. Städte.

Was ist grad, gradina, gomila (gamula), kula etc.

13. Märkte u. Marktflecken. Wie viel mal und wann werden Iahrmärkte gehalten?

14. Dörfer. Ueberall wo möglich mit statistischen, historischen, naturhistorischen und confessionellen Notizen.

15. Gräber, Ruinen, Schlösser. Fundorte der Münzen. Steine mit

5. Характеръ почвы.

6. Климатъ (вѣтры, состояніе погоды).

7. Произведенія изъ царства ископаемыхъ, растительнаго; фауна. Болѣзни домашнихъ животныхъ и ихъ народное лѣченіе.

8. Какъ далеко простирается знакомство крестьянина съ иностранными продуктами.

Повсюду названія сообразно мѣстному нарѣчію или поднарѣчію.

9. Политическое, церковное раздѣленіе страны.

10. Политическое совпадаетъ ли съ церковнымъ дѣленіемъ.

11. Есть-ли дѣленіе страны народное, отличное отъ политическаго и церковнаго.

12. Что такое град, градина, гомила (гамула), кула etc.?...

13. Торги и торговыя мѣстечки. Сколько разъ (въ году) и когда бываютъ въ нихъ ярмарки.

14. Деревни, села всюду, гдѣ возможно, со статистическими, историческими, естествовѣдными и церковными замѣтками.

15. Гробницы, развалины, замки, мѣста кладовъ съ монетами, камни

Inschriften und sonstige historische und naturhistorischen mit genauer Anzeigen, wohin solche Ortschaften politisch, kirchlich oder militärisch gehören. Ueberall sind hinzu zufügen die Sagen und Ueberlieferungen, dem Volke treu und schmucklos nacherzählt.

16. Volk. Geschichtliche Bemerkungen.

17. Der Volksname bei dem 1) Einheimischen.
2) Nachbarn.

18. Spottnamen und Schimpfnamen, die das Volk den Nachbarn giebt und von ihnen wieder erhält.

19. Spottische Erzählungen über den Ursprung und Entstehung des nachbarlichen Stammes.

20. Die Spottnamen, welche sich verschiedene Standes-und Religionsgenossen einander beilegen.

21. Wo wohnen die Brajci, Majdaci, Beli Hrvati—oder wie andere behaupten Beli Krajnci, Crni Krajnci, Kirci, Ciribirci?

22. Bis wie weit erstreckt sich der Name Hrvati in Istrien?

23. Sprache? Wie nennt das seine Sprache?

24. Dialektische Unterschiede: in Grammatik: Aussprache der Vocale (sic) und Consonanten. Gebrauch und Vorhandensein gewisser Formen. 2) Verschiedenheit in einzelnen Wörtern. Wo möglich, wären kleinere Sprachproben willkommen.

съ надписями и другія историческія и естественныя достопамятности, съ точными указаніями, куда эти мѣстности относятся въ политическомъ, военномъ или церковномъ отношеніяхъ. Всюду прибавлять относящіяся къ нимъ народныя сказанія и преданія, вѣрно, съ народною передачею и безъ украшеній.

Народъ.

16. Историческія замѣтки.

17. Народное имя у 1) туземцевъ, 2) сосѣдей.

18. Шутливыя и бранныя названія населенія и его сосѣдей.

19. Шутливые разсказы о началѣ и происхожденіи сосѣдей.

20. Шутливыя взаимныя названія лицъ разныхъ сословій.

21. Гдѣ живутъ Брайци, Майдаци, Бѣлые Хорваты—или, какъ иные утверждаютъ, Бѣлые Краинци, Черные Краинци, Кирци, Чирибирци.

22. Какъ далеко простирается имя Хорватовъ (Хрвати) въ Истріи?

23. Языкъ? Какъ жители называютъ свой языкъ?

24. Діалектическія различія: 1) въ грамматикѣ: въ произношеніи гласныхъ и согласныхъ; употребленіе и существованіе извѣстныхъ формъ

25. Körperliche Beschaffenheit, vorherrschende Nahrung und Kleidung.

26. Die gewöhnliche Krankheiten und Volkscuren. Die abergläubische Curen. Pest.

27. Wohnungen und Häuserbau, Haus, Theile des Hauses, Wirthschaftsgebäuden, Brunnen, Fuhrwerk und alle dem Volke bekannte Theile; Hausgeräth, Geräthschaften, Gefässe und Instrumente, die zum Ackerbau und anderen volkswirthschaftlichen Beschäftigungen und Arbeiten. Woraus solche gemacht worden, ob sie vom Bauer selbst verfertigt werden?

28. Maschinen.

29. Kleidung der Kinder, Männer, Iungfrauen u(nd) Frauen.

Bei diesem Artikel ist die Umständlichkeit nicht genug zu empfehlen: die Iahreszeit, die Farbe der Gegenstände; der Stoff, woraus sie gemacht, ob Solche gekauft oder zu Hause gemacht werden.

30. Bildung. Charakter. Anlagen.

31. Standes-Berufsclassen.

Die Würden (die dem Bauer eigenthümliche Ausdrücke dafür).

Die Gemeinden.

Die privilegirten Gemeinden.

32. Die Confessionen u. Sekten (Patarener).

Häusliches Leben. Sitten und Gebräuche.

(склоненія и спряженія), 2) различія въ отдѣльныхъ словахъ.

Гдѣ можно, желательны небольшіе образцы языка.

25. Тѣлесное сложеніе, господствующія пища и одежда.

26. Обычныя болѣзни и народное лѣченье. Суевѣрное лѣченье. Чума.

27. Жилища и домашній строй. Домъ, части дома, хозяйственныя постройки, колодцы, возъ (телѣга) и всѣ извѣстныя народу части, домашняя обстановка, мебель, посуда, орудія, инструменты по землепашеству и прочимъ народнымъ занятіямъ. Изъ чего они сдѣланы, самими-ли крестьянами изготовлены.

28. Машины.

29. Одежда дѣтей, мужчинъ, дѣвушекъ и женщинъ?

Тутъ необходима наибольшая обстоятельность: время года, цвѣтъ вещей, матерія, изъ которой изготовляется, покупная или дома приготовленная.

30. Образованіе, характеръ, природныя способности.

31. Высшіе классы населенія. Званія (обычныя у крестьянъ относительно ихъ выраженія). Общины. Привилегированныя общины.

32. Вѣроисповѣданія и секты (Патарены). Домашняя жизнь. Нравы и обычаи.

33. Der Begriff von rod, pleme, rodbina, koljeno, čeljad, družina.

34. Bei den wohlhabenderen, reicheren Bauern werden wohl Miethlinge, Gehülfen bei den Arbeiten (Sluga, chlap'e(sic)et *)) in's Haus aufgenommen. Wie heissen solche und in welchen Verhältnisse stehen sie zu dem Hauswirthe und der Familie.

35. Die Verwandschaftsgrade.

36. Auf welche Weise äussert sich der Hass und die Feindschaft der Nachbarn.

37. Die Grüsse und Erwiederungen beim Begegnen, Abschiede, wenn man bei der Arbeit trifft.

38. Werden welche Rücksichten genommen oder sind welche Gebräuche beim Namengeben vorhanden? Setzt man vielleicht bei einigen Namen einen Einfluss auf die Zukunft des Kindes.

39. Welchen Glauben hat man von dem im Glückshemden (košuljica) geborenen Kinde? Wo ist der Ausdruck «Vidovid» bekannt?

40. Ist der Glaube vom Glücke des Kindes vorhanden, wenn es in dem oder dem Monathe (sic) geboren ist.

41. Ist irgendwo die Sitte des Haarabschneidens bei den Kindern bekannt, oder lebt sie noch vielleicht in den Liedern? Ist der Ausdruck šišanje, šišano kumstvo oder postrigi wo vorhanden?

42. Die nicht rein kirchliche Gebräuche bei der Taufe.

33. Понятія, заключаемыя въ словахъ: родъ, племе, родбина, колѣно, челяд, дружина.

34. У зажиточныхъ крестьянъ имѣются въ домахъ наемники, помощники въ работахъ (Слуга, Хлапе etc.). Какъ они называются и въ какихъ отношеніяхъ находятся они къ домохозяину и къ его семейству.

35. Степени родства.

36. Какимъ образомъ выражается непріязнь или ненависть къ сосѣдямъ.

37. Привѣтствія и отвѣты при встрѣчахъ, прощаньи, при рабочихъ.

38. Есть-ли какіе пріемы или обычаи при назначеніи имени? Быть можетъ, при нѣкоторыхъ именахъ предполагаютъ вліяніе на будущность ребенка.

39. Что думаютъ о рожденномъ въ сорочкѣ (кошульица)? Гдѣ извѣстно выраженіе: видовит?

40. Есть-ли повѣрье о счастьи ребенка, смотря по мѣсяцу, когда родился.

41. Есть-ли обычай постригъ (стрижка волосъ) или гдѣ нибудь упоминается объ этомъ въ пѣсняхъ? Имѣются-ли выраженія: шишанье, шишано кумство или постриги.

42. Не чисто церковные обычаи при крещеньи.

*) пропускъ.

43. Der Taufschmaus. Ist wo bekannt dafür der Ausdruck pasita. Die Gevaterschaft: kumstvo, botrinje.

44. Die Besuche, welche von den Nachbaren der Wöchnerinn (sic) gemacht werden (babinje). Wie lange solche dauern? Welche Lieder dabei gesungen werden?

45. Das Einsegnen: vpelavanje.

46. Das Hochzeitsgebräuche nach dem wie es jetzt ist und wie es einst war, vor der Traung (sic) und nach der Traung.

47. In welchem Alter verheirathet man sich in der Regel? Die Ursachen und Folgen eines etwa zu frühen Ehebündnisses?

48. Wählt der Iüngling die Braut oder seine Eltern?

49. Sollten irgendwo die Entführungen (otmice) vorkommen oder leben sic noch nur in den Liedern und in der Erinnerung?

50. Die Gebräuche bei der Wahl der Braut und bei dem Eheverlöbniss.

51. Welcher Unterschied in der Tracht eintritt, wenn die Iungfrau zur Frau wird.

52. Wie lange dauern (oder dauerten früher) die Hochreitsfeierlichkeiten.

53. Heurathet (sic) der Sohn, bildet er dann eine besonderes Haus oder bleibt er und seine Kinder bei dem Vater oder Schwiegervater?

43. Крестины, какъ праздникъ. Извѣстно-ли выраженіе пасита? Кумовье: кумство, ботринье.

44. Посѣщенія родильницы сосѣдками и сосѣдями (бабинье). Какъ долго эти посѣщенія продолжаются? Какія пѣсни при этомъ поются?

45. Благословенье—впелянванье.

46. Свадебные обычаи теперь и прежде, до вѣнца и послѣ.

47. Въ какомъ возрастѣ обыкновенно выходятъ замужъ и женятся? Причины и послѣдствія слишкомъ раннихъ браковъ.

48. Выбираетъ-ли самъ парень себѣ невѣсту или родители?

49. Случаются-ли и теперь увозы дѣвицъ (отмице) или онѣ живутъ лишь въ пѣсняхъ и воспоминаніяхъ?

50. Обряды при выборѣ невѣсты и при помолвкѣ.

51. Какая настаетъ перемѣна въ уборѣ и нарядѣ, когда дѣвушка становится молодухой?

52. Какъ долго тянутся (или прежде продолжались) свадебныя празднества.

53. Сынъ, женившись, заводитъ-ли отдѣльное хозяйство или онъ остается съ дѣтьми своими въ домѣ отца или тестя?

54. Die Theilung der Arbeit zwischen Mann und Frau.

55. In welchen Monathen werden gewöhnlich die Ehebündnisse geschlossen?

56. Die Beerdigungsgebraüche.

57. Die Todtenmahle (Krmine, Mrlice, Zadušnice, dača etc.

58. Wann, wo, wie und in welchen Ausdrücken geschehen die «naricanja za mrtvima».

59. Wo, wann und aus welche Veranlassung kommen die Gemeinden oder Bekannte, Familien zusammen zum gemeinschaftlichen Mahl? Welche Speise dabei gewöhnlich und vorzüglich verzehrt wird?

60. An welchen heiligen Tagen werden die Altäre, Häuser bei den Occidentalischen und Orientalischen Christen mit Blumen und sonstigen Gegenständen verzihrt (sic)? Welche Blumenart wird vorzüglich dara(n) verwendet?

61. Haben kirchliche oder andere Festtage Einfluss auf Freundschaftbsündnisse, Aussöhnungen und Heirathen (sic)?

62. Sind noch vielleicht Eideschwüre wo vorhanden, die von den kirchlichen abweichen oder sich wenigstens in Beschwörungs-Verneinsehungs (sic)-Redensarten erhalten haben?

63. Wo sind die ältesten Kirchen und Capelle gebaut? Auf Bergen.

54. Раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной?

55. Въ какіе обыкновенно мѣсяцы заключаются браки?

56. Обрядъ погребенія.

57. Обѣды по покойникамъ—крминэ, мрлицэ, задушницэ, даћа и пр.

58. Когда, гдѣ и какъ, въ какихъ выраженіяхъ происходятъ нариցанья за мртвима?

59. Гдѣ, когда и при какихъ случаяхъ общины, знакомые, семейства собираются на общіе обѣды. Какія при этомъ кушанья обыкновенно или преимущественно употребляются?

60. Въ какіе праздничные дни у католиковъ и у православныхъ украшаются алтари и дома цвѣтами и друг. предметами? Какой видъ цвѣтовъ преимущественно на это употребляется?

61. Церковные или другіе праздники имѣютъ ли какое вліяніе на заключеніе побратимства, на примиренія или на свадьбы.

62. Не бываетъ ли, можетъ статься, гдѣ нибудь присягъ, отличныхъ отъ церковныхъ, или по крайности не сохраняются ли они въ какихъ нибудь поговорочныхъ выраженіяхъ заклинанія и примиренія?

63. Гдѣ построены древнѣйшія церкви и часовни? На горахъ-ли

an den Quellen? Wie heissen solche Kirchen und die Ortschaften dabei? Was erzählt das Volk von dieser Ortschaft oder der Erbaung der Kirche?

64. Wo sind die ältesten und die am meisten Wahlfahrtsörte? Der Volksglaube und die Volkserzählung darüber?

65. Welche Spiele und Belustigungen (in der Stadt und auf dem Lande) sind bei solchen kirchlichen oder sonstigen Festtagen in Gebrauche?

66. Glaubt man, dass in Hainen, dickichten Wäldern (Die Namen sind nicht su vergessen) welche Geisterwesen wohnen, den Menschen oder dem Vieh schädlich oder nützlich sind. Sind Spaziergänge nach solchen Hainen gewöhnlich, werden solche an gewissen Festtagen mit Blumenkränzen geschmückt?

67. Ob nicht alte Personen sich jetzt nicht vorhandener Gebräuche erinnern?

68. Ueberhaupt ist genau zu vermerken, was den katholischen und was den griechischen Glaubensgenossen eigen ist und was dieselben gemeinschaftlich haben.

69. Werden am Neujahr oder bei anderer Gelegenheit Geschenke ausgetheilt? Das Glückwünschen am Neujahrstage auch auf dem Lande bekannt? Wird etwas gern oder vorzüglich an diesem Tage vorgenommen? Ist solches Glück vorbedeutend? Ueberhaupt ist der Neujahrstag nach seinem ganzen Begriffe bei dem Volke zu beschreiben.

или при источникахъ? Какъ называются подобныя церкви и ближайшія къ нимъ мѣстности? Что разсказываетъ народъ про эту мѣстность или о постройкѣ этой церкви?

64. Гдѣ находятся древнѣйшія церкви и наиболѣе посѣщаемыя богомольцами мѣста поклоненія (святыни). Народныя повѣрья и сказанія о нихъ.

65. Какія игры въ городѣ или въ уѣздѣ (въ деревняхъ и селахъ) употребляемые въ такіе церковные и другіе праздники?

66. Вѣрятъ ли, что въ рощахъ и въ лѣсныхъ чащахъ (не забывать мѣстныхъ названій) живутъ духи, подобные людямъ или скоту, вредные или полезные. Обычны ли прогулки въ такія рощи, не украшаются-ли онѣ въ извѣстные дни цвѣтами?

67. Быть можетъ, старики теперь кое-что вспоминаютъ о подобныхъ обычаяхъ.

68. Вообще, надо точно отмѣчать, что свойственно католикамъ и что православнымъ, и что обще тѣмъ и другимъ.

69. Раздаются-ли подарки на новый годъ или при другихъ случаяхъ? И какими? И какъ они зовутся? Извѣстны-ли въ селахъ пожеланія на новый годъ?

70. Die heiligen drei Könige: Bogojavljenje, tri kralji. Welche Gebräuche den Tag vorher stattfinden? An dem Tage selbst badet man sich? Wo ist Glaube noch vorhanden, dass Nachts vor diesem Festtage der Himmel sich öffne und dass man von Got(sic) sich etwas ausbitten dürfe.

71. Welche Heilige werden im Ianuar vorzüglich von dem Volcke gefeyert? Allgemein oder local?

72. Wo ist das Wort Veljača, Oveljača unter dem Volcke gebräuchlich und in welcher Bedeutung?

73. Sind welche Spuren von Todtenfeyern oder einer Erinnerung an die Seelen der abgeschiedenen Eltern vorhanden? In welche Zeit fallen die Krmine, Mrlice, Zadušnice?

74. Lichtmesse. Der volcksthümliche Name des Festes u. der Kerzen. Glaubt das Volk, dass an diesem Tage «se srěte lěto i zima»?

75. Fastnacht. Wo ist der Scherzausdruck dafür «sveti Kurent» im Gebrauche, wie einige behaupten. Wie wird dieses Fest auf dem Lande und in der Stadt begangen? Finden Verkleidungen statt? Welcher Speisen bedient man sich bei dieser Gelegenheit? Ob dieses Fest einst anders gefeyert war?

Не предпринимается-ли что нибудь особенное въ этотъ день. Не предсказываетъ ли оно счастье? Вообще, объяснить народное понятіе о первомъ днѣ новаго года.

70. Святые три краля: богоявленье, три кральи; какіе обряды соблюдаются наканунѣ? Купаются-ли въ этотъ самый день? Нѣтъ-ли повѣрья, что въ ночь передъ этимъ праздникомъ разверзается небо и можно тогда у Бога нѣчто вымолить?

71. Какіе святые преимущественно празднуются народомъ въ январѣ? Повсюду-ли или по мѣстамъ?

72. Гдѣ употребительно въ народѣ слово Вельяча или Овельяча и въ какомъ смыслѣ?

73. Гдѣ какіе встрѣчаются слѣды празднованія покойниковъ или воспоминанія о душахъ усопшихъ родителей? На какое время выпадаютъ крмине, мрлице, задушнице?

74. Срѣтенье Господне. Народное названіе этого праздника и свѣчь. Думаетъ-ли народъ, что въ этотъ день „се срѣте лѣто и зима".

75. Заговѣнье (масляница). Гдѣ употребительно шутливое выраженье „свети курентъ", какъ иные говорятъ. Какъ этотъ день празднуется въ городѣ и въ селѣ? Не бываютъ-ли переряживанья? Какія кушанья употребляются при этомъ? Нѣкогда не праздновался-ли иначе?

76. Sind welche Lieder oder Festlichkeiten beim Beginne des Frühjahres zu treffen oder sind vielleicht jetzt mit irgend welchen Frühlings-Arbeiten oder mit der Feyer eines Heiligen verbunden?

77. Wie heisst jede Woche der grossen Fasten besonders, stimmen die Namen vielleicht mit denen der Serben:

Von den Fasten.

1) Woche: Ursna, Uršna, urša, uša, sebična nedelja, auch trapava.
2) » Zadušna.
3) » Bjela.

In den Fasten

1) — čista
2) — pačista
3) — bezimena (krstopoklonena)
4) sredoposna
5) gluva (akatista)
6) cvjetna
7) velika.

78. Dann folgt die Osterwoche: Waskrs, Waskrsenje; bei den Dalmatinern: Uskrs, bei den Kroaten: Vuzem, in Istrien: Vazam.

79. Die erste Woche nach Ostern heisst bei den Serben: vodena nedelja.

76. Имѣются-ли особыя пѣсни и обряды при началѣ весны или быть можетъ, онѣ теперь связаны съ какими нибудь весенними работами или съ празднованіемъ какого нибудь святого?

77. Какъ называется каждая недѣля великаго поста особенно? Быть можетъ, ихъ названія хорватскія согласны съ сербскими?

Передъ постомъ.

1 недѣля—урсна, уршна, урша, уша.
2 „ задушна.
3 „ бѣла.

Въ посту.

1 недѣля—чиста.
2 „ пачиста.
3 „ безимена (крстопоклонена).
4 „ средопосна.
5 „ глува.
6 „ цвѣтна.
7 „ велика.

78. Затѣмъ слѣдуетъ Свѣтлая недѣля: Васкрс, Васкрсенье; у Далматинцевъ Ускрс, у Хорватовъ Вузем, въ Истріи Вазам.

79. Первая недѣля послѣ Свѣтлаго Воскресенья называется у Сербовъ водена неделя.

80) Der zweite Montag nach Ostern: Družičalo, auch Ružicalo, pobujeni ponedeljnik.

81. Es ist bekannt und manches lässt sich noch vermuthen, dass in diese Zeit verschiedenartige Festlichkeiten fallen. Die Zeit, die Zeitdauer, die Namen etc. sind genau zu verzeichnen mit steter Berücksichtigung der Unterschiede des Ortes, der Religion, der Nähe der Städte, der Berührung mit fremdem Nationen etc.

82. Georgi-Tag. Wird dieser Tag ueberall am 24 April gefeyert oder auch hie und da am 23—wie es in Calender steht.—Dies Fest wird bei allen Slaven heilig gehalten, daher ist eine detaillirte Beschreibung aller darauf bezüglichen Festlichkeiten, eine Sammlung der Lieder von grosser Wichtigkeit.

83. Pfingsten. Ist irgend wo für dieses Fest der Name: Rusalje vorhanden?

Iohannis Tag.

85. Ernte-Fest.

86. Stomarine.

87. Michaelis-Tag.

88. Weinlese und Kukuruz-Schede.

89. Aller-Seelen Tag.

80. Второй понедѣльникъ послѣ Св. Воскресенья—Дружичало, также Ружичало, побуjени понедельник.

81. Извѣстно и можно еще предположить, что въ это время бываютъ различныя празднества. Время, продолжительность, названія и пр. надо точно обозначать, постоянно отмѣчая отличія сообразно мѣсту, вѣроисповѣданію, близости городовъ, сношеніямъ съ чужими народностями.

82. Юрьевъ день. Празднуется-ли онъ повсюду 24 апр. или тамъ и сямъ 23-го, т. е. по календарю. У всѣхъ Славянъ праздникъ этотъ свято чтится, поэтому и важно подробное описаніе всѣхъ относящихся къ нему обрядовъ и собраніе пѣсенъ.

83. Троицынъ день.—Духовъ день. Употребляется ли названіе Русалье.

84. Ивановъ день.

85. Праздникъ жатвы.

86. Стомаринэ.

87. Михайловъ день.

88. Сборъ винограда и кукурузы.

89. День всѣхъ святыхъ.

90. Martini.

91. Hrv. Fureš, Krajnsk. koline.

92. Advent.

93. Nicolaj.

94. Weihnachten. Erforschung der Zukunft durch Giessen des Bleies, Wachses. Ob irgend wo bekannt ist der Name «Kračun» für Weihnachten. Koleda.

95. Der Name, die Zeit, die Zeitdauer, die Lieder, die Tänze, die Art und Weise, wie jedwede Festlichkeit begangen wird. Ob nicht bei diesen Festen Verkleidung statt findet.

96. Geburts-und Namenstage.

97. Zu bemerken welche Epitheta das Volk (sic) den Heiligen beilegt. z. B. Ilija gromovnik. Die Geschichten von den Heiligen, so wie überhaupt die biblischen Geschichten dem Volke treu nacherzählt.

98. Monats-Nahmen, Wochen, Wochentage, Theile des Tages, Stunden u. Theile der Stunde.

99. Volkskalender.

100. Spiele der Städter und der Dorfbewohner, der Kinder mit der Rücksicht der Iahreszeiten.

101. Die Tänze und bei welcher Gelegenheit, ohne Gesang oder mit Gasang verbunden.

90. Мартыновъ день.

91. Хорватскій Фуреш, краинск. Колине. (Убой свиньи).

92. Адвентъ. (Рожеств. постъ).

93. Николинъ день.

94. Ночь на Рождество. Гаданье о будущемъ литьемъ олова, воску. Извѣстно ли гдѣ названіе „Крачун".—Коледа.

95. Названіе, время, продолжительность, пѣсни, пляски, видъ и способъ празднованія каждаго изъ этихъ праздниковъ. Не бываютъ ли въ эти праздники наряженые?

96. Дни рожденія и именинъ.

97. Отмѣтить, какіе эпитеты придаетъ народъ разнымъ святымъ, напр. Илья громовник. Передать вообще народные разсказы о жизни святыхъ и вообще изъ библейской исторіи.

98. Названія мѣсяцевъ, недѣль, дней недѣли, частей дня, часовъ и частей часа.

99. Народный календарь.

100. Дѣтскія игры у горожанъ и сельчанъ, сообразно временамъ года.

101. Пляски и при какихъ случаяхъ бываютъ съ пѣснями и безъ пѣсенъ.

102. Die Musik, Instrumente.

103. Wettlaufen, Pferderennen, Ringen, Faust-kämpfe.

104. Welche Pflanzen, Thiere oder Mineralien dem Volke als symbolische Ausdrücke bei Hochzeiten oder andern Gebräuchen dienen.

105. Die Liebkosungsausdrücke (zlato moje, srdce moje etc).

106. Das Volk wird wohl manches vom Entstehen einiger Pflanzen, Vögel (der Guckuck u. d. gl.) zu erzählen wissen.

107. Die Pflanzen mit dem Gottes, der Heiligen oder überhaupt mit Eigennamen.

108. Welchen Pflanzen, Bäumen etc. eine Heilskraft beigelegt wird. Welche von denselben zu Arzneien gebraucht werden.

109. Wo ist die Sitte «pobratimstvo» ob welchen, vielleicht kirchlichen Ceremonien, wie in Serbien, verbunden? Das Verhältniss eines Pobratims zu der Familie des andern Wahlbruders.

110. Die Gastfreundschaft. Sind vielleicht vorhanden Erzählungen von Strafen, die denjenigen zu Theil wurden, welche die Gastfreundschaft verletzten.

111. Wahrsagerei. Hexen, Hexenprocesse.

112. Abergläubische Gebräuche. Begegnung, glückliche und unglückliche Tage.

113. Volks-Astronomie, die dem Volke bekannte Sterne.

102. Музыкальные инструменты.

103. Бѣгъ въ запуски, конскія скачки, борьба, кулачные бои.

104. Какія растенія, животныя или минералы служатъ у народа символическими выраженіями при свадьбахъ и другихъ обрядахъ.

105. Ласкательныя выраженія (злато мoje, срдце мoje и пр.).

106. Народныя сказанія о происхожденіи нѣкоторыхъ растеній, птицъ (кукушка и пр.).

107. Растенія съ именами Бога, святыхъ и вообще съ собственными личными именами.

108. Какимъ растеніямъ и деревьямъ приписывается цѣлебная сила? Какія изъ нихъ употребляются въ лѣкарствахъ?

109. Гдѣ извѣстенъ обычай „побратимства“, быть можетъ онъ связанъ, какъ въ Сербіи, съ какими нибудь церковными обрядами?

110. Гостепріимство. Быть можетъ, имѣются разсказы о наказаніяхъ, постигавшихъ нарушителей гостепріимства.

111. Предсказанія. Вѣдьмы. Процессы о вѣдьмахъ.

112. Суевѣрные обряды. Встрѣча счастливыхъ и несчастливыхъ дней.

113. Народная астрономія; извѣстныя народу звѣзды.

114. Was denkt sich der Bauer vom Himmel, Sonne, Sternen, Regenbogen. Der Mond und was alles das Volk sich bei dem Mondwechsel denkt; wie erklärt sich die Sonnen-und Mondes-Finsterniss. Die Benennungen der verschiedenen Mondwechsel.

115. Wie denkt sich das Volk das Entstehen der Welt oder das Weltende. Das volksthümliche Begriff von Himmel und Erde.

116. Die Namen der bösen und guten Geister in Wasser, Luft, Feuer, Wald, Bergen.—Zu welcher Tageszeit oder in welchen Monathen die Geister am meisten spucken sollen.

117. Sind wo in Gebrauche Darbringungen den Bergen, Quellen, Flüssen, Bäumen d. h. wird z. B. Geld in's Wasser mit immer welcher Bedeutung hineingeworfen, oder an gewissen Orten, etwa an Kreuzwegen, Lappen von Tuch (vor welcher Farbe vorzugsweise) hingelegt u. d. gl. Ist z. B. der Glaube an die Wunderkraft oder wohlthätige Wirkung dieser Gegenstände, wie etwa bei Krankheiten vorhanden, und auf welche Weise wird er geäussert.

118. Riesen, Zwerge. Was erzählt das Volk von ihnen?

119. Wunderthiere z. B. Drachen.

120. Sprichwörter alphabetisch oder auch nach Gegenständen geordnet, jedoch ist immer anzugeben, was ein Sprichwort sagen will.

114. Что думаетъ крестьянинъ о небѣ, солнцѣ, звѣздахъ, радугѣ. Мѣсяцъ и все, что народъ думаетъ о перемѣнѣ мѣсяца. Какъ онъ себѣ объяснястъ солнечное и лунное затменія. Названія различныхъ перемѣнъ мѣсяца?

115. Какъ думаетъ народъ о происхожденіи міра и объ его окончаніи? Народное представленіе о небѣ и землѣ.

116. Имена добрыхъ и злыхъ духовъ въ водѣ, воздухѣ, огнѣ, духовъ лѣсныхъ и горныхъ. Въ какую часть или въ какіе мѣсяцы всего болѣе являются духи, привидѣнія?

117. Употребляются ли гдѣ приношенія горамъ, источникамъ, рѣкамъ, деревьямъ; не бросаютъ ли денегъ въ воду, всегда съ какимъ нибуда значеніемъ, или въ извѣстныхъ мѣстахъ кладутъ лоскутки сукна (вообще матеріи) и какого цвѣта по преимуществу и пр.? Вѣрятъ ли въ чудодѣйственную или благотворную силу этихъ предметовъ, напр. при болѣзняхъ, и какъ это выражается?

118. Великаны, карлики. Что разсказываетъ о нихъ народъ?

119. Чудесныя животныя, напр. драконы.

120. Народныя пословицы въ порядкѣ алфавитномъ или предметномъ; но всегда нужно указывать, что значитъ данная пословица.

121. Räthsel (Zagonetke).

122. Volksthümliche Erzählungen von mythischen oder geschichtlishen Personen, von Burgen, Schlössern oder Naturmerkwürdigkeiten.

123. Lieder, als: Wiegenlieder. Lieder von Kindern, Bettlern oder Blinden gesungen, wie auch bei Gesundheitstrinkung, Handwerkslieder, Heldenlieder, Frauen-Lieder, Hochzeitslieder und bei andern Festlichkeiten, beim Spinnen, beim Schneider, des Hornes bei gewissen Spielen, Hirten-Weinachtslieder.

Ueber die Volkswirthschaft.

124. Die gewöhnlichen Geschäfte in jedem Monathe. Ein Wirthschafts-Kalender. Ueber den Pflanzenbau.

125. Ueber die Ackerbestellungen.

126. — Wiesen und Weiden.

127. — Obst und Gartenbau.

148. — den Bau der Gewerb-pflanzen.

129. — Weinbau.

130. — Bergbau.

131 — Forstkultur.

Ueber Viehzucht.

132. Allgemeine Bemerkungen.

121. Загадки (загонэткэ).

122. Народные разсказы о миѳическихъ или историческихъ лицахъ о городахъ, замкахъ, естественныхъ достопамятностяхъ.

123. Пѣсни колыбельныя; распѣваемыя дѣтьми, нищими, слѣпцами, также при здравицахъ, пѣсни ремесленниковъ, юнацкія, женскія, свадебныя, при пряжѣ, жатвѣ, въ извѣстныхъ играхъ, пѣсни рождественскія.

О народномъ хозяйствѣ.

124. Обыкновенныя ежемѣсячныя занятія. Хозяйственный календарь. О культурѣ растеній.

125. О воздѣлываніи полей.

126. О распредѣленіи луговъ и пастбищъ.

127. Огородничество и садоводство.

128. О разведеніи растеній, нужныхъ для промышленности.

129. Винодѣліе.

130. Горное дѣло.

131. Лѣсное хозяйство.

О скотоводствѣ.

132. Общія замѣчанія.

133. Die Rindviehzucht.
133. — Pferdezucht.
135. — Schafzucht.
136. — Gaisszucht.
137. — Schweinzucht.
138. — Geflügelzucht.
139. — Bienenzucht.
140. — Seidenraupenzucht.
141. — Ueber Iagd und Fischerei.
142. — Ueberblick der Landwirthschaft.

Veredlung und Bearbeitung der Produkte.

143. Veredlung der Produkte; Kunstfleiss.

144. Verarbeitung der rohen Produkte, als Tuch, Teppiche, Leinwand, Baumwolle, Seide, Hüte, Leder, Schuhmacher, Oehlerzeugung, Seifensieder, Bierbräuerei, Brautweinbrennerei, Liqueur und Essig, Mühlen, Bäcker, Sägmühlen, Tischlёr, Wagner, Schiffbau, Drechsler, Korbflechter, Potaschensiederei, Glashütten, Salpetersiederei, Töpferwaaren, Pfeifenköpfe, Ziegel und Kalkbrände, Pech, Eisenschmiede und Schlosser, Klempner u. Nagelschmiede, Büchsenmacher, Kupferschmiede Silberarbeiter, Uhrmacher und Glockengiesser.

133. Рогатый скотъ.
134. Коневодство.
135. Овцеводство.
136. Козы.
137. Свиньи.
138. Птицеводство.
139. Пчеловодство.
140. Шелководство.
141. Охота и рыболовство.
142. Очеркъ сельскаго хозяйства.

Выдѣлка и обработка произведенiй.

143. Выдѣлка сырыхъ произведенiй: сукно, ковры, полотно, шерсть, шелкъ, кожа, башмачное и сапожное дѣло, выдѣлка маслъ, мыловаренiе, пивоваренное дѣло, производство водки, ликера, уксуса, мельницы, косы, пилы, столярное, кузнечное дѣло, судостроенiе, токарное дѣло, плетенiе корзинъ, производство поташа, стекла, сѣры, гончарное дѣло, изготовленiе трубокъ, кирпича, извести, добыча смолы, кузнечное и слесарное дѣло, жестяное, гвоздарное, ружейное дѣло, мѣдники, серебренныхъ дѣлъ мастера, часовщики и литейщики колоколовъ.

Ueber den Handelsverkehr.

145. Ein-und Ausfuhr der Produkte.

146. Geld (Benennungen der Geldbeutel).

147. Mass und Gewicht, besonders dijenigen (sic) Namen, welche von Deutschen etc. abweichen.

148. Land-und Wasserstrassen (die Wörter die sich auf Schiffahrt beziehen).

149. Handelsplätze.

150. Ueber das Zollwesen.

151. Allgemeine Bemerkungen.

Ueber die Verfassung und Verwaltung.

a) Ueber die ungeschriebene Sitten und Gebräuche im Rechtverhältniss.

b) Ueber die Rechte der Iuden. Giebt es unter ihnen Sekten?

c) Giebt es Armenier?

d) Cigeuner?

Verfassung.

152. Die älteste Zeit.

153. Die neueste Zeit.

О торговлѣ.

145. Привозъ и вывозъ произведеній.

146. Деньги (различныя названія).

147. Мѣры и вѣсы, въ особенности всѣ названія, отличныя отъ нѣмецкихъ.

148. Сухіе и водные пути (слова, относящіяся до судоходства).

149. Торговыя мѣста.

150. О таможнѣ.

151. Общія замѣчанія.

Объ учрежденіяхъ и управленіи.

a) о неписанныхъ законахъ и обычаяхъ въ правовыхъ отношеніяхъ.

b) о правахъ Евреевъ. Есть ли между ними секты?

c) есть ли Армяне?

d) Цыгане?

Учрежденія.

152. Древнѣйшее время.

153. Новѣйшее время.

Verwaltung.

154. Die älteste Zeit.

155. Die neueste Zeit.

156. Die Gemeinden.

157. Der Adel.

158. Die Städte.

159. Das Militär.

160. Geschäftsgang und seine Ueberwachung.

Ueber die einzelnen Verwaltungszweige.

161. Gerichtsbehörden } besonders auf dem Lande.
162. Polizei-Anstalten }

163. Armenwesen.

164. Kirchliche Verwaltung.

165. Unterrichtswesen.

166. Finanzen.

167. Abgaben und die verschiedenen Benennungen, nach Stände-Verschiedenheit. Ob die Alten sich erinnern solcher Abgaben und Leistungen, die jetzt nicht vorhanden sind, besonders in Bezug auf die Gutsbesitzer. Das Andenken daran konnte sich erhalten in den Liedern. Wie werden die Abgaben beigetrieben.

Управленіе.

154. Древнѣйшее время.

155. Новѣйшее время.

156. Общины.

157. Дворянство.

158. Города.

159. Войско.

160. Дѣлопроизводство и надзоръ за нимъ.

161. Судебныя учрежденія. } Въ особенности въ уѣздахъ.
162. Полицейскія учрежденія. }

163. Положеніе о бѣдныхъ.

164. Церковное управленіе.

165. Народное образованіе.

166. Финансы.

167. Подати и различныя ихъ названія, по сословіямъ. Помнятъ ли старикиво прошлыхъ, отмѣненныхъ уже, оброкахъ и повинностяхъ, особенно по отношенію къ помѣщикамъ. Воспоминаніе о нихъ можетъ сохранилось въ пѣсняхъ. Какъ взимались подати.

VII.

Найденныя въ бумагахъ П. И. Прейса черновыя замѣтки И. И. Срезневскаго относительно вопросовъ, частью вошедшихъ въ написанную П. И. Прейсомъ программу изученія Сербо-Хорватскихъ земель въ Австро-Венгріи.

Земли, обитаемыя Славянами Иллирской отрасли были доселѣ описываемы большею частію людьми, которые не знали подробно ни исторіи, ни быта, ни даже языка народа. По этому самому пытливый изслѣдователь напрасно ищетъ отвѣта на вопросы, часто очень важные въ томъ или другомъ ученомъ отношеніи, которые представляются ему почти на каждомъ шагу. Сочиненія, въ которомъ были рѣшены если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ сихъ вопросовъ, ожидать въ наше время мы еще не можемъ, тѣмъ болѣе потому, что подобный трудъ можетъ быть уже только слѣдствіемъ частныхъ подробныхъ описаній, сообщенныхъ людьми, наблюдавшими основательно ту или другую мѣстность въ отношеніи къ преданіямъ, нравамъ, обычаямъ и языку народа. Часто небольшое замѣчаніе подобнаго наблюдателя бываетъ для каждаго драгоцѣннѣе цѣлаго многотомнаго сочиненія; — и еще чаще такое замѣчаніе не можетъ дойти до ученаго, который бы умѣлъ его оцѣнить съ пользою для науки. Мы съ своей стороны думаемъ, что для вызова такихъ замѣчаній нѣтъ лучшаго средства, какъ предложеніе вопросовъ журналомъ, подобнымъ Иллирской Даницѣ *). Постоянно стремясь знакомить Иллирскій народъ съ самимъ собою, редакція Даницы не можетъ не дорожить и вопросами, ведущими къ этой цѣли. Изъ читающихъ вопросы найдутся и люди, умѣющіе отвѣчать на нихъ,—и еще болѣе, смѣемъ надѣяться, такихъ, которые будутъ искренно благодарить за отвѣты. Это дѣло не частное, а дѣло любви народной и науки. Вопросовъ множество. Считаемъ себя счастливыми, что можемъ положить имъ начало:

№ 1. Въ земляхъ Адріатич(ескаго) Приморья: Иллиры называются Хорватами и Далматинцами или Влахами, и именно на сѣверѣ распространено первое названіе, а на югѣ второе. Желательно бы знать опредѣлительнѣе границу на материкѣ и на островахъ, до которой идутъ Хорваты и начинаются Долматинцы, и не называются ли Хорваты Влахами? Нѣтъ ли также еще какихъ нибудь частныхъ названій, какъ напр. Бодули и т. п.

№ 2. Въ пѣсняхъ народныхъ встрѣчаются названія: Котар равни, Котар влашки, Котар Српски, Котарско полье, Приморје равно, Приморје кршно, Приморје Латинско. Спрашивается, какъ различаетъ народъ эти названія и гдѣ для него Котар Српски или

*) Желательно, чтобы примѣру Даницы послѣдовали и другіе журналы Славянскіе, издаваемые въ Австрійской Имперіи, какъ напр. Časopis Českého Museum, Kwěty, Wlastimil, Tatranka, Rozmaitošci, Сербо-Долматинскій Магазинъ, Народный Сербскій Листъ и т. д. Срзн.

Приморје Латинско? и т. д. И притомъ ужели всегда Котар и Приморје значитъ одно и тоже? Нѣтъ ли какихъ Котаровъ, которые бы не прилегали къ морю?

№ 3. Въ первой части нов. изданія Народ(ныхъ) пѣсень Вука помѣщено между прочимъ нѣсколько пастровскихъ нариц анiй за мертвыми. Нѣтъ ли и въ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ Иллирскими Славянами, обычая пѣть погребальныя пѣсни, и если есть, то гдѣ и какія?

№ 4. Нѣтъ ли (или не было ли) гдѣ нибудь народ(ныхъ) празднествъ наканунѣ 24-е Октября или 24-е Декабря или около этихъ чиселъ, какъ есть во многихъ мѣстахъ подобныя наканунѣ 24 Апрѣля и 24 Іюня, и если есть (или были), то какъ празднуютъ (или праздновали)? При описаніи подоб(ныхъ) праздниковъ, необходимо не пропускать изъ виду: не одѣваются ли въ то время особеннымъ образомъ, не наряжаютъ ли куколъ, не возжигаютъ ли огней, не поютъ ли особенныхъ пѣсень и т. п. Равнымъ образомъ не находится ли въ какой нибудь связи съ таковымъ празднествомъ отгадываніе будущаго?

№ 5. Раньше или позже необходимо будетъ предпринять путешествіе по Адріатическому приморью и островамъ для подробнаго описанія остатковъ глаголической письменности; но путешественникъ, не имѣя предварительныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ можетъ видѣть сіи остатки, легко можетъ пропустить, не осмотрѣвши многіе изъ нихъ, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, куда заѣдетъ. А потому желательно бы было, чтобы всякій дорожащій успѣхами родной литературы, сообщилъ, сколько можетъ, извѣстія о томъ, гдѣ находятся такіе остатки—письменные, старопечатные и изсѣченные на камнѣ, и какіе именно. Мы между прочимъ видѣли глаголитскія рукописи на островѣ Веліи, въ Омишли (Castro Muschio), на островѣ Кошлюнѣ (Cassione), на островѣ Первичѣ у Шебеника; равнымъ образомъ слышали, что есть глагол. рукописи на островѣ Веліи въ Башкѣ и Добринѣ, въ Винодолѣ у Сеня, въ самомъ Сенѣ, въ Трогирѣ, въ библіотекѣ графа Гараньина (Garagnin), въ Сплѣтѣ, на островѣ Корчулѣ и, вѣроятно, найдутся рукописи въ Задрѣ. Есть безъ сомнѣнія и грамоты глаголическія, подобныя той, которая хранится въ въ Іоганеумѣ Градецкомъ. Что касается до надписей, изсѣченныхъ на камнѣ, то есть онѣ на островѣ Веліи, въ Омишлѣ, въ Башкѣ, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ. (Особенно замѣчательна надпись на стѣнѣ башни, уцѣлѣвшей отъ стараго замка Франгипановъ въ Омишлѣ), тоже въ Сенѣ, Задрѣ.— Во всѣхъ глаголическихъ памятникахъ надобно отличать языкъ церковный отъ языка народнаго*. — (На особомъ полулистѣ рукою же Срезневскаго). Тутъ же наоборотѣ есть одна записка Прейса и его же руки одно двустишіе изъ Ломоносовской басни (Коль слушать всѣ людскія рѣчи... латинскими

буквами) и русск. буквами извѣстныя поговорка. „Для остраго словца не пожалѣетъ и отца".

На особомъ клочкѣ листа рукою же Срезневскаго:

K odgovoru na pytanje (sic) pod brojem 3.

Ne znam, kako je nadaleko razširen u Dalmatii običaj bugariti iliti naricati za mrtvimi, ali znam da i u gradih (kastellich) izmedju Trogira i Spljeta jesu žene narikaće; jednu takvu iz grada Sućurca jesam slišao, i šteta, da nijesam mogao zabiležiti pesmu, koju ona je meni pěvala. Napev je žalostni, i svaki vers konči se uzdachom. U sadržaju samich pesamab najvažnije od svega je bio opis putovanja duše pokojnoga u raj, kako se ona mora kao sirotica živiti medju jednim i drugim svetom, ne nalazeć nigde prijatelja niti znanca. Samo k duši maloga děteta uzhodi iz raja svetli angjeo, uzimlje (ga) na rame svoje i nese pred Boga. Učeni slavjanski svet može se nadati, da G. Professor Stazić u Spljetu sakupi ova bugaranja: nitko drugi ne može svršiti taj posao tak pomno pametno.

Замѣтка на особомъ листкѣ тоже рукою Срезневскаго.

На вопросъ № 1 я не могу дать отвѣта совершенно опредѣлительнаго, какъ мнѣ бы хотѣлось, и предоставляю исправленіе и дополненіе того, что я осмѣливаюсь здѣсь замѣтить, людямъ не столько поверхностно, какъ я, знающимъ Приморье Адріатическое.

Названіе Хорватовъ (Horvati, Arvati, Rvati) распространено по всей восточной старо-австрійской Истріи, въ приморьи Рѣчкомъ, въ Военной Границѣ, по обѣ стороны Велебита и въ Котарѣ равномъ, около Задра къ рѣкѣ Кркѣ, равнымъ образомъ на островахъ Кварнера и другихъ на югъ, хоть впрочемъ жители островов чаще называются по имени каждаго изъ островов. Немудрено, что и далѣе за Кркой, можетъ быть даже на самой Цетинѣ простирается названіе Хорватовъ,—и любопытно изслѣдовать это подробно; впрочемъ уже въ Трогирѣ и Шебеникѣ я слышалъ названіе Влаховъ: такъ называютъ жители городовъ далматинскихъ жителей сельскихъ. Сами себя селяне Далматинскіе называютъ Влахами только въ городахъ, а чаще Далматинцами. Южная часть острова Паго населена уже Далматинцами, а не Хорватами; впрочемъ на Углянѣ я слышалъ еще имя Хорватовъ. Жители островов Далматинскихъ сами себя называютъ Далматинцами, а горожане называютъ ихъ, можетъ болѣе въ насмѣшку, Бодулями. Жители Боки Которской не знаютъ ни названія Влаховъ, ни названія Далматинцевъ, а напротивъ сами себя называютъ и другими называются Бокезцами. Названія Сербовъ нигдѣ въ Адріатическомъ приморьи не есть названіе народное: духовныя лица и торговцы правосл(авнаго) исповѣданія даютъ себѣ его, но простой народъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ.

VIII.

Въ сохранившемся черновомъ спискѣ нѣмецкой программы рукою Прейса мы между прочимъ находимъ слѣд. зачеркнутое на поляхъ мѣсто: „Die Kenntniss über des Land u. Volk der Slaven ist meistens theils von Ausländern beschrieben worden. — In wiefern das Bild richtlich sein kann: ist leicht zu erwerthen. Ausserdem sind die einzelnen Züge so verstreut, dass eine Bibliothek ausmacht» (срвн. стр. 332).

Тамъ же въ Отдѣлѣ Die Feste,

на поляхъ, при перечисленіи праздниковъ, начиная съ Рождества Христова: „Der Name die Zeit, die Lieder, die Tänze, ob nicht bei irgend einem Feste eine Verkleidung stattfindet“.

Есть тутъ же Прейсова приписка по Русски:

„Badnjak, Božić Рожд. Соч(ельникъ). Рожд.

Народъ покупаетъ восковыя свѣчи и зажигаетъ ихъ вечеромъ за умершихъ; около 7 или 8 часовъ ужинъ бываетъ. Въ этотъ день не обѣдаютъ: пить (напр. вино) позволено. Передъ ужиномъ приносятъ пень, зажигаютъ его, и онъ горитъ, пока спать не пойдутъ. До крещенія Баднякъ долженъ горѣть всякій день. Накануне крещенія въ церкви освящаютъ воду, которую несутъ домой. Въ день же крещенія утромъ вставшій беретъ воду въ кружку и идетъ „кропити польа и куħу и све иманье“. „Отъ Бадняка бросаютъ въ воду три угля. — Слово „Положаjник“ неизвѣстенъ. Svaki koji dojde u kuću ili bio domaćin ili stranjski mora donesti štagod(ex. kita, bršljana, trsovu lozu: Weinrebe) u kuću i mora nazivati dobre blagdane».

— Na Badnji dan svaka chter udata rodiljem svojim ili, ako nije rodilji, onda starjemu bratu, donese jedan kolac, ki se začuva do mladoga leta (Neujahr).

Программа журнала (Хорватскаго) писаная рукою Прейса на клочкѣ бумаги:

I) Стихотворенія.
 a) литературныя.
 b) народныя.
II) Повѣсти.
III) Науки и Искусства.
IV) Uspomeni glasov.
V) Критика.
VI) Литературная Лѣтопись.
VII) Смѣсь.
 1. Извѣстія о старыхъ книгахъ.
 b) Театральныя извѣстія.
 c) Корреспонденція.

d) Вопросы.

e) Prenumerations Anzeigen.

f) мелкія географическія, историческія, статистическія, этнографическія и лингвистическія замѣтки.

Прибавленіе:

Архивъ.

1) Urkunden.

2) Ortsnamen.

3) Auszügen aus allen historischen Büchern.

На 2-хъ отдѣльныхъ-маленькихъ листочкахъ.

1) Нѣсколько разъ одно и тоже спрашивать.

2) Слышано тамъ то, у вароши или селу, отъ човека, који књигу веђ учио или само био на селу или код марве. Варошанин или тај, што књигу учио, још не може имати пуног ауторитета.

3). Обичаје.

4) Песме.

5) Пословице.

6) Имена од 1) људи.
2) од брда, вароши, рѣка, села, и свагда треба метнути adjectivum.

7) Народне приповјстке.

На друг. листочкѣ.

Бугарске књиге и речи.

Биљежити руске речи, којих нема у речницима.

IX.

Стихотвореніе Н. Груича.

За Спомен.

Ч. Ч. Петру Ивановић Прајоу.

Мили госте од Сјевера ладног,
Мили гости Ивановић Пѐро,
Добро дошо вамо изненада,
Ђе ти Србин шири обје руке,
И отвара срчана њедарца,
Ђе те љуби велико и мало,
И гледи те кано свог рођака!
Добро дошо,—боље нашо овђе!
Вала буди твојој доброј Мајки,
Која те је оправила лијепо,
Да поодиш сву браћу јуначку,
И надгледаш како кои живи,
Како живи, како ли се влада
Кад говори, и кад бори мисли.—
Ал с чим би те угости о тужан,
У самоћи и пустињи глувој,
Ђе нерасте ни сребро ни злато,
Нит се деша предрагог камења,
Па ни други лијепи понуда!
А залуд би и понуда било—
За понуде ти ништа немариш,
Ти неиштеш леба бијелога,
Нити желиш рујаногa вина;
Већ ти тражиш забачена гробља.
Да претресеш, што је од старина
Почивало у прау на миру!—
Чудне Части! Чуднога весеља!
Ал ево ти отвореног гробља
И у њему остатака стари,
За коима гине твоја душа!
Бирај, брате, што је теби драго,
Бирај, брате, штогођ буде за те
И за твоју разговетну главу,
Нек се креће, што у прау чами,
Нек се диже, што згажено цвили,
Нек оживе, што је изумрло!—
А Србин ти уз гусле припијева:
Срећан бијо, куд одијо, Мајки
И тамо те обасјало Сунце,
Ђе се Сунцу нитко ненада!
«Од. мен пјесма, од Бога ти здравље».

У Кувеждину
на Божић 1842.

С. Милутин Н. Груић.[*])

---

*) Срб Милутин. Подъ такимъ именемъ или псевдонимомъ печаталъ Н. Груичъ свои стихотворенія въ к. 30-хъ гг. Въ это время онъ уже былъ архимандритомъ Кувеждинскаго монастыря. Въ 1848—49 г. онъ игралъ большую роль среди Венгерскихъ Сербовъ, былъ во время ихъ возстанія противъ Мадьяръ (Кошута) секретаремъ патріарха

Раячича. Въ августѣ 1862 г. былъ я въ Новомъ Садѣ, гдѣ перезнакомился съ тогдашними сербскими дѣятелями и писателями. Большинство ихъ въ то время стояло съ Мадьярами и поддерживало партію Деака, не хотѣвшую идти въ Вѣнскій рейхсратъ и требовавшую отъ Вѣны возстановленія историческаго права короны Св. Стефана, съ возстановленіемъ парламента 1848—49 г. въ Пештѣ. Мадьяры обѣщали Славянамъ и Румынамъ полное признаніе правъ народностей. Сербы распались на двѣ партіи. Одна изъ нихъ Мадьярскимъ обѣщаніямъ не вѣрила и желала въ слѣдъ за Русскимъ А. И. Добрянскимъ, Словакомъ Кузмани, Румыномъ Мочони, Сербомъ Мандичемъ войти въ соглашеніе съ Нѣмцами (Шмерлингомъ) и получить отъ нихъ обезпеченіе правъ не мадьярскихъ народностей въ Венгріи.

Другая часть Сербовъ Венгерскихъ, во главѣ ихъ Свѣтозаръ Милетичь, вполнѣ вѣрила Мадьярамъ и не хотѣла слышать о соглашеніи съ Вѣною помимо Мадьяръ. Милетичу и его друзьямъ пришлось потомъ (послѣ 1868 г.) горько разочароваться: Мадьяры, заключивъ соглашеніе съ Вѣною и устроивъ дуализмъ въ Габсбургской Имперіи, обманули Трансильванскихъ Саксовъ, Румынъ, Сербовъ, Словаковъ, Русскихъ и Хорватовъ и довели ихъ до настоящаго тяжелаго положенія, когда вотъ уже нѣсколько лѣтъ ни одна изъ славянскихъ народностей (Сербы, Словаки, Русскіе), ни Румынская народность не имѣютъ ни одного представителя въ сеймѣ. Изданный давно и никогда не отмѣнявшійся законодательнымъ путемъ, законъ о народностяхъ утратилъ всякую силу. Въ то время (1862 г.) Милетичь былъ городскимъ головой въ Новомъ Садѣ и вождемъ либеральной партіи, а епископъ Н. Груичъ, проживавшій во Фрушкой Горѣ былъ ея кандидатомъ на вдовствующую въ то время каѳедру Сербскаго патріарха въ Венгріи.

Стараясь быть возможно коректнымъ и въ глазахъ правительства, отъ коего зависитъ утвержденіе избраннаго патріарха, Н. Груичъ избѣгалъ по возможности всякихъ свиданій съ Русскими путешественниками. Незадолго до меня заѣзжалъ къ нему проф. Петровскій, онъ его не принялъ, какъ еще раньше не принялъ Аксакова (И. С.). Зная это и желая меня непремѣнно познакомить съ Груичемъ, Милетичъ поѣхалъ во Фрушку Гору со мной и съ Вуķичевичемъ. Прося доложить о пріѣздѣ своемъ и Ву—ча, Милетичъ не сказалъ, что съ ними есть Русскій. Епископъ насъ принялъ и когда, представляя меня, Милетичъ полушутя замѣтилъ, что теперь ему уже придется принять Русскаго и напомнилъ ему объ Аксаковѣ и Петровскомъ. Какъ человѣкъ умный, Груичъ не показалъ и виду, что мнѣ не особенно радъ, и сталъ объяснять, какъ онъ сожалѣлъ, что не могъ тогда принять ихъ и вспоминалъ потомъ о Гильфердингѣ, съ коимъ былъ близко знакомъ, поминалъ и другихъ знакомыхъ русскихъ, но о Прейсѣ, сколько помнится, ничего не говорилъ. Мы провели тогда въ бесѣдѣ съ Груичемъ чуть ли не цѣлую ночь. Образованный, даровитый человѣкъ, онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Превосходно владѣя роднымъ языкомъ, онъ былъ настоящій ораторъ. Вообще, нигдѣ Славяне не говорятъ такъ живо, горячо и увлекательно, какъ въ Венгріи, и нигдѣ такъ они не цѣнятъ, такъ не любятъ хорошихъ ораторовъ, какъ въ Венгріи, будь то на югѣ (у Сербовъ или Хорватовъ) или на сѣверѣ у Словаковъ. Живо помню, съ какимъ благоговѣніемъ говорилъ Груичъ о Л. Штурѣ, который пріѣзжалъ къ Раячичу по дѣламъ возстанія. «Дѣла у насъ тогда было пропасть, переписка большая. Мы работали часто въ кабинетѣ до глубокой ночи, наконецъ идемъ съ патріархомъ на покой.—проходимъ черезъ комнаты, гдѣ гостилъ у насъ Штуръ. видимъ—у него сидитъ много нашихъ Сербовъ и слышимъ—льется рѣчь Штура, и вотъ мы остаемся тутъ и по долгу бывало заслушиваемся Штура и забудемъ о снѣ. Казалось, все бы его слушалъ. Да это былъ дивный человѣкъ». Груичъ говорилъ мнѣ также, что онъ переводилъ брошюры Хомякова о православіи прямо называлъ его великимъ учителемъ церкви. «Ничего подобнаго съ IV в., прибавлялъ онъ, не появлялось въ нашей православной литературѣ. Послѣ въ 1870-хъ гг., когда Милетичъ сталъ въ оппозицію къ Мадьярскому правительству, а Груичъ—изъ личныхъ, частью б. м. и іерархическихъ интересовъ. шелъ съ правительствомъ, значеніе и вліяніе Груича между Сербами совершенно пало. В. Л.

X.

Первая лекція П. И. Прейса, читанная весною 1843 г. въ Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ.

М. Г. Предметъ, къ которому мы приступаемъ, предметъ новый. Цѣль его—распространить ясныя, вѣрныя понятія о племени многочисленномъ, составляющемъ значительную часть европейскаго народонаселенія. Изученіе всего, что̀ относится къ Славянамъ, будетъ предметомъ и содержаніемъ нашихъ чтеній.

При первомъ шагѣ въ эту область знанія позволительно сдѣлать себѣ вопросъ: когда, гдѣ и кѣмъ положены первыя основанія нашему предмету и какія перемѣны испытаны имъ донынѣ?

Изученіе жизни извѣстнаго народа въ ея многоразличныхъ явленіяхъ не было дѣломъ Древнихъ. Народы древняго міра знали только самихъ себя. Образованнѣйшіе изъ нихъ, Греки и Римляне, говорятъ о сосѣдяхъ своихъ почти съ презрѣніемъ, вскользь, мимоходомъ.—Мы напрасно будемъ искать у нихъ сколько нибудь полнаго описанія мѣстности, занимаемой тѣмъ или другимъ народомъ, описанія быта того или другого народа. Свѣдѣнія, сообщаемыя Греками и Римлянами, о языкѣ, письменности народовъ чуждыхъ имъ по происхожденію, не удовлетворяютъ насъ. Многое, что намъ важно бы было знать, погибло безвозвратно. Только три народа древняго міра письменно завѣщали себя потомству: Евреи, Греки, Римляне. Завѣщаніе неоцѣненное! Новѣйшіе народы Европы, усвоивъ себѣ это наслѣдство, успѣли въ своемъ сознаніи пересоздать то, что представляла жизнь на востокѣ и западѣ древняго міра.—Чѣмъ болѣе три эти народа были изучаемы, чѣмъ болѣе сіи изученія получали форму науки, тѣмъ настоятельнѣе была необходимость сравнительнаго познанія. Изученіе языка, быта Евреевъ потребовало изученія прочихъ семитическихъ народовъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было изслѣдовать отношеніе и связь древне-греческаго міра съ восточнымъ азіятскимъ. Здѣсь первыя начала оріентальной филологіи. Въ послѣднее время отношенія древне-италійскихъ народовъ къ племенамъ кельтскаго корня сдѣлались предметами новѣйшихъ изслѣдователей. Очевидно, изученіе одного народа вело всегда къ изученію другого, третьяго и т. д.

Древніе Греки и Римляне —какъ замѣчено—были исключительны: не хотѣли знать своихъ сосѣдей. Познаніе такъ называемыхъ «варваровъ» было дѣломъ, едва достойнымъ ихъ дѣятельности.—Ученые запада, посвящавшіе цѣлую жизнь на изслѣдованіе древне-классической старины, переняли у великихъ образцовъ

своихъ ту-же односторонность. И они считали изученіе другихъ народовъ, кромѣ Римлянъ и Грековъ, дѣломъ не вознаграждающимъ.

Но такая исключительность, не бывъ законною, не могла быть продолжительна. — Наука не могла остановиться на одномъ изученіи древнихъ народовъ въ отношеніи ихъ только къ самимъ себѣ, въ быту ихъ, такъ сказать, домашнемъ. Римляне, напр., оставили глубокіе слѣды въ бытѣ покоренныхъ ими народовъ. Представилась для науки новая задача. Надобно было рѣшить: какъ далеко простиралось вліяніе Римлянъ на кельтскіе и германскіе народы; въ чемъ обнаруживалось это вліяніе. Вопросъ: что принадлежитъ Римлянамъ въ гражданскихъ установленіяхъ сказанныхъ народовъ и что составляетъ собственность сихъ послѣднихъ—этотъ вопросъ постоянно тревожилъ пытливость ученыхъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ соприкосновенныхъ съ этимъ вопросомъ изысканій была наука древностей германскихъ, историческая грамматика германскихъ нарѣчій, исторія національной литературы народовъ германскаго корня. Поле взорано по всѣмъ направленіямъ и обѣщаетъ богатую жатву. Романскіе народы въ изученіяхъ своихъ идутъ тѣмъ-же путемъ.

Такимъ образомъ, историко-филологическія изслѣдованія, постоянно увеличиваясь въ объемѣ своемъ, дошли, наконецъ, въ прошломъ столѣтіи до Востока Европы, до славянскаго ея народонаселенія. Но и здѣсь наука не измѣнила свои методы. И здѣсь славянскіе народы первоначально должны были служить комментаріемъ для писателей греческихъ и римскихъ. Вскорѣ, однакоже, увидѣли, что древніе писатели очень ненадежные путеводители по землямъ славянскимъ, что надобно искать другихъ источниковъ. Обратились къ писателямъ византійскимъ и къ латинскимъ лѣтописямъ среднихъ вѣковъ, стали отыскивать слѣды германскаго или византійскаго вліянія на славянскіе народы. — При такого рода изслѣдованіи нельзя было не натолкнуться на вопросъ: что пріобрѣтено Славянами отъ сосѣдей и что собственно принадлежитъ имъ исключительно? Слѣдовательно, эти два вопроса, предполагая познаніе обоихъ народовъ, тѣмъ самымъ вели къ новому изученію, къ изученію славянскаго элемента.

Таково было начало славянской филологіи на Западѣ. Въ составъ ея не входили еще главнѣйшіе, существеннѣйшіе вопросы: элементы славянскихъ обществъ, языки и нарѣчія, связь ихъ между собою, славянское право, народная поэзія и т. п. Только славяне могли рѣшить эти вопросы, только они могли раздвинуть предѣлы новорождающагося знанія.

Мы обязаны такимъ образомъ обратиться къ славянамъ и обозрѣть въ главныхъ чертахъ дѣятельность ихъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи.

Изъ отечественной исторіи, гражданской и литературной, Вамъ извѣстенъ, М. Г., переворотъ, воспослѣдовавшій въ Росссіи въ продолженіи прошлаго столѣтія. Вы знаете тѣхъ, которымъ Россія обязана своимъ перерожденіемъ. Довольно этихъ немногихъ словъ, чтобы напомнить великую эпоху. И другіе

славянскіе народы имѣютъ полное право смотрѣть на прошлое столѣтіе, какъ на источникъ ихъ настоящихъ успѣховъ. И у нихъ, при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, совершился переворотъ, замѣчательный въ началѣ своемъ, но еще болѣе важный по развитію и послѣдствіямъ. Въ жизни народовъ живо творящая сила слѣдуетъ за явленіемъ великихъ индивидуумовъ, а потому коснемся двухъ лицъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на своихъ соотечественниковъ, Сербовъ и Чеховъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, начну Сербами. Отрасли этого славянскаго племени главнѣйше живутъ между Савою и Адріатическимъ моремъ. Не вездѣ они называютъ себя именемъ Сербовъ, хотя языкъ ихъ съ незначительными отмѣнами одинъ и тотъ-же, сербскій, въ Далмаціи, Сербіи, Черной Горѣ, Герцеговинѣ, Босніи. Это племя раздѣлено двумя вѣроисповѣданіями греческимъ и римскимъ и двумя алфавитами славянскимъ и латинскимъ. — За исключеніемъ двухъ, трехъ лѣтописцевъ и богатой народной поэзіи, Сербы православнаго исповѣданія не имѣли литературы оригинальной, не имѣли ея и тогда, когда еще существовало сербское царство, гроза Византіи. Въ 1389 году оно пало подъ ударами турковъ. Насильства Пашей заставляли Сербовъ въ разныя времена выселяться изъ отечества своего, особенно въ Далмацію и Венгрію. и искать здѣсь мирныхъ, спокойныхъ жилищъ. Въ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го столѣтія мы находимъ уже значительныя колоніи Сербовъ въ южной и средней полосѣ Венгріи. Здѣсь они образовали военную границу Австріи, какъ другіе ихъ соплеменники, нашедши пріютъ въ Далмаціи, составляли военную силу Венеціи. Сербы до нынѣ служатъ оградою, живою стѣною Австріи противъ Турціи.

Часть сербскаго населенія Венгріи давно уже сдѣлалась мирными жителями городовъ. Въ ихъ рукахъ почти вся торговля южной Венгріи.—Въ прошломъ столѣтіи просвѣщеніе слабо распространено было у нихъ, даже въ высшемъ духовенствѣ. Питомцамъ кіевской академіи принадлежитъ честь и здѣсь быть первыми основателями духовныхъ сербскихъ школъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи вышли многіе, прославившіе себя сановники церкви. Архимандритъ Раичъ своею исторіею южно-славянскихъ народовъ и другими сочиненіями много содѣйствовалъ къ пробужденію любви къ знаніямъ, любви къ народности.— Но его могли понимать только люди образованные, знакомые съ языкомъ церковно-славянскимъ, на которомъ Раичъ постоянно писалъ.—Ложная ученость и мѣстныя обстоятельства были причинами, что никто въ Венгріи не рѣшался ввести въ литературу языка живого, разговорнаго.—Ученые Сербы думали, что народное ихъ нарѣчіе есть не иное что, какъ искаженный, испорченный церковно-славянскій языкъ, что они уклонились отъ сего послѣдняго только со времени турецкаго владычества.—Никто изъ Сербовъ и не догадывался о литературной дѣятельности соплеменниковъ въ Далмаціи.—Но вотъ и другое обстоятельство. Сербы-горожане, находясь въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Мадьярами. Нѣмцами, Валахами, говорятъ дѣйствительно весьма испорченнымъ нарѣчіемъ.

Только въ деревняхъ языкъ сохраняется въ первобытной своей чистотѣ. Все это вмѣстѣ взятое болѣе и болѣе усиливало въ образованномъ классѣ чувство презрѣнія къ языку черни. Заблужденіе едва понятное, если припомнимъ себѣ то одушевленіе, съ которымъ лѣтъ за 25 тому назадъ Европою встрѣчены были и языкъ сербскаго простолюдина и превосходная народная поэзія его. Писатели сербскіе, хотя основательно и не знали церковно-славянскаго, хотя въ каждой почти строкѣ сбивались на свое народное нарѣчіе, при всемъ томъ они твердо были убѣждены, что пишутъ чистымъ, церковнымъ языкомъ. При такомъ расположеніи умовъ, при такомъ образѣ мыслей, казалось, первая сербская книга не могла ожидать хорошаго пріема. Вышло напротивъ. Книга, о которой упомянуто, напечатана въ Лейпцигѣ въ 1773 и заключала въ себѣ «Жизнь и приключенія Обрадовича». Мы должны познакомиться съ главнѣйшими обстоятельствами жизни этого Серба.—Обрадовичъ родился въ Банатѣ въ южной Венгріи въ 1739 году. Онъ не получилъ въ своемъ дѣтствѣ образованія; зналъ грамотѣ и былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ у отца своего, небогатаго купца. Съ юныхъ лѣтъ тревожила его одна мысль, нигдѣ не дававшая ему покоя: Обрадовичу хотѣлось удалиться въ какой нибудь пустынный монастырь. Отчаявшись въ возможности получить согласіе отца и не находя другого средства къ исполненію своего желанія, онъ рѣшился бѣжать изъ родительскаго дома въ монастырь Хопово въ Фрушкой горѣ въ Сирміи. Вскорѣ, однакоже, Обрадовичъ узналъ свою ошибку, узналъ, что не жизнь отшельника есть то, что къ чему стремилась душа его. Жажда познаній была въ немъ сильнѣйшимъ чувствомъ. Въ келіи бѣднаго Хоповскаго монастыря онъ не могъ удовлетворить этой жаждѣ. Мысль найти искомое за воротами монастыря заставила его удалиться изъ Хопова. Какой-то внутренній голосъ гналъ его все далѣе и далѣе. Безъ средствъ, съ однимъ упованіемъ на состраданіе людей, Обрадовичъ прошелъ Сирмію, Кроацію, Славонію, Военную Границу и сдѣлался наконецъ въ Далмаціи учителемъ дѣтей въ одномъ сербскомъ семействѣ. Уча, онъ и самъ учился; умѣлъ пріобрѣсть знаніе необходимыхъ для себя языковъ. Здѣсь Обрадовичъ познакомился также съ литературою далматинскихъ Сербовъ и еще сильнѣе убѣдился въ необходимости отстать отъ письменнаго языка своей родины.—Плодомъ этого убѣжденія было первое его сочиненіе: Мезимац, которое при жизни Обрадовича не было издано. Оно написано на сербскомъ языкѣ для воспитанниковъ его. Живой, пытливый духъ Обрадовича не удовлетворялся, однакоже, тѣмъ, что представляла ему тогда итальянская литература. Посѣтивъ многіе острова Средиземнаго моря, Архипелагъ, Грецію, Албанію, онъ чрезъ Константинополь и Россію прибылъ въ Лейпцигъ и здѣсь въ первый разъ началъ свою литературную дѣятельность. Все, что онъ издавалъ въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Вѣнѣ все это имѣло одну цѣль возрожденіе сербскаго народа, народа, который составлялъ единственную его любовь. Во всѣхъ трудахъ своихъ Обрадовичъ развиваетъ одну мысль: необходимость усвоенія современнаго образованія. Въ апологѣ, въ дѣтской книгѣ, въ автобіографіи всюду преобладаетъ

эта мысль.—Онъ чувствовалъ, мыслилъ только для возвышенія своего народа. Онъ умѣлъ и говорить о высочайшихъ для человѣка истинахъ языкомъ живого употребленія, умѣлъ въ языкѣ простолюдина найти всѣ формы для выраженія идей современнаго ему образованія, на зло педантамъ, которые обрекли было разговорный сербскій языкъ на употребленіе черни.—Слова Обрадовича, идущія изъ сердца, нашли пріютъ въ сердцахъ его соотечественниковъ. Сочиненія Обрадовича, еще при жизни его, отчасти достигли своей цѣли: народъ на такъ называемыхъ конгрессахъ настоятельно требовалъ чрезъ депутатовъ своихъ новаго, лучшаго устройства учебной части. Преобразованіе началось съ духовныхъ училищъ, коснулось и монастырей, а потомъ съ теченіемъ времени проникло и въ народныя школы. Между тѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Георгій Черный началъ освобожденіе Сербіи послѣ 400 лѣтняго порабощенія. Въ это время Обрадовичъ изъ 25 лѣтнихъ своихъ странствованій по Европѣ возвратился къ своимъ соотечественникамъ. Онъ не рѣшился идти въ монастырь. Надежда на прекрасную дѣятельность блеснула для Обрадовича, онъ нашелъ ее при Георгіи Черномъ въ заботахъ объ устройствѣ школъ въ рождающейся Сербіи. Основаніе, положенное имъ здѣсь въ тревожное, военное время, осталось и во время міра, безъ значительныхъ перемѣнъ къ лучшему, т. е. въ продолженіе 32 лѣтъ послѣ смерти Обрадовича.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Обрадовича и его вліяніе на сербскій народъ, который пробужденъ имъ къ новой, лучшей жизни. Реформа, произведенная имъ въ языкѣ и литературѣ, признана, наконецъ, послѣ долгихъ преній законною. Языкъ книжный съ каждымъ годомъ роднится болѣе и болѣе съ языкомъ народнымъ. Могущество, силу и необходимость его начинаютъ чувствовать и люди запоздалые, отученные отъ нарѣчія отечественнаго языкомъ латинскимъ и нѣмецкимъ.

Въ исторіи сербской литературы будутъ разсказаны довольно любопытныя подробности о томъ, какъ народный языкъ постепенно пріобрѣталъ права гражданства. Здѣсь довольно было указать на дѣятельность Обрадовича, на литературно нравственный переворотъ, произведенный имъ въ сербскомъ народѣ, и обратить вниманіе на простыя средства, которыми онъ достигъ своей цѣли.

Почти въ то-же самое время, когда Обрадовичъ одушевленнымъ, народнымъ словомъ пробуждалъ Сербовъ отъ вѣковаго сна, въ то время въ другой славянской области австрійской имперіи началъ свою дѣятельность другой замѣчательный Славянинъ прошедшаго столѣтія. Я говорю о Добровскомъ.

Чехи, послѣ бѣлогорской битвы въ 1620 году, утратили свою политическую независимость. Реакція католической партіи дѣйствовала ужасно. Въ торжествѣ она предавала пламени рукописи и книги, писанныя на языкѣ чешскомъ. Немногое уцѣлѣло отъ этого пожара. Языкъ чешскій, тѣснимый латинскимъ и нѣмецкимъ, постепенно склонялся къ упадку и, наконецъ, сдѣлался почти только языкомъ низшихъ сословій. Со вступленіемъ на престолъ Іосифа II земля Чеховъ успѣла успокоиться отъ религіозныхъ бурь. Мѣры, принятыя симъ Императоромъ,

коснулись всѣхъ частей государственнаго благосостоянія: онѣ и имѣли одну эту цѣль. Новый, живой элементъ проникъ всѣ части сложной его имперіи. Духъ народа окрылился; силы его, пробужденныя къ дѣятельности, находили ее всюду. Что касается до языка и литературы Чеховъ, то здѣсь послѣдовало явленіе довольно рѣдкое. Человѣку ученому, критику, притомъ писавшему большею частію на языкахъ нѣмецкомъ и латинскомъ, предоставлено было возвратить языку Чеховъ неотъемлемыя права гражданства. Въ этомъ отношеніи Добровскій составлялъ совершенную противоположность съ Обрадовичемъ, хотя дѣятельность обоихъ имѣла одинъ и тотъ-же результатъ.

Дѣйствительно, Добровскій почиталъ дѣло о чешскомъ языкѣ потеряннымъ. Чему удивляться? Высшія сословія совершенно забыли свой родной языкъ, въ прочихъ состояніяхъ, образованные стыдились его. Необразованный классъ въ городахъ и деревняхъ еще сохранялъ наслѣдство отцевъ; при всемъ томъ языкъ нѣмецкій становился все болѣе и болѣе языкомъ общества, учебныхъ заведеній и присутственныхъ мѣстъ. Исторія Чеховъ, ихъ языкъ занимали весьма немногихъ; для большей части эти статьи были какою-то стародавностію, безъ интереса, безъ пользы, безъ отношенія къ настоящему. Одно духовенство отчасти поддерживало литературу. Вотъ въ какое время явился Добровскій!

Отъ трудовъ его, по самой натурѣ ихъ, нельзя было ожидать переворота быстраго, мгновеннаго. Медленными, незамѣтными шагами росло его вліяніе.— Ученая его дѣятельность имѣла двѣ отличительныя стороны, которыми онъ превзошелъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Все, что Добровскій подвергалъ изысканію, изслѣдуемо было имъ критически, неумолимо строго; ни духовное его званіе, ни патріотизмъ или другія какія-либо отношенія не могли его сбить съ прямаго пути къ цѣли. Все, что у Добровскаго оставалось послѣ изслѣдованія въ результатѣ, высказываемо было имъ свободно, ясно, просто. Какъ бы ни былъ сложенъ предметъ, какъ бы ни былъ онъ сухъ на первый взглядъ, Добровскій всегда умѣлъ побѣждать представлявшіяся трудности и извлекать изъ нихъ тотъ или другой важный результатъ. Читатель никогда не устаетъ при разборѣ его изслѣдованій, охотно слѣдуетъ за нимъ до конца. Приступая къ рѣшенію какой нибудь задачи, онъ ознакомлялся предварительно со всѣми ея трудностями, со всѣмъ доступнымъ матеріаломъ, и тщательно изучивъ то и другое, такъ обработывалъ, такъ располагалъ части своего изслѣдованія, что читатель по неволѣ долженъ былъ соглашаться съ нимъ. Упомяну также о чистой и честной совѣсти этого ученаго, которою, къ сожалѣнію, не всѣ на этомъ поприщѣ могутъ похвалиться. Онъ откровенно говорилъ: «это я знаю и вотъ вамъ доказательства. Этого же не знаю, потому что не могу знать». Отъ того онъ никогда не пускался въ гипотезы, въ гаданія, не строилъ зданій на воздухѣ, удерживался отъ сближеній, столь обыкновенныхъ въ ученыхъ съ многостороннею эрудиціею и столь обманчивыхъ. Критикъ не упрекнетъ Добровскаго въ томъ, что онъ возможное бралъ за дѣйствительное и что на этомъ возможномъ онъ основывалъ какую нибудь важную истину,

фактъ или явленіе. Предметы его изслѣдованій были чрезвычайно разнообразны: то занимала его задача историческая или географическая, то филологическая, то наконецъ богословская или литературно-историческая. Предметы, правда, мѣнялись, но въ нихъ всюду преобладаетъ тотъ же всегда бодрый, всегда вѣрный себѣ, духъ испытующій. Должно впрочемъ замѣтить, что разнообразные эти предметы сходились въ одномъ: они имѣли цѣлію славянство съ полнымъ знаніемъ и многихъ другихъ народностей. Такимъ образомъ вторая отличительная сторона Добровскаго заключалась въ дѣятельности, устремленной на изученіе не одного какого нибудь отдѣльнаго славянскаго племени. Онъ старался обнять все; старался положить основаніе сравнительному изученію славянской народности, славянскихъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи онъ могъ предложить одни только отрывки, замѣтки, темы такъ сказать для будущихъ изслѣдователей, которые въ свое время дѣйствительно и явились для рѣшенія предложенныхъ имъ задачъ. Сравнительныя изученія потребовали знакомства съ нарѣчіями всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго подумать объ этомъ было дѣломъ отважнымъ. Какой-же было надобно имѣть твердый, критическій умъ, чтобы не сбиться въ хаосѣ того матеріала, который могъ находиться въ распоряженіи ученаго? Не удовлетворяясь подручнымъ матеріяломъ, Добровскій требовалъ новаго, и тѣмъ вызвалъ къ дѣятельности мѣстныхъ наблюдателей почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Занятія Добровскаго сравнительнымъ изученіемъ славянства дали ему особенное значеніе: онъ безъ сомнѣнія будетъ принадлежать народу чешскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ займетъ мѣсто въ исторіи филологіи каждаго славянскаго племени. Нѣтъ славянскаго племени, на которые бы онъ не дѣйствовалъ посредственно или непосредственно.

Странное дѣло! Даже и то обстоятельство, что Добровскій писалъ на нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ, было очень благопріятнымъ случаемъ для славянскаго дѣла. Онъ становился такимъ образомъ доступнымъ не только иностранцамъ, но и всѣмъ Славянамъ вообще. За 50 лѣтъ предъ симъ можно ли было ожидать отъ славянскаго ученаго знанія хотя важнѣйшихъ діалектовъ славянскихъ? И нынѣ еще это рѣдкость!

До сихъ поръ говорено было о характерѣ, содержаніи и направленіи дѣятельности Добровскаго.—Теперь перейдемъ къ вліянію его на Чеховъ и прочихъ Славянъ, скажемъ нѣсколько словъ о школѣ Добровскаго,

Ни въ началѣ, ни въ концѣ своей дѣятельности Добровскій не имѣлъ случая излагать любимый свой предметъ публично, съ каѳедры, окруженный любознательною толпою учениковъ. Въ рукахъ его было два только средства: онъ могъ печатать и въ частной перепискѣ дѣлать своимъ знакомымъ запросы. Мало по малу число читающихъ стало увеличиваться; вкусъ къ изслѣдованіямъ началъ распространяться. Въ послѣдніе годы своей жизни Добровскій могъ уже указать на свою школу, на своихъ послѣдователей.—Ученики, вышедшіе изъ этой школы, вполнѣ согласны между собою въ одномъ: они чувствуютъ необходимость точнаго, критическаго изслѣдованія и

изложенія всего, что относится къ прошедшей или настоящей жизни Славянъ, по правиламъ и началамъ, преподаннымъ Добровскимъ практически, въ многочисленныхъ его трудахъ. Въ этомъ только пунктѣ послѣдователи Добровскаго вполнѣ согласны между собою.—Но вотъ и различія. Одна часть учениковъ Добровскаго—замѣтимъ самая малочисленная—усвоивъ себѣ методу и пріемы учителя, почитаетъ единственною своею обязанностію—излагать предметъ безъ всякаго приложенія къ даннымъ отношеніямъ того или другого славянскаго племени. Эта партія не въ ладу, не въ гармоніи съ народомъ. Она къ нему находится въ такомъ почти отношеніи, какъ наши европейскіе оріенталисты къ народамъ восточнымъ. Партія эта была нѣкогда многочисленнѣе; теперь же къ ней принадлежитъ одинъ только ученый—Краинецъ Копитаръ, старѣйшій изъ сподвижниковъ Добровскаго.—Его хорутанская грамматика произвела было нѣкоторое движеніе между его соотечественниками. Въ послѣдствіи онъ почти не заглядывалъ болѣе въ эту область, занявшись исключительно изученіемъ церковно-славянскаго—и тѣмъ лишилъ себя возможности дѣйствовать на своихъ современниковъ, за исключеніемъ Вука, за котораго Сербы со временемъ будутъ благодарны ученому Краинцу.

Переходя теперь къ другому отдѣлу послѣдователей Добровскаго, къ его соотечественникамъ, я предварительно долженъ замѣтить, что измѣненія, произведенныя Императоромъ Іосифомъ II по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, развивая силы въ подвластныхъ ему народахъ, были неблагопріятны однако-же славянской народности: онѣ увеличили массу нѣмецкихъ чиновниковъ въ Богеміи. Чиновники не всегда дѣйствовали въ видахъ Правительства, часто увлекались своею ненавистію къ Чехамъ и больно оскорбляли чувство ихъ народности. Не всегда нѣмецкіе чиновники и нравственнымъ своимъ достоинствомъ стояли выше презираемыхъ Чеховъ. При всей нелицемѣрной приверженности къ великому своему государю, Чехи не могли не питать негодованія, ненависти къ противникамъ. Богемія раздѣлилась на двѣ враждебныя партіи, одну надменную, гордую, торжествующую, другую—унижаемую. Одна имѣла всѣ средства дѣйствовать положительно, прямо, навѣрное; другая, чувствуя свою слабость, таила свое негодованіе, молчала и ждала. Явились Крамеріусъ, Прохазка и вновь напомнили Чехамъ о родномъ на языкѣ чешскомъ. Пельцель сталъ бесѣдовать съ ними о чешской старинѣ. Интересъ къ отечественному усилился. При всемъ томъ эти писатели только отчасти достигали своей цѣли: имѣя свой опредѣленный, довольно тѣсный кругъ читателей, они не пробуждали силъ, не вызывали на трудъ. Ихъ понимали не многіе Чехи; Нѣмцы же не слышали ихъ, не обращали на нихъ вниманія.—Другое дѣйствіе должна была произвести многосторонняя ученость Добровскаго. Онъ черпалъ свое знаніе о Славянствѣ изъ двухъ источниковъ. Памятники туземные и сказанія иностранцевъ были ему въ равной мѣрѣ доступны—случай совершенно еще небывалый. Вооруженный совершенно новымъ оружіемъ, знаніемъ славянскихъ языковъ, онъ уже этимъ однимъ превышалъ современныхъ ему ученыхъ и нѣ-

9

мецкихъ и чешскихъ. Не говорю уже о силѣ его критическаго ума. Не одни Чехи внимали ему; слова его читались всею любознательною Европою. Даже Нѣмцы стали смотрѣть на него, какъ на оракула, охотно уступили ему державу надъ славянскимъ міромъ.—Тогда-то чешская партія ободрилась; оборонительныя ея средства увеличились. Между тѣмъ Добровскій, то частными изслѣдованіями, то большими обозрѣніями цѣлаго, продолжалъ изображать исторію Чехіи, ея литературу, особенно же преимущества языка чешскаго.—Эти труды все болѣе и болѣе усиливали народное сознаніе, были капиталомъ, дававшимъ богатые проценты. Наконецъ, Добровскій первый началъ указывать на связь, родство и отношенія Чеховъ къ прочимъ славянскимъ племенамъ. Онъ открылъ имъ новый, неслыханный до того міръ.

Матеріала, собраннаго и воздѣланнаго руками Добровскаго, было достаточно для ближайшихъ, частію непосредственныхъ его учениковъ Чеховъ. Они тотчасъ воспользовались имъ, но съ совершенно другою цѣлію. Цѣлью Добровскаго было изслѣдовать, отыскивать фактъ, затерянный въ литературѣ или въ исторіи, очищать его отъ лжей. Въ критическомъ изслѣдованіи онъ полагалъ свою главнѣйшую обязанность. Это составляло лучшія его удовольствія въ жизни. Патріотическіе послѣдователи Добровскаго пошли другимъ путемъ. Держась правилъ и основаній Добровскаго, они рѣшились писать по чешски, рѣшились возвести языкъ на степень, соотвѣтствующую духовнымъ современнымъ потребностямъ. Изслѣдованіе осталось въ сторонѣ; имъ пользовались, какъ готовымъ матеріаломъ для другой, національной цѣли. Новая эта идея первоначально не всѣми была ясно понимаема; писали по-чешски, руководимые темнымъ, болѣе инстинктуальнымъ чувствомъ. Въ эпоху перваго развитія ново-чешской литературы—кажется—одинъ Юнгманъ понималъ новую идею во всемъ ея объемѣ, и потому сильно дѣйствовалъ на умы молодого поколѣнія. Спросите мужей, нынѣ со славою подвизающихся на поприщѣ славянской литературы, и они укажутъ Вамъ на Юнгмана, какъ на источникъ, изъ котораго они черпали первое свое одушевленіе. Назову одного изъ нихъ, Шафарика, который, съ свойственною ему наивностію, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него, тогда еще юношу, сочиненіями Юнгмана. Но усилія одного никогда бы не могли имѣть продолжительныхъ, глубокихъ слѣдствій, если-бы усилія и другихъ не приспѣли во время на помощь. Новые подвижники отчасти стали дѣйствовать другимъ оружіемъ. Чешскіе литераторы первоначально ограничивались почти однимъ средствомъ: изящною словесностію; переводили лучшее съ языковъ иностранныхъ. Но эта дѣятельность казалась многимъ не вполнѣ достигающею своей цѣли.

Сословія нисшее, торговое и промышленное, не вполнѣ еще подверглись дѣйствію нѣмецкаго элемента. За нихъ ухватилась литература и положила пресѣчь иноземное вліяніе. Одно оставалось средство: надобно было для нихъ создать особенную литературу. Пресль, Амерлингъ, Свобода и прежде уже Крамеріусъ и Прохазка пріобрѣли неотъемлемыя права на благодарность своихъ со-

отечественниковъ. Теперь у Чеховъ промышленное состоянiе почти не нуждается въ иностранной литературѣ: все новое въ непродолжительномъ времени дѣлается собственностiю промышленнаго класса. Нынѣ открыты въ Прагѣ публичныя лекцiи на чешскомъ языкѣ.—Между тѣмъ, какъ одна часть чешскихъ литераторовъ пишетъ для развитiя промышленныхъ силъ или для образованнаго патрiотическаго круга, въ то самое время другая издаетъ книги для увеселенiя, для забавы народа, для немногихъ, но сладкихъ его досуговъ, разсказываетъ ему важнѣйшiя событiя изъ отечественной и всемiрной исторiи, распространяетъ въ немъ общеполезныя знанiя, тѣшитъ его повѣстями съ бóльшимъ или мѐньшимъ приложенiемъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Сельскiй житель, прiобрѣтая книги почти даромъ, начинаетъ постепенно отвыкать отъ жизни корчемной и разгульной. Духовенство и литераторы съ однимъ только вознагражденiемъ доброй совѣсти—соперничествуютъ другъ съ другомъ о пробужденiи въ народѣ силъ, о устремленiи ихъ къ достойной цѣли. Эти благородные дѣлатели—безъ сомнѣнiя—готовятъ прекрасную будущность чешскому народу.

Чешское дворянство—какъ замѣчено—не могло поощрять усилiй горсти благороднѣйшей части народа; оно даже не знало о томъ, что дѣлалось въ чешской землѣ. Доказательствомъ сему служитъ то, что только въ прошломъ году одинъ изъ среды этого сословiя вмѣнилъ себѣ въ обязанность познакомить своихъ сочленовъ съ ходомъ и настоящимъ состоянiемъ ново-чешской литературы.—Говоря о невниманiи къ народному дѣлу большей части дворянства, я долженъ исключить изъ этой массы имена графа Коловрата, графовъ Штернберковъ.—Ихъ предстательству предъ трономъ Чехи обязаны заведенiемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Это национальный музей въ Прагѣ съ значительнымъ фондомъ при немъ. Фондъ музея успѣлъ уже оказать важныя услуги отечественной литературѣ. Иждивенiемъ его напечатанъ чешскiй словарь Юнгмана—исполинскiй трудъ одного человѣка, потомъ Древности Шафарика.—Сверхъ того, съ 1841 года на счетъ фонда издается каждый годъ одинъ томъ старо-чешской библiотеки, одинъ томъ ново-чешской и одинъ томъ библiотеки общеполезныхъ знанiй. Кромѣ того—по прежнему—члены, составляющiе ученое общество при нацiональномъ музеѣ, издаютъ журналъ. Науки, литература и познанiе Славянства—содержанiе его.

Такимъ образомъ Юнгманъ, Ганка, Челяковскiй, Палацкiй и многiе другiе, бывъ продолжателями и преемниками дѣятельности Добровскаго, которою онъ нѣкогда одинъ завѣдывалъ, дѣйствовали уже не на однихъ ученыхъ. Мысль о народной литературѣ принадлежитъ имъ.

Но Чехи имѣли союзниковъ въ другомъ углу австрiйской имперiи, въ землѣ венгерскихъ Словаковъ.—Вотъ въ короткихъ словахъ положенiе этого племени въ Венгрiи.

Словаковъ въ Венгрiи слишкомъ 2.500.000. Они раздѣлены двумя вѣроисповѣданiями: одна часть ихъ—самая многочисленная—католики; другая—менѣе сильная—протестанты. Замѣчательно, что католическiе Словаки, пишущiе

книги бо̀льшею частію духовнаго содержанія, никакъ не хотятъ принять языка Чеховъ. Языкъ чешскій, несмотря на незначительность его различій отъ словацкаго, кажется католикамъ все еще языкомъ Гусса; они отвергаютъ языкъ своихъ единовѣрцевъ, между тѣмъ какъ Словаки—протестанты съ давней поры проповѣдуютъ на языкѣ католической земли.

Со временъ Императора Іосифа II народности въ Венгріи оставались неприкосновенными, бывъ утверждены закономъ. Законъ, необходимый для земли, подрытой по всѣмъ направленіямъ самыми противоположными, самыми враждебными интересами. Съ этой стороны Венгрія наслаждалася совершеннымъ спокойствіемъ въ продолженіе тысячелѣтія.—Король, общее государственное постановленіе и латинскій языкъ связывали отдѣльные народы въ одинъ народъ подъ именемъ Венгровъ. Императоръ Іосифъ II, съ самою благонамѣренною цѣлью положилъ въ подвластныя ему державы ввести одинъ языкъ и, послѣ нѣкотораго колебанія между славянскимъ и нѣмецкимъ, императоръ рѣшился сдѣлать сей послѣдній господствующимъ. Не знавшіе нѣмецкаго языка, а ихъ нашлось довольно значительное число, были отстранены отъ общественныхъ мѣстъ. Всѣ народности Венгріи пробудились, какъ-бы отъ сна, не исключая даже Валаховъ.—Всѣхъ болѣе недовольны были новизною Мадьяры: на ихъ сторонѣ было дворянство, которое одно имѣетъ голосъ и въ комитатахъ и на Сеймахъ. По смерти Императора Іосифа II, нѣмецкій языкъ былъ отмѣненъ; латинскій получилъ прежнія свои права; несмотря на то, взволнованные умы не могли успокоиться. Возникъ вопросъ: которая изъ народностей должна сдѣлаться господствующею въ Венгріи? Не скоро рѣшенъ былъ этотъ вопросъ. Да и теперь нельзя его еще почитать вполнѣ рѣшеннымъ: узелъ разрубленъ, но не распутанъ.

Возвращаюсь къ словацкому народонаселенію и при томъ къ протестантскому, ибо въ немъ заключается нравственная сила Словаковъ. Словаки тщательно наблюдали за литературно-народнымъ движеніемъ у Чеховъ и были увлечены имъ.—Все, что̀ дѣлалось въ землѣ чешской, дѣлалось какъ будто и для Словаковъ. Такъ думали образованнѣйшіе изъ нихъ, и ошиблись. Между словацкими горожанами идея народности была слаба; мысль о необходимости сдѣлаться Мадьярами пріобрѣтала болѣе и болѣе силы. Богатыя средства, завлеченія противной партіи были не всегда безуспѣшны: Мадьяры не довольствовались тѣмъ, что языкъ ихъ возведенъ на степень оффиціальнаго; толкуя смыслъ закона въ свою пользу, они рѣшились сдѣлать его языкомъ общества, языкомъ церкви, народа. Все, казалось, было потеряно. Случилось, однакоже противъ ожиданія, иначе.

Явился человѣкъ съ горячею, чистою безграничною любовію къ своему народу, съ характеромъ твердымъ и при томъ съ рѣдкимъ поэтическимъ дарованіемъ. Это, благовѣйно чтимый своимъ народомъ, Колларъ, священникъ при евангелической церкви въ Пестѣ. Вліяніе его какъ священника не ограничивалось однимъ его приходомъ. Напечатанныя проповѣди Коллара разошлись по городамъ и селамъ и бросили въ сердца нѣсколько искръ; онѣ и нынѣ составляютъ любимое чтеніе народа и среднихъ сословій. Его поэма: Дочь славы

очаровала умы юношей, которые, въ свою очередь, уже успѣшно дѣйствуютъ въ интересѣ народности. Наконецъ, какъ частный человѣкъ, Колларъ успѣлъ идеею взаимности славянской одушевить и другихъ венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и Хорватовъ. Въ числѣ послѣднихъ ему удалось найти Л. Гая, который, воспользовавшись благопріятными мѣстными обстоятельствами, въ короткое время успѣлъ произвести между своими соотечественниками, Хорватами, сильное движеніе. Литературно-политическій переворотъ Л. Гая на югѣ Венгріи между южно-славянскими племенами и литературно-религіозный отпоръ Словаковъ на сѣверѣ подъ руководствомъ Коллара, поставили въ большое затрудненіе партію Мадьяровъ

Вотъ въ короткихъ словахъ плоды дѣятельности одного человѣка.

Другому Словаку, Шафарику, суждено было начать свое поприще между венгерскими Сербами. Бывъ сперва директоромъ сербской новосадской гимназіи, а потомъ профессоромъ при ней, Шафарикъ много содѣйствовалъ, послѣ Обрадовича, къ возбужденію въ семъ народѣ духовной дѣятельности. Но эта не главная его заслуга. Усиліями писателей чешскихъ, словацкихъ одушевленіе къ славянскому дѣлу достигло высшей степени своего развитія. Періодъ опасный! Восторженность мало по малу могла смѣниться равнодушіемъ, даже холодностью, какъ часто случается. Потребовали существеннаго, дѣла — и могучій дѣлатель откликнулся на зовъ. Отвѣтомъ Шафарика была прежде всего: История литературы Славянъ; за нею послѣдовала: Древнѣйшая история Славянъ и славянская этнографія. Вся литературная дѣятельность Шафарика обращена къ тому, чтобы привесть въ порядокъ, въ систему разбросанный матеріалъ, составить обозрѣніе прошедшей и настоящей жизни Славянъ. До Шафарика знаніе литературы, исторіи и древностей славянскихъ было достояніемъ немногихъ ученыхъ; его же труды дѣлаютъ этотъ предметъ общеизвѣстнымъ. Сверхъ того, изслѣдованія сего ученаго, составляя богатый источникъ изученій, развиваютъ въ молодомъ поколѣніи силы, указываютъ путь къ движенію впередъ, къ близкой уже цѣли. Сколько по славянскимъ землямъ разсѣяно превосходныхъ талантовъ, которые не имѣя точной, опредѣленной дѣятельности, ничего не производятъ—и сколько ихъ уже спасено Шафарикомъ отъ безполезной растраты силъ, сколько уже имъ возбуждено къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Говоря о Колларѣ, я намекнулъ о докторѣ Гаѣ и движеніи, произведенномъ имъ въ своемъ отечествѣ, Кроаціи. Войдемъ теперь въ нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ.

Кроація вмѣстѣ съ Славоніею, Сирміею, Военною границею и Хорватскимъ Приморьемъ составляетъ часть Венгерскаго Королевства, часть самостоятельную съ особеннымъ государственнымъ постановленіемъ. Народонаселеніе, съ незначительными исключеніями, во всѣхъ классахъ общества славянское. Несмотря на то, Хорваты не умѣли пользоваться выгодами своего независимаго положенія;

безпечность, равнодушіе, слѣдствіе недостатка возвышенной цѣли, держали всѣхъ въ какомъ-то усыпленіи. Въ оцѣпенѣніи своемъ они и не замѣчали, какъ мадьярскіе комитаты постепенно увлекали ихъ въ свою систему, какъ постепенно отнимали у нихъ нѣкоторыя важныя мѣстныя преимущества. Та-же недѣятельность, то-же равнодушіе господствовало въ литературѣ: охотно писали и говорили на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, только не на родномъ нарѣчіи. Развитію литературы мѣшало сверхъ того еще одно обстоятельство. Въ областяхъ, соединенныхъ съ королевствомъ Кроаціею, въ Славоніи, Сиріи, Военной Границѣ и въ Приморьѣ, жители говорятъ съ незначительными отмѣнами языкомъ сербскимъ; въ Кроаціи же въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ трехъ комитатахъ: Загребскомъ, Крижевецкомъ и Вараждинскомъ, съ народонаселеніемъ до 800.000 господствуетъ другое нарѣчіе, смѣсь сербскаго съ хорутанскимъ. Діалектъ этотъ, дробясь къ тому еще на многія поднарѣчія, отдѣлялъ Хорватовъ отъ своихъ сосѣдей, былъ предметомъ ихъ насмѣшки. Хорваты платили имъ тѣмъ-же — и все оставалось по-старому до реформы доктора Гая, начатой имъ въ 1835 году.

Съ дѣтства получилъ Гай вкусъ къ историческимъ изученіямъ; болѣе всего, однако же, занимали Гая судьба его собственнаго отечества и литература Сербовъ въ Далмаціи. Съ такимъ запасомъ онъ отправился въ Пестскій Университетъ. Сблизившись съ Колларомъ, онъ узналъ отъ него о умственномъ движеніи Чеховъ;—сколько возможно было—познакомился и съ литературами прочихъ славянскихъ народовъ. Будущность ихъ яркимъ лучемъ блеснула въ его душѣ, Въ послѣдствіи Гай перешелъ въ Вѣнскій Университетъ, продолжалъ и здѣсь заниматься исторіею и литературою Славянъ, имѣлъ случай наблюдать за духомъ и направленіемъ обучающагося здѣсь славянскаго юношества, посѣтилъ наконецъ Прагу. Результаты собранныхъ имъ наблюденій радовали его, давали пищу, силу его собственному плану. Ему хотѣлось оживить свой народъ къ дѣятельности, которую нашелъ у другихъ Славянъ.—Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ попытокъ, Гай рѣшился на мѣру смѣлую, оригинальную. «Мы Хорваты»—говорилъ онъ своимъ соотечественникамъ — «составляемъ самую незначительную часть южно-славянскихъ народовъ, населяющихъ пространство отъ береговъ Чернаго моря до границъ Италіи. Что значатъ 800 т. Хорватовъ противъ десяти милліоновъ нашихъ единоплеменниковъ? Наше хорватское нарѣчіе не имѣетъ литературы, не имѣетъ и необходимаго органическаго единства, ибо есть нестройная смѣсь двухъ нарѣчій. Мы должны рѣшиться на жертву, должны языкъ трехъ комитатовъ предоставить собственной его судьбѣ, должны присоединить наши усилія къ усиліямъ соплеменниковъ, опередившихъ насъ своимъ умственнымъ движеніемъ?»—Слова Гая нашли сперва отголосокъ въ молодомъ поколѣніи, потомъ приняты были людьми всѣхъ возрастовъ и званій. Мысль соединить однимъ языкомъ, одною литературою племена, раздѣленныя донынѣ разными вѣроисповѣданіями, діалектами съ мелкими различіями, сдѣлалось цѣлію новаго поколѣнія.—Чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на умы своихъ соотечественниковъ, Гай сталъ издавать два журнала: одинъ политическій, другой литературный. Въ томъ

и другомъ журналѣ Гай неутомимо преслѣдуетъ свою цѣль, все яснѣе и яснѣе развиваетъ свою мысль, борется съ трудностями и побѣждаетъ ихъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.—Въ каждомъ городѣ немедленно устроены были библіотеки для чтенія, а въ Загребѣ открытъ національный театръ—все это небывалыя заведенія въ Кроаціи. Словомъ, въ продолженіи 8 лѣтъ языкъ сербскій сдѣлался языкомъ образованнаго общества.—Молодежь, до того времени праздная, буйная, посвящаетъ досуги свои изученію славянскихъ нарѣчій, переводитъ лучшее изъ иностранной литературы на сербскій.—Я не думаю, чтобы въ прочихъ славянскихъ областяхъ болѣе занимались усвоеніемъ себѣ того, что́ уже сдѣлано прочими Славянами и изученіемъ быта, языка и народной поэзіи Сербовъ.

Такимъ образомъ, Хорватами, составляющими послѣднее звѣно въ цѣпи народовъ южно-славянскихъ, заключается исторія пробужденія Славянъ. Централизація діалектовъ почти довершена: мы имѣемъ теперь четыре литературныхъ языка вмѣсто прежнихъ 10—12.

Первый періодъ новѣйшей славянской исторіи оканчивается, наступаетъ новый.

Осмотримъ пройденное нами поле и спросимъ себя, что осталось въ результатѣ.

Недѣятельность Славянъ въ австрійской имперіи до половины прошедшаго столѣтія скрывала эти народы отъ вниманія образованной Европы. Думали, что австрійская имперія есть держава нѣмецкая, знали, что къ ней принадлежитъ особенное королевство—Венгрія. Два народа, Нѣмцы и Мадьяры почитали себя господствующими. Славяне не знали своей силы. Нѣмцы и Мадьяры въ политическомъ отношеніи дѣйствительно имѣли полное право считать себя господствующими. Въ нравственномъ же отношеніи всѣ эти народы были довольно равны между собою, отъ того Славяне не превратились ни въ Нѣмцевъ, ни въ Мадьяровъ.

Славяне первые пробуждаются къ духовной дѣятельности: Сербы въ южной Венгріи не безъ вліянія на турецкихъ Славянъ, Чехи съ Словаками, наконецъ Хорваты.

Обратимъ съ тѣмъ вмѣстѣ вниманіе на то, что умственное движеніе юго-западныхъ Славянъ, начавшееся въ прошломъ столѣтіи, есть движеніе общеславянское.—Въ то же самое время не только въ Россіи, но и у остальныхъ Славянъ пробудились новыя нравственныя потребности. Замѣтимъ еще другую общую черту, другую поразительную аналогію.—Наступившая для Славянъ новая эпоха потребовала другого орудія, другой формы выраженія; надобно было создать новый языкъ. Требованіе общества было угадано въ Россіи Ломоносовымъ и Карамзинымъ, у Сербовъ Обрадовичемъ. Изъ памятниковъ старины и живого употребленія Добровскій своею грамматикою творчески воспроизвелъ забытый чешскій языкъ.—Въ новѣйшее время—какъ мы видѣли—нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, чтобы не ослаблять и себя и цѣлаго, стали жертвовать своими мѣстными нарѣчіями.

Вотъ главнѣйшія общія черты обще-славянской эпохи XVIII столѣтія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи каждое славянское племя идетъ своимъ, особеннымъ путемъ, руководимое мѣстными и историческими обстоятельствами. Такъ, напр. у Сербовъ въ прошедшемъ не было «золотого вѣка» въ литературѣ, какъ у Чеховъ, а потому Обрадовичу нельзя было дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ Добровскій. Обрадовичъ могъ только пробуждать умы, указывать на прекрасное будущее, тревожить спокойствіе равнодушія, спокойствіе привычки.— Другое дѣло у Чеховъ. Правда, и здѣсь надобно было возбуждать, но совершенно другимъ образомъ.—Здѣсь прежде всего нужно было приняться за прошедшее, необходимо было его воскресить. Но не для всѣхъ понятна была идея прошедшаго; не всѣ въ состояніи были вѣровать въ силу прошедшаго.—Изъ него—полагали многіе—нельзя создать будущаго.—Идея духовнаго союза Славянъ уничтожила сомнѣнія нерѣшительныхъ: Словаки, Хорваты, Сербы, усиливъ союзъ, усилили самую идею. Теперь эта идея уже не мечта, не сонъ. И прочія славянскія племена, еще коснѣющія, увлекутся общимъ движеніемъ. Unitae vires agant! вотъ девизъ духовнаго союза Славянъ.

И такъ, наступило время для Славянъ, время, богатое своею будущностію, своими послѣдствіями. Отнынѣ каждое племя славянское, начавъ изученіемъ себя, своей старины и своего теперешняго быта, не останавливается въ своемъ развитіи, стремится все далѣе и далѣе; силы, нѣкогда въ продолженіи столѣтій бывшія безъ всякаго употребленія и упражненія, эти силы обращены теперь на дѣланіе благое чистое, достойное человѣка.—Дѣятельность юго-западныхъ Славянъ не есть дѣятельность отдѣльная, разобщенная, безъ корня въ жизни народа и безъ приложенія къ ней. Напротивъ того, литература постепенно становится выраженіемъ, отголоскомъ общества; объемъ, значеніе ея растутъ. Литература мало по малу силится придти въ равновѣсіе съ потребностями современной жизни, богатѣетъ болѣе и болѣе средствами удовлетворять этимъ потребностямъ. Замѣчу еще разъ: умственное движеніе у Славянъ южныхъ и западныхъ не юношескій порывъ, не усилія какой нибудь партіи, безъ основной возвышенной идеи, безъ благородной цѣли, безъ плана. Нѣтъ! Это духовный союзъ славянскихъ племенъ, которыя поклялись не прежде положить оружіе, пока не завоюютъ уваженія образованныхъ народовъ Европы, пока не будутъ признаны ими за своихъ сочленовъ, за сподвижниковъ въ общемъ дѣлѣ европейскаго просвѣщенія и гражданственности.

Вотъ, по моему мнѣнію, настоящая точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на событія, совершающіяся на всемъ пространствѣ земель, занимаемомъ славянскимъ населеніемъ.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ сомнѣніемъ, вопросомъ, быть можетъ скажутъ: обезпечены ли усилія славянскихъ литераторовъ, не будетъ ли имъ въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи препятствовать политическая несамостоятельность самыхъ народовъ?—Не входя въ подробности, ограничусь общимъ замѣчаніемъ.

Дѣло юго-западныхъ Славянъ обезпечено—по моему мнѣнію—во 1) тѣмъ, что ни одно изъ славянскихъ племенъ, начавшее свое преображеніе, не можетъ отступить назадъ: на аренѣ дѣйствуютъ уже массы, не отдѣльныя лица. Вѣковой при томъ опытъ убѣдилъ, что чуждое, привитое образованіе не даетъ плода, не проникаетъ массъ, не пускаетъ корней въ глубь.—Въ чужомъ образованіи, стоившемъ столькихъ жертвъ, не было той внутренней, животворящей силы, которая ведетъ отъ успѣха къ успѣху.—Славяне наказаны за холодность своихъ предковъ къ родному.—Эта-то горькая, но поучительная истина, почти единственное наслѣдство отъ отцевъ, вызвала—какъ мы видѣли—потомковъ на дѣло и отрѣзала путь къ движенію назадъ, къ прежней недѣятельности.

Дѣло Славянъ обезпечено во 2) тѣмъ, что Славяне, подвластные нѣмецкимъ династіямъ, могутъ представить офиціальныя свидѣтельства о законности ихъ предпріятія, о непротиворѣчіи его государственнымъ началамъ тѣхъ державъ, которымъ Славяне принадлежатъ. Приведу въ доказательство то, что австрійское правительство, внимательное къ справедливымъ просьбамъ своихъ подданныхъ, дало Доктору Гаю всѣ средства съ успѣхомъ дѣйствовать на своихъ соотечественниковъ, что оно благосклонно приняло просьбы словацкаго народонаселенія Венгріи, что оно и въ землѣ чешской явило знаки своего одобренія.

Въ 3-хъ, наконецъ, славянское дѣло обезпечено учрежденіемъ славянскихъ каѳедръ въ Россіи и вслѣдъ за тѣмъ—съ легкой руки ея—въ Пруссіи и Франціи. Словомъ, дѣло, о которомъ здѣсь рѣчь, получило европейское значеніе.

Въ этомъ легкомъ, краткомъ очеркѣ я старался представить Вамъ, М. Г. начало и ходъ умственнаго движенія Славянъ, старался различить въ немъ двѣ эпохи. Первая касалась формы выраженія: надобно было найти орудіе для мысли. Въ другой эпохѣ представлено было, для какой цѣли употреблено новое орудіе. Передовымъ народомъ умственнаго движенія Славянъ были Чехи: вліяніе ихъ распространилось всюду.

Собственно говоря, только въ недавнее время стали доходить до насъ слухи объ этомъ движеніи. О дѣятельности Обрадовича молчали Сербы, служившіе Россіи своими познаніями. Молчаніе понятное! Они принадлежали къ противникамъ его; почитали языкъ Обрадовича ересью, пагубною для народа и церкви—и продолжали писать такъ называемымъ славяно-сербскимъ нарѣчіемъ.—Изслѣдованія Добровскаго, рекомендованныя Шлецеромъ, нашли въ Россіи своихъ цѣнителей. Изученія памятниковъ церковно-славянскаго языка, начатыя Добровскимъ съ рѣдкимъ успѣхомъ, открыли путь его вліянію на понятія объ этомъ предметѣ въ Россіи. Метода, преподанная Добровскимъ, руководила—кажется—Г. Востокова въ изслѣдованіи о томъ-же предметѣ. Если это предположеніе справедливо, то истина требуетъ прибавить, что Г. Востоковъ сторицею воздалъ Добровскому за первые уроки въ критикѣ. О вліяніи Г. Востокова на западно-славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ я буду имѣть случай говорить въ свое время. Церковно-славянская грамматика Добровскаго въ извлеченіи издана была на

русскомъ языкѣ и—по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія—введена въ Гимназіи, гдѣ, подъ руководствомъ знающихъ преподавателей, она не могла не принести пользы. Въ послѣдствіи «Institutiones Linguae Slavicae» Добровскаго были переведены вполнѣ.

Вотъ, что извѣстно было у насъ о трудахъ западно-славянскихъ ученыхъ при первомъ ихъ сближеніи съ русскими. Добровскій стоялъ одинъ на первомъ планѣ и закрывалъ собою прочихъ сподвижниковъ. Послѣ смерти его—и они явились на сцену. Изученіе славянства донынѣ сопряжено было въ Россіи съ большими, почти непреодолимыми препятствіями. Министерство Народнаго Просвѣщенія уничтожило преграды, сдѣлавъ это изученіе частію нашего образованія.

Я долженъ еще въ заключеніе прибавить, что умственное движеніе Славянъ, пробуждая и развивая силы, раздвинуло также тѣсные до того времени предѣлы Славянской Филологіи. Нынѣшнее состояніе ея позволяетъ уже говорить о предметахъ, которые прежде были недоступны, каковы—какъ выше замѣчено было—элементы славянскихъ обществъ, языки и нарѣчія, связь ихъ между собою, славянское право, народная поэзія, даже мѣстность, занимаемая Славянами.

Въ продолженіи нашихъ чтеній, и безъ предисловія съ моей стороны, я надѣюсь, Вы убѣдитесь, М. Г., въ важности и необходимости славянскихъ изученій въ отношеніи къ древнему русскому праву, литературѣ, языку, даже въ отношеніи древне-русской исторіи.

ОТДѢЛЪ II.

Село Коснище, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.

(Окончаніе).

Крестьянская свадьба.

На слѣдующій день гости снова собираются въ домъ жениха, приносятъ съ собою хлѣбъ и вареники, и, въ сопровожденіи родителей «молодого», идутъ въ «камору» будить новобрачныхъ. «Молодый» надѣваетъ рубаху, подаренную ему невѣстой, а «молода̀»—башмаки, подарокъ жениха. Невѣстѣ надѣваютъ на голову узорчатый «чыпэць», повязываютъ бѣлымъ платкомъ, покрываютъ съ ногъ до головы кускомъ холста и ведутъ въ хату, при чемъ поютъ:

«Кєнь кітаєчку підъ лавку,
«А вынэць підъ стулэць,
А чыпэць на голо̀войку».
«Покрый поли пшаныцию,
А синόжать травынию,
А Ганусю рантушкомъ.
Ни дивуйтись люди,
Що̀ вамъ съ того буди:
Ни туръ, ни турыця,
Така̀-жъ молодыця».

Молодыхъ сажаютъ за столъ и продѣлываютъ церемонію такъ называемаго «пирипо̀я».

Отецъ, завернувъ руку въ полотно, бросаетъ на тарелку серебрянную монету, затѣмъ наливаетъ рюмку вина, даетъ пригубить невѣстѣ и выпиваетъ самъ залпомъ.

Въ это время гости поютъ:

«Ба̀тийко пирипывáє,
Срібломъ, злотомъ пирипыває
Щє̀ й копою жыта,
Добромъ пирнпыта».

Или: «Выпый, выпый съ по̀вниji чаркі
Сла̀вного оцця̀, славниji ма̀тке».
«Ни етый ро̀ди за плечыма,
Ни цвіркай очыма̀:
Що ма̀єти—давайти,
Ганусю вспомога̀йти»...

Потомъ поютъ, обращаясь къ жениху:

«Выпый (или жениха), выпый
Кєлішокъ ни вилыкій,
Ни оставляй на дні,
Во тамъ билюютъ рублі»
«Хвалылася ма̀ты,
Мо сёй рідъ бога̀тый;
Якъ ста̀лы пирипыва̀ты,
То й повтіка̀лы съ ха̀ты»...

Обращаются къ «хорўнжому» и поютъ:

«Дэжъ нашъ хорўнжій,
Що хорэн (=д)євку нôсыть
Чôмъ же зъ молодэји
Покрывала ни зносыть,
Чôмъ же молодэји
Танцювàты ни прôсыть?»

«Хорунжій» беретъ «хвàткі» или «ôджугъ», стаскиваетъ съ «молодэји» покрывало и забрасываетъ на печь *).

Невѣстѣ надѣваютъ (сваха) «фартўхъ» и гости поочередно—танцуютъ съ нею, бросая въ «фартўхъ» деньги. Танцуютъ особымъ способомъ: медленно притоптывая, прогуливаются отъ стѣнки къ стѣнкѣ, причемъ крестятъ ихъ.

Кто танцуетъ (съ невѣстой) послѣднимъ, того «запорôжцы» опоясываютъ соломенньмъ жгутомъ и—для потѣхи—подвѣшиваютъ къ потолку...

Родители жениха, взявъ подъ мышки по булкѣ хлѣба, становятся другъ противъ друга и танцуютъ.

Гости поютъ:

«Гопъ-гуки, розгулàлися старухи,
Вы, старыји, ни дримàйти,
Своји нôгі піднимайти.
Типэръ мы бизпэчны,
Бо танцюваты статэчны;
Типэръ у насъ новынà,
Бо танцюе старынà»...

Всѣ присутствующіе выходятъ изъ избы во дворъ—и начинаются общіе танцы, продолжающіеся до поздняго вечера. Послѣ ужина гости расходятся по домамъ.

На третій день опять собираются въ домъ «молодôго». Свахи доставляютъ водку и закуску. Послѣ завтрака начинаются танцы съ пѣснями.

«Была мэни мàты въ плэчі кулаками,
Щобъ я ни стояла съ тыми дворакàми;
Была мэни мàты сухєю лозôю,
Щобъ я ни стояла съ попôвымъ слугою»...
«Выйду я мэжъ люди,
Та я заспиваю,
А люди гадають,
Що я роскошъ маю.
Выйду я мэжъ люди,
То я и высэла,
А прыйду до дôмы
Надмўся, якъ сова»...

Гости веселятся, а отецъ отправляетъ «молодôго» и «прошакà» за «пирэзвами» (такъ называются родители невѣсты и самые почтенные изъ ея родни).

Являются «пирэзвы».

Невѣста встрѣчаетъ ихъ во дворѣ, кланяется въ землю и цѣлуетъ у нихъ руки.

Почетные гости торжественно вводятся въ избу и занимаютъ первыя мѣста. Въ танцахъ и пѣніи они не принимаютъ участія.

Около полудня два молодыхъ парня (изъ жениховской свиты) наряжаются: одинъ «стàрцёмъ», а другой—«мидвидёмъ»; «дідъ» садится въ маленькіе саночки, а «мидвідь» возитъ его по улицамъ, въ сопровожденіи хохочущей молодежи.

У встрѣчныхъ бабъ выпрашиваютъ сала, колбасы, яицъ и т. п.

Не считается зазорнымъ присвоить попавшуюся курицу, утку, а то и поросенка..

По возвращеніи «діда» и «мидвэдя» гости ужинаютъ и снова принимаются за танцы и пѣсни.

Около полуночи «пирэзвы» уѣзжаютъ: ихъ провожаютъ за ворота хозяева, «молодыји» и всѣ гости.

«Молода» при прощаніи должна голосить...

Примѣру «пирэзвывъ» слѣдуютъ и востальные гости: прощаются съ родителями жениха, благодарятъ за гостепріимство, желаютъ новобрачнымъ счастья и довольства—и расходятся по домамъ.

На этомъ свадебныя торжества и заканчиваются.

Дм. Абрамовичъ.

---

*) Это полотно дарятъ кухаркѣ, готовившей свадебную трапезу.

Образцы говора, Жиздринскаго уѣзда, Калужск. губ.

Загадки, записанныя въ с. Теребени, Жиздринскаго уѣзда.

Заслонь, што печку заслонàють.

Бѣгаить волкъ
Апàлиный бокъ.

Печка.

Мать красна,
Дочь талста;
Сынъ Хонабёръ
На небу пашолъ.

Трасникъ.

Стаить надъ вадою
Трепить бородою.

Дорога.

Ляжить Мирзлѝ
И гаворить Мирзлѝ:
Кали бъ я устала,
Нёбу дастала.

Яйцо.

Сбита бочка
Бизъ сукоў, бизъ задòрннки.

Лошадь въ возу.

Сивая кабыла
По таргу хадила;
Къ намъ пришла,
По рукамъ пашла.

Аткину ляшку,
Аткину другую—
Вывиду живую.

Орѣхъ.

Махòтачка мàлинькая,
Кашка сладинькая.

Когда кукушку крестятъ.

Травушка—муравушка
Да зилёный лужокъ,
Да лазорливый тватокъ.
Хажу жъ я на трàвушки,
Хажу па муравушки,
Да ни нахожусь,
Гляжу я на милыва,
Да ни нагляжусь,
Што нѣту и мнѣ радысти
Ни на малый часъ,
Да нѣту мнѣ радысти,
Да ни на малый часъ,
Да нѣту мнѣ радысти,
Да ни на малый часъ,
Да толька мнѣ радости,
Што милый на глазёхъ,
Да на чорныхъ бравяхъ,
Бравяхъ да ясныхъ очахъ.
(С. Теребень).

Бай, Бай.

У каробачки шибàй,
Всѣ вертѐння паламалъ,
За гароды пакидалъ.

За гарѡдами рика.
Разливаить ширака, 2
Тамъ и пивушку пьють,
Галѡвушку бьють,
У чатыри хлабазины,
У пятый кастыйль,
Усё по боку гваздили.
Я качу, качу, качу,
Качирьгѡю па плячу.

(Тожь).

Истяжная.

Хажу я па травушки
Никакъ ни нахажуся,
И гляжу я на милыга
Никакъ ни нагляжусь.
Каторый мой милый другъ—
Таго при мнѣ нѣтъ,
А каторый пастылый—
Засигда на глазахъ,
На глазахъ, на глазушкахъ,
На ясныхъ ачкȁхъ.
Свѣтилъ мѣсяцъ
На всю темную ночъ;
Асвичай дарожиньку,
Куда милый друхъ пашолъ,
Пашолъ, пашолъ милый друхъ
Удоль па сялу,
Зашолъ, зашолъ милый друхъ
Ва крайнiй ва дварокъ.
Ва крайнимъ ва дворику
Тамъ удовушка живеть.
Ва етай ва удовушки
Расла дочь хараша,
Хараша харѡшоя
Татьяна душа.
Татьянушка душичка,
Атваряй варата.
Дуракъ Ванюшичка,
Аны атпёрты стыять.

(Тожь).

Свадебная.

Онъ, вичѡръ, вичѡръ, вичѡръ
Хмелёшаникъ пришолъ,
Онъ глатȁитца—валяитца
У жениныхъ нагахъ:
— «Ой, Натальюшка, разуй,
Ой, Андреевна, разуй!»...
— Я бъ радȁ тибе разула—
Пазабыла чнмъ завуть,
Ещо запȁмятилась,
А мнѣ людюшки сказали,
Што Михайлушкомъ завуть,
А другiя-та сказали
Аѳанасьивичемъ.
А ни тотъ ли та Михайла,
Што па вѡзирамъ гулялъ,
Щуку—вокуня лавилъ,
Платву на берегъ металъ.
А што бѣлая платва—
То Натальина дачкȁ;
А што бѣлыя кунёчки—
То Михȁлывы сыночки.

(Тожь).

Масленица

За рѣчкою, матка, гусли гудуть,
— Пусти мини, родная, гусли слушать.—
— «Пустить тибе, дѣтитка,—вѣкъ ни видать»—
— Увидимся, матушка, на виликъ день,
Пацалуимся, родная, съ краснымъ яйцомъ.

(Село Огарь).

Масленая.

Чаво рика пьяна.
Чаво висилая,
Ай лада маё.
Патапила рѣка
Восимь бочакъ,
Восимь бочикъ пива,
Дисятую вина,
Ай ладо маё,
Царя Кастянтина, 2
Барисыва сына. 2
Жина яго Марья 2
Па бережку ходить, 2
Сымȁ слезнȁ плачить.
Свекыръ унимаить:
— Ни плачъ, ни плачъ, Марья.
Ни плачъ, ни плачъ, маладая—
Тибѣ младой будить,
А сына ни будить,

(Тожь).

Масленая.

Узнйду малада.
Я на горку, люли,
Свисну млада,

Салавейкю люли.
Братецъ мой, братецъ,
Салавейкя люли,
Сястрица мая,
Пирипёлка люли.
Да што жъ ты ка мнѣ
Ни литаишь?
Да ты приляти!
А рада, люли,
А я рада, люли,
Какъ ты улятишь,
А я плачу, люли,
А я плачу.
Ишли казаки съ Дону,
Ой и съ-за Дону,
Люли, съ-за Дону
Нисли па ружью заряжону,
Ой люли, заряжону.
Пустили пажаръ па дуброви—
Уси ёлки—сасонки пагарѣли,
Одна ёлка-сасоночка ни згарѣла.
Ель мая зилинàя,
Зилинàя, люли,
Да я падъ табою стыяла,
Я стыялá, люли,
Я стыàла.

(Тожь).

Масленая.

Выхадила дѣвушка
Въ ширъ боръ гулять,
Вынасила красная
Жаръ въ рукавѣ;
Пажигàла дѣвушка
Сыру сасну.
На макушички
Въ сòснушки—
Ясный саколъ,
Въ сиряди тибе,
Соснушки—
Яры пчолы̀,
Яры пчолы̀,
Въ карянѝ тибе,
Соснушки,
Вѣлъ гарнастай.
Журить-бранить
Дѣвушку—
Ясный саколъ:
Да штобъ тибе,
Дѣвушку,
Сватъ ни сваталъ!
Журить-бранить
Дѣвушку—
Яры пчолы;
Да штобъ тибе,
Дѣвушку,
Да штобъ тибе,
Красную,
Попъ ни винчалъ!
Журить-бранить
Дѣвушка—
Бѣлъ гарнастай,
Штобъ тибе, дѣвушка,
Мужъ ни любилъ,
Да штобъ тибѣ,
Красная,
Свёкаръ журилъ.

(Тожь).

На Благовѣщенье.

А мы копань капали, капалѝ...
А мы пашню пахалѝ...
А мы просу сѣилѝ...
А мы просу вытапчѝмъ...
Чимъ жа ты вытапчѝшъ?...
Стада коней выпустимъ...
Мы кòня паймаемъ...
Чимъ жа кòия выкупимъ?...
За коника сто рублей, сто рублей...
А што же придодёшь, придодёшь?
Красную дѣўку у вянку, у вянку...

(Тожь).

Разбойничья пѣсня.

Какъ была-жила юдавà;
Какъ у той удавѣ
Была девить сыноў,
Было девить сыноў,
Ну, дисятае дочь любимая.
Какъ пять да братоў
На службу пашли,
А чатыри братà
У разбой пашли.
Анè годъ живутъ.
И другой живутъ.
Какъ на третій годъ
Пашла разыскивать;
Ана годъ идеть
И другой идеть.
А на третій годъ
Всё стривàютца,
Всё стривàютца
Всё разбойнички;

Яны іе самаё.
Съ сабой узили,
А дитёнычка-сумарёнычка
Аны зарѣзали.
Привели іѐ дамой,
Стали спрашивать у ней,
Да чія ты дочь любимая...

Когда кукушку крестятъ.

Солнушка усхожія усходила,
Високо нно свитила—
Черизъ лѣсъ, черизъ поле,
Чиризъ синія моря;
Тамъ лижала кладочка,
Дубовый пиряходъ;
Тамъ никто ни хаживалъ.
Никово ни наживалъ.
Пиршо̀лъ Диксѣюшка,
Пиривёлъ Праскоўюшку.
Пиривёмши—цалуить,
Пиривёмши—милуить.
Ты, друхъ Праскоўюшка,
Ты мине састарила,
Бизъ ума атставила,
Бизъ ума, бизъ разуму.
Бизъ всякыя панятія.

(Тожь).

Масляница.

Висо̀ка далёка
Кленовый листъ.
Хотя онъ висо̀ка—
Быть яму на зѐмли.
Далеча (батюшка мой) 2.
Хотя онъ далеча,
А быть мнѣ въ нево̀;
За дубовымъ столикамъ
Быть—пасидѣть,
Винную чарочку
Быть—выпивать,
Сахо̀рная яблочка
Быть—закуса̀ть.

(Тожь).

Свадебная.

Жила грѣшная удовушка,
Сбирала ина сына къ вѣнчанію;
Да нѣту у ніе брата въ поѣзди,
Да ни родныга батюшки.
Ступай, мой дружинушка, ни бойся,
Ни ярйцы, ни мителицы, ни зимы,
Ни сильныга, ни дробныга дожжичку.
Зазнабили дружинушку въ абозѣ.
Сустричала малада сваха на каню,
Вынасила кунью шубу на плечахъ,
Сахья̀ныи сапожики на нагахъ,
Ласи̇ны пирчатычки на рукахъ.
За дубовый столъ млада сваха садила,
Станавила да кубъ меду, два вина;
Да краснаю чичотачку дарили,
Да тамъ яво сваякиню сманули,
У зелинъ садъ дружинушку вадили,
Сиребренаю чарыю паили.

(С. Теребень).

Сиредѐ двара стаить дўбецъ,
Какъ подъ тотъ дубъ саѣзжалися
Князьё да баяри,
Дума думали, какъ Ивана жиннить.
Шумѣли-гимѣли всё ярыи пчолки,
Заслухала тотъ шумъ Красна Ганна,
Шейку нагнула, галаўку апустила,
Ѣхать къ ивѣнчанію,
Къ законнаму браку.

(Тожь).

Свадьбёжная.

Какъ женихъ на дворъ пріѣдетъ.

Поднимались вѣтры бо̀йныя,
Вереички раскачалися,
Варотички растварялися,
Каретушка на дворъ узъѣхала,
Хрустальная сама уздвинулась,
А я, млада̀, дагадалася,
Па падружкамъ размиталася:
— «Вы, систрицы, вы падружаньки.
Схаранйти мине, молыду!
Какъ пріѣхылъ спагубитель мой—
Спагубилъ ма̀ю гало̀вушку!
Расплёлъ, расплёлъ русу косушку;
Выплилъ, выплилъ онъ ленту ялую,
Снаридилъ мине пу бабьиму.

Историческая.

Вайво̀йскаи наши гусары
Да Ца̀ря Бѣлыва,
Вохъ Царя Бѣлыва,

Царя Бѣлыва,
Петра Пѐрвыва,
Братцы гусàры,
Сы знаменами,
Братцы гусары,
Да съ барабанами,
И ахъ съ барабанами
Съ барабанами.
Ва втаромъ палку,
Братцы, гусарскомъ
Уронъ сдѣлался,
Братцы, гусàры,
Да иныра̀лъ, да,
Да памёръ,
Ой, иныра̀лъ памёръ,
Братцы гусары!
Самаго та инырала
Да на га̀лавахъ
Да нясуть,
Ухъ, на главахъ нясуть,
Гиниральская сидѣльца,
Да на вазахъ да вязуть,
Ухъ, на вазахъ вязуть.
— Панисития мaё тѣла
Да ва чистò полѝ,
Ва чистò полѝ.

Разбойникъ Чуркинъ.

Ва тѣхъ лѣсахъ дремучихъ
Разбойнички живуть,
Въ твоихъ рукахъ магучихъ
Таварища несуть.
Насилки ни простыи—
Изъ ружей слòжины.
Но поперекъ ево стальныя
Мечà паложаны;
На нихъ лижалъ сражонай
Съ разбитай галавой, 2
Самъ Чуркинъ маладой,
Римни яво калчуги
Парублины лижать,
Два мѣткихъ писталета,
За поясымъ блистять,
Два острыя кинжала,
Въ груди его стыять.
Давайтя рыть магилу
Таварищу свайму!
Мы вырыли магилу
Аршина роста три,
Спускали мы въ магилу,
Сказали: братъ, пращай!
Прасти, пращай, таварищъ,
Самъ Чуркинъ маладой
Съ разбитай галавой!
Типеря намъ не время
Бесѣдавать съ табой,
Теперь мы дòлжны
Вазвратитца на крававый
Твой пабой!

Палажитя-жъ маё тѣло
Да прамѝжъ трёхъ да дарохъ,
Охъ, прамѝжъ трёхъ дарохъ—
Охъ, прачитайте маё письмò
Ва маихъ ва галовахъ.

Ой, но хто жъ у насъ бальшой, набольшой.
Ой, алѝ, алѝ, али лой алѝ,
Бальшой набальшій—ваяводаю,
Ваяводаю—надъ бисѣдаю?
У насъ Григорьевичъ.
За сталомъ сидить
Бальшой, набальшай,—
Ходить—чириздòрить,
Маладэй баярыни.
«И ты пади сюда,
Падай плетку,
Плеть шалковую,
Сторублёвую»...

(С. Теребень).

Бесѣдная пѣсня.

У насъ Антонушка,
У насъ Григорьевичъ.
За сталомъ сижу,
Я сынà кармлю,
Пирямѣну жду
И табѣ—сабѣ,
И нивѣстку у дворъ—
Въ поли работницу,
Въ доми кукòбницу.

(Тожь).

Изъ сочиненій старика, мѣстнаго поэта Теребени, который сочиняетъ длинные стихи и сказки.

Жили двѣ женщины, абѣи удовы, адна жибдѣжная, другая биззаботная; узила заботная паслала биззаботную въ лѣсъ па грибы. Ана у лѣсъ пашла, грибовъ ни нашла. Два дни прахадили, на третій день заблудили. Зашла у глухоя балдта, и зачўила серпа: будить нада мною нигбда. Выскачилъ изъ бальшова логава старый звѣрь, старая крыса, ротъ разинуўши, зубы аскаліўши, хвостъ паднявши на падобіе посошка. Ету страсть женщина увидала, нѣскальки версгъ бижала. Лютая Крыса женщину догнала, ладошки парвала.

В. Н. Добровольскій.

Матеріалы лексикографическіе по Новгородскимъ говорамъ.

1. Слова Череповецкія *).

Б.

Букàрочки—Четвереньки.
Банковать—Обвивать, бинтовать.
Бучить, отбучить —Бить, дуть, отколотить.
Брилань—Губастый; ругательное слово.
Барабляться—Возиться, барàхтаться.
Беззадинъ—Хромоногій; ругательное слово.
Березовицу точить—Проливать слезы.

В.

Всузель—Зеленоватаго цвѣта.
Всукрась—Красноватаго цвѣта.
Веретья—Возвышенное мѣсто, покрытое лѣсомъ и спускающееся къ рѣчкѣ косогоромъ или обрывомъ.
Вершина—Низменное пространство, покрытое лѣсомъ.
Вечёршный вечеръ—Прошлый вечеръ.
Волоковое окно—Величиною въ 2 бревна, безъ косяковъ и рамъ, задвигается внутри избы щиткомъ изъ толстыхъ досокъ. Сохранилось въ старой избѣ въ д. Верхъ у крестьянина М. Ячечурова.
Волоскомъ недаетъ дотронуться—Опредѣленіе сильнѣйшей степени боли.
Влагалко—Женское влагалище.
Варникъ, варничокъ, малашка—Vulva.
Васильчики—Пироги подъ новый годъ.
Вейнуть, вейнула—Быстро, скоро уйти.
Выкричи даетъ—Сильно плачетъ ребенокъ.
Вздоху затѣснило—Дышать тяжело.
Веретеномъ тряхнуть—О старомъ и больномъ человѣкѣ.

---

*) Доставленные намъ почтеннымъ членомъ-сотрудникомъ И. Р. Г. Общ. М. К. Герасимовымъ оба списка словъ и прозвищъ заслуживаютъ большаго вниманія. Укажу на невошедшія въ Словарь-Даля лова: Листопукъ (Май,—какъ Листопадъ) и Мокошà—нечистый духъ, домовиха. См. Мокошь въ Слов. Срезневскаго. Прозвища же всѣ любопытны, среди несомнѣнно финскихъ и тюркскихъ, есть и варяжское—Яруничь (хотя Ярун м. б. и слав.) и важныя славянскія слова напр. клюсъ—древнесл. клюса, србск. кљусад (собират.) кони кљусе,-ета—конь; Польск. klus (рысь), klusem—рысью, чешск. klus—тоже, а klusák—конь. Ред.

Вырыскнуло—Удалось какое нибудь дѣло.
Выскать—Взять, вымать.
Варахоуша—Послѣдній овинъ хлѣба.
Висарье-я—Лоскутки, виски, обрывки.

Г.

Гверстяникъ—Пространство, покрытое мелкимъ камнемъ.
Гонки—Бревенчатые плоты, сплавляющіеся по рѣкамъ.
Гаре—Бесѣдная игра.
Глоба, глобочка—Тропа, тропочка.
Грязи захватило—Остановка послѣродовыхъ очищеній.
Габарка—Жестяной чайникъ на судахъ.
Горянетъ пища—Нѣтъ аппетиту.
Гоношиться—Припасаться, готовиться.

Д.

Дора̀, доръ, дордкъ—(на дора̀хъ). Мѣстность, покрытая строевымъ лѣсомъ въ видѣ отдѣльныхъ рощей.
Дрануха—Ржаная каша.
Дохать—Гулять, веселиться, пить вино.
Досягать, недосячь, досячь—Достать.
Душа коротко ходитъ—Есть одышка въ груди.
Ддня—Рано утромъ.
Дракиша—Человѣкъ, любящій подраться.
Додѣльный—Человѣкъ, способный на всякое дѣло.
Деревянное пиво—Сусло изъ мозжевеловыхъ ягодъ.

Е.

Елибица—Злая женщина, вѣдьма.

Ж.

Жирьмя—жирить—Надоѣдать словами.
Живучи этого небывало—Никогда не случалось.

З.

Змѣиная трава—Ятрышникъ (?) трава (orchis macul).
Завсё—Часто, постоянно.
Знамь, знами—Знакомыя люди.
Заводь—Заливъ на рѣкѣ.
Заклемало—Забылось.
Засадиховатый—Сильный, мучительный (о кашлѣ).
Заводи чево хошь—Начинай что знаешь.
Збожный—Человѣкъ богобоязненный.
Забѣдовый—Человѣкъ бойкій, отчаянный.
Заполоски—Концы полосъ, которыя оставляются подъ траву.
Закукры—Спина.
Залой—Низменность между двумя пригорками.
Заплошный—Разсѣянный человѣкъ, невнимательный.
За милу душеньку—Выраженіе, прибавляемое ко всякому дѣйствію: сдѣлаю, полюблю и т. д.
Зырить, назырить—Мочиться.

И.

Исподки—Рукавицы.
Изнимать—Тяготить, уничтожать.
Истерялась дитенька—Пропало зрѣніе; наступила слѣпота.

Исплекъ—Болѣзнь въ плечевомъ суставѣ у лошади.
Истовахонькой,—Похожій; точно такой-же.

К.

Калганчикъ—Маленькій глиняный горшокъ.
Кошма—Трехполѣнныя дрова, связанныя, въ видѣ плотовъ, для сплава по рѣкѣ.
Кантовать—Пировать, веселиться.
Каламонъ, каламонить—Шляющійся безъ дѣла человѣкъ; бездѣльничать.
Кучкаться—Прибираться, пачкаться.
Кулига—Мѣстность въ которой селенія расположены по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки и видны другъ отъ друга, т. е. какъ бы находятся въ грудѣ, въ кучѣ. Каждая кулига называется по рѣчкѣ, на которой расположена, напр. Кисовская кулига и другія.
Кулйжане—Населеніе, жители данной кулиги.
Кунды-мунды.—Тряпье, имущество.
Косарить—Ругать, бранить.
Катцо—Ручка у цѣпа.
Каргасъ,—на каргасахъ (=?).
Карнужйть—Мяукать, мурлыкать.
Кильма—Дерево изъ породъ вязовыхъ.
Каптарь—Деревянный сосудъ подъ пиво.
Какъ немога поскорѣе—Сдѣлать сейчасъ.
Клячеть, оклячело—Нѣмѣть онѣмѣло.
Коли прйдешь—Когда придешь.
Кобылки!—Ключицы.
Кокурки, на кокуркахъ—Корточки, скорнувшись.
Коего дня—На дняхъ.
Кита̀, киты̀—Картофельныя вѣтки (Всѣ киты-то сборонилъ).
Конѳвяшъ, конѳвятикъ—Старый бѣлый грибъ («Коновяшей нанесли»).
Кожу отсочаетъ—При ознобѣ кожу какъ будто отдираетъ.
Караванитьсл—Куражиться, капризничать.
Квилить—Доводить до слезъ, сердить.

Л.

Лодыги—Дѣтская игра въ бабки или въ козни.
Лупсанить—Хлестать, бить.
Лунь, лунитъ—Свѣтокъ, отсвѣчиваетъ при худомъ зрѣніи.
Лядина—Рытвина, яма.
Ленъ пахать—Мять, трепать, чесать, вообще, проводить время за обдѣлкой льна.
Листопукъ—Май мѣсяцъ.
Лыбитъ—Улыбается.
Лязжать—Надоѣдать разговоромъ.

М.

Марышевникъ—Муравейникъ.
Матошникъ—Различныя женскія болѣзни.
Мура подмурья—Кушанье изъ хлѣба и воды.
Михирь—Penis.
Мокоша̀—Нечистый духъ, домовиха.

Н.

Не само—Не очень (=много, долго, большой).
Нуште—Какже.
Нев(п)римѣкъ—Незамѣтно, невдомёкъ.
Натями—Напомни.
Немытикъ—Чортъ.
На подворьи жить—Вообще, не имѣть своего угла—жить по бобыльски.

Ничевуха—Несбыточное, пустяшное дѣло.
Нежунетъ—Не дотронется до пищи.
Не му—Не буду [1]).
На молоду мѣсяца—Въ началѣ мѣсяца.
Непоставный—Нескладный, некрасивый человѣкъ.
Неутишина въ головѣ—Сильная ломота и боль въ головѣ.
Надолбы ненадоли—Выраженіе о надоѣдливости и докучливости.
На верстяхъ—Верхомъ на лошади.
На отсадъ садитъ голову—О стрѣляющей боли въ головѣ.
Наготь—Колика въ животѣ у лошадей.
Неумѣха ты эдакая—О безтолковости.
Нонь—Нынѣ.

О.

Отлынуть, поотлынуть—Облегчить, поотойти.

Однорозка, купоръ—Сортъ мелкихъ гвоздей.

Островъ—Лѣсное пространство, состоящее изъ какой нибудь одной породы лѣса, итакъ: есть березовые, сосновые, еловые и т. д. острова.

Озвѣздить—Ударить.

Обжимъ, обжималка—Кофта на ватѣ или куделѣ, плотно облегающая одну только грудь.

Оботаться—Загрязниться, запачкаться.

Оревина—Быкъ.

Осоглодь—Ободранная (подсоченная) сосна. Примѣняется и къ человѣку, похудѣвшему послѣ болѣзни.

Охитить—Спрятать, схоронить. Отвѣйкивать. Плакать, кричать, визжать.

Отдаванница—Дѣвушка, вышедшая замужъ въ другую деревню.

Оногда—На дняхъ, когда-то.

Озерина—ы. Лужи.

П.

Пошкотилось [2])—Испортилось.

Пнаться—Жить какъ нибудь.

По селямъ—Мѣняться конями безъ придачи другъ другу.

Посвѣтило—Вздумалось.

Поперечный поясокъ—Шерстяной поясъ ручной вязки, въ которомъ узоры расположены въ поперечномъ направленіи. Ширина пояса больше вершка, кисти большія. Важная принадлежность праздничнаго костюма дѣвушекъ, воспѣвается даже въ пѣсняхъ.

Прамохъ, прамхи, прамошки [3])—Пространства, покрытыя сухимъ мохомъ, прежде бывшія болота; родоначальники мховъ.

Печеницы—Кровоподтеки на тѣлѣ послѣ ушиба, синяки.

Полупудникъ—Сортъ строевыхъ гвоздей.

Подвитель—Навѣсъ.

Перезъ это, перезъ самое [4])—Черезъ это, черезъ самое.

Перезуться, перезуйся—Переобуть сапоги.

Перекаляться—Перегибаться.

Примань сѣла—Случилось, сдѣлалось что нибудь необыкновенное.

Прядать—Биться, скоро приподниматься.

Перетура—Перегонъ.

Путцо—Ремень, прикрѣпляющій молотило къ ручкѣ.

Пуня—Длиннохвостая, одѣтая въ долгое платье.

Пунька—Прозвище; носатый.

---

[1]) т. е. не йму — не му. Остатокъ стар. будущаго. [2]) зап. шкода (Schade). [3]) сравн. пралѣсъ, прадѣдъ. [4]) зап. слав. přes, przez.

Поклада—Снопы, положенные вдоль гумна для молоченья.

Поплешники—Молоченники, стоящіе рядомъ и ударяющіе по снопамъ одинъ съ правой, другой съ лѣвой руки.

Пабѣдъ, съ пабѣда—Время ѣды между обѣдомъ и ужиномъ.

Подсѣдъ—Трещина подъ копытомъ у лошади.

Поталанило, непоталонило—Посчастливилось и обратно.

Пересыкаться—Нетерпѣливо ждать чего нибудь.

Прозднык, праздно—Незанятой, свободный.

Пожни—Сѣнокосные луга.

Р.

Рожонка, родиха—Женщина, только что родившая.

Рамени—Луговыя, сѣнокосныя пространства среди лѣса.

Рантовые сапоги—Головки.

Рȁгозить—Загрязнять, пачкать.

Рѣшъ—Срубы подъ печку или толчею.

Рекотать, зарекотать—Громко хохотать.

Разпѣтушица—Дѣвушка, имѣющая дѣтей.

Рубашка—Сальникъ у животнаго.

С.

Слѣпотка—Болѣзнь куриная слѣпота.

Сапѣлки—Кости голени.

Скорь—Моль.

Спахалось—Сдѣлалось, приключилось.

Стрѣшникъ—Нечистый духъ, отъ котораго приключаются внезапныя болѣзни.

Середины—Низменныя пространства, поросшія лѣсомъ.

Смотракъ—Прикащикъ на лѣсныхъ промыслахъ.

Сдѣется—Случится, сдѣлается.

Стебнать—Обшивать, стегать.

Сыволока—Сорная трава, растущая въ коноплѣ.

Сурядный—Хорошо одѣтый.

Субогать—Зажиточный человѣкъ.

Сердце изъ пару заходиться—Говорятъ при испугѣ или сильной боли.

Сапожникъ—Трава (= ?).

Своду недать—Несправиться.

Суровуха, на суровуху—Второпяхъ, наскоро.

Синятка, сенька—Брюшина у животнаго.

Ссякунъ—Мочевой пузырь.

Съ захода не выходитъ—Опредѣленіе сильной степени поноса.

Старинка—Сказка, небылица.

Снафида—Медленная на дѣло и тихая женщина.

Скасть—Змѣя, гадина.

Стукашъ—Муравей.

Слюдникъ—Стопа у человѣка.

Смёртна рѣзота—Нестерпимая боль въ животѣ.

Соляникъ—Ватрушка съ солью.

Сбердить—Отказаться отъ своего слова.

Сбрендить—Тоже.

Т.

Тускъ, тускомъ заволокло—О притупленіи зрѣнія.

Таликъ—Вытаявшая мѣстами изъ подъ снѣга дорога.

Тридцатка—Сортъ гвоздей, которыхъ выковывается 1000 штукъ изъ 30 фун. желѣза.

Тепеpенька—Теперь.
Трущобить—Торопить скорѣй исполнить какое нибудь дѣло.
Туровить—Тоже.
Трава—Сочни прѣсные.
Теменно и ропотливо—О дѣлѣ, связанномъ съ хлопотами и непріятностями.
Тюлькунъ, тюлькать—Человѣкъ, любящій много поговорить.
Тюньзеть—Усидчиво сидѣть надъ дѣломъ.
Тезево—Животъ.

У.

Укладъ—Полоска стали, идущая на лезвія топоровъ и другихъ желѣзныхъ издѣлій.
Уѣдать—Постоянно ругать и сердиться на человѣка.
Утроба (утробистая)—Животъ, брюхо.

Ф.

Фортовый—Ловкій, бойкій, развязный человѣкъ.

Х.

Харпѣть, харпитъ—храпѣть.
Хлѣбоѣжь—жи.—Неработники въ семьи.
Хрястать.—Сильно колотить, стучать, ломать.
Хоркать—Производить звуки носомъ, признакъ бахвальства у пьяныхъ парней
Хвaститъ—Хвастаетъ, преувеличиваетъ что нибудь.
Хмелекъ-говорокъ у него—О человѣкѣ, отличающемся буйствомъ во хмѣлю.

Ц.

Цѣжъ, цижъ—Сокъ съ ягодъ черники или гоноболю.
Цѣвка—Веретено съ пряжею.

Ч.

Чалиться—Грозиться.
Черевунья—Поносъ.
Чертугъ—Вьюнъ рыба.

Ш.

Шкира—Кусокъ льда.
Шайма—Болотистое, топкое пространство, поросшее чахлымъ лѣсомъ.
Шайба.—Желѣзная пластина съ отверстіемъ, кладущаяся подъ гайку.
Шишлять—Медленно дѣлать что нибудь.

Я.

Ямный лѣсъ—Лѣсъ, приготовленный для пережиганія на уголья.
Ясна, ясны—Десны.
Ягарма—Высокая неуклюжая женщина.
Ястребуха—Незавившійся, неплотный кочанъ капусты.

Прозвища крестьянъ Южной части Череповецкаго уѣзда.

Анжуръ.
Безбрилъ.
Бродокъ.
Букарь.
Барузда.
Баганъ.
Барахта.
Галамъ.
Гаранъ.
Голохвастъ.
Галиба.
Гранюкъ.
Грахъ.
Дедюра.
Дрочень.
Егичъ.
Ероха.
Жохёръ.
Жупикъ.
Жанъ.
Зѣвунъ.
Заброда.
Забардай.
Кавача.
Коляза.
Корела.
Котосъ.
Каманя
Клечъ.
Каличъ.
Кляпышъ.
Капочъ.
Клюсъ.
Кезя.
Камиса.
Ковыка.
Кавай.
Крамсай.
Кисарь.
Команька.
Кунка.
Купачъ.
Крикаль.
Коколака.
Кукорь.
Карунъ.
Корхалъ.
Лязгунъ
Лохунъ.
Логунъ.
Лезя.
Мома.
Масай.
Маханъ.
Малѣй.
Матакъ.
Моротъ.
Матасъ.
Мелеганъ.
Ничага.
Орча.
Окома.
Отята.
Оханъ.
Ирченокъ.
Непостай.
Подсяхалъ.
Парсакъ.
Паршукъ.
Подаруй.
Плѣханъ.
Панко.
Поморъ.
Прынка.
Пакша.
Перзя.
Парышъ.
Рынпя.
Суёра.
Сентюръ.
Сигиренокъ.
Саленикъ.
Сельчиха.
Селяникъ.
Сочило.
Солка.
Самуня.
Сирка.
Туезокъ.
Тетюй.
Тюлюкъ.
Толмакъ.
Тарышъ.
Турнисъ.
Тодякъ.
Узикъ.
Фага.
Хабачъ.
Хабаль.
Халавенокъ.
Хахонъ.
Чикулай.
Чапа.
Шарга.
Шой.
Шелёпа
Шокъ.
Шоршень.
Шматокъ.
Шаликъ.
Шаханъ.
Шанило.
Шмакъ.
Широканъ.
Шитикъ.
Шкеня.
Щенюкъ.
Юрло.
Юкша.
Яруничъ.
Ячечуръ.

Сообщилъ Чл. Сотр. *М. К. Герасимовъ.*

С. Курилово, Черепов. уѣзда
10-го Октября 1898 г.

2. Слова Ладожскія.

Б.

Багагай, с. м.—Тотъ, кто громко говоритъ.

Баламу̀га, с. ж., т. ч. Баламу̀ть.

Балахлы̀стничать, гл. ср. т. ч. Балахлы̀стить.

Вàлчужный, пр. Возмутительный, дерзкій.

Варандà, с. ж. Болтунъ, говорящій пустое, вздорный.

Варандѝть, гл. ср. (сов. Забарандить), Говорить пустое.

Басары̀га, [1]) с. ж. 1) Рѣзвый мальчикъ. 2) Суетливый.

Бешлòтъ, с. м. Резервуаръ для сохраненія воды (при ладожскомъ и сясьскомъ каналахъ).

Бѝтвина, с. ж. Хлопоты, заботы.

Богодàнъ, а, о, пр. 1) Отецъ незаконнорожденнаго дитяти. 2) Теща въ отношеніи къ затю и на оборотъ. Въ лад. свад.» пѣснѣ: Ужъ ты, зять, ты, мой затюшко, богодано мое дитетко!... Ужъ ты, тешша, ты, тешша моя, богодана моя матушка!...

Боронà, с. ж. Говорящій некстати; говорящій о томъ, о чемъ слѣдовало молчать.

Боронѝть, гл. ср. (сов. Заборонѝть). Говорить не кстати.

Брю̀ньга, с. ж. (уменьш.—гушка). Крестная мать жениха. «Брюньгушка, сядь, красавица, сядь!»

Быкъ, с. м. Мысъ.

Бѣлу̀тки, с. м. мн. Глаза. Въ лад. нар. пѣснѣ: Его видно по бѣлуткамъ, что гуляе по межуткамъ.

В.

Вагàнъ, с. м. 1) Шалунъ. 2) Неосторожный.

Валàндаться, гл. вз. (сов. завалàндаться). Долго трудиться надъ чѣмъ нибуть. «Полно тебѣ валандаться-то съ платьемъ».

Валья̀жно, нар. Гордо, спѣсиво, важно. «Онъ вальяжно расхаживаетъ».

Валья̀жный, пр. Гордый, спѣсивый, важный.

Валыглàзый, пр. т. ч. Волыглàзъ.

Васѝха, с. ж. Женщина, нанявшаяся въ работу на судахъ, погонщица лошадей, употребляемыхъ для тяги судовъ.

Вату̀ла, с. ж. Человѣкъ, надѣвшій на себя много платья.

Велѝдовать, гл. д., Нѣжить, баловать;—ся—Нѣжиться. «Ужъ такъ-то она сына величаетъ. И покрасуйся, повелидуйся ты, моя голубушка!» Свад. причит.

Восà, с. ж. Оса. Vespa.

Воскресённой, аго с. м. Пастухъ, приходящій по воскреснымъ днямъ къ владѣльцамъ коровъ для сбора съ нихъ мелкой монеты или хлѣба.

Вту̀пори, нар. т. ч. Втàпора.

Вывичàть, гл. д. Взвѣшивать, высчитывать. «Онъ кажину крупиночку вывичаетъ».

Вы̀скидь, с. ж. т. ч. Вы̀скорь.

Вы̀сорить, гл. д. Освободить засоренную бечеву.

Вя̀ньга, с. ж. т. ч Вя̀нгало.

---

*) У словаковъ—bosorak., ж. bosorka—чародѣй, вѣдьма.—Слово д. б. иранское (Скиѳо-сарматское). Срв. ѳрак. βασσάραι, м. аз. βάκχαρις; Μάσαρις у Каріевъ—Діонисъ. (Tomaschek. Die alten Thraken. II. Die Sprachreste. Wien. 1893. Ss. 4—5. Βάσσαρος личное имя (ib. и Latyschev-Inscr. II, 169).

Г.

Галенёнокъ, с. м. т. ч. Галчёнокъ.

Гàли зв. пад. є. употр. при игрѣ въ прятки. Гàли, гàли! Палочку украли.

Гàлька, с. ум. отъ Гавріилъ.

Гàля т. ч. Гàлька.

Галя̀ма, с. ж. 1., Множество, куча. «Эку галяму ты дровъ-то приворотилъ!» 2., Большой ротъ. «Что ты галяму-ту растворилъ?»

Гарь, с. ж.—Густой лѣсъ.

Гдѝ-этамъ нар.—Гдѣ-то тамъ.

Годъ. Въ гòды идтить. - О крѣпостныхъ людяхъ: Наниматься къ кому-нибудь въ услуженіе на нѣсколько лѣтъ (5—7), съ тѣмъ, чтобы тотъ внесъ господину сумму, требуемую за выкупъ изъ крѣпостнаго состоянія.

Голова, с. ж.—Главный рѣчной порогъ, главный рубъ (см.). Въ ладожск. уѣздѣ, по Волхову двѣ такихъ головы: Велецкая голова (противъ деревни Вельцы) и Архангельская (противъ дер. Михаила Архангела, названной такъ по церкви).

Гòлови, с. ж.—Изголовье. «У тебя въ головяхъ-то ничего нѣтъ; ужо я положу тебѣ въ голови-та армякъ».

Головѝзня, с. ж.—Несоразмѣрно большая голова. «Эка головизня-то у него, а мозу мало».

Горѝлка, с. ж. Игра въ горѣлки. «Матушка Ѳедòра!... выйди за ворота... тамъ робята съ дѣвкамъ горилкой играютъ». Лад. нар. пѣсня.

Гỳзить, гл. ср. Течь не ровною струею; идти неравномѣрными шагами. «Самоваръ-то ужъ гузитъ, надо воды прибавить».

Д.

Даровòй столъ. Пиръ на второй день послѣ вѣнца, во время котораго молодые дарятъ всѣмъ поѣзжанамъ дàры.

Дѝлать любовь. Цѣловаться жениху съ невѣстою.

Дія̀нить, гл. ср. Комедіянить, ломаться, фиглярить, шутить.

Діянъ, с. м. Фигляръ, шутъ.

Досталя̀ть, гл. д. Доставать.

Достòйно, с. ср. Обрядъ обученія или рукобитья, совершаемый въ домѣ невѣсты и оканчивающійся тѣмъ, что священникъ читаетъ молитву «Достойно есть» и пр.

Дочѝ, [1]) зв. п. отъ Дочь. Въ пѣснѣ: «Скажутъ: гди, дочи, была?» Эта форма употр. и въ Новг. нарѣчіи, напр. въ пѣснѣ: «Для ночи, дочи, молчи!» Новг. нар. пѣсня.

Дрàжить, гл. д. т. ч. Дрàзнить.

Дранѝна, с. ж. Овсяная мука съ костицею.

Дрàнка. Набрать дранку ягодъ.—Набрать ягодъ столько, чтобъ масса ихъ закрыла первую отъ дна боковую лучину корзинки.

Дỳтникъ, с. м. Прѣсный ржаной сканецъ, на который наливается растворъ изъ гороховой муки.

Е.

Есаỳлъ, с. м. Острякъ; умѣющій разсмѣшить продѣлками, шалостями.

Есте, 3 л. наст. вр. ед. ч. отъ гл. быть. То-то и èсте (есть).

Ж.

Жестокàнный, пр. прев. ст. отъ Жѐсткій. «Ишь ты хлѣбъ-то перепекла, корка-то какая жестокàнная».

З.

Зàводь,—ина, с. ж. Мшистый бугоръ въ лѣсу на которомъ растетъ какое нибудь дерево (чаще березнякъ).

---

[1]) Срв. по слав. (болг. серб.) голѣм, голям, гулям большой [2]) Дочѝ древне рус.-древне слав. дъщи.

Зàводьё, с. ср. Мѣсто, покрытое заводями. Подберезовики больше растутъ по заводью, а подосиновики—на бору.
Загулящій, пр. т. ч. Загульчивый.
Зàкидь, с. ж. Колъ, употребляемый вмѣсто замка для запиранія дверей въ чуланахъ. Одинъ конецъ кола утверждается нѣсколько вдали отъ двери, въ полу чулана, а другой привѣшивается надъ дверью на веревкѣ, пропущенной съ вышки чрезъ потолокъ чулана. По закрытіи двери этотъ послѣдній конецъ кола, при помощи веревки, опускаютъ такъ, что онъ упирается въ дверь чулана, и попытка отворить ее дѣлается невозможною.
Закòнки, с. м. мн. Заоконье. «Лазырь, ты, Лазырь! По закòнкамъ лазай». Обр. пѣсня въ Лазареву субботу.
Зàпечекъ, с. м. Все пространство отъ окна до печи.
Зàпечный, пр. Находящійся противъ печи. Зàпечное окно.
Засталять, гл. д. Заставать.
Затѝмить, гл. ср. т. ч. Затѐмить.
Зàхвощёвникъ, с. м. Мѣсто, менѣе вязкое, чѣмъ хвощёвникъ.
Зюринька, зюрка, с. ж. т. ч. Зюшка.

И.

Ивàнь-день, Ивановъ день. Объ Ивàнѣ-дни пойдемъ-те въ Иванской островъ (деревня около Ст. Ладоги) на праздникъ.
Идтѝть, гл. ср. Идти.
Издòтчина, с. ж. т. ч. Издòтчество.
Испухлять, гл. д. Взмохнатить, взъерошить, растрепать. Въ пѣснѣ: «Русыя кудёрушки взяла испухляла».
Исхòжа, с. ж. Пастбище, мѣсто, куда выгоняютъ скотъ на траву.

К.

Казàчество, с. ср. Въ свад. причитаньяхъ: Замужняя жизнь дѣвицы.
Канàвушка, с. ж. Канàльюшка.
Кàнушки. Игра въ пятнашки.
Каравòдиться (съ кѣмъ) гл. возвр. Хлопотать около кого нибудь, заботиться о комъ; волочиться за кѣмъ.
Картофка, Картòфья, с. ж. Картофель.
Кляпцы, с. т. ч. Клёпцы.
Кобыла, с. ж. Плотъ, имѣющій съ одной стороны въ длину видъ остраго угла и употребляемый на ладожскомъ каналѣ раннею весною и позднею осенью для пробиванія тонкаго льда, чтобъ дать проѣздъ судамъ.
Ковòкаться, гл. Упрямиться.
Кокòра, с. ж. Неуклюжій, неповоротливый.
Кòкышъ, с. м. Внутренность рыбы, рыбій потрохъ.
Коледъ, с. ж. Лазарева Суббота.
Кондрàтъ, с. м. Собратъ, сотоварищъ. «Буде(тъ) братъ, буде(тъ) сватъ, буде(тъ) Мишенька кондратъ». Лад. нар. пѣсня, которую поютъ и въ Новг. губ.
Конецпòлье, с. ср. Береговая равнина при Ладожскомъ озерѣ, примыкающая къ лѣсу въ Новой Ладогѣ.
Конопѐлька, с. ж. Скамья со спинкою и боковыми ручками.
Коромысло, с. ср. Коростель, дергачъ.
Копылъ. «Два брата—копылъ да лопата», говорятъ о разнохарактерныхъ братьяхъ.
Косѝвчастый, пр. т. ч. Косящатый.
Кошѐльки, с. Спина. «Садись на кошѐлки, я понесу тебя».
Крестòвикъ, с. м. Западный вѣтръ.
Крестонòсецъ, с. м. Несущій икону во время Пасхи, когда причтъ посѣщаетъ прихожанъ. Крестоносцы не принадлежатъ къ составу причта, а выбираются изъ при-

хожанъ и за трудъ ношенія иконъ получаютъ отъ хозяевъ посѣщаемыхъ домовъ яица.

Кривой столъ—Накрытый для обѣда или ужина столъ, на которомъ не поставлена солонка.

Кричина, с. ж. Льдина. Изъ сопоставленія словъ крига, (крика?) кричина и крица съ достовѣрностію можно заключить, что всѣ три принадлежатъ къ одному семейству, и. т. какъ въ «Толковомъ словарѣ» г. Даля слова крига разъединены.

Кровавикъ, с. м. Такъ называютъ около-староладожскіе жители ручей, находящійся за три версты отъ ст.-лад. Рюриковой крѣпости, вверхъ по теченію р. Волхова.

Кропаши, с. м. Пироги, начиненные чѣмъ придется.

Кунка, с. ж. Кружка, изъ которой пьютъ вино.

Курва, с. ж. Шельмовка, плутовка, негодяйка.

Кусолбничать, гл. ср. т. ч. Кусовничать въ 1 знач.

Л.

Лободыръ, с. м. Этимъ словомъ шуточно называютъ всѣхъ бурлаковъ на Ладожскомъ каналѣ. «Эй ты, лободыръ! Дѣдушка Прохоръ тебѣ письмецо прислалъ. Эй ты, лободыръ! Теленка съ подковамъ(и) съѣлъ. Эй вы, лободыры! Что это васъ семеро тянетъ, а ни одинъ не храмлетъ?»

Лудога. 1) Въ «Толковомъ словарѣ» г. Даля означено: «Рыба сигъ со Птинаго-носа, на Ладожскомъ озерѣ», и. т. (намъ) извѣстно, что Лудогою называется сигъ, пойманный у Птинаго-носа не во всякое время, а только во время лучшихъ улововъ, а это бываетъ тогда, когда сиги мечутъ икру, т. е. трутся о луду. Поэтому слово Лудога имѣетъ и другое значеніе: 2) время лучшей ловли сиговъ на Птиновѣ (Рыбаки называютъ Птиный-носъ просто Птиновомъ). «Поѣхать на лудогу».

Льяло, с. ср. 1) о гонкахъ: Пространство между двумя счаленными плотами 2) Вообще узкій проходъ между двумя судами. «Держи во льяло!» значитъ: Направляй судно такъ, чтобъ оно прошло между двухъ напротивъ идущихъ судовъ.

Лѣси, Лиси, употр. въ вин. и пр. пад. «Пойдемъ въ лѣси. Онъ заблудился въ лисяхъ».

Любовный пр. Любимый. Въ свад. причитаньяхъ: «Какъ пойдете, красны дѣвушки, на любовную работушку, на купецьки славны барочки» и пр.

М.

Маньша, с. ж. т. ч. Манила.

Медяница, с. ж. т. ч. Медуница.

Милька, Миля, с. м. уменш. отъ Микола—Николай. «Молись Богу! Микола въ путь!» кричатъ лоцманы судовъ, отчалившихъ отъ ладожскихъ пристаней. Здѣсь Миколою назыв. Николай Чудотворецъ.

Молёкъ, с. м. т. ч. Моль во 2 знач.

Молодеханный,—хонный,—ханненькій,—хонненькій пр. Весьма молодой.

Молодиться гл. возвр. Цѣловаться молодой четѣ во время княжого стола (см.), когда кричатъ: «горько! криво!».

Мотошно, нар. Неловко, неудобно, безпокойно.

Мохтать, гл. д. Мохнатить, взъерошивать. «Онъ смохталъ мни волосы».

Мулычка, с. ж. 1) Рукоятки на правилѣ. 2) Палочка, длиною вершка въ 3, прикрѣпленная по срединѣ веревкою къ упряжи лошади, назначенной для тяги судовъ. На мулычку притягивается бечева, конецъ которой для этой цѣли дѣлается петлею.

Муслиндинъ, с. м. Тонкая кисея. Mousseline de lin.

Н.

Наснадѣвать (на кого) гл. ср. Надѣть на кого много платья. «Ишь ты наснадѣвали на тебя,—настоящій Олёша Букъ».

Недарова Божья! т. ч. Недарово.

Недоскитить, гл. ср. Неумѣть, не смыслить.

Нешшерка, с. ж. Ящерица. Lacerta. «Поимать нешшерку и зажать въ розщепицѣ, а

розщепицу приткнуть къ матицѣ: нешшерка засохнетъ и клопы въ избѣ засохнутъ». Лад. повѣрье.

О.

Обáдать, гл. д. Окружить, напасть со всѣхъ сторонъ, безпокоить отвсюду. «Мухи меня обадали».

Обакýла, с. м. Плутъ, обманщикъ.

Обакýлить, гл. д. Обмануть. «Нѣтъ, братъ, его не обакýлишь».

Обáкша, с. ж. Хохотунъ, кто часто и громко хохочетъ.

Обормóтъ, с. м. Оборванецъ, ходящій въ оборванномъ платьѣ, неопрятный.

Образúна, с. ж. Рожа, харя (Бранное слово).

Обулы́ндѣть гл. ср. т. ч. Обулычить.

Обчій, пр. Общій. «Мы ѣхали въ обчéй каюты(ѣ)».

Одúнъ-си числ. Совершенно одинъ.

Омегъ, с. м. Человѣкъ, причиняющій досаду (Бранное слово).

Осерёдъ, нар. уп. вм. предл. Среди, посреди. «Осередъ поля чистаго».

Острóвки, окъ, с., уп. только во мн. Островъ, находящійся почти противъ самаго города Новой Ладоги и раздѣляющій р. Волховъ на два рукава.

Отдáть, гл. д.; употр. и въ знач. средн. О бечевѣ: Остановить лошадь, которая тянетъ судно, такъ чтобъ бечева частію легла на земь, а частію опустилась въ воду, подъ судно, идущее напротивъ. Когда встрѣчное судно прошло, то, по крику лоцмана «вынóсь!», погонщикъ выноситъ бечеву, т. е снова натягиваетъ ее въ струну и т. обр. опять даетъ ходъ судну. На ладожскомъ каналѣ, при встрѣчѣ двухъ судовъ, идущихъ съ противоположныхъ сторонъ, по заведенному обычаю, судно, идущее въ Петербургъ, отдаетъ бечеву предъ судномъ, плывущимъ изъ Петербурга.

Óтплáкы(и)вать (кому) гл. ср. Выражать скорбь причитаньемъ на заплачкѣ. Оплакивать отцу, матери—оплакивать свое горе (будущее замужество) предъ отцомъ, матерью. «Отплакывать дивочеству»—оплакивать дѣвство.

Отрокостель, с. м. Отростокъ. «1829-го года, Іюля 20-го дня, пополудни въ четвертомъ часу (въ Новой Ладогѣ) была погода..... и градомъ необыкновенной величины, въ разномъ видѣ: иной..... въ копейку и въ грошъ... плоскій съ отрокостелями на подобіе звѣзды—во многихъ мѣстахъ разбило стекла». Изъ дневника кореннаго Ладожанина.

Отры́снуь, гл. ср. Отплыть, отъѣхать подалѣе (на суднѣ, лодкѣ).

Отсóрить гл. ср. т. ч. Вы́сорить.

Охвóта, с. ж. Охóта. Охвота пуще неволи.

Охвóчь, пр. Пристрастный къ чему, особенно любящій что нибудь. «Ваши парни охвочи гулять, а не охвочи работать».

Охнéя, с. ж. 1) Большая куча чего нибудь. «Эку охинею воды-то сдержалъ ты»! 2) Безсмы́слица, чепуха. «Ну! занесъ охинею!»

П.

Парýха, с. ж. 1) Разсѣлина, образующаяся каждую зиму во льду ладожскаго озера по юго-восточной сторонѣ (а м. быть и по другимъ сторонамъ) его, верстахъ въ 2—4 отъ берега, ширина которой измѣняется сообразно съ градусами температуры. Паруха служитъ в. нагляднымъ явленіемъ сжимаемости тѣлъ отъ тепла. 2) Загнившее яблоко. 3) Курица насѣдка.

Паськія лодки.—Родъ небольшихъ легкихъ судовъ, которыя строятся на р. Пашѣ. Онѣ отличаются отъ другихъ тѣмъ, что не сбиваются желѣзными скобками, гвоздями и т. п., а сшиваются древесными прутьями.

Первúлики. «Первúлики, другúлики, на лóкоти котúлики, пятьсóтъ судія́, панамáрь Марія́, Кáтерина кошка—за море пала, что приказала? Стýпу, лопáту, корóву горбáту, мѣсяцъ-зáяцъ вы́рвалъ трáвку, пóложилъ на лáвку—кто взялъ?—Я взилъ, тýрой, бýрой, тýхтарь, бýхтарь вонъ помелъ!» Этотъ приговоръ употр. въ лад. уѣздѣ

дѣтьми во время игры въ сорóку (см.). Когда станутъ въ кружокъ желающіе играть, то одинъ изъ нихъ, приговаривая означенныя слова, при каждомъ отдѣльномъ словѣ указываетъ на отдѣльнаго товарища, и на кого попадетъ слово «пошелъ», тому слѣдуетъ «наводить», т. е. искать прочихъ. «Первилики другилики, на кóломи, на ѐломи, на Божьёй росы, на попóвой полосы—чашки, плóшки, медóкъ сластóкъ—выйди вонъ, королекъ!»

Пѐрво-нáперво, напр. прежде всего.

Перевостыливать, гл. ср. Проводить время въ пустой болтовнѣ, шутить для препровожденія времени.

Перемётная сýмка—Непостоянный, безхарактерный человѣкъ.

П è р я. «Пéря, нѐря, сýгу, лýгу, пя́та, сóта, ѝва, дуба—хрёстъ—деревянной гвоздь!» Приговоръ, употр. при игрѣ въ сорóку.

Пестрóха. с. 1) Пестрая корова. 2) Шуточное прозвище бурлаковъ, гоняющихъ барки.

Петрóвшина,—нка, с. ж. Скоромные съѣстные припасы (творогъ, яица, масло), которые даются владѣльцами коровъ пастухамъ, а также подаются и нищимъ въ началѣ розговѣнья послѣ Петрова поста.

Пигáнко, с. м. Пѣгая лошадь.

Пѝстунья, с. ж. т. ч. Пѣстунья.

Пишнà, с. ж. Ломъ желѣзный.

Повóдный, пр. О лошадяхъ: послушный, смирный, слушающійся повода.

Подзáстрѣшный, пр. 1) Скатывающійся со стрѣхи, съ кровли. Подзастрѣшную воду неси для стирки! 2) Находящійся подъ зáстрѣхою. Подзáстрѣшная кадка.

Подзатерѐбьё, с. ср. Мѣсто, менѣе чѣмъ теребà, покрытое мшистыми бугорками.

Подлипáло, с. м. Льстецъ.

Пóдрубъ, с. м. Мѣсто подъ рубомъ, гдѣ останавливаются сиги для того, чтобъ, поотдохнувъ здѣсь, переплыть чрезъ рубъ. Этимъ обстоятельстомъ пользуются рыбаки и сачатъ сиговъ въ подрубѣ (въ волх. арх. порогахъ).

Подсѝньё, т. ч. Подсѣнникъ.

Пóжня, с. ж.—онка.—Лужайка въ лѣсу; поле, пущенное подъ сѣнокосъ. «Ни на гладкіихъ на пожонкахъ, ни на продóльніихъ полосынькахъ не услышите моего звонка голоса соловьинаго». Свад. причатанья.

Позáриться, гл. возвр. с. в. отъ зáриться. Позавидовать, пожелать имѣть что-нибудь чужое. «И на мой-то сарафанъ ты позарилась».

Пóиздъ княженѐцкій. Свадебный поѣздъ.

Поклáдный, пр. Послушный.

Полудѐнникъ, с. м. Южный вѣтръ.

Помáхнуть, гл. ср. Быть похожимъ на кого. «Охти-мнѝчушки, какъ моя кузавейка помáхнетъ на твою!»

По-нáсередки нар. На зло, съ досады, по злобѣ.

По-прѝмитямъ, нар. По-замѣчанію, какъ можно замѣтить. По примитямъ--будетъ дождь.

Порученѝца, с. ж. Невѣста отъ достойна до свадьбы.

Пóручи, ей с. ж. Нарукавники, запястья, дѣлаемыя изъ матеріи (женская одежда, выходящая уже изъ употребленія).

Порядóвный, пр. Поряду живущій, занимающій въ ряду другихъ опредѣленное мѣсто, эпитетъ сосѣда въ нар. пѣсняхъ Лад. уѣзда. «Благословите, люди добрые да вси сусиди порядовные».

Посóминка, с. ж. уменьш. «Кровелька. Вѣтры буйные, холодные! Вы снесите... со хорóминки посóминку! Лад. причит.

Потеря́й-красý. Эпитетъ сватьи.

Потягóта, с. ж. Состояніе вытягивающагося, желаніе потянуться. «Эка лѣнь-потягóта напала на насъ»!

Похвальбà, с. ж. Хвастовство, дѣйствіе хвастающагося.

Правѝло, с. ср. Весло съ болѣе широкою лопастью, чѣмъ гребныя весла, имѣющее мулы́чку и служащее на маленькихъ лодкахъ вмѣсто руля, а на челнѣ правило замѣняетъ собою и гребныя весла и руль.

Празуми́нтъ, с. м. «Хлѣба, сѣна нѣту, въ Ладогу къ обѣду (т. е. поспѣваемъ)—ѣсть штѝ съ празуминтамъ». Этими словами на Ладожскомъ каналѣ бурлаки разныхъ мѣстностей характеризуютъ шуточно гѐворъ Ладожанъ, дѣйствительно замѣчательный сохраненіемъ древненовгородскаго *и=ѣ*. Празуминтомъ, т. е. позументомъ здѣсь шуточно называется жиръ или сало, которое плаваетъ на поверхности щей.

Претѝть (сов. попретѝть) гл. ср. Чувствовать приторность, тошноту, позывъ къ рвотѣ. «Кушай въ аппетитъ, пока не попретитъ», т. е. не появится тошнота, совершенное отвращеніе къ пищѣ.

Призайвинѣть, гл. ср. Потемнѣть, потускнуть, слегка заржавѣть. «Ужъ какъ золото пропало... призаивинило». Изъ пѣсни, которую поютъ, когда хорòнятъ золото.

Примàрило, гл. безл. Клонитъ ко сну, дремлется.

Прѝперетокъ, с. м. Особое отдѣленіе при банѣ, въ которомъ раздѣваются и одѣваются.

Прирòда, с. ж. т. ч. Прѝродь.

Притỳлище, с. ср. т. ч. Притỳлье.

Прѝчеть, с. ж. т. ч. Причитàнье. «Молча прѝччети не высказать». Изъ свад. причит.

Причитàнье, с. ср. 1) Дѣйствіе причитающей (на заплачкѣ, могилѣ). 2) Особый видъ народной лирической поэзіи.

Причитàть, гл. ср. Плакать голосомъ или нàголосъ, плачевными мотивами разсказывать чувства, волнующія душу.

Прогàлина, с. ж. Глубокая трещина, ниша. «Въ Рюриковой крѣпости есть прогàлины».

Прозаклàдать, гл. д. Отдать кому что вслѣдствіе договора, рукобитья. «Ужъ какъ пропили да прозаклàдали мою буйную головушку». Лад. свад. причит.

Прòлуба, с. ж. Прорубь во льду. «Шуба новà, на подòли дыра, и видно вода»—на льду, покрытомъ бѣлымъ снѣгомъ—прорубь (Загадка).

Прòрва, с. ж. Обжора (Бранное слово).

Прорỳха, с. ж. Дѣвица, потерявшая невинность.

Простофѝля, с. м. Дураковатый, простоватый человѣкъ.

Р.

Радѝмьё, с. ср.—ьицо. Доброе расположеніе, благожеланіе.

Рàйна, с. ж. Колъ, служащій къ распоряженію боковаго паруса. Онъ идетъ діагонально въ отношеніи къ четвероугольнику паруса, прикрѣпляясь нижнимъ концомъ къ мачтѣ.

Рамадà, с. ж. Пасмурная, туманная погода съ мелкимъ дождемъ. «На улицы(ѣ) рамада, рамада; Жена мужа продала, продала». Лад. нар. пѣсня.

Ребинники, с. м. Шуточное названіе бурлаковъ, которые тянутъ караванныя барки по Ладожск. каналу.

Ржавѝ, мн. ч. ср. р. Хлѣбà, различные сорты колосовыхъ растеній на корню.

Рѝжаникъ, с. ср. Духъ, хранящій ригу.

Рѝпка и Парамòшка.—По темнымъ мѣстнымъ преданіямъ, два разбойника—колдуна которые когда-то производили грабежъ около Ладоги, и для лучшихъ успѣховъ въ постыдномъ ремеслѣ своемъ, употребляли въ дѣло чародѣйственную силу.

Ричàе, нар. ср. мн. Глубже, далѣе отъ берега, ближе къ срединѣ рѣки, канала.

Розбезсчàстный, пр. Весьма несчастный. «Розбезсчастна сиротинушка».

Розногỳбый, пр. Проливающій мимо губъ во время питья.

Рòзсыпь, с. ж. Украшенія на краяхъ матерчатыхъ вещей. «Полотенце съ розсыпью»

Розщѝпица, с. ж. Лучина, одинъ конецъ которой расщепленъ на двѣ части. Дѣти пользуются розщипицею какъ пращею, вкладывая въ разщепъ камышекъ и потомъ сильно выбрасывая его посредствомъ взмаха розщипицы.

Рòпотъ, с. м. Бесѣда не вслухъ, тихій разговоръ.

Росàда, с. ж. Молодая, еще не начинавшая завиваться въ кочны, капуста.

Рỳбша 1) Струя воды въ рѣкѣ или въ озерѣ, текущая быстрѣе прочихъ струй. 2) Пѣна отъ Волховскихъ пороговъ.

Рỳбъ, с. м. Всякій отдѣльный порогъ на р. Волховѣ (въ Архангел. порогахъ).

Рудонòсный, пр. Эпитетъ земли въ мѣстн. нар. поэзіи. «Вы завѣйте, витры буйные со полуденной сторонушки, разнесите-ко со могилушки жолты пиcки, всю земельку рудоносную».

С.

Самъ-трè. Шуточное названіе русскаго листового табаку, извѣстнаго подъ именемъ махорки.

Свинѝнникъ, с. м. Круглый ржаной или пшеничный пирогъ, начиненный свининою и гречневой кашей.

Свѣтокъ, с. м. Замаскированный. «Охти-миничушки, свѣтки идутъ».

Сѐвечоръ, нар. Сегодня вечеромъ.

Сѐзимы, нар. Въ эту зиму.

Середòвикъ, с. м.—вка, с. ж. Такое названіе дается различнымъ предметамъ домашняго хозяйства, среднимъ между другими по величинѣ. «Горшокъ середòвикъ. Латка середòвка».

Сиголòвъ, с. м. Время, въ которое сиги лучше ловятся и бываютъ обыкновенно крупнѣе, чѣмъ во всякое другое время.

Сиголòвный, пр. Относящійся къ сиголову.

Сигострѣлъ, с. м. Шуточное прозвище Ладожанъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ занимается ловлею» сиговъ или прасольствомъ, т. е. перекупкою у рыбаковъ и доставкою сиговъ въ свѣжемъ или соленомъ видѣ въ Петербургъ.

Сикотàва, с. ж. т. ч. Сектỳнъ и сектỳнья.

Сикотàть, сл. ср. т. ч. Сектать.

Синтиньтю̀ръ, с. м. Турецкій атласъ. Satin turc.

Скàтный, пр. О жемчугѣ: богатый, великолѣпный, крупный.

Склезнỳть. гл. ср. Ускользнуть, соскользнуть.

Склеснỳть, гл. ср. Схлестнуть. «Самъ полковничекъ онъ рукамъ склеснулъ». Изъ лад. нар. пѣсни.

Склѝзкій. пр. (склизко нар.) Скользкій.

Скобà, с. ж. 1) Тяга, ручка у дверей, 2) скупой, жадный до денегъ человѣкъ. «Эка ты скоба; копѣйки не прокинешь даромъ».

Скòльки—тòльки. Сколько—столько.

Скреботѐнь, с. ж. Скребня, дѣйствіе скребущаго(ся).

Слѝпень, с. м. Слѣпень.

Солоноворòтъ, с. ж. Поворотъ солнца съ зимы на лѣто. «Спиридоновъ солоноворотъ»—день, въ который празднуется память Св. Спиридону Тримиѳунтскому (12-го Декабря).

Сòрока, с. ж. Игра въ прятки. «Сòрока, сòрока! Нѣту никого!»—кричатъ дѣти наводящему, когда спрячутся. Отсюда и названіе самой игры.

Сполàдить, гл. д. сов. Сдѣлать, сработать. «Какъ не умны были плотники...., высоки крыльцы споладили». Лад. нар. причит.

Стопà,—очка, с. ж. Пивная кружка, стаканъ.

Судàрушка, с. ж. Любовница.

Сумòра, с. ж. 1) Большая глыба льду, образующаяся при напорѣ одной массы льда на другую. 2) Человѣкъ, мѣшающій дѣлать что-нибудь, тотъ, кто толчется въ ногахъ.

Сутòрить, гл. ср. Мѣшать дѣлу, толкаться въ ногахъ, тереться межъ другими.

Считàться (сов. посчитàться) гл. возвр. Ссориться, браниться.

Съѣздъ, с. ж. Възъѣздъ или спускъ при крестьянскихъ сѣнникахъ.

Сѣмя̀нки, с. ж. мн. Огородная овощь, пущенная въ стволъ для сѣмени. Свекольныя, капустныя сѣмянки.

Сѣнню̀ха и Синнỳха, с. ж. Барка, нагруженная сѣномъ.

Т.

Тàйбола, с. ж. Невѣжда.

Талàнить, гл. ср. (сов. заталàнить). 1) Поварачивать лопасть весла такъ, чтобъ лодка уклонилась въ сторону отъ даннаго ей греблею направленія. 2) Т. ч. Рулить.

Талодỳшный т. ч. Талоутрòбный.

Тепловòе, пр. уп. вм. сущ. 1) Ночлегъ на станціи. 2) Плата за ночлегъ.

Тереба̀, с. м. мн. ч. Мѣсто, покрытое мшистыми кочками, на которыхъ по мѣстамъ пробивается кустарникъ; опушка лѣса.

Терплѐньё, с. ср. Терпѣніе.

Тòнь-бы, союзъ. Чтобы-не. «Тонь бы теби праведно владить» говорятъ присвоившимъ чужое.

Топну̀шка, с. ж. Глиняный сосудъ съ носочкомъ, въ которомъ держатъ масло.

Топучи̇̀на, с. ж. Топкое, вязкое мѣсто.

Тòрнуть гл. ср. О рыбной ловлѣ пои(ѣ)здомъ (сѣть): Дернуть, клюнуть.

Треложить гл. д. (сов. по-рос-с-трелòжить). Тревожить.

Трòски, с. ж. Выжимки изъ кисельнаго раствора.

Трупѐрда, с. ж. 1) Женщина неповоротливая, 2) корова непослушная.

Ту̀тзди, нар. Кой-гдѣ, весьма мало. «Въ маленькомъ лѣску нонечь ту̀тзди ягодина».

Ту̀тошній, пр. Здѣшній.

Тѣ̀и мѣст. ук. мн. ч. Тѣ. «Ужъ я тѣи брала камышки»... Лад. нар. пѣсня.

У.

Убра̀ться, гл. ср. Умереть.

Удоробьё, с. ср. Дуракъ, безтолковый, вялый, безжизненный.

Уздипать, гл. д. Пачкать, мазать, грязнить. «Погляди-ко, какъ ты зауздипалъ рукава-то». «Уздипать ложкою—знач». Нечинно, нескромно хлебать поданное къ столу, чаще другихъ черпать ложкою кушанье изъ общей чаши.

Уключина, с. ж. Рогатка, въ которую вставляется гребное весло.

Умница, с. ж. Дѣвица.

Упоки, с. мн. Сапоги.

Усоба̀ливать, гл. ср. Говорить грубости, дерзости.

Х.

Хвощòвникъ, с. м Вязкое мѣсто въ лѣсу.

Хлѐбцы, с. м. мн. Цвѣты клевера.

Хорòмина, с. ж. Строеніе, зданіе вообще.

Хорòмы, с. ж. 1) Большая изба, большое зданіе. 2) Употр. и въ значеніи строенія вообще.

Ц.

Ца̀цы—Украшенія на полотенцахъ и простыняхъ, а также и на женскихъ рубахахъ, въ видѣ вышитыхъ пѣтуховъ и деревъ.

Ч.

Частеха̀ненькій,—хòненькій, пр. Весьма частый.

Частёхонько нар. Весьма часто.

Чербàкъ. Цѣлова̀льникъ, прикащикъ въ питейномъ домѣ. Въ пѣснѣ: «Во Шахновѣ кабаки—тамъ молòды чербакѝ».

Черемни̇̀ца, т. ч. Черемну̀шки.

Чесова̀ться, гл. ср. Быть въ тревожномъ ожиданіи.

Чи̇̀черъ. с. м. Тасканье за волосы за неприличныя выходки въ компаніи. «Чи̇̀черъ-я̀черъ! Собирайтесь на̀ вечеръ; кто не будетъ на пиру, тому волосы дерутъ». «Кокъ или вилы въ бокъ?»—Кокъ (бьютъ кулакомъ по затылку или головѣ).—Ви̇̀лы въ бокъ (бьютъ кулакомъ пò-боку). «Кочана или пирога̀?» Кочана.—Снова почала̀: Чичеръ» и пр. «Пирога.—Мука дорога: Чичеръ и пр. «Смерти или живота?—Смерти» (Вся компанія наваливается на провинившагося и мнетъ его).—Живота (всякій—по кулаку въ спину). Тасканье продолжается до 3-хъ разъ.

Чугу̀нка, с. ж. Желѣзная дорога.

Ш.

Ши̇̀шелъ. «Яблочко кати̇̀лось кругъ угорòда, кто его поднялъ тотъ воевòдъ, воеводскій сынъ. Шишелъ-вышелъ, вонъ пошелъ». Приговоръ этотъ употребляется дѣтьми при различныхъ играхъ, для опредѣленія того, кому н а в о д и т ь.

1865 года. *Николай Кедровъ.*

Нѣкоторыя лѣкарственныя растенія, употребляемыя простымъ народомъ Курской губ.

(Матеріалъ для исторіи народной медицины Курской губ.).

Въ деревнѣ, въ глуши, нашему простому народу, не имѣя подъ рукою ни врача ни даже фельдшера, зачастую приходится лѣчиться домашними средствами, извѣстными у насъ подъ названіемъ лѣкарствъ народной медицины.

Въ 1894 году, по обязанностямъ службы, мнѣ пришлось побывать въ лѣсахъ многихъ уѣздовъ Курской губерніи, а потому, воспользовавшись этимъ, я, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался собрать свѣдѣнія о лѣкарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ простымъ народомъ.

Руководствуясь, извѣстнымъ изрѣченіемъ, что natura sanat, medicus curat morbos, я полагаю, неизлишнимъ будетъ для исторіи медицины Курской губерніи и тотъ небольшой списокъ лѣкарственныхъ растеній, который мнѣ удалось собрать. Мой списокъ не претендуетъ на полноту, такъ какъ я записывалъ только то, что представилось возможнымъ для меня въ самое короткое время и среди исполненія весьма срочныхъ обязанностей службы. Я очень радъ буду, если мой слабый опытъ вызоветъ продолженіе собиранія подобнаго матеріала.

Списокъ лѣкарственныхъ растеній.

1. Бѣлоголовецъ, деревей,—тысячелистникъ. Achillea Millefolium. L. Растетъ по окраинамъ лѣсовъ, на лугахъ, поляхъ, при дорогахъ, на твердой почвѣ; цвѣтетъ съ конца мая по августъ. Настой тысячелистника дѣлаютъ на водкѣ и даютъ по рюмкѣ при страданіяхъ желудка раза три—четыре въ день.

2. Неежа, вередовецъ, василистикъ желтый. Thalictrum flavum. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ. между лозою, по краямъ болотъ, въ кустарникахъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни неежи, настоенные на водѣ (на бутылку отвара воды шесть золотниковъ корня), даютъ при отсутствіи мѣсячныхъ очищеній; употребляютъ три раза въ день по большой рюмкѣ.

3. Горицвѣтъ, весенній адонисъ. Adonis vernalis. L. Растетъ на открытыхъ, невоздѣланныхъ мѣстахъ, преимущественно, съ известковымъ грунтомъ, цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ, какъ мочегонное средство при водяной болѣзни. Также въ небольшихъ дозахъ, по двадцати капель настоя на водкѣ даютъ при лихорадочной болѣзни.

4. Крейдовникъ, полевой чеснокъ, сѣдникъ, паклунъ. Teucrium polium. L. Растетъ на возвышенныхъ мѣловыхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Издаетъ запахъ чеснока. Употребляютъ какъ противо-скорбутное средство, для чего жуютъ корни растенія; а равно отъ глистовъ поятъ дѣтей отваромъ.

5. Глухая крапива, пустырникъ обыкновенный. Leonorus cardiaca. L. Сор-

ное растеніе; попадается на всякой почвѣ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ листьевъ употребляютъ отъ лихорадки; а равно изо всего растенія дѣлаютъ ванны для страдающихъ женскими болѣзнями.

6. Мохнатка, воловикъ. Anchusa ochroleuca. L. Растетъ на глинистыхъ мѣстахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой листьевъ на водкѣ отъ желудочныхъ страданій.

7. Собачья рожа полевая. Zavatera thuringiaca. L. Растетъ на невоздѣланныхъ сухихъ мѣстахъ и между кустарниками. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Цвѣты растеній употребляютъ при остромъ отекѣ гортани.

8. Колючки, синецъ, синякъ. Echium vulgare. L. Придорожное растеніе; любитъ сухую и песчаную почву. Цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Цвѣты употребляютъ въ видѣ настоя при желудочныхъ страданіяхъ.

9. Пѣвникъ, веснянка, черное зелье, зозулины, черевички, лѣсной черный горошекъ. Orobus niger. L. Растетъ въ рощахъ и лѣсахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. При женскихъ болѣзняхъ приготовляютъ ванны, а также поятъ отваромъ. Для отвара берутъ десять золотниковъ сухой травы, а для одной ванны—отъ двухъ до трехъ фунтовъ той же травы.

10. Липчица, пирошница, подмаренникъ, геморойная трава. Galium aparine. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ, подъ плетнями; цвѣтетъ въ іюнѣ. Траву настаиваютъ на водкѣ и пьютъ отъ кроваваго поноса и геморя, а равно употребляютъ, какъ полосканье при болѣзняхъ горла.

11. Вобовникъ, вахта, водяной трилистникъ. Menyanthus trifoliata. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ, вблизи рѣкъ и озеръ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ сокъ изъ свѣжихъ листьевъ при кашлѣ, удушьи, лихорадкѣ и глистахъ.

12. Котовикъ, котянка, кошачья мята. Nepeta Cataria. L. Растетъ около заборовъ, въ сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Даютъ отваръ кошачьей мяты внутрь и приготовляютъ ванны при задержаніи менструацін и дѣвичьей немочи.

13. Писклюква, паслепъ. Solanum nigrum. L. Растетъ на бакчахъ, огородахъ и вообще обработанныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ при ревматическихъ боляхъ, обкладывая страдающія мѣста свѣжими листьями.

14. Чемерникъ, чемерка, бѣлая луговая чемерица. Veratrum album. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ, преимущественно, лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отвары употребляютъ для истребленія паразитовъ.

15. Раковыя шейки, змѣевикъ. Poligonia Bistoria. L. Встрѣчается на лугахъ и вообще на мѣстахъ, изобилующихъ влагой; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни змѣевика употребляются какъ вяжущее средство. На бутылку отвара берутъ пять золотниковъ сухаго корня.

16) Деревянка, завязка, завязникъ, узикъ стоячій. Tormentilla erecta. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ лѣсовъ; цвѣтетъ въ августѣ. Корень узика даютъ внутрь отъ желудочныхъ страданій.

17. Любка, болотный пѣтушокъ, ятрышникъ. Orchis militaris. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Корень употребляютъ, какъ возбуждающее средство.

18. Лепиха, иръ, аиръ. Acorus Calamus. L. Растетъ на болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Купаютъ въ ваннѣ дѣтей, одержимыхъ сухоткою; а равно присыпаютъ застарѣлыя язвы порошкомъ.

19. Сердечникъ, сердушникъ, золотысячникъ, краснянка. Erythracea Centaurium Pers.. Растетъ на сухихъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ отваръ: на бутылку воды пять золотниковъ сухаго растенія при дѣвичьей немочи, лихорадкѣ и кашлѣ.

20, Рябинка, пижмо, пижма. Tanacetum vulgare. L. Растетъ на сухомъ мѣстѣ, при дорогахъ, на степяхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настой цвѣтовъ и листьевъ даютъ внутрь при неправильномъ мѣсячномъ очищеніи.

21. Папороть, кочетыжникъ, папортникъ. Aspidium Filix mas. L. Растетъ

въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ концѣ іюня и началѣ іюля. Изъ листьевъ и корней для золотушныхъ приготовляютъ ванны.

22) Вовчуга, козликъ вонючій, вовчугъ. Ononis hircina. Jacq. Растетъ на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, на отвердѣлыхъ пескахъ и при дорогахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Отваръ употребляютъ, какъ мочегонное внутрь и дѣлаютъ припарки къ животу.

23. Дрикъ, дрюкъ, красильный дрокъ. Genista tinctoria: 1) vulgaris и 2) angustifolia. L. Растетъ на окраинахъ лѣсовъ, на пастбищахъ, степяхъ и сухихъ лугахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ отъ водобоязни. Приготовляютъ лѣкарство такъ: берутъ 15 золотниковъ сухаго растенія, собраннаго во время цвѣтенія, на двѣ бутылки воды и дѣлаютъ отваръ, который даютъ больному три раза въ день по одному стакану.

24. Черная смородина. Ribes nigrum. L. Растетъ въ садахъ; цвѣтетъ въ августѣ и маѣ. Въ листьяхъ черной смородины купаютъ золотушныхъ дѣтей.

25. Жабникъ, шильникъ. Alisma Plantago. L. Растетъ въ стоячихъ водахъ и на болотахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляется, какъ мочегонное средство. Даютъ въ кореньяхъ на пріемъ около одного золотника.

26. Стародубъ, бутель, бѣлый корень. Zaserpitium latifolium. L. Растетъ на сухихъ мѣстахъ между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой корня, какъ противолихорадочное средство. Лѣкарство приготовляютъ такимъ способомъ: на полштофъ крѣпкой водки берутъ 8 золотниковъ корня и дѣлаютъ настой. Больному даютъ по половинѣ рюмки четыре раза въ день, преимущественно передъ пароксизмомъ.

27. Кудрявый щавель, конскій щавель, луговой щавель. Rumex crispus. L. Растетъ на лугахъ въ лѣсахъ и обработанныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Свѣжій корень, мелко истертый, прикладываютъ къ язвамъ отъ укушенія змѣй. Также дѣлаютъ изъ сухаго корня мазь отъ накожныхъ сыпей.

28. Марьянка, лихорадочный корень, мяунъ. Valeriana officinalis L. Растетъ въ кустарникахъ въ сырыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Настой корня на водѣ употребляютъ при застарѣлыхъ язвахъ.

29. Материнка, душица. Origamum vulgare L. Растетъ въ рощахъ, между кустарниковъ, на необработанныхъ открытыхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ; дѣлаютъ ванны отъ истощенія силъ и при ревматизмѣ; настой на крѣпкой водкѣ прикладываютъ къ больнымъ зубамъ.

30. Починочки, товолга, талабанъ. Spiraea Filipendula. L. Растетъ на лугахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ; настойку на водкѣ (на бутылку крѣпкой водки 8 золотниковъ сухаго корня) даютъ отъ изнурительнаго поноса по полрюмкѣ два раза въ день.

31. Болотная бузина, борошень, лабазникъ. Spiraea Ulmarica. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ, у береговъ рѣкъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Отваръ корней употребляютъ отъ водобоязни.

32. Проскурка, проскурнякъ просвирнякъ. Althaea officinalis. L. Растетъ на сырыхъ лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ корня употребляютъ, какъ полосканье горла, при простудѣ его.

33. Укрипъ, кропило, газахъ, водяной укропъ. Oenanthe Phellandrium. Zam. (Phellandrium aquaticum. L.). Растетъ въ мелкихъ водахъ и на болотистыхъ низменныхъ мѣстахъ, вблизи источниковъ и ручьевъ. Настой сѣмянъ укропа употребляютъ отъ кашля по 15 капель три раза въ день.

34. Липа. Talia parvifolia Ehrh. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Употребляютъ, какъ потогонное средство.

35. Черемха, черемуха. Prunus Padus. L. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ маѣ. Настой цвѣтовъ на водѣ употребляютъ отъ кашля.

36. Ивильга, птичій клей, омела. Viscum album. L. Паразитъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Приготовляютъ ванны изъ омелы, находящейся на дубѣ и ракитѣ, отъ истощенія тѣла и грыжи.

37. Ангелова трава, ангеликъ, веретень, дудочникъ, путча, дягиль. Archangelica officinalis. Hoffm. Растетъ въ сырыхъ мѣстахъ лѣсовъ и луговъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корни, которые собираютъ весною, употребляютъ въ отварѣ, какъ потогонное и отъ желудочныхъ страданій. Берутъ на бутылку кипятку 4 золотника корня.

38. Молочай, молочникъ, осотъ. Sonchus oleraceus. L. Растетъ на огородахъ, открытыхъ мѣстахъ, пастбищахъ, цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Сокъ молочника употребляютъ, какъ усыпляющее средство.

36. Иванъ-да Марья, Анютины глазки, фіалка. Viola tricolor. L. Растетъ на лугахъ и между кустарниками: цвѣтетъ въ маѣ. Отваромъ лѣчатъ отъ золотухи. Употребляется отваръ фіалки внутрь и наружу.

40) Змѣевникъ, филійникъ, филойникъ. Arisfolochia Clematitis. L. Растетъ, преимущественно, на глинистой, твердой почвѣ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Свѣжіе листья употребляютъ, какъ средство, способствующее ускоренію нагноенія.

41. Оманъ, девесилъ. Inula Helenium. L. Растетъ на сырыхъ луговыхъ мѣстахъ среди кустарниковъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корень употребляютъ, какъ наружное средство отъ ломоты и накожныхъ сыпей въ видѣ мази.

42. Бедренецъ. Pimpinela Saxifraga. L. Растетъ на необработанныхъ поляхъ, сухихъ полянахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляется въ видѣ настоя (4 золот. сухихъ корней и листьевъ на 1 фунтъ настоя) при накожныхъ сыпяхъ.

43. Калина. Viburnum Opulus. L. Растетъ въ лѣсахъ, садахъ и огородахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Въ свѣжихъ листьяхъ купаютъ золотушныхъ дѣтей, а сушеныя ягоды употребляютъ, какъ потогонное средство.

44. Дыманъ, буквица. Betonica officinalis. L. Растетъ въ рощахъ между кустарниками и на лугахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ листья, какъ потогонное средство, а корень даютъ больнымъ водобоязнью.

45. Колечки, гусиныя лапки, гусиная трава, гусятница. Patentilla Anserina. L. Растетъ по сырымъ лугамъ и берегамъ рѣкъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Употребляютъ отваръ отъ коклюша и какъ противу золотушное средство.

56. Яснотка, бѣлая глухая крапива, сосулька. Laminum album L. Растетъ по опушкамъ лѣса, на глинистыхъ мѣстахъ и сухихъ лугахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ въ ваннахъ отъ дѣвичьей немочи, золотухи и женскихъ болѣзней.

47. Хрѣнъ. Cochlearia Armoracia. L. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Свѣжіе корни держатъ въ кадкахъ съ водой съ цѣлью уничтоженія гнилого запаха воды. Какъ лѣкарство употребляютъ вмѣсто горчичниковъ и даютъ внутрь хрѣнъ, настоянный на пивѣ; по три стакана въ день въ горячечныхъ страданіяхъ.

48. Побережникъ, ручейная вероника. Veronica Baccabunda. L. Растетъ по краямъ ручьевъ и на мѣстахъ, покрытыхъ водою; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляется теплый настой вероники при лѣченіи удушья, чахотки, кровавой мочи и кроваваго поноса.

49. Пирій, пырей обыкновенный. Triticum. repens. L. Растетъ на пахатныхъ поляхъ и въ особенности на супесчаной почвѣ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Корни пырея употребляютъ въ видѣ настоя при мочеполовыхъ болѣзняхъ и накожныхъ сыпяхъ.

50) Полынь. Artemisia Absinthium. L. Растетъ на пустопорожнихъ мѣстахъ въ поляхъ, лѣсахъ, на лугахъ, между кустарниками; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Употребляется крѣпкій настой большей частью на водкѣ отъ лихорадки, принимая по три рюмки въ день. Свѣжіе листья также кладутъ въ постель для устраненія блохъ.

51. Шандеръ, шандра. Marrubium vulgare. L. Растетъ на сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ, при дорогахъ, на песковатыхъ поляхъ. Употребляютъ въ ваннахъ; два фунта сухаго растенія на ванну; а равно даютъ настой на водкѣ внутрь—при судорогахъ.

52. Кудрявецъ, елочка, червячникъ, пидгайникъ, чулявникъ

сухоребрикъ. Sisymbrium Sophia. Растетъ на поляхъ, при дорогахъ, около жилищъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Употребляется при лѣченіи секретныхъ болѣзней. Кромѣ того выжатый сокъ изъ растенія считаютъ средствомъ уничтоженія червей въ ранахъ домашняго скота.

53. Чернобыль, черноболь, чернобыльникъ. Artemisia vulgaris. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Употребляютъ очищенную траву для ваннъ при лѣченіи женскихъ болѣзней.

54. Гвоздичный корень, гребешокъ, гравилатъ. Geum urbanum. L. Растетъ на сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, среди кустарниковъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ настой на водкѣ отъ желудочныхъ страданій.

55. Медунчикъ, шемелина, медуница, рястъ, щемялиха, медовичекъ, шемелина. Pulmonaria officinalis. L. Растетъ повсемѣстно въ тѣнистыхъ рощахъ и кустарникахъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ. Отваръ даютъ внутрь золотушнымъ дѣтямъ.

56. Вербочка, вербинка, желѣзнякъ. Verbena officinalis. L. Растетъ на сырыхъ мѣстахъ, около жилищъ, при дорогахъ; цвѣтетъ съ іюня по августъ. Выжатый сокъ изъ растенія даютъ при лѣченіи лихорадокъ, употребляя по три рюмки въ день, передъ пароксизмомъ.

57. Гыжникъ, остудникъ. Herniaria glabra Tournef. L. Растетъ на сухихъ выгонахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Употребляютъ корни и растеніе при лѣченіи грыжи, давая внутрь отваръ.

58. Чистецъ, очистокъ, молодило. Sedum acre L. Растетъ на песчаныхъ поляхъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ настой при лѣченіи лихорадки. Сухимъ растеніемъ подкуриваютъ при лѣченіи той же болѣзни.

59. Крапива. Vrtica divica. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Сѣмена употребляютъ въ порошкѣ, какъ мочегонное, давая по полузолотнику два раза въ день.

60. Подорышникъ, подлѣсникъ, подорѣшникъ, копытень. Asarum europaeum. L. Растетъ въ рощахъ подъ кустарниками, преимущественно подъ лѣщиною; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ корень въ настоѣ, какъ слабительное и мочегонное; свѣжими же листьями, настоенными на водкѣ, лѣчатъ прыщи и сыпь на лицѣ. Настой на водѣ употребляютъ отъ коклюша, по три чашки въ день, теплый.

61. Дывина, дзиндзиверъ, коровьякъ, медвѣжье ухо. Verbascum Thapsus. L. Растетъ на необработанной почвѣ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ цвѣты коровьяка при лѣченіи кашля, простуды и удушья.

62. Чебрецъ, тимьянъ, богородская травка. Thymus Serpyllum. L. Растетъ на открытыхъ лѣсныхъ мѣстахъ, на поляхъ, на окраинахъ лѣсовъ; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Употребляютъ настой внутрь и приготовляютъ ванны при простудѣ, изнуреніи и вообще слабомъ сложеніи паціента.

63. Кульбаба, подорожникъ, желтый цикорій, одуванчикъ. Taraxacum officinale. Wiggers. Растетъ повсемѣстно на сухой почвѣ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Свѣже-истолченымъ растеніемъ обкладываютъ мѣсто, укушенное змѣею, также настой даютъ внутрь при лѣченіи желтухи и водянки.

64. Береза. Betula alba. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. При ревматизмѣ свѣжими горячими листьями обкладываютъ больныя мѣста; водочный настой почекъ прикладываютъ къ ранамъ, а равно даютъ внутрь при коликахъ и судорогахъ желудка.

65. Заячій горошекъ, астрагалъ широко-листный. Astragalus glycyphyllos L. Растетъ повсемѣстно въ рощахъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Употребляютъ отваръ при лѣченіи золотухи, сифилиса и накожныхъ сыпей, принимая внутрь по три рюмки въ день.

66. Подбѣлъ, мать мачиха, бѣлокопытникъ. Tussilago Farfara. L. Растетъ на глинистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ мартѣ. Отваръ сухаго растенія даютъ при коклюшѣ, кашлѣ и боли груди.

67. Акулька. Scutellaria hastaefolia L. Болотное растеніе. Употребляютъ отваръ для ваннъ при ревматизмѣ.

68. Адамова голова, колючки. Eryngium campestre. L. Растетъ на безплодныхъ поляхъ, при дорогахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настой даютъ роженицамъ при трудныхъ родахъ.

69. Бабка, латтате, товстунъ, кубышка, кувшинка. Nuphar luteum Smith. Растетъ въ стоячихъ и медленно текущихъ водахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Листья и цвѣты употребляютъ для ваннъ въ видѣ отвара при ломотѣ и ревматизмѣ. Также во время чумы на скотѣ и овцахъ порошкомъ корня кувшинки пересыпаютъ кормъ.

70. Батоги, расторопша. Chondrilla juncea. L. Растетъ на песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваромъ моютъ лицо отъ прыщей.

71. Березка, повійка, вьюнокъ, повилика. Convolvulus arvensis. L. Растетъ повсемѣстно между хлѣбами, по буграмъ и песчанымъ берегамъ рѣкъ. Употребляютъ при накожныхъ болѣзняхъ, лишаяхъ и чесоткѣ; даютъ три стакана отвара въ день. Горсти сухой травы достаточно для приготовленія одного фунта отвара.

72. Бехъ, веха, вехъ. Cicuta virosa. L. Растетъ повсемѣстно въ болотистыхъ и топкихъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Ядовитое растеніе. Сухую траву въ смѣси съ хлѣбомъ употребляютъ для отравы крысъ и мышей.

73. Вѣтренница, куриная слѣпота, бѣлый сонъ. Anemone sylvestris. Растетъ повсемѣстно между кустарниками, цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Изъ отвара вѣтренницы дѣлаютъ ножныя ванны при ревматическихъ боляхъ, употребляя на три ведра воды одинъ фунтъ растенія.

74. Бѣлый буркунъ, бѣлый донникъ. Melilotus alba. Lam. Растетъ по краямъ невоздѣланныхъ нивъ, на запущенныхъ поляхъ, толокахъ; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Изъ цвѣтовъ донника приготовляютъ съ какимъ либо жиромъ мазь, которою лѣчатся отъ ломоты, ревматизма.

75. Воловій языкъ, собачка, черно-корень. Cynoglossum officinale. L. Растетъ повсемѣстно при дорогахъ, на сорныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ мая по іюль. Корень растенія въ порошкѣ употребляютъ, какъ рвотное.

76. Стрѣлки, череда. Bidens tripartita. L. Растетъ въ болотистыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Отваръ сухого растенія даютъ внутрь по половинѣ стакана три раза въ день при лѣченіи золотухи. На фунтъ отвара берутъ отъ 5 до 7 золотниковъ растенія.

77. Живокостъ, оконникъ. Symphytum officinale. L. Растетъ на сырыхъ и мокрыхъ лугахъ и между луговыми зарослями. Употребляютъ внутрь при кровавомъ поносѣ, кровохарканьи и купаютъ худосочныхъ въ отварѣ.

78. Нетрогай, незамай, переступень. Bryonia alba. L. Растетъ подъ заборами, на огородахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Истолченный свѣжій корень прикладываютъ при опухоляхъ, члено-соединеній и отвердѣлыхъ железъ. Растеніе ядовитое и рѣдко употребляется внутрь.

79. Вонючка, клоповникъ, жируха. Lepidium ruderale. L. Растетъ повсемѣстно на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, при дорогѣ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Во время лихорадки свѣжеистолченное растеніе прикладываютъ къ ногамъ и подъ мышки. Внутрь даютъ настой при водянкѣ, накожныхъ сыпяхъ и кашлѣ.

80. Золотушникъ, золотая розга, костовязъ, золотая вѣтка. Solidago Virgauria. L. Растетъ повсемѣстно въ рощахъ между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отваръ употребляютъ отъ золотухи и водянки. На фунтъ отвара берутъ 4—5 золотниковъ сухого растенія.

81. Рябина. Sorbus aucuparia. Растетъ въ садахъ. Настой ягодъ на водкѣ и водѣ употребляютъ, какъ слабительное.

82. Сороконедужникъ, шора, подтынникъ, собачья голова, ранникъ, старовина, свинуха, наричникъ. Scrophularia aquatica. L. Растетъ у береговъ, гатей, водяныхъ мельницъ, на низменныхъ мокрыхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ, цвѣтетъ съ іюня по августъ. Свѣжія листья наричника употребляютъ для излѣченія упорныхъ и застарѣлыхъ язвъ, перемѣняя нѣсколько разъ въ день листья.

83. Осока, красный пырей, врачебная осока. Carex hirta. L. Растетъ на

сырыхъ песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Корни растенія употребляютъ для ваннъ при лѣченіи простудныхъ болѣзней: кашля и ревматизма.

84. Мыльница, мыльный корень. Saponaria officinalis. L. Растетъ на низменныхъ влажныхъ песчаныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ свѣжіе листья травы при накожныхъ сыпяхъ.

85. Вязовина, бузина. Sambucus Ebulus. L. Растетъ повсемѣстно по краямъ лѣсовъ, у заборовъ, огородовъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ цвѣты какъ потогонное, а равно изъ листьевъ и цвѣтовъ дѣлаютъ припарки при страданіяхъ желудка.

86. Баранчики, бѣлая буковица, божьи ручки, первоцвѣтъ. Primula officinalis. Zacq. Растетъ въ рощахъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ какъ успокаивающее и потогонное средство, на бутылку воды берутъ цвѣтковъ пять золотниковъ.

87. Гулявникъ, водяной крессъ. Nasturtium officinale R. Brown. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ луговъ; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляютъ отваръ и сокъ растенія, какъ вяжущее средство.

88. Чистякъ, гладушникъ, глечкопаръ, чистотѣлъ. Chelidonium majus. L. Употребляютъ чистотѣлъ при лихорадкѣ прикладываютъ свѣжее растеніе къ пяткамъ; порошокъ вдуваютъ при лѣченіи бѣльмъ въ глазъ; свѣжимъ сокомъ растенія изводятъ бородавки.

89. Петровы батоги, дикій синій цикорій. Cichorium Jntybus L. Растетъ на твердыхъ глинистыхъ мѣстахъ, около дорогъ, на степи, межахъ, по краямъ нивъ и между кустарниками; цвѣтетъ съ іюня по сентябрь. Сокъ, выжатый изъ свѣжихъ листьевъ растенія, употребляютъ въ желтухѣ, при дурномъ пищевареніи и цынгѣ. Въ тѣхъ же болѣзняхъ принимаютъ и отваръ корня. На бутылку отвара берутъ 10 золотниковъ корня.

90. Лопки, вонючка, дурманъ. Datura Stramonium. L. Растетъ на сорныхъ мѣстахъ, вблизи жилищъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Ядовитое растеніе. Какъ наружное средство употребляютъ при ревматизмѣ.

91. Верба, ива бѣлая. Salix alba. L. Растетъ повсемѣстно; цвѣтетъ съ мая по іюнь. Изъ отвара ивовой коры дѣлаютъ ванны для страдающихъ ревматизмомъ, худосочіемъ и маточными болѣзнями.

92. Сокирки, живокость полевая. Delphinium Consolida. L. Растетъ по краямъ нивъ, сорнымъ мѣстамъ и между хлѣвами, цвѣтетъ съ іюня по іюль. Употребляютъ цвѣты въ видѣ отвара, для чего берутъ три стакана воды на 7 золотниковъ сухихъ цвѣтовъ при лѣченіи задержанной менструаціи.

93. Бероздрень, проскурина, брусылина, бруслина, берескледъ. Evonymus europaeus. L. Растетъ въ лѣсахъ, повсемѣстно; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Ягоды употребляютъ въ видѣ отвара при водянкѣ, мочеполовыхъ болѣзняхъ. На полубутылку воды берутъ три золотника ягодъ или свѣжихъ вѣтокъ растенія.

94. Тирличъ, синіе пѣтушки, соколій перелетъ, горячевка крестообразная. Gentiana cruciata. L. Растетъ на сухихъ лугахъ, необработанныхъ поляхъ и между кустарниками; цвѣтетъ съ іюля по сентябрь. Высушенное растеніе и корень употребляютъ при лѣченіи водобоязни, для чего даютъ пить два раза въ день крѣпкаго отвара травы и корня.

95. Плющъ, расходникъ, будра. Glechoma hederacea. L. Растетъ въ рощахъ, садахъ, по краямъ луговъ; цвѣтетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Употребляютъ настой для полосканья при болѣзняхъ горла.

96. Дымница, земляной дымъ, дымянка. Fumaria oficinalis. L. Растетъ около дорогъ, между хлѣбами и на воздѣланныхъ поляхъ; цвѣтетъ съ мая по августъ. Употребляютъ настой внутрь, какъ мочегонное средство.

97. Конскій трутъ, лихорадочная трава, благодать, авранъ аптечный. Gratiola officinalis. L. Растетъ по берегамъ и мокрымъ лугамъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Употребляется, какъ мочегонное и слабительное внутрь; прикладываютъ къ ранамъ и застарѣлымъ язвамъ, какъ наружное средство.

98. Блекота, бѣлена. Hyosciamus nager. L. Растетъ повсемѣстно на сорныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. При ревматическихъ боляхъ листьями бѣлены обкладываютъ больныя мѣста; при желудочныхъ страданіяхъ дѣлаютъ припарки изъ свѣжихъ листьевъ бѣлены.

99. Звѣробой. Hypericum perforatum. L. Растетъ подъ кустарниками и на сухихъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. Купаютъ больныхъ, одержимыхъ ломотою, ревматическими болями и накожными болѣзнями.

100. Лихорадочная нарывъ, лютикъ. Ranunculus sceleratus. L. Растетъ на влажныхъ мѣстахъ; цвѣтетъ съ іюня по сентябрь. Употребляютъ, какъ средство отъ водобоязни, для чего даютъ внутрь порошокъ лютика какъ животнымъ, такъ и людямъ: людямъ четыре раза въ день. Пріемъ сколько можно взять концомъ столоваго ножа.

101. Чернушка. Nigella satira. L. Огородное растеніе; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Настой на водѣ или водкѣ даютъ дѣтямъ отъ глистовъ.

102. Грушанка, березка, подкопытникъ. Pyrola rotundifolia. L. Растетъ въ сосновыхъ и лиственныхъ лѣсахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Берутъ это растеніе, высушенное съ корнемъ, заваривають, какъ чай и употребляютъ при лѣченіи каменной болѣзни и задержаніи мочи.

103. Морковь. Daucus Carota. L. Разводятъ въ огородахъ повсемѣстно; цвѣтетъ въ іюнѣ. При появленіи рака на тѣлѣ, въ особенности на губахъ прикладываютъ нѣсколько разъ въ день свѣжую, натертую мелко морковь такъ, чтобы ею была покрыта вся язва.

104. Дыня. Cucumis Melo. L. Растетъ на бакшахъ и огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Употребляютъ, между прочимъ, для истребленія насѣкомыхъ, намазывая переспѣлою дынею голову, а равно, гдѣ водятся клопы, всѣ мѣста и гнѣзда ихъ.

105. Полій, полевая мята. Mentha Pulegium. L. Растетъ на сырыхъ мѣстахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Чепчикъ, чебрецъ, чаберъ садовый. Satureia hortensis. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ. Тополь. Pupulus pyramidalis. L. Разводится во многихъ мѣстахъ губерніи какъ украшеніе; цвѣтетъ въ апрѣлѣ. Употребляютъ смѣсь этихъ растеній отъ водобоязни, приготовляя лѣкарство слѣдующимъ способомъ: означенныя выше растенія сушатъ, растираютъ въ порошокъ и хранятъ въ плотно закупоренныхъ стклянкахъ и въ бутылкахъ. Приготовляютъ лѣкарство такъ: мяты и чабера берутъ по ¼ фунта, а листьевъ пирамидальнаго тополя 4 лота, смѣшиваютъ порошки и прибавляютъ къ нимъ свѣжаго прованскаго масла столько, чтобы смѣсь сдѣлалась влажною. Потомъ, взявъ на конецъ столоваго ножа смѣси три раза, смѣшиваютъ ее со стаканомъ пива и даютъ больному натощакъ пить, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли сряду. Собакамъ даютъ такой же пріемъ какъ человѣку, но только въ полустаканѣ молока. Послѣ пріема лѣкарства воздерживаются отъ пищи и питья.

106. Жимолость. Lonicera Xylosteum. L. Растетъ въ лѣсахъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Отъ ужаленія пчелъ намазываютъ укушенныя мѣста сокомъ свѣжихъ листьевъ жимолости.

107. Бурякъ, свекла, свекловица. Beta vulgaris. L. Разводится для употребленія въ пищу; цвѣтетъ въ іюлѣ. Листья свекловичные употребляютъ отъ головной боли, прикладывая ихъ къ головѣ. Корнемъ растенія, измельченнымъ въ мязгу лѣчатъ флюсъ.

108. Чеснокъ. Allium sativum. L. Разводится въ огородахъ; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Отъ упорнаго кашля чеснокомъ, мелко истолченнымъ, растираютъ ступни ногъ и ладони рукъ.

109. Голерѣпа, булва, волошская рѣпа. Heliathus tuberosus. L. Разводится въ огородахъ; рѣдко расцвѣтаетъ. Употребляютъ, какъ лѣкарство при коклюшѣ, для чего очищаютъ кожу на клубнѣ и присыпаютъ ее сахаромъ ⅛ фунта.

110. Прыкрытъ, волкобой. Aconitum Lycoctonum. L. Растетъ среди кустарниковъ и въ рощахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Приписываютъ этому растенію свойство, разрушающее взаимную любовь супруговъ, для чего цвѣтами растенія пересыпаютъ бѣлье и одежду супруговъ.

111. Ясенецъ, журавленникъ, герань Geranium pratense. L. Растетъ по лугамъ и между кустарниками; цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Настоемъ герани примачиваютъ голову при головныхъ боляхъ, а равно кладутъ въ уши листья растенія.

112. Нечуй-вѣтеръ, желтомохорочникъ. Hieracium Pilorella. L. Растетъ на сухихъ лугахъ, песчаныхъ мѣстахъ, въ хвойныхъ лѣсахъ, при берегахъ; цвѣтетъ въ маѣ. Корень травы употребляютъ отъ лихорадки.

113. Куриная слѣпота, желтоголовникъ. Trollus europaeus. L. Растетъ по лугамъ и лѣснымъ полянамъ; цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ. Настой корня употребляютъ отъ скорбута въ видѣ полосканья.

114. Разрывъ-трава, глушецъ, глушокъ. Impatiens nolitangere. L. Растетъ въ тѣнистыхъ рощахъ и особенно въ лѣсныхъ сырыхъ оврагахъ; цвѣтетъ въ іюнѣ и іюлѣ. Кромѣ повѣрья, что трава эта способна разрывать всякій металъ, припарки изъ свѣжей травы прикладываютъ къ нарывамъ.

116. Езудъ, иссопъ. Hyssopus officinalis. L. Растетъ въ рощахъ на сухомъ мѣстѣ; цвѣтетъ съ іюля по августъ. При грудныхъ болѣзняхъ даютъ настой травы во внутрь. Кромѣ того, при ушибахъ дѣлаютъ примочки изъ настоя.

116. Конвалія, лантусъ, ландышъ. Lilium Convallaria majalis. L. Растетъ въ тѣнистыхъ рощахъ и цвѣтетъ въ маѣ. Настойка цвѣтовъ ландыша въ водкѣ или спиртѣ составляетъ ядовитое средство. Употребляютъ для отравы крысъ и мышей.

117. Ластовень, ласточникъ. Asclepias syriaca. L. Растетъ въ южныхъ уѣздахъ губерніи, въ лѣсахъ. Цвѣтетъ въ іюлѣ и августѣ. Корень, размельченный на теркѣ, употребляютъ, какъ средство, утоляющее боль при ревматизмѣ.

Алфавитъ.

А.

Б.

В.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Какъ ни велики успѣхи современной медицины, какъ она ни совершенствуется съ каждымъ, можно сказать, днемъ, но тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени еще многое ей неизвѣстно. Поэтому, я полагаю, весьма полезно знать спеціалистамъ, чѣмъ именно лѣчитъ себя народъ и насколько эти средства для него полезны?

Исключительно съ этою цѣлью, при случаѣ, я и записалъ сотню съ лишнимъ средствъ, которыми простой народъ лѣчитъ свои недуги. Чѣмъ хата богата—тѣмъ и рада.

Т. I. Вержбицкій.

Курскъ
7 октября 1897 г.

Прозвища крестьянъ сельца Березовки Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи.

Галанъ (прозвище драчливаго мужика).
Машина. (прозвище мужика большого роста).
Цубра.
Бридка (прозвище дано бабѣ послѣ слѣдующаго случая. Баба что-то украла и была уличена въ воровствѣ; ее вымазали дегтемъ и обсыпали пухомъ, косу ей отрѣзали. Бабу водили по улицѣ, а ребятишки подгоняли ее «кнутьями» и кричали: Бридка (бритая), бридка!
Пехтилка.
Скибёлка («у, карагодиста баба затылокъ скоблитъ»).
Талушка.
Сабакей.
Скрибёцъ (силы мала—отъ злости у драки скрябаитца).
Трищотка.
Пяхтила (прозвище толстой бабы).
Хвандёиха.
Рыжуха.
Грачиха.
Чижикъ подземельный (у землю будить глядѣть—сердитъ маленько).
Цыца.
Клыкъ (Отца клыка звали клыкомъ, но и сынъ-клыкъ сердился за прозвище: «Что-жъ моего отца ты порочишь?!» да въ зубы)!
Галинястый.
Гавнёныкъ.
Барана (прозвище безтолковой хозяйки. Въ Смоленскомъ уѣздѣ «барана» — символъ несогласія; барану бить-ссориться).
Чичавичка (дробненькая, маленькая баба).
Сабакинъ.
Царь мышиный.
Царь куриный («сердитъ, а безтолковъ»—нихто не слухаитъ).
Сёрка.
Мата.
Вутычка (по матери задалась—«Гнутая» (т. е. горбатая и маленькая»).
Мушичка.
Абыдёнчиныкъ.
Абыдёнка.
Хварисей (не лицемѣръ, а хвастунъ—отъ слова «хворсить»).
Кващоныкъ.
Кукачъ (драчунъ—готовъ въ кабакѣ на смерть убить).
Чумакъ (прозвище пьяницы).
Красавчикъ (такой страшный).
Далдонъ («все будитъ далдонить на сходки»).
Волкъ.
Шаршила.
Роска.
Волчиха.
Сахвея припадобная (прозвище жадной бабы).
Вохала.
Карпачъ.
Питрузикъ трыкаянный (зёлъ дратца).
Рябуха.
Проса.
Бѣлабрыська.
Татаринъ.
Лупастикъ.
Курулёныкъ.
Юрга.
Іонъ (Іона) святой (прозвище это получилъ Іона за «смирноту»).
Калючій.
Бубастикъ и Галавастикъ (прозвище двухъ братьевъ.

Смалѝна (прозвище мужика нрава сердитаго— сейчасъ привяжется и станетъ драться).
Свая̀.
Чикирѝса (прозвище проворной бабы).
Пакятѝла (прозвище толстаго мужика).
Казёлъ-козелъ.
Ярка.
Пуза̀тикъ.
Хѝтра.
Ко̀лкай (за водку дерется, когда водку пьютъ, чтобъ ему дали поболій—сейчасъ «аттрибу̀чить»).
Лёхкай.
Метёлычка. (прозвище кабачника—въ крышахъ кабаковъ торчатъ метлы).
Ща̀рычка (Сара).
Зо̀харь.
Барбо̀съ.
Каха̀нъ.
Валкада̀нъ (прозвище мужика, бывшаго приказчикомъ).
Васаргà (прозвище проворной бабы).
Аве́чка.
Палѣ̀ха.
Вагаро̀дица—прозвище богомольной бабы.
Рёва=прозвище бабы, имѣющей привычку браниться громкимъ голосомъ.
Шка̀ликъ=прозвище мужика, охотно пьющаго чужую водку.
Котъ.
Мышъ=прозвище маленькаго мужика.
Каба̀нъ (прозвище мужика. Ростамъ высокъ. Разамъ какъ завищѝть, какъ завищѝть).
Скарахо̀дицъ.
Багамо̀лъ.
Бѣлякъ.
Дабу̀тикъ.
Раздабу̀тка (баба «висо̀кая»).
Карбушо̀къ (прозвище мужика небольшого роста).
Кахятѝнъ («ростомъ високъ, ходить важна»).
Кушна̀рь.
Баринъ.
Носа̀чъ (мужикъ съ здоровеннымъ носомъ).
Галатёнькъ (своего нѣтъ, на чужое нахва̀тистъ).
Тѝгра.
Саро̀чка.
Ла̀стычка (прозвище бабы дробной, небольшаго роста).
Телёнакъ.
Дроздъ (прозвище мужика, который любитъ пѣть пѣсни.

Климо̀къ.
Бурчѐтъ.
Кучёнакъ.
Качанъ.
Зелёнай («ажъ зеленѣитъ атъ злости»).
Харахо̀рка.
Хрячо̀къ.
Ка̀дра.
Пту̀шка. (круглая, толстая) какъ куропатка.
Шкада̀.
Ква̀совъ («не замай—отыпди прочь»—нрава кислаго).
Касаро̀тка.
Качанѝха.
Сава̀.
Трипу̀зикъ.
Ко̀шка (баба—«маленькія, плохенькія»).
Маля̀вка (прозвище бабы небольшого роста).
Саргà (у работы не увёртка).
Гря̀зная.
Шипялѝха.
Батусѝха.
Ширемѐтиха.
Лабада̀.
Кастрю̀ка (прозвище мужика нрава сварливаго).
Каравя̀ка (прозвище мужика съ неуклюжей походкой, косолапаго).
Зуба̀тка (прозвище бабы съ некрасивыми зубами, большими).
Чѝкалка (прозвище проворной бабы).
Вертагла̀зикъ (прямо въ глаза не смотритъ).
Малча̀нка (всё молчитъ).
Висланд̀сикъ.
Саладу̀хинъ.
Катёневъ,
Халала̀й («обвѣсить ухи и ходить»).
Тачѝлка.
Чугунѝха=черная.
Мыта̀лачка (прозвище бабы небольшаго роста, которая смѣшитъ безъ толку).
Ку̀цай.
Жидо̀къ.
Покайлинъ.
Пра̀во-ну (за поговорку).
Купѐцъ (за занятіе).
Голѐнь.
Бодя̀кинъ.
Большо̀й.
Ро́говъ.
Зы̀бочка.
Газѐтка.
Метёлкинъ.
Хромоля̀дный (за хромоту).

Барбу̀къ и добрякъ (прозвище одного и того же мужика).
Гла̀дкій.
Бу̀лка.
Карто̀ха.
Хитря̀къ.
Суда̀рикъ (часто употребляетъ слово «суда̀рикъ»).
Доёнка.
Крецъ Бо̀зій (прозвище мужика картаваго).
Каляда̀.
Пчѐлочка.
Кынбачка.
Хахо̀лъ. (пришолъ изъ Малороссіи).
Котъ.
Дрозд̀овъ.
Чумѐра.
Мико̀лкинъ.
Криванд̀сикъ. (за физическій недостатокъ).
Бѣлякъ.
Ильюха тельный (за чрезмѣрную толстоту).
Шнерёвъ.
Цыга̀нъ (прозвище смуглаго мужика).
Максимиха—Нюра.
Бо̀рмутъ.
Пуза̀нъ и Ареста̀нтъ. (Второе названіе одного и того-же мужика за случай въ его жизни). См. Бридка Дм. у. Ор. г.
Са̀льникъ (прозвище=«сластолюбецъ»).
Теля̀тникъ (за случай въ жизни—хотѣлъ украсть теленка).
Гнило̀й (прозвище мужика, у котораго изъ уха гной течетъ).
Дождемся тепла! (за любимую фразу).
Хрибздёна (за невѣжливое поведеніе).
«Бузы»! (за поговорку).
Распы̀ловъ (за вспыльчивый характеръ).
Трясу̀чкинъ (за походку).
Пыхъ-пердѐнчикъ (за невѣжливое поведеніе).
Урабѐй (воробей).
Ка̀бичъ.
Замо̀риха (прозваніе болѣзненной и худощавой женщины).
Бупѝха.
Раство̀ровъ.
Понома̀рь.
Крюкъ
Пѝка.
Дубинскій.
Паржёнакъ.
Утёнакъ.
Пѐрпилъ (перепелъ).
Гаршо̀къ.
Ду̀шечка (за поговорку «ду̀шечка»).
Волы̀на.
Лисица.
Самава̀ръ.
Куру̀ся («сама на себя кричитъ: «я куру̀ся»).
Чандёнкавъ.
Хвана̀рь (ходитъ съ иконами и съ фонарёмъ).
Дѝбичъ (курей чудно манитъ: дѝба, дѝба!).
Сса̀най (за дурное поведеніе).
Палка̀нъ (ругаетея, какъ сабака).
Каршанинъ.
Пта̀ха (прозвище бабы, охочей пѣть пѣсни).
Ра̀жай (большой, большаго роста).
Во̀карокъ (толстъ, а ростомъ приниэистъ).
Пано̀къ (пьяный важничаетъ: «я панокъ!»)
Ико̀нушка (кононъ).
Дюкъ (за постукиванье табакеркой).
Плю̀гинъ. (напьется—плюхаитъ, т. е. садится съ розмаху).
Сабакинъ (въ дѣлежѣ жаденъ—рветъ, какъ собака).
Гу̀ща.
Кома̀рь.
Краю̀ха.
Мѝка.
Мѝхинъ (Михей).
Блиновъ.
Ска̀нка=(играть умѣетъ «у пищу̀лку»; сдѣлаетъ самъ и играетъ. Сканка—«волчокъ»).
Шата̀ла (за походку).
Аляха̀нъ (Алексѣй).
Казя̀вка (маленькаго роста, корявый).
Масо̀лъ (собиралъ кости для костопальни).
Хвалѐй («перво жилъ богато, а потомъ бѣдно»).
Зюзюка̀нъ (поговорка зю зю! зю-зю!).
Гарасей—Сра̀най.
Кусо̀къ.
Немаля̀ка (прозвище помѣщика пашковской секты).
Сталино̀й (маленькаго роста да крѣпокъ).

С. Теребень Жиздринскаго уѣзда *).

Лѣпйла (прозвище плохаго кузнеца).
Ухàстый.
Ухàнъ.
Фйличкинъ.
Волкъ (охочъ въ лѣсу красть: сосонку, дубокъ такъ и «сбріпть»).
Патёмкинъ (за хвàбрасть).
Махàй (украдетъ и далеко махнетъ, такъ что и не найдёшь).
Махýнъ (поговорка у него: «Гдѣ наше не пропадало», и при этомъ рукой махнетъ).

В. Добровольскій.

---

*) Въ Тербени жителей мужскаго пола 3468, а женскаго 3623. Промыслы мѣстные: лѣсные заработки, рѣзка дровъ, лѣса, отчасти «жђшка» угля, въ «мéжень» ходятъ жители драть лыки; въ «ужйнки» (въ пору жатвы) бабы нанимаются жать и занимаются домашнимъ хозяйствомъ, на, украину жители на ходятъ. Такъ какъ почва земли въ Теребени песчаная, то яровыхъ, исключая яровой ржи, не сѣютъ.

Недалеко отъ Теребени лежитъ сельцо Пеневичи, а за Пеневичами, Падбужъ и Полпино Брянскаго уѣзда. Пеневичцы перебраниваются за Подбужцами: «вы всё слова повторяете, Подбужцы: бух-бýхнулъ, шагъ-шагнулъ, сигъ-сигнулъ—й все говорите съ проволочкой». —Эхъ вы, Пиневскіи, Тýрканцы, собаку Цуприка вмѣсто зайца съѣли. Зай-кэ! вотъ онъ!—Малый, малый, у зайцà два зубцà, а у етыва хвостъ карагодцемъ.— Вить сто нашъ Цýприкъ.—Вотъ вы и съѣли Цýприка.—

Пóльпинцы имѣютъ бѣлые кафтанỳ, колпачки у нихъ бѣлые маленькіе; народъ низенькій, коренастый, приземистый, задорный. Надувши купца, «сторгàются» (остерегаются), а потомъ выстроятся и стоятъ молодцами. Подбужцы и Пеневцы имѣютъ кафтанъ особаго устройства, при надобности они засовываютъ руку въ «подоплёку» и, не растегиваясь, не снимая кафтана, достаютъ деньги. Въ Теребени, въ Подбужѣ и Теребени носятъ «кольшку», рубашку, спущенную ниже пояса.

Сборникъ загадокъ для дѣтей.

Составленъ учениками Уткинскаго 2-хъ классногo училища (Пермской губ., Екатеринбург. уѣзда), подъ руководствомъ учителя К. Славнина.

I. Человѣкъ и части его тѣла.

1. Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ.
2. Одинъ говоритъ, два глядятъ, да двое слушаютъ.
3. Братъ съ братомъ черезъ дорожку живутъ, одинъ другого не видятъ.
4. Кругло, горбато, около мохнато; придетъ бѣда, потечетъ вода.
5. Кругъ города станетъ, кругъ головы не достанетъ.
6. Кто желалъ-бы быть одноглазымъ?
7. Между двухъ свѣтилъ я въ срединѣ одинъ.
8. Бисеръ мой, бисеръ, борочкомъ снизанъ, алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ положенъ.
9. Около прорубки сидятъ бѣлыя голубки.
10. За бѣлыми березами соловушка свищетъ.
11. Скокъ да скокъ за рѣшеткой звѣрекъ: что ты зналъ, обо всемъ разсказалъ.
12. Лежитъ доска на болотѣ: не сохнетъ, не мокнетъ, не вѣтрѣетъ.
13. Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ, мокрый Мартынъ подкладываетъ.
14. Плосконька дощечка, по краямъ обшивочка, а въ серединѣ дырочка.
15. У четырехъ матерей по пяти сыновей—всѣ въ одно имя: пять братьевъ родныхъ, пять двоюродныхъ, пять троюродныхъ, да пять внучатныхъ.
16. Четыре брата идутъ на встрѣчу старшему. «Здравствуй, большакъ!» говорятъ. «Здорово», отвѣчаетъ онъ: «Васька—указка, Миша—середка, Гриша—сиротка, да крошка Тимошка!»
17. Не на мѣру, не на вѣсъ, а у всѣхъ людей есть.
18. Кто ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?
19. Стоитъ городъ не на землѣ, не на водѣ, въ томъ городѣ воевода спитъ.
20. Двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка со внучкой, а всего трое.
21. Временемъ разсѣваю, временемъ собираю, самъ сытъ бываю и людей кормлю.
22. Ни дровъ, ни свѣчей, не чѣмъ истопить печей; сегодня сочельникъ, завтра чистый понедѣльникъ.

---

*) Редакція помѣщаетъ этотъ сборникъ цѣликомъ, но долгомъ считаетъ замѣтить что нѣкоторыя загадки (54, 61, 135, 152, 183, 216, 235, 268, 279, 286, 290, 295, 301) дурно, не народною рѣчью переданы, а другія—совершенно не народныя, а сочинены, какъ видно для дѣтей и, по правдѣ сказать, довольно неумѣло и жеманно. Такъ послѣ Пушкина для дѣтей или для народа уже писать грѣшно и смѣшно. (268, 295, 301). № 145—вовсе и не загадка.

II. Пища и питье.

23. Возьму пыльно, сдѣлаю жидко, брошу въ пламень, будетъ какъ камень.

24. Рѣжутъ меня, вяжутъ меня, бьютъ нещадно, колесуютъ, пройду огонь и воду, и конецъ мой—ножъ да зубы.

25. Распашу что поле, нагоню бѣлыхъ лебедей, посажу рядышкомъ, а послѣ лебедей всѣхъ переѣмъ.

26. Полна бочка вина—ни клепокъ, ни дна.

27. Бочка безъ обручика, въ ней вино да пиво не смѣшаются.

28. Чиста, да не вода; клейка, да не смола; бѣла, да не снѣгъ; сладка, да не медъ; отъ рогатаго берутъ и живулькамъ даютъ.

29. Черна, мала крошка, соберутъ немножко, въ водѣ поварятъ, ребята съѣдятъ.

30. Сидитъ на ложкѣ, свѣсивши ножки.

31. Бѣжали овечки по калинову мосту, увидѣли зарю, попадали въ воду.

32. Берега желѣзны, рыба безъ костей, вода дорога.

33. Идетъ въ воду черный, а выходитъ красный.

34. Кого горе краситъ?

35. Чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше остается.

36. Горшочекъ маленькій, кашка сладенькая; горшочка не разбить, такъ и кашки не добыть.

37. Маленько, круглѣнько, въ середкѣ бѣлѣнько, и горько, и сладко, и маслянисто.

38. Одну меня не ѣдятъ, а безъ меня мало ѣдятъ.

39. Я бѣлъ, какъ снѣгъ, въ чести у всѣхъ, и нравлюсь вамъ во вредъ зубамъ.

40. Стоитъ посудина нерукотворена, налита въ ней кашица неварена.

41. Самъ алый сахарный, кафтанъ зеленый бархатный.

42. Кругла, а не мѣсяцъ; зелена, а не дубрава; съ хвостомъ, а не мышь.

43. Что за яички: скорлупа мяконькая, бѣлокъ сладенькій, желтокъ костяной.

44. Голову ѣдятъ, тѣло бросаютъ, а кожу носятъ.

45. Пришла панья въ красномъ сарафанѣ, начали раздѣвать, стали плакать и рыдать.

46. Въ землѣ родился, въ огнѣ крестился, на воду палъ, весь пропалъ.

47. Стоитъ море на пяти столбахъ, тѣло-то говоритъ: радость мая, а душа-то говоритъ: пагуба моя.

III. Одежда и обувь.

48. У бѣднаго толсто, у богатаго тонко, всегда при себѣ.

49. Били меня, колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили.

50. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ.

51. Днемъ какъ обручъ, ночью какъ ужъ, кто отгадаетъ—будетъ мой мужъ.

52. Маленкій Данилко въ петелькѣ удавился.

53. Разошлись всѣ мальчики въ темны чуланчики, каждый мальчикъ въ свой чуланчикъ.

54. Безъ мяса, безъ костей, а все же пять пальцевъ.

55. Два арапа, родные брата, ростомъ по колѣно, вездѣ съ нами гуляютъ и насъ защищаютъ.

56. Кожана квашня, а мутовка мясна.

57. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ; хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ.

58. Два поросенка, а четыре хвоста.

59. Сплетенъ липовый кузовокъ, ночью отпертъ, а днемъ запертъ.

60. Въ липовомъ корытцѣ живое мясцо шевелится.

61. Въ ненастье долженъ я гулять, а въ ясный день въ углу стоять; вы носите меня надъ головами; но что-же я? скажите сами.

IV. Домъ, его части и принадлежности домохозяйства.

62. Стоитъ бычище, проклеваны бочища.
63. Снаружи рогата, изнутри комола.
64. На улицѣ кромушка, въ избѣ ломотокъ.
65. Сто гостей, сто постелей, одному гостю нѣтъ постели.
66. Сто молодцовъ на одномъ изголовьѣ спятъ.
67. Марья царевна сама въ избѣ, рукава на улицѣ.
68. Два братца глядятся, а въ вѣкъ не сойдутся.
69. Основа соснова, утокъ соломенный.
70. Ходитъ безъ ногъ, держитъ безъ рукъ; кто идетъ, тотъ за воротъ беретъ.
71. Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ.
72. Черненька собачка, свернувшись лежитъ, ни лаетъ, ни кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ.
73. Каждый по мнѣ ходитъ лѣтомъ и зимой, а ѣздить нельзя.
74. Поля стеклянны, а межи деревянны.
75. Что въ избѣ мерзнетъ, а на улицѣ нѣтъ?
76. Изъ окна въ окно золотое веретно.
77. Сѣрое сукно тянется въ окно.
78. Днемъ виситъ, болтается а къ ночи въ норку забирается.
79. Стоитъ теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ залотыя яички.
80. Что за звѣрь: въ зиму ѣстъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло теплое, а крови нѣтъ, сѣсть сядешь на него, а съ мѣста не свезетъ.
81. Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ, подъ небеса ушелъ.
82. Сохнетъ Софья, ни ѣстъ, ни пьетъ, все на небо глядитъ.
83. Софья день и ночь сохнетъ, утро настанетъ, прочь отстанетъ.
84. Поле маленько, распахано гладенько, ни сохой, ни бороной, хвойной бородой.
85. Полонъ хлѣвъ безхвостыхъ овецъ, одна была съ хвостомъ—и та ушла.
86. Полна коробушка золотыхъ воробушковъ.
87. Сидитъ курочка на золотыхъ яичкахъ, а хвостъ деревянный.
88. Идетъ въ воду красный, а выходитъ черный.
89. Пригнали въ хлѣвъ быка—въ хлѣву рога, а хвостъ въ рукахъ.
90. Въ хлѣву у быка копна на рогахъ, а хвостъ у бабы въ рукахъ.
91. Медвѣжья лапа жаръ загребаетъ.
92. Подъ поломъ, подъ середой *) сидитъ баба съ бородой.
93. Скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ.
94. Кургузъ, коротокъ, обѣжалъ городокъ и прижался въ уголокъ.
85. Три ноги, два уха да шестое брюхо.
96. У туши уши, а головы нѣтъ.
97. Два братца пошли въ воду купаться.
98. Премежь двухъ морей, по мяснымъ горамъ, гнутый мостикъ лежитъ.
99. Черезъ сине море—журавлиное горло.
100. Утка въ морѣ, хвостъ на угорѣ.
101. Родился на кружалѣ, росъ—вертѣлся, живучи жарился, живучи парился; старъ сталъ — пеленаться сталъ; померъ—выкинули въ поле, тамъ меня звѣрь не ѣстъ и птица не клюетъ.
102. Есть-ли кто таковъ, какъ Иванъ Пятаковъ: сѣлъ на конь и поѣхалъ въ огонь.
103. Чернышъ, загарышъ, куда поѣхалъ? Молчи, крупно-верчено, тамъ-же будешь.
104. Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый.
105. Что безъ рукъ, безъ ногъ на печь лазитъ и выше дерева растетъ?
106. Слушаю, послушаю: вздохъ за вздохомъ, а въ избѣ ни души.
107. Новая посудина, и вся въ дырахъ.
108. Чудо чудомъ сошлось кругомъ: дыръ много, а вылѣзть некуда.
109. Бѣжитъ свинья изъ Саратова, вся исцарапана.

---

*) Середа—мѣсто около печки.

110. Стоитъ козелокъ на маленькихъ ножкахъ; онъ пышетъ и дышетъ, а души нѣтъ.

111. Въ небо дыра, въ землю дыра, по серединѣ огонь да вода.

112. Въ брюхѣ баня, въ носу рѣшето, одна рука—и та на спинѣ.

113. Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ.

114. Съ ногами, а безъ рукъ; съ боками, а безъ реберъ; со спиной, а безъ живота.

115. Четыре ноги, да не звѣрь; есть перья, да не птица.

116. Днемъ трубой, ночью полосой.

117. Безъ рукъ, безъ ногъ, а рубашки носитъ.

118. Поднять—подниметъ, а черезъ избу не перекинетъ.

119. Стоитъ столбъ, горитъ огнемъ, а ни жару, ни пару, ни угольевъ.

120. Самъ голъ и нагъ, а рубашка въ пазухѣ.

121. Днемъ спитъ, ночь глядитъ, утромъ умираетъ, другой смѣняетъ.

122. И малъ и нагъ, со слезами Богу молится.

123. Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится.

124. Стоитъ старецъ, крошитъ тюрю въ ставецъ.

125. Стучитъ, гремитъ, вертится, никого не боится, ходитъ весь вѣкъ (или считаетъ нашъ вѣкъ), а не человѣкъ.

126. Стоятъ—молчатъ; пойдутъ—запоютъ.

127. Свѣтлёнько, чистёнько, посмотрѣть любёнько.

128. Маленькій, зубастенькій повадился въ рощу поросятъ таскать, и ему-же спасибо говорятъ.

129. Штучка одноручка, носочекъ стальной, а хвостъ льняной.

130. Звѣрекъ съ вершокъ, а хвостъ семь верстъ.

131. Свинка, золота щетинка, по свѣту скачетъ, весь свѣтъ одѣваетъ.

132. На ямѣ, ямкѣ сто ямъ съ ямкой.

133. Два кольца, два конца, по серединѣ гвоздикъ.

134. Поѣстъ, поѣстъ барашекъ—да и въ ясельцы.

135. Пляшу по горницѣ съ работою моей, чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ больше становлюсь.

136. Пять, пять овечекъ зародъ подъѣдаютъ; пять, пять овечекъ (или шестой барашекъ) прочь отбѣгаютъ.

137. Четыре сестрицы вокругъ гоняются, одна другую не догонитъ.

138. Бились паны, колотились паны, пошли въ клѣть, перевѣшались.

139. Въ избу чернымъ ворономъ, изъ избы бѣлымъ лебедемъ.

140. Самъ худъ, голова съ пудъ.

141. На потолкѣ, въ уголкѣ виситъ сито—не руками свито.

142. Что надъ нами вверхъ ногами?

143. Не грѣшна, а повѣшена.

144. Какъ у насъ-то домовой носитъ шубку бархатну; у него-то, него глаза огненные, носъ курносъ, усы торчкомъ, ушки чутки, ножки прытки, когти цѣпки. Днемъ на солнышкѣ лежитъ, чудны сказки говоритъ, ночью бродитъ, на охоту ходитъ.

145. Темень,—хоть выколи глазъ. Что-то неладно у насъ: вонъ будто два огонька шасть... зашуршало слегка, кто-то подкрался тишкомъ... пискнула мышь подъ полемъ.

V. Во дворѣ.

146. Собой не птица, пѣть не поетъ, а кто къ хозяину идетъ, она знать даетъ.

147. Не пахарь, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на селѣ работникъ.

148. Четыре дѣда назадъ бородами.

149. Одинъ махай, четыре гуляй, два дѣтямъ страсть, четыре—всякому сласть.

150. На крайчикѣ на сарайчикѣ двѣ куколки сидятъ.

151. Ничего не болитъ, а все стонетъ, ходитъ по землѣ, а не видитъ неба.

152. Пока съ отцомъ мы жили, мы грязь любили; отца люди убили, а насъ связали, и грязь мы ненавидѣть стали.

153. По горамъ, горамъ ходитъ шуба да кафтанъ.

154. Кто родился съ бородой?

155. Былъ малъ—въ четыре дудки игралъ; выросъ великъ—землю поднялъ.

156. Сѣръ, да не волкъ; длинноухій, да не заяцъ; съ копытами, да не лошадь.

157. У нашей Параши сорокъ рубашекъ; вышла на улицу, вѣтеръ подулъ, и спина гола.

158. Крикъ-Крикъ городъ, въ Крику городѣ Бѣлъ-городъ, въ Бѣлъ-городѣ желтый воскъ.

159. Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будитъ.

160. Два раза родился, ни разу не крестился, самъ пѣлъ, а умеръ—не отпѣли.

161. На одной ногѣ стоитъ, рожкомъ воду пьетъ.

162. Сошлись три батрака и говорятъ—одинъ: «мнѣ лѣтомъ тяжело!» другой: «мнѣ зимой тяжело!», а третій: «мнѣ всегда тяжело!».

164. Четыре брата на свѣтѣ: два меньшіе впереди, два большіе позади, спѣшатъ, бѣгутъ, другъ друга догоняютъ, а догнать не могутъ.

164. Два кума Аввакума, двѣ кумы Авдотьи, двое Пантелеевъ, да десять Андреевъ.

165. Лежитъ—ниже кота; встанетъ—выше коня.

166. Скрученъ, связанъ, на колъ посаженъ, по двору пляшетъ.

167. Опоясали, связали, на рѣку пригнали; хочешь, не хочешь, а пей, да и пой всѣхъ людей.

168. Кланяется, кланяется, придетъ домой—растянется.

169. Въ лѣсъ идетъ—домой глядитъ: изъ лѣсу идетъ—въ лѣсъ глядитъ.

170. Скоро ѣстъ, мелко жуетъ, сама не глотаетъ и другимъ не даетъ.

171. Баба-яга, вилами нога, весь міръ кормитъ, а сама голодна.

172. Два голубя сизыхъ подъ землю ходятъ, людямъ хлѣбъ находятъ.

173. Сито вито о четыре угла.

174. Согнута въ дугу, лѣтомъ на лугу, зимой на крюку.

VI. Въ огородѣ.

175. Антипка низокъ, на немъ сто ризокъ.

176. Семьдесять одежокъ, всѣ безъ застежекъ; ни шитъ, ни кроенъ, а весь въ рубцахъ.

177. Сидитъ баба на грядкѣ, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.

178. Сидитъ дѣдъ, въ шубы одѣтъ: кто его раздѣваетъ, тотъ самъ слезы проливаетъ.

179. Ни окошекъ, ни дверей, полна горница людей.

180. Безъ рукъ, безъ ногъ ползетъ на батогъ.

181. Малы малышкй, катали катышкй, сквозь землю прошли, по тычинкѣ всползли, синю матку нашли.

182. Курочка пустодомъ, свила гнѣздо со дворомъ, сама въ гнѣздѣ, яички наружѣ.

183. Есть плодъ, онъ яблоку сродни, но только разнятся они: одно на вѣточкѣ растетъ между листами, другой-же прячется въ землѣ между корнями.

184. Сидитъ красная дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ.

185. Кругла, да не дыня; зелена, да не дубрава; съ хвостомъ, да не мышь.

186. Сама клубочкомъ, а хвостъ подъ себя.

187. Сверху зелено, снизу красно, въ землю вросло.

188. Сквозь землю прошелъ, красну шапку нашелъ, шапку снялъ, дѣтей спать уклалъ.

189. На тычинкѣ городокъ, въ немъ семьсотъ воеводъ.

190. Лѣзъ Мартынъ черезъ тынъ, самъ перелѣзъ, а голову на тыну оставилъ.

191. Однолѣтняя трава выше кола.
192. Ноги въ землѣ, кишки на деревѣ, голова на свадьбѣ.
193. Стоитъ сто столбовъ, у ста столбовъ сто колецъ, у ста колецъ сто кистей, у ста кистей сто вѣтвей.
194. Хотя не огонь, а жжется.
195. Сто одинъ братъ, всѣ въ одинъ рядъ связаны стоятъ.

VII. Въ селѣ и за селомъ.

196. Утки крякнутъ, берега звякнутъ: собирайтесь, дѣтушки, къ одной матушкѣ!
197. Летитъ звѣрекъ черезъ божій домокъ, летитъ, говоритъ: «вотъ моя силка горитъ!»
198. Село заселено: пѣтухи не поютъ и люди не встаютъ.
199. А что я разлеглася! кабы я встала, такъ до неба достала; кабы руки да ноги, я бы вора связала; кабы ротъ да глаза, я бы все разсказала.
200. Лежитъ брусъ на всю Русь, а станетъ до неба достанетъ.
201. Самъ не видитъ, не слышитъ, а другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счетъ ведетъ.
202. По какой дорогѣ полгода ѣздятъ да полгода ходятъ?
203. Одинъ говоритъ: «побѣжимъ, побѣжимъ»; другой говоритъ: «постоимъ, постоимъ»; третій говоритъ: «покачаемся, покачаемся».
204. Два братца въ воду глядятся, въ вѣкъ не сойдутся.
205. Дорога ровна, лошадь деревянная; везетъ не кормя, только поворачивается.
206. Ѣду, ѣду—ни пути, ни слѣду: смерть подо мной, Богъ надо мной.
207. Лѣтомъ молодица, зимой вдовица.
208. Лежитъ большое зеркало, а подъ зеркаломъ—шлепъ, шлепъ!
209. Въ новой стѣнѣ, въ кругломъ окнѣ, днемъ стекло разбито, а къ утру снова цѣло.
210. Шуба нова, а на подолѣ дыра.
211. Живу я отъ вѣтра и отъ воды; сама не ѣмъ, а тебѣ ѣду готовлю.
212. Птица юстрица на девяти ногахъ стоитъ, на вѣтеръ глядитъ, крыльями машетъ, а улетѣть не можетъ.
213. Скоро ѣстъ, мелко жуетъ, сама не глотаетъ, другой сытъ бываетъ.
214. Трахъ--тарарахъ; стоитъ домъ на горахъ, вода брызжетъ, борода трясется.
215. Два братца грызутся, промежъ нихъ пѣна валитъ.
216. Между горъ, между горъ бѣжитъ конь вороной.
217. Ни море, ни земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя.
218. Выпуча глаза сидитъ, по французски говоритъ, по блошьи прыгаетъ, по человѣчьи плаваетъ.
219. По ножницамъ портной, по щетинѣ чеботарь.
220. Ноги многи, усы длинны, ногами брыкъ, брыкъ.
221 Домъ шумитъ, хозяева молчатъ, пришли люди, хозяевъ забрали, домъ въ окошки ушелъ.
222. Есть крылья—не летаю, ногъ нѣтъ, а гуляю; по землѣ не хожу, на небо не гляжу! звѣздъ не считаю, людей не знаю.

VIII. На пашнѣ, на лугу и въ лѣсу.

223. Тысяча братьевъ вмѣстѣ связаны, на мать поставлены.
224. Маленькій Аѳанасій лычкомъ подпоясанъ.
225. На тонцѣ деревцѣ животы наши качаются.
226. Вздумалъ я въ полѣ присѣсть да хлѣба поѣсть, чуть откушу и слышу «шу-шу»! Шепчутъ въ полѣ: «наше ѣшь, наше ѣшь».
227. На курганѣ варганѣ стоитъ курочка съ серьгами.

228. Самъ жильный, ножки глиняны, головка масляна.
229. Кину съ блошку, выростетъ съ лутошку.
230. Чашечка медку закопана въ ледку до новаго годку.
231. Щука понура хвостомъ вернула, лѣса пали, горы стали.
232. Травы поѣмъ—зубы вытуплю, песку хвачу—опять наточу.
233. Ходитъ гу-гу на лугу, куда глянетъ, трава вянетъ, на томъ мѣстѣ городъ станетъ.
234. Маленькій горбатенькій все поле обскакалъ.
235. Много ногъ, а съ поля возвращается, лежа на спинѣ.
236. Летятъ гуськи, дубовы носки, летятъ, говорятъ: то-то мы! то-то мы!
237. Бѣгутъ бѣгунчики, за ними катунчики, несутъ рогатинку колоть мохнатинку.
238. Весной веселитъ, лѣтомъ холодитъ, осенью умираетъ, весной оживаетъ.
239. Весной въ цвѣтномъ платьицѣ, зимой въ бѣломъ саванѣ.
240. Всѣ паны скинули кафтаны, одинъ панъ не скинулъ кафтанъ.
241. Есть деревцо на четыре дѣла: міръ освѣщаетъ, въ стужу согрѣваетъ, скрипъ колесъ унимаетъ и чистоту соблюдаетъ.
242. Какое дерево безъ вѣтра шумитъ?
243. Подъ ярусомъ, ярусомъ висятъ кисти съ краснымъ гарусомъ.
244. Черненька, маленька, всему свѣту миленька.
245. Сижу на деревѣ, кругла какъ шаръ, красна какъ кровь, вкусна какъ меда.
246. Снесли птички синеньки яички, развѣсили по дереву; скорлупка мяконькъ, бѣлокъ сладенькій, а желтокъ костяной.
247. Стоитъ дерево мохнато, въ мохнатомъ-то гладко, въ гладкомъ-то сладко, про эту сласть и у насъ есть снасть.
248. Стоитъ дерево ханское, платье шамаханское, цвѣты ангельски, когти дьявольски.
249. Стоитъ дерево, цвѣтомъ зелено; въ этомъ деревѣ четыре угодья: первое—больнымъ исцѣленье, другое—ночью освѣщенье, третье—сору очищенье, четвертое—дряхлымъ пеленанье.
250. Выйду въ лѣсъ безъ топора, безъ долота, высѣку двѣ лодки ѣздовыхъ, двѣ доски половыхъ, горшку покрышку, уполовнику ручку.
551. Ростомъ съ дерево, отъ корня до макушки, а отъ земли не видать.
252. Маленькій, удаленькій сквозь землю прошелъ, красну шапочку нашелъ.
253. Мальчикъ съ пальчикъ, бѣлъ балахонъ, шапка красненькая.
254. Стоитъ Трошка на одной ножкѣ, его ищутъ, а онъ нишкнетъ.
255. Сѣровато, зубовато, по полю рыщетъ, телятъ, ягнятъ ищетъ.
256. Дважды родилась, ни разу не крестилась, одинъ разъ умираетъ.
257. Что за птица: спереди шильце, сзади вильцы, сверху синенько суконце, съ исподу бѣло полотенце?
258. Молодой конекъ за море ходокъ; спинка соболина, а брюшко бѣленькое.
259. Уличный мальчишка въ сѣромъ армячишкѣ по дворамъ шныряетъ, крохи подбираетъ, на поляхъ ночуетъ, коноплю воруетъ.
260. Безъ рукъ, безъ топоренка построена избенка.
261. Шапочка алая, жилетка не тканая, кафтанъ рябенькій, а ходитъ босикомъ.
262. Мать, отца не знаю, но часто называю, дѣтей знать не буду, чужимъ сбуду.
263. Бѣла какъ снѣгъ, зелена какъ лукъ, вертка какъ бѣсъ и любитъ лѣсъ.
264. Летитъ птица крутоногая, несетъ тафту крутожелтую, еще та тафта къ Христу годна.
265. Ни дѣвка, ни вдова, ни замужняя жена: дѣтей водитъ, людей кормитъ, дары Богу носитъ.
266. Стоитъ посудина долблена, въ ней кашица не варена.
267. Черенъ, да не воронъ; рогатъ, да не быкъ; шесть ногъ безъ копытъ, идетъ, земли не деретъ.
268. Ползу червячкомъ, питаюсь цвѣткомъ, потомъ засыпаю, себя зарываю, не ѣмъ, не гляжу, неподвижно лежу. Но вдругъ оживаю я съ новой весной, свой гробикъ

стряхаю надъ травой молодой; лечу, веселюся, какъ птичка взовьюся, прекраснѣй въ сто разъ, чѣмъ прежде была я, и радую васъ, по цвѣточкамъ порхая.

269. Ни ракъ, ни рыба, ни звѣрь, ни птица; голосъ тонокъ, носъ долгъ; кто его убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ.

270. Сидитъ пташка на листу, молится Христу: далъ ты мнѣ волю надъ всей ордой, не далъ ты воли надъ рыбой морской.—«Спой пѣсню промежъ Рождества и Крещенья, тогда дамъ тебѣ власть надъ рыбой въ морѣ».

IX. Въ природѣ.

271. Что выше лѣса, краше свѣта, безъ огня горитъ?

272. По зарѣ зарянской катится шаръ вертлянскій, никому его не обойти, не объѣхать.

273. По утру въ сажень, въ полдень въ пядень, а къ вечеру черезъ поле хватаетъ.

275. Ходитъ безъ ногъ, рукава безъ рукъ, уста безъ рѣчи.

275. Мету—не вымету, несу—не вынесу, стемнѣетъ—сама уйдетъ.

276. Безъ огня горитъ, безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ.

277. Надъ дворомъ, дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ.

278. Когда я молодъ былъ, свѣтло свѣтилъ; старъ сталъ, меркнуть сталъ.

279. Встану я рано, бѣла да румяна, умоюсь росой и распущу русую косу свою. Лишь взойду на горы въ вѣнцѣ золотомъ да гляну свѣтлыми очами своими, и человѣкъ и звѣрь возрадуются.

280. Заря зарянница, по полю ходила, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, не сказалъ; солнце увидало, подняло.

281. Поле не мѣряно, овцы не считаны, пастухъ рогатый.

282. Вся дорожка усыпана горошкомъ.

283. Разсыпался горохъ по сту дорогъ: никто его не сберетъ—ни царь, ни царица, ни красная дѣвица, ни бѣлая рыбица.

284. Летитъ орлица по синему небу, крыло распластала, солнышко застлала.

285. Туръ ходитъ по горамъ, турица по доламъ; туръ свиснетъ, турица мигнетъ.

286. Меня никто не видитъ, но всякій слышитъ; а вѣрную спутницу мою всякій можетъ видѣть, но никто не слышитъ.

287. Тонкій, высокій упалъ въ осоку, самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ.

288. Шелъ долговязъ, во сыру землю увязъ.

289. И тонокъ, и долог, а сядетъ—въ травѣ не видать.

290. Меня частенько просятъ, ждутъ; а только покажусь, то прятаться начнутъ.

291. Вечеромъ наземь слетаетъ, ночь на землѣ пребываетъ, утромъ опять улетаетъ.

292. Зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.

293. Летитъ—молчитъ, лежитъ—молчитъ, а умретъ да сгніетъ, тогда заревѣтъ.

294. У насъ на молоду скатерть бѣла весь міръ застлала.

295. Я какъ песчинка малъ, а землю покрываю; я изъ воды, а съ воздуха летаю; какъ пухъ лежу я на поляхъ, какъ алмазъ блещу при солнечныхъ лучахъ.

296. На дворѣ въ холодъ горой, а въ избѣ водой.

297. Стоитъ Ермакъ, на немъ бѣлый колпакъ, ни шитъ, ни бранъ, ни поярковый.

298. Прилетѣла птица безперная, сѣла на дерево безлистое; пришла баба безростая, съѣла птицу безперую.

299. Не хилѣла, не болѣла, а саванъ надѣла.

300. Въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ.

301. Чистъ и ясенъ, какъ алмазъ, дорогъ не бываетъ; онъ отъ матери рожденъ и самъ ее рождаетъ.

302. По сѣнямъ и такъ и сякъ, а въ избу никакъ.

303. Безъ рукъ, безъ ногъ подъ окномъ стучитъ, въ избу просится.

304. Кто мостъ на рѣкѣ моститъ безъ топора, безъ долота, безъ клиньевъ, безъ подклинковъ.

305. Старикъ у воротъ тепло уволокъ, самъ не бѣжитъ и стоять не велитъ.

306. Я потрещу, а ты бей въ ладоши да пляши.

307. Я не самъ по себѣ, а сильнѣе всего и страшнѣе всего; всѣ меня любятъ и всѣ меня губятъ.

308. Красненькій пѣтушокъ по жердочкѣ бѣжитъ.

309. Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, плачетъ безъ души, смѣется безъ радости.

X. Во времени.

310. Выросло дерево отъ земли до неба, на этомъ деревѣ 12 сучковъ, на каждомъ сучкѣ по 4 гнѣзда, въ каждомъ гнѣздѣ по 7 яицъ.

311. Стоитъ садъ, въ саду двѣнадцать грядъ, на грядахъ четыре борозды, въ бороздѣ по семи кочней.

312. Тридцать постель, тридцать гостей, постель съ постелью не сойдется, гость съ гостемъ не столкнется.

313. Въ саду царскомъ, на деревѣ райскомъ, съ боку малина, съ другого калина, съ третьяго вишенье, а съ четвертаго нѣтъ ничего—одно зябелье.

314. Прилетѣла пава, сѣла на лаву, распустила перья для всякаго зелья.

315. Всѣхъ наградила, все загубила.

316. Какъ ни сердита матка, а прикрыла дѣтокъ пуховымъ одѣяльцемъ.

317. Бѣлая лебедь на яйцахъ сидитъ.

318. Сестра къ брату въ гости идетъ, а братъ отъ сестры прячется.

319. Махнула птица крыломъ и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ.

320. Стоитъ цвѣтъ, всему міру свѣтъ, на семи верстахъ, на семи столбахъ.

Отгадки.

1. Голова.
2. Языкъ, глаза, уши.
3. Глаза.
4. Глазъ.
5. Взглядъ.
6. Слѣпой.
7. Носъ.
8. Ротъ.
9. Зубы.
10. Зубы и языкъ.
11. 12. } Языкъ.
13. Ложка, зубы и языкъ.
14. Ухо.
15. 16. } Пальцы.
17. Умъ.
18. Человѣкъ въ дѣтствѣ, въ полномъ возрастѣ и въ старости.
19. Младенецъ въ колыбели.
20. Бабушка, ея дочь и внучка.
21. Земледѣлецъ.
22. Нищій.
23. Мука и хлѣбъ.
24. Хлѣбъ.
25. Хлѣбы въ печи.
26. 27. } Яйцо.
28. Молоко.
29. Гречиха.
30. Лапша.
31. Пельмени.
32. Блинъ на сковородѣ.
33. Ракъ.
34. Рака, когда его сварятъ.
35. Раковыя и орѣховыя скорлупы.
36. 37. } Орѣхъ.
38. Соль.
39. Сахаръ.
40. Медъ въ сотахъ.
41. Арбузъ.
42. Рѣпа.
43. Вишни.
44. Ленъ.
45. Лукъ.

46. Соль.
47. Рюмка въ рукѣ.

---

48. Рубашка.
49. Ленъ.
50. Серьги.
51. Поясъ.
52. Пуговица въ петлѣ.
53. Рука въ перчаткѣ.
54. Перчатка.
55. Сапоги.
56. Нога въ сапогѣ.
57. Гвоздь въ сапогѣ.
58. 59. Лапти.
60. Нога въ лаптѣ.
61. Зонтъ.

---

62. Домъ.
63. Изба (углы).
64. Бревно въ стѣнѣ.
65. Бревна на моху; матица.
66. Накатъ на матицѣ.
67. Матица.
68. Полъ и потолокъ.
69. Крыша.
70. Дверь.
71. Тоже: косяки, притолка, порогъ, полотно и пята.
72. Замокъ.
73. Лѣстница.
74. Рама въ окнѣ.
75. Окно.
76. Солнечный лучъ.
77. Дымъ въ волоковое окно.
78. Болтъ у окна.
79. Печь, загнета и угли
80. Печь.
81. Печь, огонь, дымъ.
82. Печная труба.
83. Заслонка.
84. Подъ въ печи.
85. Хлѣбы въ печи и лопата.
86. Загнета и угли.
87. Сковорода на угляхъ и сковородникъ.
88. Уголь.
89. 90. Ухватъ.
91. 92. Помело.
93. 94. Вѣникъ.
95. 96. Ушатъ.
97. Ведра.
98. Коромысло на плечахъ.
99. Перевясло на ведрѣ.
100. Ковшъ.
101. 102. Горшокъ.
103. Котелъ и горшокъ.
104. Бочка.
105. Квашня.
106. Квашня киснетъ.
107. 108. Сито.
109. Терка.
110. 111. Самоваръ.
112. Чайникъ.
113. Столъ.
114. Стулъ.
115. Кровать.
116. Кошма.
117. Подушка.
118. Перышко, пухъ.
119. 120. 121. Свѣча.
122. Свѣча передъ иконою.
123. Очепъ, журавецъ.
124. Свѣтецъ и лучина.
125. 126. Часы.
127. Зеркало.
128. Гребень.
129. 130. 131. Иголка.
132. Наперстокъ.
133. Ножницы.
134. Складной ножъ.
135. Веретно.
136. Пряденье.
137. Воробы
138. Цѣпы.
139. Лутошка.
140. Безмѣнъ.
141. Тенето.
142. Муха.
142. Птица въ клѣткѣ.
144. 145. Кошка.

---

146. Собака.
147. Лошадь.

148. Щетки на ногахъ лошади.
149. Корова: хвостъ, ноги, рога, вымя.
150. Рога.
151. Свинья.
152. Поросята.
153. Овца.
154. Козелъ.
155. Волъ.
156. Оселъ.
158. Курица и яйцо.
159. Пѣтухъ.
160. Пѣтухъ.
161. Гусь.
162. Телѣга, сани и лошадь.
163. Колеса.
164. Дровни: полозья, оглобли, копылья
165. Дуга.
166. Метла.
167. Бочка.
168. } Топоръ.
169. } Топоръ за спиной.
170. Пила.
171. Соха.
172. Сошники.
173. Борона.
174. Коса.

175.
176. } Капуста.
177.
178. } Лукъ.
179. Огурецъ.
180.
181. } Горохъ.
182.
183. } Картофель.
184. Морковь, свекла.
185.
186. } Рѣпа.
187. Свекла, морковь.
188.
189. } Макъ.
190. Тыква.
191.
192. } Хмѣль.
193.
194. Кропива.
195. Плетень и тынъ.

---

196. Звонъ на церкви.
197. Пчела.
198. Кладбище.
199.
200. } Дорога.
201. Верстовой столбъ.
202. По рѣкѣ.
203. Рѣка, берега, кусты.
204. Берега.
205. Рѣка и судно.
206. Плыву въ лодкѣ
207. Лодка.
208. Ледъ на рѣкѣ.
209.
210. } Прорубь.
211.
212.
213. } Мельница.
214.
215. Жернова.
216. Ручей.
217. Болото.
218. Лягушка.
219.
220. } Ракъ.
221. Рыба въ рѣкѣ и неводъ.
222. Рыба.

---

223. Снопы на землѣ.
224. Снопъ.
225.
226. } Колосья.
227. Овесъ.
228. Ленъ, конопля.
229. Конопля.
230. Озимь.
231.
232. } Коса.
233.
234. Серпъ.
235. Борона.
236. Цѣпы.
237. Телѣга, а на ней вилы.
238.
239. } Лѣсъ.
240. Лиственныя деревья и хвойное.
241. Береза.
242. Осина.
243. Рябина.
244. Черемуха.
245. Вишня.
246. Сливы.
247. Орѣшникъ.
248. Шиповникъ.
249. Береза.
250. Желуди.

251. Сердцевина въ деревѣ.
252. 253. 254. Грибъ.
255. Волкъ.
256. Птица.
257. 258. Ласточка.
259. Воробей.
260. Птичье гнѣздо.
261. Щегленокъ.
262. Кукушка.
203. Сорока.
264. 265. Пчела.
266. Улей.
267. Жукъ.
268. Превращенія насѣк.: гусеница, куколка, бабочка.
269. 270. Комаръ.

---

271. 272. Солнца.
273. 274. 275. Тѣнь.
276. Солнце.
277. 278. Мѣсяцъ.
279. Заря.
280. Заря и роса.
281. Небо, звѣзды и мѣсяцъ.
282. 283. Звѣзды.
284. Тучи.
285. Туча, громъ и молнія.
286. Громъ и молнія.
287. 288. 289. 290. Дождь.
291. Роса.
292. 293. 294. 295. 296. Снѣгъ.
297. Снѣгъ на пнѣ.
298. Снѣгъ и весеннее тепло.
299. Земля, снѣгъ.
300. 301. Ледъ.
302. Вѣтеръ.
303. Тоже.
304. 305. 306. Холодъ.
307. 308. Огонь.
309. Отголосокъ, эхо.

---

310. 311. Годъ: мѣсяцы, недѣли, дни.
312. Дни въ мѣсяцѣ.
313. Времена года.
314. Весна.
315. Осень.
316. 317. Зима.
318. День и ночь.
319. Ночь.
320. Пасха и Великій постъ.

Игры крестьянскихъ дѣтей Казанской губерніи. Свіяжскаго уѣзда села Бежбатманъ.

Игры въ мячъ.

1) Въ большую лапту. Игра мячёмъ въ большую лапту носитъ на себѣ характеръ отчасти воинственный. Для игры въ большую лапту крестьянскія дѣти, мальчики и дѣвочки, выбираютъ двоихъ самыхъ большихъ мальчиковъ и называютъ ихъ матками. Матки опредѣляютъ для игры пространство длиною около саженъ пятнадцати, одинъ его конецъ назначаютъ для тяги, а другой для буя или боя. Послѣ этого матки метаютъ между собою жребій, кому изъ нихъ достанется право выбирать партію и кому первому достанется открыть битву. Жребій мечается такимъ образомъ: одна изъ матокъ беретъ черепочекъ, на одну сторону его плюнетъ и говоритъ другой маткѣ: мусленаго или сухаго? другая матка скажетъ, положимъ, сухаго и черепокъ кидается вверхъ. Когда черепокъ упадетъ на землю, то обѣ матки бѣгутъ смотрѣть, какой стороной онъ легъ къ верху, мусленой или сухой. Если черепокъ легъ къ верху мусленой стороной, то, значитъ, выигрываетъ право первая матка, а если сухой, то вторая. Между тѣмъ, пока матки мечать жребій, прочіе мальчики и дѣвочки, желающіе играть въ большую лапту, водятся, т. е. всѣ раздѣляются на парочки. Каждая парочка отходитъ немного въ сторону и тамъ беретъ въ руки по равной травкѣ, или по разной вещичкѣ, или же даетъ себѣ разныя названія предметовъ; идетъ потомъ къ маткамъ и спрашиваетъ: «кто мати? Матка, которой досталось право, отвѣчаетъ: «Ярама» [1]). Парочка водящихся спрашиваетъ матку Яраму, кого ему изъ нихъ надобно, но приэтомъ говорятъ не свои имена, а названіе травокъ, вещицъ и разныхъ другихъ предметовъ: напр. 1) парочка спрашиваетъ: полынки или репейка? 2) цвѣточка или листочка? 3) камешка или черепочка? 4) щепочка или стружечки? 5) соловья или воробья? и т. д. Матка Ярама, хотя и имѣетъ право выбора, но не зная, кто изъ парочки, что держитъ въ своей рукѣ, или кто изъ нихъ, какъ называется, отвѣчаетъ всегда на авось и потому нерѣдко беретъ даже худшихъ. Выбранные маткою Ярамой мальчики и дѣвочки составляютъ полкъ бѣгающихъ и идутъ къ тягѣ, а не выбранные маткою Ярамой составляютъ полкъ другой матки и идутъ на буй. Партія, занявшая позицію на тягѣ, беретъ мячъ и лапту (лопатку длиною съ аршинъ на подобіе лодочнаго весла) и мячъ бьетъ лаптой, или въ сторону буя, или вверхъ. Каждый изъ играющихъ, стоящихъ на тягѣ, разъ ударивъ мячъ лаптой, или промахнувшись, долженъ бываетъ пока бьютъ другіе, сбѣгать къ бую и опять возвратиться къ тягѣ, иначе онъ не получитъ права бить мячъ во второй разъ. Когда одинъ или многіе пробившіе, чтобы получить на игру новое право бѣгутъ къ бую или обратно къ тягѣ, тогда стоящіе на бую ловятъ летящій къ нимъ мячъ и бросаютъ имъ въ бѣгущихъ,—ласятъ. Иногда стоящіе на бую сами не ласятъ, но перекиды-

[1]) Непонятное слово: оно или Татарское, происходитъ отъ настоящаго врем. 1 лица, единст. числа (Яромынъ—раздѣляю) или славянское рамо-плечо, крыло, партія, отрядъ, или испорченное русское Я мама въ Ярама.

ваютъ мячъ своей маткѣ, стоящей у тяги, и она уже ласитъ бѣгущихъ къ тягѣ. Когда всѣ изъ партіи бѣгающихъ пробьютъ по разу мячъ, но не одинъ изъ нихъ еще не сбѣгаетъ къ бую по причинѣ слабаго удара или совершенныхъ промаховъ, когда бѣжать, значитъ-рисковать, тогда ихъ выручаетъ матка. Она пользуется правомъ бить лаптой три раза и сравнительно съ другими бьетъ мячь сильно, такъ что во время ея одного даже удара всѣ успѣваютъ сбѣгать къ бую и прибѣжать назадъ къ тягѣ. Въ этой игрѣ одна партія бьетъ мячъ и бѣгаетъ, а другая ловитъ мячъ и кидаетъ имъ въ бѣгающихъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ послѣдней партіи не заласитъ кого нибудь изъ первой партіи. Или до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе бѣгающей партіи пробьютъ по разу и не сбѣгаютъ къ бую даже во время троекратнаго боя матки. Когда кто нибудь будетъ залашенъ, или некому болѣе будетъ бить, тогда партія, стоявшая на буѣ, торжествуетъ: она весело идетъ бить мячъ лаптой къ тягѣ, а побѣжденная партія идетъ на буй. Нужно замѣтить, что при залашиваніи у играющихъ есть одно довольно сильное условіе. Когда кто нибудь будетъ залашенъ уже недалеко отъ черты, границы тяги, то онъ проситъ у матки ласящей партіи позволенія съ той точки, на которой былъ залашенъ, тянуться до черты. Матка позволяетъ и залашенный, размахавши предварительно руками, дѣлаетъ обѣими ногами вразъ скачекъ ближе къ тягѣ, затѣмъ онъ весь растягивается по землѣ и рукою старается достать черту, опредѣленную для игры—тягу. Если залашенный дотянется до черты, отъ чего она и получила названіе тяги, то ударъ мяча ему не вмѣняется, партія не мѣняется мѣстами, а если не дотянется, то изъ-за него, какъ измѣнника, вся партія бѣгающихъ невесело идетъ на буй. Во время игры въ большую лапту, если кому-нибудь изъ партіи бѣгающихъ нужно будетъ на время оставить игру, то онъ говоритъ: не чуръ мяча, не чуръ лапты, заднихъ ногъ! Что означаютъ эти заговорныя слова для насъ не совсѣмъ понятно, но играющіе посвоему понимаютъ ихъ очень хорошо: они изъ этихъ словъ составляютъ себѣ такое понятіе: не тронь лапту, не тронь меня въ ноги, и уходящаго неласятъ. Въ эту игру играютъ дѣти лѣтомъ на лугу, какъ мальчики, такъ и дѣвочки.

2. Въ маленькую лапту. Желающіе играть въ эту игру также раздѣляются на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стоятъ болѣе ловкіе мальчики-матки. Одна партія по жребію должна бить лаптой мячъ, а другая идти въ поле. Игра въ маленькую лапту состоитъ въ слѣдующемъ: ставится на землю на одно ребро доска длиною съ аршинъ, а шириною въ четверть, съ одной стороны чѣмъ нибудь, чтобы не падала, подпирается. Послѣ этого одинъ изъ партіи, которой досталось бить, беретъ въ правую руку лапту, въ лѣвую мячъ и, подбросивъ его немного вверхъ, ударяетъ мячъ лаптой. Мячъ, какъ пуля, катится въ поле, но стоящая въ полѣ по разнымъ направленіямъ партія его останавливаетъ, и тотъ, кто остановилъ мячъ, съ того мѣста, прицѣлившись, кидаетъ его по направленію къ доскѣ, которая составляетъ цѣль. Если кидавшій мячъ не попадетъ имъ въ доску, тогда тотъ, кто билъ мячъ, опять бьетъ его, а если кидавшій изъ поля мячъ попадетъ имъ въ цѣль-доску, тогда бившій передаетъ лапту и мячъ другому изъ партіи; когда пробьетъ другой, и партія, стоящая въ полѣ не попадетъ мячомъ въ доску, тогда бьющій снова бьетъ, а прежде бившій выручается, т. е. получаетъ право бить мячъ снова. Если же партія, стоящая въ полѣ, послѣ перваго удара второго мальчика попадетъ прямо въ доску, то тогда не только не оправдывается бившій прежде, но отставляется кочъ и самъ бьющій. Когда всѣ играющіе будутъ сряду откочены,—устранены партіей стоящей въ полѣ, или вслѣдствіе своихъ промаховъ, тогда оправдываетъ ихъ матка. Она пользуется правомъ бить сряду три раза, хотя бы и дала два промаха сряду. Если въ третій разъ мячъ улетитъ далеко, а партія, стоящая въ полѣ, не попадетъ мячомъ въ доску, тогда первый бьющій изъ играющихъ оправдывается, бьетъ и опять выручаетъ матку. Когда матка дастъ три промаха или три раза сряду будетъ отбита противной партіей, тогда бываетъ совершенный шахъ: партія, стоящая въ полѣ, побѣдила, она идетъ съ торжествомъ къ доскѣ, а побѣжденная отправляется въ поле.

Перемѣна партіями позицій чаще бываетъ отъ другого условія; оно состоитъ въ слѣдующемъ; когда кто нибудь изъ партіи бьющихъ, по неловкости, ударитъ мячъ не

книзу, но вверхъ, тогда партія стоящихъ въ полѣ всѣми мѣрами старается схватить его съ лёту въ руки, и если поймаетъ, то идетъ бить къ доскѣ, а бившую партію прогоняетъ въ поле. Когда въ партіи не достаетъ одного человѣка противъ партіи стоящей въ полѣ, тогда въ ней кто нибудь играетъ на двѣ руки, т. е. бьетъ и за себя и за недостающаго. Въ эту игру играютъ мальчики и дѣвочки въ продолженіе всего лѣта на лугу.

3. Еще въ маленькую лапту. Въ этой игрѣ идетъ не партія на партію, а одинъ противъ всѣхъ играющихъ. Этотъ одинъ, кто-бы онъ ни былъ, беретъ мячъ и кладетъ его на маленькую лапту (лопаточку), а подъ вострый конецъ лапты подкладываетъ какую нибудь баклашечку. Послѣ этого мальчикъ беретъ свисгъ и ударяетъ имъ по поднятому концу лапты, отъ чего мячъ, находящійся на широкомъ концѣ лапты, взвивается вверхъ. Когда мячъ станетъ спускаться внизъ, тогда каждый изъ играющихъ старается схватить мячъ прямо съ лёту и, если мячъ кѣмъ нибудь будедъ съѣденъ, т. е. пойманъ, тотъ идетъ бить его съ лапты, а прежде бившій идетъ ловить; когда же мячъ останется никѣмъ не пойманъ, тогда продолжаетъ бить его тотъ-же мальчикъ. Игра происходитъ лѣтомъ на лугу; играютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки отъ 8 лѣтъ до 14 лѣтъ.

4. Въ панскій переметъ. Для игры въ панскій переметъ играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи и встаютъ другъ противъ друга на разстояніи приблизительно десяти саженъ. Послѣ этого одна партія беретъ мячъ и кидаетъ его въ руки другой партіи. Поймавшій мячъ съ лёту отдаетъ его своей партіи, а самъ идетъ къ противной партіи. Его партія кидаетъ ему мячъ, но мячъ ловятъ и другіе. Если мячъ поймаетъ пришлецъ изъ чужой партіи, то онъ всю партію, за которой стоялъ, пытками гонитъ на мѣсто своей партіи, его партія съ торжествомъ переходитъ на мѣсто прогнанной, въ рядъ которой снова встаетъ и побѣдитель. Когда-же мяча игрокъ изъ чужой партіи не поймаетъ, а поймаетъ его кто нибудь изъ своихъ, тогда пришлецъ съ большимъ позоромъ прогоняется обратно. Когда мячъ какъ партія, такъ и пришлецъ не поймаютъ, тогда прогона никому не бываетъ, и пришлецъ опять кидаетъ мячъ къ своей партіи. Поймавшій мячъ опять также отдаетъ его кому нибудь изъ своей партіи, а самъ въ противной партіи присоединяется къ первому пришлецу.

Иногда случается, что вся партія переходитъ назадъ другой партіи и гоняетъ сё къ мѣсту, на которомъ стояли сами. Переметъ начинается побѣдителями.

5. Изъ-за угла вонъ. Для игры мячомъ изъ-за угла вонъ всѣ дѣти раздѣляются на двѣ равныя партіи. Затѣмъ среди площадки посредствомъ разныхъ камешковъ, чурочекъ, палочекъ, соломы и тому подобнаго на улицѣ дѣлаютъ довольно обширный кругъ, радіусъ котораго иногда восходитъ до 5 саженъ; когда играющихъ немного, то и кругъ дѣлаютъ небольшой. Дѣти о томъ, которой партіи идти въ кругъ и которой идти за уголъ какого нибудь вблизи находящагося строенія, мечутъ жребій. Послѣ этого одна партія идетъ въ уголъ, а другая въ кругъ или, какъ говорятъ сами играющіе, въ городъ. Партія, которой достанется идти за уголъ, торжествуетъ: она играетъ роль осаждающихъ городъ, а партія въ кругу находящаяся — осаждаемыхъ. Пришедши за уголъ, матка партіи, какъ полководецъ, дѣлаетъ распоряженіе о томъ, кто долженъ взять мячъ и какъ онъ въ извѣстномъ (положеніи) случаѣ долженъ бить въ осаждаемыхъ. Получившій мячъ, кладетъ его въ зепь (карманъ) или пазуху, а не получившіе спускаютъ свои руки въ зепи или пазухи или завертываютъ въ свои рубахи, представляя тѣмъ, что и они держатъ мячъ. Вооружившись такимъ образомъ, вся партія начинаетъ выходить изъ-за угла и кричитъ: «изъ-за угла вонъ-вонъ! изъ-за угла вонъ-вонъ!» Съ такими торжественными словами партія окружаетъ весь городъ. Находящіеся въ кругу, не зная именно у кого мячъ, потому что будто-бы всѣ осаждающіе съ мячами, чтобы не убили, не знаютъ куда дѣваться и не знаютъ отъ кого удаляться, къ кому можно подходить безопасно. Между тѣмъ держащій мячъ только и ждетъ того случая: не подойдетъ-ли кто ближе, или не встанетъ-ли къ нему задомъ. Такъ кто нибудь изъ осаждаемыхъ бѣгаетъ отъ всѣхъ прочихъ и какъ на грѣхъ подходитъ ближе къ вооруженному. Случай готовъ. Вооруженный быстро вытаскиваетъ изъ зепи мячъ и бьетъ имъ несчастнаго врага. Послѣ этого самъ онъ и вся

его партія бѣгутъ за уголъ. У нихъ оружія не стало, оно въ рукахъ ихъ враговъ, которые, схвативъ мячъ, поспѣшно кидаютъ его въ бѣгущихъ. Если въ той и другой партіи будетъ по убитому, то игру продолжаютъ только остальные, а убитые—залашенные, отходятъ прочь. Такъ осаждающіе дѣлаютъ нападеніе на городъ до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ всѣхъ осаждаемыхъ или пока всѣ не будутъ перебиты осаждающіе сами. Послѣ осады побѣдители всей партіей идутъ за уголъ, а побѣжденные входятъ въ кругъ. При этомъ нужно замѣтить, что осаждаемые рѣдко выходятъ побѣдителями и часто въ продолженіе всей игры находятся въ осадномъ положеніи. Игра изъ-за угла вонъ, (какъ я думаю, читатели, замѣтили), чисто воинственная. Въ ней играютъ дѣти отъ 8 до 14 лѣтъ обоего пола въ продолженіе всего краснаго лѣта на лугу.

6. Въ тесъ. Дѣти обоего пола берутъ мячъ и по очереди начинаютъ имъ играть въ такъ называемый тесъ. Игра въ тесъ состоитъ изъ двѣнадцати фигуръ.

Фигура 1-я. Играющій, взявъ мячъ, кидаетъ его на крышу какого нибудь строенія покрытаго тесомъ, тогда мячъ съ покатой крыши начинаетъ скатываться внизъ, тогда играющій не давая ему упасть на землю, ловитъ его обѣими руками положенное число разъ.

Фигура 2-я. Во второй фигурѣ играющій также кидаетъ мячъ на тесовую крышу, но ловитъ его уже одной рукой, а не обѣими.

Фигура 3-я. Играющій прислоняется спиною къ какой нибудь стѣнѣ, голову загибаетъ назадъ и въ такомъ положеніи кидаетъ мячъ такъ, чтобы онъ ударяясь объ стѣну выше головы, могъ упасть опять ему въ руки. Мячъ здѣсь изображаетъ галку.

Фигура 4-я. Въ четвертой фигурѣ играющій такимъ же образомъ кидаетъ и ловитъ уже одной рукой.

Фигура 5-я, въ стѣну бить. Играющій кидаетъ мячъ въ стѣну, и когда онъ отъ нея отскочитъ, то онъ, не схватывая его въ руки, тотчасъ-же снова отталкиваетъ въ стѣну. Эта фигура дѣлается только одной рукой.

Фигура 6-я, барашки. Игрокъ кидаетъ мячъ ладонью, нѣсколько его подбросивъ въ вверхъ, перевертываетъ руку затылкомъ и когда мячъ коснется затылка руки, игрокъ, опять подбросивъ его затылкомъ, перевертываетъ руку ладонью вверхъ и т. д. до законнаго числа.

Фигура 7-я, хамъ-съѣмъ-бочу. Игрокъ тихо опуская мячъ изъ руки внизъ и не давая ему долетѣть еще до земли, опять быстро его схватываетъ одной и той-же рукой, при этомъ онъ говоритъ: «хамъ, съѣмъ, бочу».

Фигура 8-я, въ землю заколочу. Игрокъ сильно ударяетъ въ землю мячомъ, когда мячъ отскакиваетъ, снова его отбиваетъ при этомъ говоритъ: «въ землю заколочу».

Фигура 9-я. Игрокъ лѣвой рукой упирается въ стѣну, а правою съ низу кидаетъ, черезъ нее, вверхъ мячъ и, не давая ему упасть на полъ, снова тотчасъ же ловитъ.

Фигура 10-я. Игрокъ поднимаетъ вверхъ лѣвую ногу, кидаетъ черезъ нее съ низу вверхъ мячъ, снова ловитъ его, когда онъ, описавъ кругъ, станетъ опускаться на землю.

Фигура 11-я, свѣчи лить. Игрокъ кидаетъ мячъ вверхъ, и когда онъ упадетъ на землю и отскочитъ отъ нея, тогда онъ его снова ловитъ. Положенное число разъ онъ ловитъ обѣими руками и потомъ столько же разъ одной рукой.

Фигура 12-я, молиться. Игрокъ кидаетъ мячъ не просто вверхъ, а въ стѣну, даетъ ему упасть на землю и потомъ уже, когда онъ отскочитъ, снова ловитъ его и опять кидаетъ. Когда игрокъ исполнитъ эти всѣ фигуры должнымъ образомъ, т. е. ни разу не уронитъ, когда его нужно схватить, тогда онъ со словами: «жениться хочу» мячъ кидаетъ вверхъ и подъ него подставляетъ свою вершинку. Если мячъ, отскочивши отъ вершинки игрока, будетъ кѣмъ нибудь на лету пойманъ, то у игрока пропадетъ задаромъ весь трудъ и онъ, чтобы выдти, всѣ фигуры дѣлаетъ снова. Если же мячъ не будетъ пойманъ слёту, то игрокъ, значитъ, вышелъ и начинаетъ дѣлать другой, чей чередъ. Если играющій, на которой нибудь фигурѣ уронитъ мячъ, то, по закону игры, уже онъ не имѣетъ права продолжать, передаетъ мячъ другому, а самъ

ждетъ новаго череда. Когда до него дойдетъ новый чередъ, то онъ начинаетъ игру съ той фигуры, на которой остановился.

Когда всѣ играющіе выполнятъ сразу или не сразу всѣ фигуры, иначе сказать выйдутъ, женятся, и останется одинъ, тогда игра кончается и начинаются пытки. Несчастный игрокъ, оставшійся послѣднимъ и, не выполнивши остальныя фигуры съ одного пріема, принужденъ бываетъ, по закону игры, взять себя лѣвой рукой за правое ухо, а правую руку съ мячемъ просунуть въ образовавшійся кругъ, стать лицомъ въ какой нибудь уголъ и черезъ свое лѣвое плечо кидать къ своимъ товарищамъ, съ тѣмъ, чтобы они его били имъ въ спину, давали пытки. Онъ желалъ-бы закинуть мячь какъ можно далѣе, потому законъ игры требуетъ бить съ того мѣста, гдѣ онъ остановится; пытка тогда была бы слабѣе, мячь потерялъ бы много полученной силы, а можетъ быть совсѣмъ не долетѣлъ бы, кромѣ того тогда, по дальности разстоянія, нерѣдки были бы совершенные промахи; но ловко-ли кидать черезъ лѣвое плечо и притомъ, когда кольцо, образовавшееся изъ лѣвой руки, совершенно мѣшаетъ размахнуться? вотъ мячь пролетѣлъ не болѣе друхъ саженъ, вдругъ падаетъ, вяло онъ катится нѣсколько шагогъ и останавливается. Мячь поднимаетъ одинъ изъ вышедшихъ игроковъ и со всего размаха кидаетъ имъ въ спину несчастнаго, неловкаго игрока, съ тѣмъ чтобы онъ игралъ впередъ ловчѣе и искуснѣе. Пытуемый самъ беретъ свой бичъ и опять такимъ же образомъ кидаетъ его своимъ палачамъ—товарищамъ для такого-же удара, новой пытки. Каждый игрокъ, выполнившій, какъ слѣдуетъ, всѣ требованія игры, даетъ несчастному своему товарищу по три пытки. Такимъ образомъ, когда всѣхъ играющихъ бываетъ напр. 11 человѣкъ, тогда неловкій игрокъ получаетъ 30 пытокъ.

Это ужасно! Пытуемый судорожно ждетъ каждой пытки, жалобно вздрагиваетъ отъ каждаго сильнѣйшаго удара, наконецъ нерѣдко плачетъ. Подвергаясь пыткѣ несчастному, конечно, слѣдовало бы закаяться, чтобъ въ эту игру впередъ не играть и идти скорѣй домой. Такъ нѣтъ! онъ обиженъ, онъ наказанъ и непремѣнно хочетъ во второй разъ играть съ тѣмъ, чтобы хотя одному своему товарищу—палачу отомстить той же монетой; месть въ немъ кипитъ, и онъ съ затаенной злобой играетъ во второй разъ; нерѣдко снова вмѣсто мести принужденъ бываетъ самъ претерпѣватъ трудную пытку.

7. Игра въ ямки. Мячомъ въ ямки играютъ дѣти обоего пола отъ 8 лѣтъ до 12 и болѣе, въ продолженіе всего лѣта на зеленомъ лугу. Сила выигрыша въ этой игрѣ не только зависитъ отъ ловкости, сколько отъ случайности. Въ ней всѣ игроки принимаютъ участіе, каждому хочется выиграть интересъ, кто выиграетъ, тотъ не только избавляется пытокъ отъ другихъ, но самъ кидаетъ ихъ по нѣскольку проигравшимъ. Играющіе чертятъ на землѣ квадратъ величиною около двухъ саженъ, и затѣмъ каждый съ открытіемъ игры, беретъ себѣ палочку, роетъ ею себѣ въ объемъ мяча ямку. Ямки роются по одной прямой линіи, или гусемъ на разстояніи вершковъ двухъ каждая. Вырывъ ямку, каждый изъ играющихъ становится въ нее пяткой правой ноги и, поднявъ лѣвую ногу, начинаетъ вокругъ себя вертѣться. Это дѣлаетъ каждый для того, чтобы ямка была круглая и гладкая, словомъ, самая удобная для принятія катящагося мяча. Кончивъ ямки, всѣ дѣти сгруппировываются около ямокъ въ квадратѣ, а двое мальчиковъ встаютъ по направленію ямокъ одинъ съ того, а другой съ другого конца и начинаютъ другъ другу катать черезъ ямки мячь. Мячь, прыгая изъ ямки въ ямку, наконецъ въ чьей нибудь останавливается. Тутъ хозяинъ быстро схватываетъ мячь и тотчасъ кидаетъ имъ въ кого нибудь изъ своихъ товарищей, бѣгущихъ вонъ изъ квадрата; когда ласящій не сдѣлаетъ промаха, въ кого нибудь попадетъ мячомъ за чертой квадрата, тогда въ ямку залашеннаго кидается камешекъ или щепочка, это значитъ, что хозяинъ этой ямочки уже разъ залашенъ. Когда же ласящій промахнется, тогда комешекъ или щепочку кладутъ въ ямку ласящаго въ знакъ его промаха.

Знакъ полученнаго отъ мяча удара и знакъ промаха имѣютъ для обоихъ невыгодныя послѣдствія, потому что у кого ихъ ранѣе, чѣмъ у послѣднихъ составится извѣстное условное число значковъ, положимъ пять, долженъ терпѣтъ непріятныя пытки. Если же играющій такъ быстро выхватитъ мячь изъ своей ямки, что прочіе играющіе не

успѣютъ даже выбѣжать за черту квадрата, то онъ въ квадратѣ никого не имѣетъ никакого права ласить, а долженъ бываетъ мячъ кидать вверхъ съ тѣмъ, чтобы дать прочимъ играющимъ удобный случай выбѣжать изъ квадрата, но въ то же время, какъ только товарищи выбѣгутъ за черту квадрата, онъ ловитъ сверху мячъ и ласитъ бѣгущихъ. Когда у кого изъ играющихъ накопится условное число значковъ, тогда онъ выходитъ за черту квадрата и готовится къ пыткамъ. Прочіе продолжаютъ играть и играютъ до тѣхъ поръ, пока одинъ за другимъ всѣ, кромѣ одного, получивши полное число значковъ ударовъ и промаховъ, не выйдутъ изъ квадрата. Игрокъ, который не получитъ ни одного отъ другихъ лашень, а самъ не сдѣлаетъ ни одного промаха или когда то и другое выпадетъ на его долю въ меньшей мѣрѣ, остается побѣдителемъ. Побѣдитель отходитъ на нѣсколько сажень отъ своихъ товарищей, срываетъ съ луга какую нибудь травку, либо цвѣточекъ, притомъ такъ, чтобы товарищи никакъ немогли подглядѣть, какого именно рода сорванную травку онъ кладетъ въ свой карманъ, затѣмъ беретъ въ руки мячъ. Игроки послѣ этого идутъ на то мѣсто, гдѣ побѣдитель сорвалъ травку. Они также всѣ срываютъ по травкѣ или по цвѣточку и идутъ казать сорванное побѣдителю. Каждый изъ нихъ долженъ сорвать ту травку или цвѣточекъ, которую сорвалъ побѣдитель. Побѣдитель тайно отъ другихъ, поочередно, осматриваетъ у каждаго сорванное и тѣмъ, которые сорвали травку не ту, которую онъ, не угадали, даетъ въ спину по пыткѣ и отсылаетъ снова за новой травкой, а тѣхъ, которые отгадали, онъ спокойно отсылаетъ на свое мѣсто. Не угадавшіе травку въ первый разъ, часто не угадываютъ во второй, въ третій разъ и болѣе, и такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ пытки до тѣхъ поръ, пока не сорветъ травку того именно рода, какую сорвалъ побѣдитель. Послѣ пытокъ побѣдитель обязанъ всѣмъ показать сорванную имъ травку.

8. Въ коньки. Мячемъ въ коньки играютъ только мальчики и то довольно уже взрослые. Въ коньки играютъ такъ: Нѣсколько мальчиковъ встаютъ въ одинъ кругъ, и одинъ изъ нихъ, взявъ мячъ ударяетъ имъ что есть силы о землю. Отскочившій отъ земли, мячъ нѣсколько мальчиковъ стараются поймать съ лету въ свои руки. Тотъ мальчикъ, который поймаетъ мячъ, садится послѣ этого въ одинъ разъ на спины всѣхъ другихъ мальчиковъ, ловившихъ мячъ, и снова ударяетъ имъ о землю, снова его ловитъ онъ самъ и другіе. Поймавшій мячъ всегда садится на спины другихъ ловившихъ, но не поймавшихъ, и ударяетъ мячъ о землю. На тѣхъ-же мальчиковъ, которые въ извѣстный разъ не ловили мячъ, поймавшій мячъ не садится. Въ этомъ состоитъ вся игра, но всѣмъ въ ней весело, всѣ смѣются. Свое названіе «коньки» игра получила отъ того, что здѣсь сидѣнье одного на спинѣ другаго весьма напоминаетъ ѣзду на конѣ верхомъ.

9. Игра въ наквитку. Нѣсколько дѣтей, иногда съ десятокъ, а иногда и двое берутъ мячъ и начинаютъ имъ бить объ твердую землю, чаще-же объ какія нибудь доски или полъ. Отскакивающій отъ пола мячъ мальчикъ, не схватывая въ руки, ладонью опять его толкаетъ объ полъ и дѣлаетъ такъ до тѣхъ поръ, пока не промахнется. Удачно сдѣланное число ударовъ мячемъ объ полъ другой подручный мальчикъ непремѣнно долженъ отвадить и по возможности наквитать на своего товарища— подручнаго. А этотъ подручный въ свою очередь долженъ сдѣлать тоже самое и т. д. Весь интересъ этой игры заключается въ большинствѣ ударовъ-наквиты одного на другаго, и пытокъ здѣсь за неловкость нѣтъ. Въ наквиту играютъ большею частью въ комнатахъ.

А. Можаровскій.

Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія.

Сообщеніе П. К. Симони.

I.

Словарь областныхъ словъ, употребляемыхъ въ г. Устюгѣ Великомъ. (по записи 1757 г.).

Приведенный ниже словарикъ извлеченъ нами изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII столѣтія, принадлежащаго собранію рукописей графа А. С. Уварова и полученъ нами отъ глубокоуважаемой графини П. С. Уваровой, которой и спѣшимъ вмѣстѣ съ читателями настоящаго сообщенія выразить нашу душевную признательность за любезное разрѣшеніе воспользоваться столь любопытнымъ матеріаломъ, въ немъ находящимся, и за обязательнѣйшее содѣйствіе нашей научной работѣ. Краткое описаніе означеннаго сборника № 2039 (176) (писаннаго скорописью на 160 листахъ въ 16 д. л.) см. въ «Систематическомъ описаніи Славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова», составленн. Архим. Леонидомъ, въ IV-ой части (М. 1894), Отдѣл. XVII, на стр. 398. Болѣе подробно весь настоящій сборникъ будетъ описанъ нами въ другомъ трудѣ нашемъ «Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій» (печатающемся въ томахъ 66 и 67 Сборника Отдѣленія русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ); пока же считаемъ достаточнымъ отмѣтить здѣсь, что сборникъ Великоустюжскихъ словъ помѣщенъ на лл. 1—14 об. и составляетъ особую тетрадку въ самомъ началѣ всего сборника; писанъ онъ въ рамкахъ, сдѣланныхъ чернилами и раздѣленныхъ чертою сверху внизъ пополамъ. Слова писаны въ лѣвой половинѣ страницы, толкованія же ихъ на правой. Отдѣлы съ словами на каждую букву начинаются всегда съ новой страницы. На лл. 16—19 помѣщены дополненія съ словами на буквы *б—ю*, а далѣе на лл. 56—73а снова повторенъ въ перебѣленной копіи весь словарь съ буквы *б* до *ю* включительно, но заглавіе опущено, на л. 56, гдѣ было выписано слово Артель съ толкованіемъ его—письмо тщательно выскоблено. Вторичное воспроизведеніе текста всего сборника словъ вызвано было вѣроятно потребностію свести весь разбросанный по разнымъ мѣстамъ словарный матеріалъ въ одномъ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ первой редакціи словаря встрѣчаются поправки и приписки разными чернилами; отмѣчена нами и разница въ орѳографическихъ пріемахъ записей 1-ой и 2-ой редакціи, причемъ въ настоящемъ изданіи первая редакція была нами принята за основную, а важнѣйшіе только варіанты и всѣ дополненія изъ текста второй редакціи присоединены въ печатномъ текстѣ въ скобкахъ. Прибавимъ еще, что на л. 160 читается запись: «1754 годꙋ генваря 10 числа подарилъ сеи книго' префектъ резанскои симинари Семенъ Алеѯѣичь Прапорщика Петра Жеребцова: (в Москвѣ:)».

При нѣкоторыхъ словахъ не дано объясненія ихъ значенія. При печатаніи буквы церковнославянскаго шрифта ѕ, ꙋ, ї и паерки, а также ударенія, надстрочные знаки, выносныя буквы, приписки варіантовъ надъ строкою и проч. здѣсь не соблюдены въ полной точности за неимѣніемъ таковыхъ въ типографіи, къ исправной же передачѣ вообще рукописнаго текста было приложено все стараніе издателя.

Краткое нѣкото | рыхъ рѣчей, въ Устю | гѣ великомъ, и прот | чихъ окрестныхъ градѣхъ отъ тамошнихя | обывателей употреб | ляемыхъ: Собраніе по алѳави | тѹ.

А.

Артѣль—харчь или пища.

Б.

Божница—полица, на которой образы (=ббразы) ставятъ.
Баско—хороше(-о), добрѣ.
Барте—пожалуй.
Басюся—украшаюсь.
Вусъ—мушная пыль.
Барда—мутное питіе.
Башъ—бишъ.
Вулькаю (л. 56 об. булкаю)—чимъ нибудь воду разбиваю.
Бугай—деревенское худое женское платье: сараѳан.
Баскій—хорошій.
Батъ: дубасъ—судно, изъ бревна выдолбленое.
Бусѣнецъ дождь—мѣлкій дождь.
Божатка—хрестная мати.
Вирючь—кликъ.
Волтушка—квас или пиво с толокном.
Бормотало—кто худъ языком.
Бормочю—худо говорю.
Буситъ—весьма мал й дождь идетъ.
Ботатъ (на л. 57 ботаетъ)—по водѣ чѣм бьетъ.
Булдыри (бул'дыри)—валдыри, *v* на водѣ бывают от вѣтру.
Бутыга—корова.
Бачерничетъ—небережно что разлѣвает.

В.

Валентиръ—лѣнивый, праздный.
Вачиги—рукавицы.
Вилавой—лукавой.
Вехоть—мочалка, которой моютъ *).
Вица—лоза, прутикъ, дубч (на л. 57 об. дуб).
Воробы—на чемъ нити вьют.
Видѣньјо—лице.
Вичьіо **) (=вѣч'іо набать)—на батъ.
Вјоснусь—весною.
Вилавство—лукавство.
Ворчю—мормочу.
Веретія. рјолка (=ріолка)—отиѣль.
Ворлыхан—вороватой человѣкъ.
Волокъ—чрез густой лѣс дорога.
В'тепу—в'биваю.
В'двиреть (=вдвиреть)—в'д'вое.
В'юха—лукавой человѣкъ.
В'еперливаю—в'пехиваю.
Верещитъ—пылко горитъ.
Витушка—колачь маленкой.

Г.

Галушишъ — насмѣваеш'ся, издѣвас-(шъся?)
Галушітъ—издѣвается ***).
Горшовикъ—отымалка.
Голчю—говорю.
Голбецъ—подъ избою онбаръ: казјонка.
Годня—способное время.
Гоношитъ—укратчи что берет.
Гадитъ—бранитъ.
Губница—масленики вареные.
Горошница—горох вареной.

Д.

Дубасъ—сараѳанъ: бревно выдолбленое.
Деженъ—съ чимъ нибудь смѣшеное толокно.
Дивнѣнькой, диковинной, дивной—немалъ, посредъственъ, многонкій.
Дулю—пью.
Дулитъ—п'етъ.
Дождь сѣно(с)гной—маленкой дождь.
Душникъ—рыжики вареные.

Є.

Еретиха или еретитъ—кто скоро говоритъ.

Ж.

Житчина—тонинкіи прутик (=тонеиьки пруток)
Жирникъ—ношникъ.
Жаравецъ—высокое у колодца бревно или очепъ.

*) На л. 16 лыко, которым что моют.
**) Изъ *u* сдѣлано *ѣ*.
***) л. 16 об. Галушитъ—смѣется.

З.

Захабецъ—выдолбленое мѣсто.
Зипунъ—каѳтанъ(=кафтанъ.)
Зимусь—зимою.
Заступъ—скребокъ.
Закоковѣло, закоробило—замерзло.
Зѣвало—рохля, простакъ.
Захрязло, (захрясло)—загустѣло.
Зепь—карманъ.
Захолусье (=л. 60 об. Захолузье)—темное мѣсто.

И. І.

Извара—барда.
йзжилъ—скупый.

К.

Колшу(=комшу)—ѣмъ.
Коты—чирики.
Куржевина—инѣй.
Каѳтанъ—шуба.
Кутю, кутю—куръ скликають.
Кабатъ—деревенское женское платье.
Кутерга—вѣтръ со снѣгомъ, несетъ или съ дождем.
Кутитъ или метјőтъ—вѣтръ со снѣгомъ несетъ или съ дождем.
Кипючіи—суровый или быстрый.
Коробитъ—холодно.
Кокотокъ—ударъ.
Колотовато—трудно.
Кары - весма худо.
Калита—корманъ.
Колотится—стучится.
Курица паруйя—коя цыплят высѣжыват
Клечь—стебль.
Канючитъ—просить.
Кобенитъ—несетъ.
Калиги—őбувь что на мертвых клад(ут).
Калики—люди, кои переходят из город(а) в город јспѣваюіъ стихи(....).
Колотыга—докучливой человѣкъ.
Колско—слиско.
Кобенитъ—несетъ *).
Ковырею—землю копаю.
Крен'дель—колачь.
Колоушъ—киса.

Л.

Луда—густое съ чимъ либо смѣшеное толокно.
Латанье, лопоть—платье драное, худое.
Лучевникъ—касарь.
Лони—прошлого году.
Лытаю—гуляю.
Ладио—хорошо.
Лихо—больно(=бол'ко).
Лѣтось—лѣтомъ.
Люсо—изрядно, хороше.
Лыва, лужа—в логу вода дождевая.
Лопатъ—много ѣстъ.
Лыщикъ—лукавый.
Лащытся—ласкается.
Лихоманникъ—сія рѣчь сожалителная.

М.

Морокомъ прошло—чуть Богъ помиловалъ.
Меріоховица—обжіора.
Мѣлъ—дрожди.
Моршнй—ис сырои кожы обувь.
Мережа—сѣть.
Молотило—цепъ.
Мію—мою.
Мась, мась—овецъ кличутъ.
Мутовозъ—у преслицы веревка.
Мормочю—худо говорю.
Морочной день—мрачной день.
Михритъ—ѣстъ.
Мумритъ—худо *г*—тихо ѣстъ.

Н.

Нагрудникъ—заповъ.
Нахалъ—наянливый, напрасливый.
Наянъ—тожъ.
Нагавки—носкі у чулковъ.
Негодѣсьбы—такъ бы.
Нѣтйна—
Нкеирь—непотребный.
Надолызло—наскучило.
Напарья—буравъ.
Неуболитъ—с'купитца.
Наурвал'ся—нахлебался.
Нухритъ—чево ищетъ.

О.

Оціомъ—для чего.
Окурал'ся—худо оболокся.
Охлобыстень, охлебіоска—ударъ.
Очапъ (=л. 64: очапъ)—на чемъ висить колыбѣль.
Охлупень—на кровлѣ верхнее бревно (долот...?)
Осенесь—осенью.
Охота—хочется.

*) На л. 62 при перепискѣ опущено.

Одноконно—конѣчно.
Окутал'ся—одѣлся.
Опйхаю—отталкиваю.
О́хобачиваю—бью.
О́щоулникъ—лукавыи.
О́ханъ—обманшик, лстецъ
О́турил—ударил.
О́кортомил—наемъ отдалъ.
О́щера—несогласной человѣкъ.
О́стеклел—пьян стал *v* напился.

П.

Папыря—ставецъ.
Пересовецъ—шестъ грядки.
Проуха—у бревна ушы.
[1]) Пургаско—малой человѣкъ.
Паперсть—на грудѣ у коня ремень
Подхвія—ремень на хрептѣ коня. (л. 17 об.: подхвія—такая ест конска з'бруя.
Похвій—ни к чему негодной человѣкъ.
Потникъ—под сѣдломъ войлокъ.
Паужнаю—полдничею—въ полдень ѣмъ.
Порато—очунь, зѣло.
Приголовашокъ—подголовокъ.
Падера—погода; буря зѣлная.
Поджнвотникъ—тѣсма *).
Прикопоткн—носки.
Пареница—рѣпа пареная.
Пятра.
Порубень.
Понява.
Прикопоткй—носкй къ чулкам.
Пары—добрѣ, изрядно.
Порно—сило.
Пачесные нити—изолну вычески, а из того нити.
Поварница—чюмичь.
Перевала—дожль, которой с переменой йдет(тъ?)
Потеряха—к женскому полу сіе: которая заблудится.
Подлаза—лукавый.
Подхолюзился—запечалился.
Пригорюнился—тож.

Р.

Райна—машта.
Ручка—кадочка.
Рямушка—трепица.
Ростышкиваю—розбужаю.
Рощокол'да.
Радуница.
Рогаль—колачь (неболшой).
Ротитъ—бранитъ.

С.

Салникъ—ношникъ.
Силница—на чомъ муку сѣют, лотокъ.
Свесть—своячина.
Стырь—во тчанѣ втулокъ.
(р)стышкиваю **)—розбужаю
Страдую—всякій хлѣбъ с поля збираю.
Страда—съ поля збираніе хлѣба.
Сокѣра—топоръ тупой.
Ступни—обутки из лыка сплетены.
С'сачиваю—ищу.
Свитилно—свѣтецъ.
Скуделникъ—мертвыя тѣла опрятывающій.
Стјоганица—побой.
Скудаетца—не можетъ.
Своjо стебенит.
Сырчаты сѣчотся—старается.
Стушлетъ—бьетъ.
Стушлею—бью.
Сталяя—лутче.
Сопіотъ (=л. 67: Сопјотъ)—много ѣстъ или велми крычит.
Сузіомъ (=сузјомъ)—непроходимое мѣсто в лѣсу.
Сестріон'ка—во втором колѣнѣ сестра.
Скалозубъ—просмѣшникъ.
Слиско—колско.
Сопатъ—много ѣстъ. Гряз(ь)ю идетъ.
Собачится—бранится.
Стышкиваю—бужу.
Согра—густой лѣсъ.
Сопотъ—лошат скоро бежитъ.

---

*) *ѣ* выправлено изъ первоначальнаго *а*.

**) Скоблено и остался слѣдъ начальной буквы р. На л. 66 об.—стышкиваю—разбужаю.

[1]) Пургаско—первоначально не князекъ-ли Чудской,—не насмѣшливое-ли прозвище? Срв. «Мѣс. Априля (1229 г.)» придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду (Нижнему) ...«побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву и всю Русь Пургасову, а Пургасъ едва въ малѣ утече». (Пушк. лѣтоп. Карамз. И. Г. Р. III, Пр. 350). Русь Пургасова—Русскія люди среди мордвы. *Ред.*

Т.

Тревожу—в набатъ бью.
Туисокъ (=туйсокъ)—буракъ.
Тепенка—квасъ съ толокномъ.
Тюричокъ—мотушка.
Торочокъ—шнурокъ.
Трямза, или тузъ или трезвонъ—разъ ударъ.
Тупица—топоръ тупый.
Туесъ—буракъ.
Тобурка—завертка.
Татарская вороница.
Турусить—с'сосна говоритъ.
Трелюжится—величается.
Толочитъ—за волосы дерет іли что рвет.
Туровитъ—торопитъ.
Торножитъ—толкаетъ.
Токаритъ—себѣ что присваивает.
Тепня—худо что сварено.
Токарь—что точит.

У Ꙋ.

Упаки: уледи—обутки изъ сырой кожи.
Уваливаю—посороняюсь.
Уваливай вода падіотъ.—отиди.

Ф Ꙋ.

Ѳуркаю.

Х.

Хруны—коросты.
Харавина—кожа.
Хазъ.
Харлапанъ.
Хлопочю.
Хлепетинье.
Холызнулъ.
Хрушки' (=хрушкій), хрушко—крупный, крупно.
Хлопнетъ—ростреснется.
Холтур(а?) (=холтуры).
Холнулъ бы—ударил бы.
Хорхорюсь—хвалюс *v* величаюсь.
Хапнулъ—много чего выпил *v* с'ѣлъ.
Хапилищо—нахалной человѣкъ.
Халтура—что даром достанется пит, *г* ѣсть.
Хлибокъ—нетерпѣлив.

Ѿ.

Отваливай збуторомъ—отиди прочь

Ц.

Ціело—лобъ: или у печи устье.
Ципушка.
Цыпышъ—у коровья сосца само' кончик.

Ч.

Чапаруха—чарка
Чюсы—серги.
Читуха—гололедица.
Часо̂тъ—теперь, недавно̂.
Чивцо—черенъ у лопаты или у ложки.
Чивилги—тонкіе ноги.
Чолпанъ.
Чюпоршни.
Черепанъ—который горшки дѣлаетъ.
Черемной — рыжой, красные волосы (власы) јмѣю (ющъ?).

Ш.

Шабуръ—балахонъ.
Шуба—одѣяло.
Шан'га—пјрогъ незащипаной.
Шейма—снасть на которой якорь спущаютъ.
Шолга—среди судна древо.
Шерхебель.
Шелега.
Шипко—учюнь (=очюнь), жестоко.
Шушунъ или свитка—деревенское женское платье.
Шабарчитъ или шарчит—тихо идетъ кто.
Шаркунцы̂ (=л. 71 об.: шиpкунцы) — колокольчи̂ки̂.
Штјо—что
Шпынь—шутъ.
Шишиморю—укратчи что беру.
Шаклея—мѣлкая рыба.
Шингаю—что разтеребливаю.

Щ.

Щепетко—хороше.
Щаплю—бодрюсь.
Щуваю—закликиваю (=закликаю).
Щетинится—противится.
щотъ Устюжской: два, друзя два, пяташта, сема восма, девята десята

Ѧ.

Ягушка—малая овечка.
Ярушникъ—ячменной хлѣбъ.
Язнулся—взялься.

Ю.

Юритъ—в чем ни есть обманывает.
Юровиха—рѣзвая.

Далѣе на л. 15 об. помѣщены отмѣтки словъ вѣроятно съ цѣлію дать имъ впослѣдствіи опредѣленіе:

Vocabularium

прочный непрочный, самородной | подѣлка. пересужаю. промежныи | отлоги отложистыя укромонно... | мимоходом рухлый накану | нѣ

На л. 73 есть помѣтка карандашемъ 301 (т. е. слово?).

II.

Вятскій областной словарь (1772 г.).

Въ бумагахъ покойнаго академика А. М. Шёгрена (1794—1855), хранящихся во II Отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ находится между прочимъ помѣщенный ниже рукописный почеркомъ XVIII вѣка (на 12 страницахъ въ 4 д. л.) сборничекъ Вятскихъ областныхъ словъ, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившійся (обрывается на буквѣ *С*). Надо думать, что словарикъ этотъ былъ доставленъ изъ Вятской губерніи академику Шёгрену, путешествовавшему въ 1824 г. по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію для собиранія матеріаловъ по Статистикѣ Россіи, которую онъ готовился преподавать Высочайшимъ Особамъ.

На тетради словаря есть старая помѣтка чернилами: «Отпускъ, Іюня 18 дня 1772 года». Въ настоящее время словарь этотъ включенъ въ томъ, значащійся подъ шифрами—по каталогу П. И. Лерха—(Man. Sjoegreni. Cat. Lerchi) p. 19. 42. № 28 и по новому описанію бумагъ ак. Шёгрена магистра Э. А. Вольтера—Man. Sjögreni III. 1828. xx м/vi. (Къ сожалѣнію ни каталогъ Лерха, ни описаніе г. Вольтера до сихъ поръ еще не изданы). Выносныя буквы переданы курсивомъ. Заглавныя слова въ подлинникѣ пишутся всегда съ строчной буквы.

Слова и Рѣчи

Въ Вятской Провинціи особливо у Простолюдиновъ употребляемые.

А.

Слова и рѣчи — ихъ знаменованіе

Абáлтусъ—нескладный тѣломъ.
Алы́рю—притворяюся больнымъ.
Арáсина—дубина палка большая.
Астрàпъ—не пригожій ч(е)л(овѣ)къ.
А'тте!—вотъ еще! *знакъ удивленія.*

Б.

Бакýлить,—разговаривать отъ скуки.
Баклýши бить—пустое дѣлать.
Бàско—хорошо.
Бàхорю, бáю,—говорю.
Бажý—предвозвѣщаю худо или добро.
Барàбаю—граблями или перстами царапаю.
Барамóшу — препятствую словами или дѣломъ.
Балýнъ—привыклый играть.
Балýю—безчинничаю.
Баклàшокъ—фляга деревянная плоская.
Базàню—крычу, плачу громко.
Базàнъ—крикунъ.
Баламы́ка—жидко разведенное толокно.
Бáлмашъ—безразсудной.
Брылà—губа.
Бы́рко—стремительно.
Быркаю—бросаю.
Булы́чь—кой выпучилъ глаза.
Булычѝ—выпученные глаза.
Бурылàю—ртомъ пузыри пущаю.
Бузýю—перемѣшиваю.
Варàхтаюсь—борюсь.
Болдóбаи—невѣжа грубой.
Безпрію́тный—бездомной.

Бачеля̀га—рычагъ.
Бро̀дни—туфли.
Бла̀го—много.
Блажно̀й—дуракъ.

В

Вила̀влю—лукавлю.
Вила̀вый—лукавый.
Варлы̀жу—играю всегда.
Верюха̀ю—ломаю, коверкаю.
Во̀сетъ—недавно.
Ва̀тлаю—нескладно говорю.
Варо̀во—скоро.
Ва̀ксю—худо пишу дѣлаю.
Вѝследь—повѣса, виликой и *дурной*.
Вѝча или вица—прутъ.
Вича̀жина—долгой прутъ.
Ва̀лень—лѣнивой.
Воро̀бы—инструментъ съ котораго моты свиваютъ.
Во̀рохъ—куча жита или сѣмени.
Ворошу̀—въ кучу собираю.
Ва̀реги—нижніе рукавицы.

Г.

Гоношу̀—безпрестанно что нибудь дѣлаю.
Га̀ркаю—кликаю.
Гу̀ня—одежда худая.
Го̀ны—разстояніе пахатной земли.
Гро̀хотъ—решето коимъ жито подсѣваютъ.
Голу̀бница—жилье въ избахъ крестьянскихъ подкрышкою. напотолокѣ.
Го̀жо—хорошо.
Га̀чи—*колоши* нижнія части портковъ около икръ.
Гойта̀нъ—тканецъ или цепка, на чемъ крестъ виситъ на шеп.
Га̀дюся—бранюсь.
Гомзу̀ля—часть хлѣба, мяса, совокупленіе круглыхъ вещей какъ напр. вмѣстѣ ростущихъ орѣховъ.
Гу̀рба—толпа.
Груню̀—тише рыси ѣду.
Горемы̀ка—несчастный.
Горе мычу—несчастіе терплю.

Д.

Дѝвно—не мало.
Дю̀жо—сильно.
Дрю̀чу—сплю много.
Деветѝбратъ—шершень болшой жолтой родъ не сѣкомыхъ.
Дыля̀ю—бѣгаю чего.
До̀сталь—(нарѣчіе) наипаче. Больше паче.
До̀сталь (имя)—Бумажные красные нитки.

Е.

Ѐрепесь или Ерпеса—суетливый нетерпѣливый.
Егошу̀сь—съ боку на бокъ переворачиваюсь.

Ж.

Жѝлюсь—о подлой вещи спорю.
Журю̀—увѣщаваю, выговариваю.
Жихру̀ю—живу.
Жу̀брю—ѣмъ тихо.

З.

За̀рюсь—въ азартъ прихожу.
Зба̀лмашъ—безразсудно. Ни съ того ни съ слово.
Захолу̀стье—мѣсто глухое окруженное высотами.
Зы̀бка—колыбель.
За̀рко—азартно.
Зипу̀нъ-кавтанъ сѣрой.
Задѐцъ—заходъ, нужникъ.
Заро̀дъ—скирда.
Заро̀къ положить—положить твердое обѣщаніе что нибудь не дѣлать.
Запонъ—Спереди платья подвязанная простинка особливо у женъ; иногда и у поваровъ.

И.

Испола̀тъ—спасибо, хорошо.
И'верень—отломокъ изъ средины.
Изъя̀нъ—убытокъ порча.
Іо̀мко—способно лехко.

К.

Корова̀й,—коврига, хлѣбъ одинъ спеченой.
Тоточѝгъ—инструментъ коимъ лапти ковыряютъ.
Кря̀таюсь—по младенчески крычу.
Кана̀ю—о комъ стараюсь.
Курѐнь—деревня.
Кумелго̀ю катится—черезъ голову переметыватся, переворачиватся.
Ку̀барь—шаръ.
Ка̀верзы—клеветы жалобы.
Ку̀десю—въ уединеніи что нибудь дѣлаю.
Кащу̀—испражняюсь.
Космы̀ли—неубранные волосы.
Космы̀ля—неучесаной.
Коса̀рь—ножъ коим лучину щепаютъ.
Кулба̀ка—пирогъ съ рыбою.
Ко̀ртомъ—оброкъ.
Котря̀ю—коверкаю, ломаю въ мѣлко.
Канючу—безстыдно прошу.
Коко̀ра—пень съ кореньемъ вывороченой.
Кожѝлюсь—напрягаюсь.
Кобѐню—тяжелое несу или везу.

Л.

Лытаю—удаляюсь чего.
Лопоть—платье.
Лукаю—бросаю.
Лонись—прошлого года.
Лотонье—худое платье.
Лебезю—нѣжу.
Лепстокъ—лоскутъ.
Ляпокъ—малый ударъ, щолчокъ.

М.

Мчу—скоро волоку что.
Мормышъ—животное круглое сорное съ хвостикомъ въ гнилыхъ лужахъ зародившоеся кое просто уполовниками поварiонками называется. и, какъ сказываютъ въ лягушку превращается.
Мичурюсь—кривлю, лице моршу.
Морхи—манжеты у диревенскихъ женщинъ.
Моргую—гнушаюсь.
Морую—тихо дѣлаю.
Матица—перекладъ средней на которомъ потолокъ лежитъ.
Моршень—женской чепецъ на лбу сморшеной.
Махоня—имѣющiй долгiе рукава.
Моросить—мѣлкой дождь идетъ.
Малахай—шапка съ ушами.

Н.

Насупливаюсь—надуваюсь знаки огорченiя показываю.
Нырокъ—утка ныряющая, выбой на дорогѣ.
На угадъ—напрасно безразсудно.
Намѣкомъ } По догадкѣ.
На удалую }
На яню—нападаю безъ резону.
На юру—на высокомъ открытомъ мѣстѣ.
Негунь—молчи.
Нагайка—плеть.
Неряха—невѣжа изъ женскаго пола.
Наториваюсь—навыкаю.
Норовъ—привычка.
Ночва—лотокъ.

О.

Оборка—бѣчовка тонкая веревка.
Односумъ—товарищъ въ пути.
Обаимъ—ошара цыганъ обманщикъ.
Огудаю—обманываю.
Огудало—обманщикъ.
Остолопъ—повѣса.
Охлупень—выдолбленное бревно коимъ съ верху крышечныхъ досокъ концы прикрываютъ и прижимаютъ.
Окарываю—оздоравливаю.
Оследь—долгое бревно.
Ощоулъ—насмѣшникъ.
Ощоулить—насмѣхатся.

П.

Путъ, пучокъ—связка.
Поратъ—весма.
Поздрю—порчу.
Пащолокъ—ударъ невеликой.
Пестерь—кузовъ плетеной изъ лыкъ или берестовъ.
Похаблю—порчу.
Понитокъ—кавтанъ сермяжной изъ шерсти и нитокъ.
Пазгать—пылать.
Пристежъ—ожерелье женское.
Позора—неспокойное житьё.
Паполза—волокита.
Подволока—жилье над сѣнями.
Перекувыриваюсь—чрезъ голову перемѣтываюсь.
Подъ пазухи—мѣсто подъ плечами.
Пазуха—мѣсто подъ платьемъ на грудѣ.

Р.

Розиня—невѣжа полоротъ.
Рострепеня—неуборной.
Роблю—работаю.
Рогаль или рогуль—руковятка у сохи.
Рушаю—хлѣбъ рѣжу.

С.

Сутяга—ссорливой.
Слань—фашинникъ.
Статюсь—хорошимъ кажусь.
Свѣрiожой—здоровой
Садко—больно.

(Конца не сохранилось).

Объ особенностяхъ языка, въ г. Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ, Волог. губ.

(1850 г.).

---

1) Особенности мѣстнаго произношенія, состоящія въ особенной любви къ нѣкоторымъ звукамъ и переходѣ однихъ въ другіе, суть слѣдующія: слово нравъ произносится со вставкою буквы *д*, напр., говорятъ: это ему не ндравится. Въ нѣкоторыхъ словахъ буква *я* замѣняется буквою *е*, напр. егненокъ, еица, петница, тенемъ,—вмѣсто ягненокъ, яицо, пятница, тянемъ и т. п. Здѣсь любима замѣна буквы *ч* буквою *ц* и на оборотъ; а потому постоянно произносятся: цѣловѣкъ, цяй, цяшка, уцитель, вм. человѣкъ, чай, чашка, учитель и т. п. также черковь, а иногда и черква, чярь и т. вм. церковь, Царь. Буква *щ* замѣняется буквою *ш* и *сш*—сушество, вообше, вешь, веши, мѣсшанинъ вм. существо, вообще, вещь, вещи, мѣщанинъ. Слово лещъ произносится въ именительномъ падежѣ единств. числа правильно, но въ прочихъ падежахъ и во множеств. числѣ иначе—лешта, лешти. Щи называютъ шти. Вм. по шести, напр. рублей, говорятъ по шти руб.; карта шестерка называется считка, семерка и восьмерка—семитка, восьмитка. Также говорятъ комбата вм. комната; щё, сцё и штё вм. что,

Буква *ѣ* постоянно въ глаголахъ замѣняется буквою *и*—умию, смию, надиюсь, пондемъ, посвити и т. п.

Вмѣсто стрижемъ, печемъ говорятъ стригемъ, пекемъ. Всѣ глаголы въ прошедшемъ времени вм. *лъ* оканчивается на *у* (какъ-бы полугласное)—нашоў, браниўся, видяў, наняўся и т. п. Нѣкоторые глаголы въ прошедшемъ времени оканчиваются на *ѣлъ* вм. *илъ*—говорѣлъ, шутѣлъ, печка истопѣлася. Глаголы, кончащіеся на *ся* рѣдко сокращаются на *сь* въ 1-мъ лицѣ настоящ, и будущ. временъ и женскаго рода въ прошедшемъ времени, и потому говорятъ: моюся, боюся, отправлюся, прогуляюся, одѣлася, причесалася и т. п. и 3-е лицо един. и множ. числа настоящ. и будущ. временъ оканчивается на *ца* вм. *ся*, напр. онъ боитца, многіе смѣютца. Глаголъ курить въ повелит. наклон. оканчиваютъ на *ь*—курь трубку, курьте сигару.

Постоянно употребляются здѣсь слова: матерь, дочерь, и очень многіе говорягъ Марія, а не Марья; также говорятъ: на-встрѣту, кстины, кститься, вм. на-встрѣчу, крестины, креститься. Яшная мука называется ясная: спина произносится спи̂на; сегодня—севодни; вм. нынѣ—нонѣ; на-перепуть—на-спутье.

Частица *ка*, прилагаемая къ глаголамъ, напр., пойдемъ-ка, принеси-ка и т. п., прикладывается и къ мѣстоименіямъ 1-го и 2-го лица въ дательномъ падежѣ единств. числа—мнѣ-ка, тебѣ-ка; также гдѣ-ка.

2) Изъ общеизвѣстныхъ словъ здѣсь употребляются въ особенномъ смыслѣ слѣдующія: дивно употребляется съ большою любовію въ значеніи: довольно, много, а иногда и хорошо; напр., спрашиваютъ: много ли было въ извѣстномъ мѣстѣ народу или гостей?—«дивно—таки или дивненько», если не очень много; а если много—«дивно говоритъ, иногда и людно, но первое употребительнѣе послѣдняго; говорятъ также: дивно времени, дивно снѣгу и т. п. Тутъ-то живетъ дивненько или дивно таки т. е. довольно хорошо. Шибко и порàто имѣютъ тоже значеніе, кромѣ хорошо.

Городъ Архангельскъ называется просто городъ, и потому выраженіе—онъ отвалилъ къ городу, или—онъ теперь у городи, значитъ: поплылъ въ въ Архангельскъ, или—онъ въ Архангельскѣ. Всякая вещь, привезенная изъ Архан-

гельска, называется городскою, такъ наприм. эта семга городская, а не Печора, полотно городское и т. п. значитъ Архангельское.

Подъ словомъ губы здѣсь разумѣются лѣсныя растенія—грибы съ подраздѣленіемъ ихъ на породы; а губы у человѣка называются брилы. Ягода поляника называется княжица, а красная смородина—кислица. Лихо значитъ тошно, больно; Мѣлъ—дрожжи, сутки—передній уголъ въ комнатѣ (подъ образами), сегодній—нынѣшній. Если кто испортилъ что либо, тому говорятъ: «экъ ты это изругàлъ!»

Вмѣсто почему, отъ чего или для чего? постоянно говорятъ о чемъ (произносимое о цёмъ); напр, о чемъ ты не пошелъ гулять? о чемъ ты его не любишь? и т. п. Вмѣсто утвержденія такъ точно или да говорятъ какъ же! Спрашиваютъ напр., вы родственникъ тому-то? ужъ непримѣнно отвѣтитъ—«какъ-же»! или: вы сегодня имянинникъ?—«какъ-же!» какъ будто иначе и быть не можетъ.

Если надобно узнать фамилію или прозваніе чье-либо, то спрашиваютъ: чьихъ (цьихъ) ты пишешься? А если спросить — какъ твая фамилія? то, пожалуй, можно получить отвѣтъ—здоровы потому что фамиліей многіе здѣсь называютъ жену. Судя по вопросу—чьихъ, и отвѣтъ бываетъ также въ родительн. падежѣ множеств. числа; отъ этого есть здѣсь нѣсколько и коренныхъ фамилій на *ыхъ* или *ихъ* напр., Бѣлыхъ, Нагихъ и т. п. Даже и обыкновенныя фамиліи перемѣняются при такомъ вопросѣ въ родит. множеств. числа, такъ напр. вм. Соболевъ, Протопоповъ говорятъ: Соболевыхъ, Протопоповыхъ.

3) Наконецъ помѣщается здѣсь нѣсколько словъ мѣстныхъ, съ пояснительными примѣрами употребленія ихъ въ рѣчи. Къ числу такихъ словъ относятся слѣдующія: клàньцить и клешобòить, слова почти синонимическія,—означающія много или лишка говорить. Они употребляются крестьянами при продажѣ чего либо. Значеніе ихъ можно видѣть яснѣе изъ слѣдующихъ мѣстныхъ выраженій: да сцё тутъ? много кляньцить я не люблю, давай буде (наприм. за возъ дровъ) послѣднюю чѣну—двоегривенникъ!« или: кто много торгуется тому говорятъ: «да сцё тутъ клешобоить-то?—давай буде то-то». Очень часто употребляются слова: на-собàцство, нà-покась т. е на-зло, напротивъ. Артѝль—собрàніе кушанья къ столу, напр. говорятъ: «у нихъ севодни и артили-то нѣтъ, одинъ хлѣбъ». Вѣхоть—мочалка, которою моютъ посуду, полы; латка—плошка, крынка; цяркѝ-коты или головки, пришиваемыя къ голенищамъ. Вм. нынѣ говорятъ понѣ; лонѝ, лонѝсь зн. прошлаго года, хрушкòй—крупный, дрỳгомя—иначе; робить—работать, доспѝть—сдѣлать повелит. наклон. робь, доспѝй; заѣдка—закуска.

Бранныя слова: дѝкой, шкаредь, возми тебя цёрная немоць; трессся (лихорадка), будь ты киловатъ!

Въ разговорѣ постоянно употребляется словцо тòтъ-воно или товò-воно, означающее—дай Богъ память—или просто вставляется говорящими, когда не могутъ вдругъ сказать того, о чемъ думаютъ.

Вмѣсто вотъ тутъ или здѣсь, когда показываютъ на самый предметъ или мѣсто, говорятъ: ѐво, этта-кà, туто-кà, тамо-кà; а когда долго искомое находятъ, то скороговоркою и съ крикомъ повторяютъ: ѐво, ѐво, ѐво!

Постоянно здѣсь слышно переспрашиванье. Если придетъ покупать напр., дровъ, молока, яицъ и проч., то непремѣнно каждый продающій, или продающая. переспроситъ. Спрашиваетъ: дорогъ ли возъ дровъ? «возъ-отъ?» или: что стоитъ буракъ молока? «туэсъ-òтъ?» (туэсъ значитъ берестяной буракъ) и т. д. Такое переспрашиванье бываетъ не только при разныхъ у одного хозяина предметахъ, но и при одномъ только.

Вотъ главныя и кратко описанныя мѣстныя особенности языка, употребляемыя наибольшею частію жителей здѣшняго города и уѣзда!

Николай Чернавскій.

Устюгъ.
12 Марта 1850 года.

Бѣлорусскія дѣтскія игры.

Въ настоящемъ очеркѣ я рѣшился описать извѣстныя мнѣ Бѣлорусскія дѣтскія игры, которыя, такъ сказать, оформились и не служатъ простымъ подражаніемъ обыденнымъ явленіямъ жизни нашего простолюдина. Матеріаломъ для этого мнѣ будутъ служить мои дѣтскія воспоминанія, подкрѣпленныя современными наблюденіями и разспросами учениковъ. Между помѣщенными въ настоящемъ очеркѣ играми есть и такія, которыми, несомнѣнно, еще въ недавнее время тѣшились взрослыя дѣвушки и парни—лѣтомъ въ свѣтлые дни праздниковъ, а зимою въ долгіе и скучные вечера, напр., «пани Ксеня», «грушка», «мостъ» и др. Но въ силу того, что онѣ въ настоящее время стали исключительнымъ достояніемъ подростковъ, я включилъ ихъ въ общій составъ дѣтскихъ игръ. Кромѣ сего, я помѣщаю въ своемъ очеркѣ описаніе такихъ игръ, какъ «пани Ксеня» и «мостъ», которыя носятъ яркіе слѣды полонизма, единственно по той причинѣ, что онѣ и по настоящее время еще въ употребленіи (среди подростковъ) въ застѣнкахъ и деревняхъ, населенныхъ шляхтой, и въ окрестныхъ имъ. Между прочимъ замѣчу, что въ указанныхъ мѣстностяхъ игры оказываются болѣе живучими, чѣмъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно бѣлоруссами-крестьянами и наравнѣ съ ними соприкоснувшихся съ современной цивилизаціей. Укажу на примѣръ. Съ появленіемъ на сцену бѣлорусскихъ «игрыщъ» и «вечорокъ» польки, «вальца», «кадрэля», «мазура», а въ рѣдкихъ случаяхъ «кракавяка» и «аляньсея», въ средѣ бѣлорусскихъ крестьянъ позабыты такія общеизвѣстные танцы и игры, какъ «лявониха», «казакъ», «падушечка» а пр.; между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ еще живо сохранились въ средѣ шляхты (правда, среди подростковъ), напр., «падушечка», «ящаръ», «грушка», хотя обыкновенно шляхты служатъ первыми піонерами современной цивилизаціи въ Бѣлоруссіи. Этотъ фактъ мнѣ удалось наблюдать въ Ново-Сверженской вол. Минск. у.; аналогичныя явленія я встрѣтилъ и во Вселюбск. вол. Новогрудск. у. Не знаю,—можетъ быть это какой-либо единичный случай, или же слѣдствіе относительно большей развитости шляхты, чѣмъ крестьянъ.

Перехожу къ самому описанію игръ.

---

1. Грушка *).

Эта игра въ общихъ чертахъ напоминаетъ игру «макъ», или «калодочку» («Живая Старина» 1893 г., вып. II, стр. 287). На небольшомъ возвышеніи (на колодочкѣ или услонѣ) среди комнаты садится одна дѣвушка; остальныя же берутся за руки, составляютъ около нея кругъ, пляшутъ круговую и поютъ:

«Да ўжо грушку пасадзили,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушку пара паливаци
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ужо грушка ў пыпушки бярецца,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!

---

*) Знакъ ў обозначаетъ въ печатаемыхъ ниже текстахъ у неслоговое.

Да ўжо грушка лиścикъ распуская,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка лиścикъ распуścила,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка зацвитая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка отц'витая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка ў завязь бярецца,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушка паспѣвая,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!
Да ўжо грушку пара щыпаци,
А я, маладзенька, скачу—пляшу!

Кругъ мгновенно размыкается и начинаютъ щипать сидящую дѣвушку.
(Записано со словъ ученика изъ д. Слочвы, Вселюбск. вол., Новогрудск. у.).

2. Пани Ксеня.

Играющія дѣвушки составляютъ кругъ; одна изъ нихъ садится въ кругѣ на небольшомъ возвышеніи и изображаетъ «паню Ксеню». Двѣ, много три, дѣвушки выдѣляются изъ круга и поютъ:

«Ци ня мусимъ, пани Ксеня,
Адну цорку даци?»

Пани Ксеня имъ отвѣчаетъ (тоже поетъ):

«Я ня мушу цорки даци,
Бязъ цорки ўстаци».

Кругъ размыкается; отдѣлившіяся дѣвушки берутъ изъ круга подругу, танцуютъ съ нею «круцёлку» и поютъ:

«Вотъ видзи, паня Ксеня,—
Твая цорка зъ нами
У танэчку,
У вянэчку,
Танцуя зъ нами».

Дѣвушка, съ которой танцовали, отдѣляется и садится особнякомъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока около «пани Ксени» не останется ни одной дѣвушки.
(Записана въ с. Никольскѣ, Минск. у.).

3. Мостъ.

Становятся играющія дѣвушки въ шеренгу и берутся за руки. Изъ среды ихъ выходятъ двѣ дѣвушки, становятся лицомъ другъ къ дружкѣ и тоже берутся за руки. Стоящія въ шеренгѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Яваръ, яваръ, яваровы людзи!
Чего вы тутъ стаśце, яваровы людзи?»

Отдѣлившіяся въ отвѣтъ имъ поютъ:

«Мы тутъ стаёмо,
Мостъ падаёмо!»

Подруги ихъ начинаютъ упрашивать (тоже поютъ):

«Яваръ, яваръ, яваровы людзи!
Пшепускайця ўшыстке пшесъ становы моста».

Отдѣлившіяся отвѣчаютъ имъ слѣдующимъ стихомъ:

«Мы ўшыстке пшепускаемъ!»—
Адну сабѣ астаўляемъ!»—

подымаютъ руки, и всѣ подруги проходятъ имъ подъ руки, кромѣ послѣдней, которую онѣ задерживаютъ, опустивъ руки. Игра длится до тѣхъ поръ, пока не будутъ задержаны всѣ дѣвушки. Задержанныя дѣвушки участвуютъ въ пѣніи.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

---

4. Рожа.

Садятся въ рядъ на землѣ, лицомъ въ затылокъ, нѣсколько человѣкъ дѣтей, преимущественно по росту—выше ростомъ назади, а ниже ростомъ впереди. Сидящій послѣднимъ изображаетъ собою Рожу. Одинъ изъ играющихъ, выбранный заранѣе для этой цѣли, въ подпрыжку на одной ногѣ, обѣгаетъ нѣсколько разъ сидящихъ, приговаривая: «Рожа, Рожа, с́вин'ня ў агародзи!» Рожа отвѣчаетъ: «Пайдзи выжань и рѣпку вырви». Тогда бѣгающій снова принимается за свое дѣло съ крикомъ — усь! усь!— послѣ чего вырываетъ себѣ рѣпку—выводитъ изъ среды играющихъ сидящаго впереди. Выведенный такимъ порядкомъ не можетъ участвовать въ игрѣ до окончанія ея. Игра тянется въ такомъ же порядкѣ до тѣхъ поръ, пока гоняющій свиней не вырветъ всей рѣпы, т. е. пока не повыведетъ изъ ряда всѣхъ играющихъ. Въ заключеніе игры дѣти гурьбой поднимаютъ «Рожу».

(Записано въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

Описанныя игры не имѣютъ положеннаго времени и по своему характеру могутъ быть играемы, какъ въ комнатѣ зимой, такъ и въ лѣтнее время на лугу, въ полѣ и т. д.; но есть нѣсколько игръ, которыя, по заведенному обычаю, болѣе или менѣе пріурочены ко времени, хотя и тутъ нельзя замѣтить строгой опредѣленности; такъ напр., игры «король (№ 2)», «лиса- ганяць», «котъ и мышь», «мышка» играются и лѣтомъ и зимой, но въ послѣднемъ случаѣ гораздо чаще, посему я и отнесъ ихъ къ числу зимнихъ игръ. Вообще при распредѣленіи игръ на рубрики я руководствовался степенью употребительности извѣстной игры въ данное время. Что же касается игръ весеннихъ и лѣтнихъ, то онѣ постоянно перемѣшиваются; однакожъ нельзя не замѣтить здѣсь, что, такъ сказать, сезонъ лѣтнихъ игръ всегда открывается свинкою», «крумкачемъ», «дѣтьми» и пр. Игра «с'винка» даже вполнѣ можетъ считаться весеннею, такъ какъ она всегда открывается вмѣстѣ съ наступленіемъ весны и прекращается также вмѣстѣ съ весной.

Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ игръ бѣлорусскихъ дѣтей, пріуроченныхъ ко времени, съ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ производства ихъ.

Весеннія.

5. С'винка.

Выкапывается гдѣ-нибудь на болѣе ровномъ мѣстѣ небольшая ямочка, глубиною 2—3 вершка (токъ, гумно). Кругомъ этой ямки, въ нѣкоторомъ отдаленіи (аршина 1½), выкапываются другія, немного меньшихъ размѣровъ *). Играющіе, каждый съ палкой въ рукѣ, становятся у ямокъ. Въ кругъ вбрасывается камень, по возможности круглой формы, величиною въ кулакъ (с'винка). Одинъ изъ играющихъ старается вкатить (вагнаць) при помощи палки «с'винку» въ «гумно»; а остальные игроки обязаны отбивать ее своими палками отъ «гумна». Сдѣлавъ ударъ по «с'винкѣ», играющій какъ можно скорѣе спѣшитъ «стать» обратно палкой въ ямку, потому что если впередъ это сдѣлаетъ гонящій «с'винку», то ихъ роли должны будутъ перемѣниться. Когда удается «вагнаць с'винку» въ «гумно», то всѣ играющіе мѣняются мѣстами, и никто не долженъ оставаться на прежнемъ мѣстѣ. Кто останется при этомъ безъ мѣста, тотъ долженъ «гонять с'винку» въ «гумно». Предъ началомъ игры для опредѣленія, кому «гонить с'винку» въ «гумно», всѣ участники игры становятся въ рядъ лицомъ въ одну сторону, приставляютъ свои палки къ ногѣ и три раза бросаютъ ихъ впередъ движеніемъ ноги; кто въ третій разъ броситъ свою палку на наименьшее разстояніе, тому и поручается гонка «с'винки» въ «гумно». Иной разъ съ этой цѣлью берутся всѣ играющіе за палку, съ самаго низу ея, и одинъ за другимъ, въ строгомъ порядкѣ, перехватываются руками за верхнюю часть ея, пока не дойдутъ до самаго верху; чья рука окажется на верху палки, тотъ и признается загонщикомъ. Такимъ образомъ, рѣшаются всѣ недоразумѣнія, возникающія между играющими во время самой игры, напр., когда двое изъ нихъ одновременно «станутъ» въ одной и той же ямкѣ. Если случится кому-либо изъ играющихъ отлучиться на короткое время, то онъ произноситъ—цуръ ямка!—и его мѣсто остается празднымъ до возвращенія.

(Наблюдалъ безъ всякихъ измѣненій въ с. Никольскѣ Минскаго уѣзда и во Вселюбской вол. Новогрудскаго у.).

---

6. Крумкачъ (во Вселюб. вол.—«дѣти»).

Всѣ участвующія въ игрѣ дѣти становятся въ рядъ, лицомъ въ затылокъ, и берутся каждый сзади за одежду своего сосѣда. Обыкновенно стараются стать подъ ранжиръ—меньшія взадъ, а большія напередъ. Самый передній изображаетъ «матку» и почти всегда бываетъ проворнѣе, ловче и сильнѣе другихъ. Противъ него становится кто-либо другой изъ мальчиковъ или дѣвочекъ и изображаетъ собою «крумкача» (или волка). Иной разъ на мѣсто «матки» становится дѣвочка, а на мѣсто «крумкача» мальчикъ, и это считается болѣе естественнымъ. «Крумкачъ» изо всѣхъ силъ старается отхватить одно «дитя», а «мать», напротивъ, старается воспрепятствовать этому. Между ними предъ началомъ игры происходитъ разговоръ въ родѣ слѣдующаго. «Мать» спрашиваетъ: «За что ты хватаяшъ маихъ дзяцей?» «Крумкачъ» отвѣчаетъ: «А на што жъ яны мнѣ шкоду робяць»—«А якую яны табѣ шкоду зрабили?»—«Гарохъ паталачыли, моркаў павырывали, капусту паламали» и т. д. (перечисляетъ разные виды «шкоды»). —«Ты самъ виноватъ, што низка плотъ гародзишъ. Ты бъ вотъ гэтакъ загарадзиў!» и при этомъ «матка» подбрасываетъ вверхъ камешекъ или щепотку песку. «Крумкачъ» говоритъ: «Я вотъ гэтакъ загарадзиў, а яны ўлѣзли»—и подбрасываетъ камешокъ или немного песку еще выше. Послѣ этого «крумкачъ» рвется возможно скорѣе перехватать «дѣтей», но «матка» всѣми мѣрами мѣшаетъ ему. Итакъ, они борются до тѣхъ поръ, пока «крумкачъ» не сможетъ отхватить всѣхъ «дѣтей». Отхваченныя идутъ въ сторону

---

*) По числу играющихъ безъ одного.

и не участвують въ игрѣ. Хватать «крумкачъ» можетъ лишь сзади. Когда всѣ «дѣти» будутъ отхвачены отъ «матери», то они въ наказаніе щиплютъ «матку». Этимъ и кончается игра.

(Наблюдалъ тамъ-же, гдѣ и игру № 5).

---

7. Дѣти.

Старшія изъ играющихъ берутъ дѣтей моложе себя, садятъ ихъ въ кругъ, лицомъ въ середину, стараясь при этомъ разнять чѣмъ побольше кругъ, а сами становятся у нихъ сзади. Одинъ изъ играющихъ остается безъ дитяти, поочередно подходитъ къ каждому имѣющему дитя и спрашиваетъ: «Што прӧдаяшъ?»—«Дитя», отвѣчаетъ тотъ. «Што хочашъ?» Въ д. Слочвѣ Вселюбск. вол., Нов. у. отвѣчаютъ при этомъ—«Каня варанога и чырвонца залатого»; а въ с. Никольскѣ, Минск. у.,—«Сто рублёў, бочку крупъ и трасцу бацьку твайму ў пупъ». Послѣ этого покупщикъ и продавецъ бѣгутъ кругомъ остальныхъ дѣтей, каждый въ противоположную сторону; кто изъ нихъ первый добѣжитъ до дитяти, тотъ и считается владѣльцемъ его, а другой идетъ съ запросомъ къ слѣдующему. Такъ все время и продолжается игра.

(Записана тамъ-же, гдѣ и предыдущіе два номера).

---

8. Каменьчыки.

Берутъ пять болѣе или менѣе круглыхъ, величиною въ пулю, камешковъ. Всѣ играющіе усаживаются въ круговую гдѣ-нибудь на ровномъ мѣстѣ; кромѣ того мѣсто, предназначенное для схватыванья камешковъ, высыпается пескомъ. Самая игра идетъ въ такомъ порядкѣ: «Пёршыки». Играющій разсыпаетъ камешки, беретъ одинъ въ руку и начинаетъ схватывать по одному остальные, подбрасывая и ловя на лету одновременно съ ними взятый прежде въ руку камешокъ. «Двӧйки». По разсыпкѣ камешковъ берется также одинъ для подбрасыванья, остальные схватываются уже по два вмѣстѣ. «Тройки». Камешки схватываются одинъ разъ совмѣстно три, а другой разъ остальной одинъ. «Апӧшники» ничѣмъ не разнятся по своему производству отъ «першыковъ». «Гуран'не». камешки тщательно укладываются на ладонь, подбрасываются вверхъ и на лету подхватываются верхнею частью ручной кисти, откуда прежнимъ порядкомъ переводятся обратно на ладонь. Сколько камешковъ попадетъ на ладонь, столько и считается сыграннымъ Игра обыкновенно закладывается на нѣсколько десятковъ. Участники игры во время «гуранья» стараются помѣшать своему товарищу словить болѣе одного камешка, крича— «пяць гугли ляцяць!» Въ случаѣ при «гураньи» будетъ словленъ только одинъ камешекъ (гугель) или же ни одного не будетъ словлено, то вся предыдущая игра отъ «першыкаў да апошникаў» пропадаетъ даромъ и, кромѣ того, камешки передаются слѣдующему игроку *). Тоже дѣлается, если играющій нечаянно затронетъ ненужный ему камешокъ, также если во-время не подхватитъ подброшеннаго вверхъ, или предназначеннаго къ схватыванью камешка, такъ какъ всѣ эти промахи считаются ошибкой. Опоздавшій въ игрѣ доигрываетъ одинъ, но ошибки все-таки считаются: сколько онъ сдѣлаетъ ошибокъ, столько долженъ будетъ впослѣдствіи схватить «калоў». «Колы» состоятъ въ томъ, что камешки при схватываньи кладутся въ рядъ на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга; разстояніе это съ каждымъ разомъ уменьшается, и въ концѣ концовъ камешки кладутся одинъ при другомъ. Сдѣланныя при этомъ ошибки опять сосчитываются и по числу ихъ назначаются къ схватыванью «кучки»,—такъ зовутъ камешки, положенные въ общее мѣсто. «Кучки» схватываются въ первые разы по одному камешку, а въ по-

---

*) Передача камешковъ идетъ въ круговую. При этомъ надо замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда въ игрѣ происходитъ круговое движеніе, то оно дѣлается по солнцу (якъ сонца ходзиць).

слѣдній вмѣстѣ всѣ камешки. Если и при этомъ будутъ сдѣланы ошибки, то проигравшій угощается своими товарищами такимъ количествомъ ударовъ въ лобъ камешкомъ (лызгуны), сколько было сдѣлано имъ ошибокъ. Между прочимъ замѣчу, что игра эта считается богопротивной и строго запрещается старшими въ Великій постъ; даже и въ обыденное время играющіе въ нее получаютъ иногда выговоръ. Мотивъ этого ставятъ въ томъ, что «камѐн'нями жыдэ били Пана Язуса», поэтому играющій «ў каменьныкі» будто бы по неволѣ становится ихъ сообщикомъ.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минск. у.; играется также и во Вселюбской вол., Новогрудск. у.).

---

9. Король (а).

Каждый участвующій въ игрѣ собираетъ по 24 небольшихъ, величиною въ фасоль, камешка. Всѣ камешки ссыпаются въ общую кучу. Кто-либо изъ играющихъ захватываетъ изъ нея «въ жменю» столько камешковъ, сколько ихъ можетъ помѣститься тамъ, подбрасываетъ ихъ вверхъ и подлавливаетъ потомъ верхней стороной ручной кисти; словленные камешки опять подбрасываются вверхъ и ловятся въ ладонь. Что попадетъ въ ладонь, то считается окончательно сыграннымъ и откладывается въ сторону; и играющій опять начинаетъ продѣлывать ту же процедуру. Если ему не случится словить ни одного камешка, или же если онъ словитъ только одинъ камешекъ, то право ловить камешки переходитъ къ слѣдующему игроку и т. д. Кто изъ играющихъ первый словитъ свои 24 камешка, тотъ остается королемъ, и игра считается оконченной.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

Лѣтнія.

10. Дзежа (кусочница).

Берется брусокъ (пирамидка) вершокъ длиною и линій 5 толщиною. На одной изъ его сторонъ вырѣзывается косой крестикъ, на 2-ой—одна зарубинка, на 3-й—три, на 4-й—двѣ. Выбравъ удобное мѣсто для подбрасыванія бруска, разстилаютъ какую-либо одежду, по преимуществу кладутъ шапку для кладки хлѣба, потому что «здзѣкавацца» съ хлѣба—класть его на голую землю—грѣхъ. На разостланную одежду каждый участникъ игры кладетъ кусочекъ хлѣба. Послѣ этого начинается поочередное подбрасыванье бруска. Если брусокъ падетъ вверхъ стороной съ одной зарубинкой, то бросавшій кладетъ штрафу одинъ кусочекъ хлѣба, если сторона съ двумя зарубинками окажется наверху, то бросавшій штрафуется двумя кусочками; если съ тремя,—то тремя; кромѣ сего во всѣхъ этихъ случаяхъ брусокъ передается другому игроку. Когда же очутится вверху строна съ косымъ крестикомъ (дзежа), то подбрасывавшій забираетъ себѣ весь выложенный хлѣбъ. дѣлается новая складчина, и выигравшій первый подбрасываетъ брусокъ. Бываютъ случаи, что брусокъ падаетъ на одинимъ изъ своихъ концовъ (стоўбъ), тогда подбрасывавшій можетъ вторично подбросить брусокъ и не штрафуется ничѣмъ. Игра въ такомъ порядкѣ можетъ длиться любое время.

(Записана въ с. Никольскѣ, Минскаго уѣзда).

---

11. Гуси.

Выбирается «гаспадаръ» и «воукъ» изъ болѣе ловкихъ дѣтей, остальныя считаются гусями. «Гаспадаръ» избираетъ себѣ мѣсто для стоянки, а «воўкъ» засаду. На обязанности «гаспадара» лежитъ выгонять «гусей» на «пашу», а «воўкъ» долженъ хватать ихъ при каждомъ возвращеніи ихъ домой. Выгнавъ на «пашу» «гусей»,

«гаспадаръ» возвращается домой и начинаетъ звать ихъ: «Геньци, геньци, йцьце дому—ильце (wilk, wilczek?) за гарою!» «Гуси» съ крикомъ бѣгутъ къ мѣсту стоянки, «воўкъ» выскакиваетъ изъ засады и хватаетъ ихъ. Каждый разъ «воўкъ» можетъ ухватить лишь одного «гуся». Отхваченные не участвуютъ въ игрѣ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока «воўкъ» не перехватаетъ всѣхъ «гусей».

(Записана въ с. Никольскѣ).

---

12. Крупникъ.

Кладутся на вбитую въ землю палку шапки всѣхъ играющихъ мальчиковъ. Каждый участникъ игры обязанъ перепрыгнуть чрезъ эту палку опредѣленное число разъ (три—шесть, какъ положатъ). Если кто-либо во время прыганья зацѣпится и сброситъ съ палки одну или нѣсколько шапокъ, то по окончаніи игры его прогоняютъ чрезъ строй всѣхъ играющихъ столько разъ, сколько онъ сбросилъ шапокъ. Стоящіе въ строю въ это время бьютъ его свернутыми въ трубу «халатами».

(Записана тамъ же).

---

13. Сучка.

У всѣхъ играющихъ собираются шапки и кладутся на вбитую въ землю палку. Одинъ изъ играющихъ (сучка) становится у палки, а всѣ остальные собираются вокругъ него. Стоящій у палки подбрасываетъ всѣ шапки. Играющіе схватываютъ каждый свою шапку и съ крикомъ—«бій ва гэтую сучку!»—бѣгутъ отъ палки въ сторону. Стоящій у палки долженъ въ это время ударить кого-либо шапкою. Получившій ударъ идетъ тогда къ палкѣ, собираетъ у всѣхъ шапки и продѣлываетъ съ ними то же самое. Если же прежде стоявшему у палки не придется ударить кого-нибудь, то онъ и во второй разъ обязанъ становиться у палки. Игра можетъ продолжаться любое время.

(Записана тамъ же).

---

14. Солдаты.

Кладутся три камня, или становятся три колодочки, а на нихъ кладется еще что-нибудь, только помельче—мелкіе камни, небольшіе куски дерева (солдаты). Въ рядъ съ ними становятся еще такіе же три камня, или колодочки съ чѣмъ-нибудь мелкимъ на верху. Играющіе раздѣляются на двѣ группы и опредѣляютъ сообща для каждой группы по три солдата. Каждая группа поочередно ударяетъ въ чужихъ солдатъ и старается сбить ихъ. Удары производятся съ разстоянія 3—5 саж. и при томъ лишь однимъ лицомъ изъ каждой группы.

Послѣ удачнаго удара производившій его наноситъ и второй,—лишь послѣ неудачнаго удара право наносить ихъ передается изъ одной группы въ другую. Количество ударовъ опредѣляется для каждой группы числомъ три. Удары производятся палкою или камнемъ. Весь интересъ игры состоитъ въ томъ, которая изъ группъ скорѣе собьетъ чужихъ солдатъ. (Записана тамъ же).

---

15. До Вильны ѣдуць.

Вбивается въ грунтъ колышекъ (Вильна). Всѣ играющіе имѣютъ тоже по колышку; колышки эти обыкновенно дѣлаются равной длины. Каждый изъ играющихъ отмѣряетъ себѣ отъ общаго колышка условленное разстояніе и отмѣчаетъ его. Потомъ одинъ изъ играющихъ беретъ «шляжку», которая должна быть общая для всѣхъ, вставляетъ свой колышекъ въ грунтъ и ударяетъ по немъ «шляжкой». Насколько колышекъ войдетъ въ землю, настолько онъ подвигаетъ его къ общему колышку. Если ударъ придется вкось, или случится промахъ, то вбивающій колышекъ передаетъ «шляжку» слѣдующему товарищу, который съ своимъ колышкомъ продѣлываетъ то же самое до тѣхъ поръ, пока и его не посѣтитъ неудача. Въ такомъ порядкѣ идетъ игра до того времени, пока всѣ колышки не очутятся у общаго колышка (Вильны). Опоздавшій въ игрѣ наказывается тѣмъ, что долженъ вытащить зубами забитый въ землю свой колышекъ столько разъ, сколько сдѣлалъ, послѣ окончанія всѣми игры, неудачныхъ ударовъ.

(Играется въ с. Никольскѣ, и въ д. Слочвѣ, Новогрудскаго уѣзда).

Зимнія.

16. Волъ.

Одинъ изъ играющихъ, съ завязанными глазами и жгутомъ въ рукѣ, становится у порога, берется за «клямку» и начинаетъ спрашивать остальныхъ играющихъ, а тѣ ему отвѣчаютъ.—Ци зарѣзали вала?—Зарѣзали.—А шкуру ци садрали?—Садрали.—А мяса ци адабрали?—Адабрали.—А ци наварыли?—Наварыли.—А ложки и миски ци памыли?—Памыли.—А ци пара йци ѣ́сци?—Пара. Тогда стоявшій у дверей начинаетъ ходить по комнатѣ и бить всѣхъ играющихъ, а тѣ прячутся.

(Записана въ с. Никольскѣ).

---

17. Король.

Берутся четыре половинныхъ палочки. Каждый играющій по очереди подбрасываетъ эти палочки. Когда всѣ палочки упадутъ вверхъ бѣлой стороной, то подбросившій считается королемъ; если только три упадутъ бѣлой стороной вверхъ, а четвертая—черной, то подбросившій получаетъ чинъ «маршалка»; если двѣ,—то—«шляхцица»; если одна,—то «мужика»; если ни одной,—то «цыгана». «Король» присуждаетъ лапы; «маршалакъ» даетъ; «шляхцицъ» только освобождается отъ лапъ; бьютъ только «мужика» и «цыгана», причемъ «цыганъ» всегда получаетъ больше. «Король», опредѣляя количество ударовъ, опредѣляетъ обыкновенно и степень ихъ (горячую, теплую, холодную). «Король» и «маршалакъ» не подбрасываютъ палочекъ, пока удерживаютъ свое званіе, которое снимается съ нихъ лишь послѣ удачной подброски палочекъ другимъ лицомъ. Передача маршальства сопровождается лапой.

(Записана во Вселюбской вол., Новогрудскаго уѣзда).

---

18. Щетка.

Играющіе становятся по разнымъ угламъ избы. Одинъ изъ нихъ остается безъ мѣста, подходитъ поочередно къ каждому изъ своихъ товарищей и спрашиваетъ—«дзѣ щотка?» Спрошенный со словами — «тамъ щетка!»—указываетъ ему на ближайшаго сосѣда. Спрашивающій съ тѣмъ же вопросомъ подходитъ къ указанному лицу; тотъ по прежнему отсылаетъ его къ сосѣду—и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обойдетъ всѣхъ. Послѣ этого играющіе мѣняются мѣстами,—кто останется безъ мѣста, тотъ идетъ спрашивать. (Записана въ с. Никольскѣ).

---

19. Лиса ганяць.

Играющіе становятся въ рядъ, лицомъ въ затылокъ, разставивъ возможно шире ноги, чтобы подъ рядомъ образовался свободный проходъ—«нора», и крѣпко обхватываютъ за поясницу каждый своего товарища, стоящаго впереди. Самый задній представляетъ собою «лиса» и одинъ изъ товарищей со жгутомъ въ рукѣ, гоняетъ его кругомъ ряда и бьетъ, пока ему не удастся проскользнуть въ «нору». Тогда онъ уже становится на самомъ переду, а гоняютъ задняго и т. д. Гонщики мѣняются добровольно.

(Записана со словъ ученика изъ д. Слочвы, Новогрудскаго уѣзда).

---

20. Мышь и котъ.

Всѣ играющіе становятся въ два ряда; ряды оборачиваются другъ къ другу лицевой стороной и образуютъ между собой небольшой проходъ—«нору». Стоящіе въ одномъ ряду считаются «котами», а стоящіе въ другомъ «мышами». Передняя пара выступаетъ изъ рядовъ, и «котъ» начинаетъ ловить «мышь». «Мышь» бѣгаетъ кругомъ рядовъ и забѣгаетъ даже въ «нору», а «котъ» долженъ ее ловить лишь кругомъ рядовъ, потому что ему нельзя забѣгать въ «нору». Послѣ удачной ловли «котъ» и «мышь» становятся въ ряды, а на мѣсто ихъ выходитъ слѣдующая пара и такъ до тѣхъ поръ, пока «коты» не переловятъ всѣхъ «мышей». Тогда уже происходитъ мѣна ролей—«коты» служатъ «мышами», а «мыши», наоборотъ, «котами».

(Записана во Вселюбской вол.).

---

21. Пичымися личымыся (конь).

Садятся всѣ играющіе на «лавѣ» и кладутъ сложенныя внутрь ладонями руки на колѣни. Одинъ изъ нихъ (по выбору) подходитъ поочередно къ каждому изъ своихъ товарищей, вкладываетъ въ его руки свои, какъ будто что кладетъ туда, и при всякомъ вкладываніи говоритъ по слову: «пичымыся—личымыся, куды намъ пайцй? ў пятровицы, лядовицы,—сущыкъ, лущыкъ, пень гвачъ, гарлачъ, пречъ, запякъ». На комъ придется слово «запякъ», тотъ идетъ къ дверямъ и становится тамъ, взявшись за дверную ручку. Произносившій эту тираду обходитъ каждаго играющаго и спрашиваетъ, какой масти конемъ онъ будетъ (—яки куонь?) Каждый играющій непремѣнно долженъ выбрать себѣ масть. Послѣ этого стоящій у дверей говоритъ: «Падайця каня!» У него спрашиваютъ—якога? Онъ называетъ масть. Если при этомъ онъ потрафитъ на чью-либо масть, то тотъ долженъ принести его на прежнее мѣсто; если же ничья масть не будетъ угадана, то онъ скачетъ къ мѣсту на одной ногѣ.

(Записана въ с. Никольскѣ).

---

22. Мышка.

Всѣ играющіе садятся на чемъ-нибудь и складываютъ на колѣняхъ руки ладонь къ ладони. Одинъ изъ играющихъ беретъ какой-нибудь маленькій предметъ (мышку) и, сложивъ руки, какъ и всѣ играющіе, начинаетъ вкладывать свои руки въ ихъ руки, причемъ незамѣтнымъ образомъ вкладываетъ кому-нибудь «мышку». Другой изъ играющихъ долженъ отыскать ее.

(Записана тамъ же).

П. Демидовичъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Рустика (Т. А. Мартемьянова) Городъ Болховъ. Орловской губерніи (историческо-бытовые очерки). Орелъ. 1897 г. 60 коп.

Эта небольшая книжка есть скромный трудъ одного изъ провинціальныхъ работниковъ пера. Авторъ, на сколько извѣстно, состоитъ сотрудникомъ Орловскаго Вѣстника. Время построенія описываемаго Мартемьяновымъ города точно неизвѣстно. Одни (Татищевъ. Исторія II прим. 27, Пясецкій. Историческіе очерки Болхова. Орелъ 1875 г.) относятъ его къ IX в.; другіе же (Дашкевичъ. Болоховская земля Кіевъ. 1876 г. и авторъ разсматриваемой книжки) ко времени Ивана IV. Болховъ былъ построенъ Грознымъ для защиты отъ нападенія Крымскихъ Татаръ. Военный характеръ его удержался до второй половины XVII в., когда на 1048 служилыхъ людей было посадскихъ лишь 380 (16 стр.). Много бѣдствій претерпѣлъ Болховъ въ смутное время. «Не разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ второго самозванца къ царю и обратно. Болховитянамъ, разумѣется, мстили «за измѣну» обѣ стороны, истребляя «крамольный духъ», понимаемый каждою по своему». (19 стр.). XVII вѣкомъ кончается военный періодъ исторіи этого города. Въ слѣдующемъ столѣтіи появляются уже зачатки просвѣщенія: юные обыватели стали обучаться у пономарей и дьячковъ церковно-славянской грамотѣ. Образовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія сказалося и въ Болховѣ. По крайней мѣрѣ рѣшили неуча въ попы не ставить. Между тѣмъ изъ ревизіи воронежскаго и елецкаго архіерея, произведенной въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. видно, каковы были тогда провинціальныя духовныя лица. «Вотъ какъ аттестовалъ ихъ владыка: попъ Борисъ (с. Георгіевское) плохо читаетъ и Закона Божія не знаетъ: самый закоренѣлый невѣжда. «Хорошъ былъ и Петръ попъ»: въ чтеніи худъ, о христіанствѣ ничего не знаетъ. «Семидесятилѣтній старецъ, попъ Аѳанасій (с. Георгіевское Лютое) едва-ли уступалъ своимъ собратьямъ Петру и Борису»: читать не умѣетъ; святителя Николая почитаетъ Богомъ; о Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ. Не очень процвѣтала, повидимому, въ тѣ приснопамятныя времена «наука» и въ черномъ духовенствѣ; такъ, въ 1760 г. въ Козельскомъ Оптиномъ монастырѣ настоятельствовалъ игуменъ Пафнутій, не умѣвшій писать, какъ это видно изъ надписи на одномъ монастырскомъ договорѣ; договоръ за Пафнутія «рукоприкладствовалъ» казначей Серапіонъ съ характерной оговоркой: подписуюсь я, понеже оный игуменъ писать не ученъ. (49—50 стр.). Открытая въ 1762 г. духовная школа большого успѣха не имѣла, такъ какъ учениковъ приходилось собирать силою. Школа поддерживала свое существованіе года два лишь благодаря энергіи Крутицкаго архіепископа Амвросія. «Между тѣмъ въ 1764 г. Болховъ «перечислили» въ другую епархію, московскую, начальство которой, на первыхъ порахъ, совершенно забыло о болховскомъ свѣточѣ. Болховъ тщетно ждалъ отъ новаго начальства наказа насчетъ своей школы; оно не обнаруживало настойчивой заботливости преосвященнаго Амвросія и упорно молчало. Въ Болховѣ поняли это по своему. Первоблюститель школы, почтенный протопопъ Тарасій съ братіей порѣшили, что разъ начальство молчитъ, значитъ свѣточъ больше не нуженъ. Безъ дальнихъ разсужденій школу закрыли, питомцамъ дали волю,

и они, къ полному своему удовольствію, разбрелись по домамъ. Школьное зданіе было брошено на произволъ судьбы; имъ только лѣнивый не пользовался; захватывали его и дворяне, и офицеры Ширванскаго полка, пока, наконецъ, къ ужасу воеводы, оно не обратилося въ воровской притонъ». (51—52 стр.).

Свѣтская школа возникла въ 1784 г, но почти цѣлое столѣтіе находилася въ состояніи упадка; лишь уставъ о всеобщей воинской повинности заставилъ болховскихъ обывателей обратить вниманіе и на образованіе. Въ 1873 г. школу кончило 7 человѣкъ, но въ 1874 г. уже 21 (59 стр.). Въ настоящее время Болховъ имѣетъ библіотеку съ 27 подписчиками при населеніи въ 27,000 и книжную лавку, гдѣ вмѣстѣ съ лубочными изданіями (другихъ нѣтъ) продается нюхательный табакъ.

Давъ историческій очеркъ города, авторъ переходитъ къ описанію нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ въ жизни Болховитянъ. Онъ описываетъ, главнымъ образомъ, флиртъ и свадьбу, причемъ указываетъ, что наиболѣе распространеннымъ пѣсеннымъ репертуаромъ являются старинные сантиментальные романсы, стихи Пушкина и Лермонтова и наконецъ новѣйшая фабричная пѣсня въ родѣ:

Продамъ чашки, продамъ ложки,
Куплю милой полсапожки...

Обычай почитать юродивыхъ и идіотовъ за лицъ особенно прозорливыхъ и чуть-ли не святыхъ живетъ и въ средѣ населенія Болхова. Въ 84 примѣчаніи авторъ разсказываетъ. «Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Болховѣ коротал свои дни дурачекъ Алеша. Это безобидное, жалкое существо болховитяне неожиданно надѣлили даромъ прозорливости. Алеша, беззаботно бѣгавшій круглый годъ босикомъ въ одной грязной рубашкѣ по улицамъ, связныхъ рѣчей совсѣмъ не говорилъ, но сквернословилъ и несъ околесицу часто. Не смотря на это, мудрые обыватели усердно отыскивали сокровенный смыслъ въ словесахъ юродиваго. Вниманіе его дорого цѣнилось; войдетъ-ли «блаженненькій» въ домъ—хорошо, возьметъ что-либо, еще лучше, брякнетъ-ли крылатое слово, отъ котораго, какъ говорится, уши вянутъ, прямо бдагодать. Наконецъ Алеша умираетъ, и весь городъ поднимается на ноги. Валомъ валятъ обыватели на похороны своего любимца. Хоронили его съ необыкновенной торжественностью. Цѣлый хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ были приглашены для участія въ погребальной процессіи. Часовъ пять однѣ панихиды пѣлися. Сотни добровольцевъ оспаривали другъ у друга честь нести гробъ покойника. Чуть-ли не весь городъ провожалъ прахъ его до послѣдняго жилища. Многіе добивались, какъ святыни, ниточекъ отъ покрывала Алеши и хранили потомъ эти «талисманы на счастье». Въ заключеніе городскіе купцы раскошелились на роскошную тризну по покойнику». (92—93).

Вл. Шарутинъ.

В. П. Милорадовичъ. Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи, записанные въ 1888—1895 г. Харьковъ. 1897 г.

Хотя Лубенскій уѣздъ Полтавской губерніи обращалъ на себя вниманіе нашихъ этнографовъ (Зайкевича, Кондратковича, Кулиша и Коменскаго), но записи ихъ носили случайный характеръ и въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова можно найти какой нибудь десятокъ пѣсенъ и сказокъ, помѣченныхъ Лубнами. Болѣе полное и обстоятельное собраніе памятниковъ народнаго творчества въ Лубенскомъ уѣздѣ предпринялъ г. Милорадовичъ, пользуясь неизданными записями болѣе раннихъ собирателей.

Первыя страницы своего труда онъ посвящаетъ народному соннику. Всѣмъ извѣстно, какое громадное значеніе придаетъ народъ сновидѣніямъ. Характеризуя Василія Буслаева, какъ человѣка вполнѣ безшабашнаго, былина заставляетъ его сказать:

А не вѣрю я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ...

Нѣкоторыя изъ снотолкованій, приведенныхъ въ разбираемомъ сборникѣ, носятъ характеръ очень глубокой древности. Напримѣръ всходить во снѣ на гору означаетъ

смерть (17 стр.). Литовцы предполагають, что души умершихъ взбираются на гору Anafielas, гдѣ находится божественный судья (Hanuš. Die Wissenschaft des Slav. Mythus 415 стр.). Въ польскихъ сказкахъ разсказывается, что грѣшники всходятъ на стеклянную гору и, какъ только достигнутъ вершины, тотчасъ же скатываются назадъ (Woycicki. Klechdy II 134 стр.). Въ нѣмецкой стихотворной обработкѣ романа объ Аполлоніи Тирскомъ мы находимь рай, окруженный высокой стѣной. Наконецъ тѣсную связь съ сказаніями о царствѣ мертвыхъ, находящемся на горѣ, имѣетъ посланіе Новгородскаго епископа Василія ко владыкѣ Тверскому Өеодору. Стольже глубокую древность имѣеть толкованіе опрокинутаго и уплывающаго челна, какъ символа смерти. Представленіе рѣки, отдѣляющей міръ живыхъ отъ царства мертвыхъ, жило среди очень многихъ народовъ. По мнѣнію Евреевъ, рай окруженъ огненной рѣкой, Динаръ. Индусы полагаютъ, что міръ живыхъ отдѣленъ отъ царства мертвыхъ кипящей рѣкой Вайтарани. По Ирландскимъ сказаніямъ XII в., рѣка подымается къ небу въ видѣ радуги.

Наконецъ въ нашихъ духовныхъ стихахъ говорится, что

Между раемъ и между мукой
Сіонъ-рѣка огненная протечетъ,
Яко громъ прогремитъ...
(Калѣки перехожіе, V, 199].

и что

По той-тамъ рѣки, рѣки огненныя,
Да тутъ ѣздитъ Михайло арханьделъ царь.
Перевозитъ онъ души, души праведныя
Черезъ огненную рѣку ко пресвѣтлому раю...
(Варенцовъ, Сборн. русск. дух. стих. 148).

Этими то представленіями и объясняется обычай хоронить мертвыхъ въ лодкахъ, обычай весьма распространенный у многихъ племенъ и оставившій свой слѣдъ въ народной о ней романтикѣ.

Далѣе описываются крестьянскія родины, равно какъ обряды и повѣрья, ихъ сопровождающіе. «О моментѣ зачатія думаютъ, говоритъ собиратель, что зачатый подъ праздникъ будетъ воромъ или увѣчнымъ, дѣвочка—распутною» (12 стр.). Это повѣріе нашло себѣ отголосокъ въ памятникахъ нашей древней письменности, а оттуда попало въ духовные стихи. Въ «Заповѣди святыхъ отецъ ко исповѣдающимъ сыномъ и дщеремъ» сказано: «Аще смеситься кто съ женою въ пятьницю и въ суботу и въ недѣлю, да аще зачнетъ, и будетъ тать, или разбойникъ, или блоудникъ». (Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы II, 302—303). Тоже говорится и въ духовныхъ стихахъ:

Кто эти пятницы не станетъ постить
И постомъ и молитвами,
Ежели во-въ тѣ пятницы
Мужъ женѣ приблеженъ будетъ,
Зародится отъ нихъ дѣтище недоброе,
Либо воръ, либо плутъ, либо пьяница,
Клеветникъ, еретникъ, или душемъ пагубникъ...
(Калѣки перехожіе, VI, 131).

Слѣдующій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ описаніе первыхъ лѣтъ въ жизни ребенка и сопровождающихъ ихъ обрядовъ.

«Первый годъ жизни ребенка, говоритъ г. Милорадовичъ, оканчивается маленькимъ семейнымъ праздникомъ—обстрыжгынами или пострыжгынами. Во время праздника дитя садятъ на столъ, мальчика на сѣкирѣ, для того, чтобы изъ него вышелъ искусный мастеръ, а дѣвочку за конопли, въ надеждѣ имѣть впослѣдствіи хорошую пряху. Баба, принимавшая ребенка, обрѣзываетъ ему волосы ножницами прежде крестообразно, а потомъ остригаетъ всю голову. Конопли отдаютъ бабѣ. Она, домашніе и

соседки выпивають полкварты водки и слегка закусывають мягкимъ хлѣбомъ съ сметаной или жареной рыбой. У богатырей на постригахъ малютку ставятъ ножками въ водку для того, чтобы скорѣе ходила» (31 стр.). Этотъ обрядъ, какъ объясняетъ пр. Сумцовъ, есть сокращеніе человѣческой жертвы. Далѣе авторъ описываетъ дѣтскія игры, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ напрасно возводитъ къ первобытной эпохѣ (напр. пожмурки стр. 54—55). Нѣкоторыя игры, которыя дѣйствительно имѣли связь съ языческими вѣрованіями, въ настоящее время вымираютъ. Игра въ Кострубонька уничтожилась на нашихъ глазахъ. Осталась дѣтская пѣсенка: «померъ, померъ Кострубонко», приведенная у Максимовича» (58 стр.). Затѣмъ описываются досвидки, которыя, по мнѣнію проф. Сумцова, являются обломками пробнаго брака, составляющаго переходъ отъ коммунальнаго брака и многоженства къ моногаміи. На этихъ досвидкахъ устраивается нѣчто въ родѣ театральныхъ представленій, насколько, конечно, таковыя возможны въ деревнѣ. «Здѣсь въ особенности молодежь пляшетъ, гадаетъ, переодѣвается въ дидовъ, солдатъ, вообще «гарюе» (шалитъ). Здѣсь же устраивается и отсюда направляется праздничный фарсъ, изображающій ухаживаніе стараго волокиты въ маскѣ (машкара или мачкара) за молодицей или дѣвушкой (меланкой) (61 стр.). На досвидкахъ должны участвовать всѣ дѣвушки; которая отъ нихъ уклонится или которую не пускаютъ родители, ту осыпаютъ насмѣшками, а парни отрываютъ и заносятъ ворота со двора. (59 стр.). Съ наступленіемъ весны кончаются досвидки. Молодежь изъ душной избы переходитъ на улицу и начинаютъ пѣть сначала веснянки, а позже петривки, которыя отличаются большой поэтичностью и вслѣдствіе этого мало по малу вымираютъ (62 стр.). Если досвидки являются остатками коммунальнаго брака, то слѣды и другого вида брака—умычки сохранились въ пѣсняхъ:

Выбьемо стину камьяну,
Будемо замкы ламаты,
. . . . львувъ разбываты.
Визьмемо Марусеньку молоду.
Марусеньку достоваты.
Королевну добываты... (127 стр.).

Умычка съ теченіемъ времени смѣняется болѣе мирной формой брака—покупкой невѣсты, что сохранилось въ обрядахъ малорусской свадьбы и до сихъ поръ. «Мѣстами покупается мѣсто возлѣ молодой или ея коса у брата, который называется продавцемъ. Есть и пѣсни, упоминающія о такой продажѣ» (129 стр.).

Далѣе г. Милорадовичъ переходитъ къ описанію погребальныхъ обрядовъ. Душу русскій крестьянинъ представляетъ себѣ конкретно въ видѣ мухи или мотыля. Такое представленіе души мы находимъ и у другихъ народовъ: Эллины словомъ ψυχή обозначали и мотылька и душу. Нѣмцы, желая выразить время до рожденія, говорятъ: Ich flog noch mit den Schmetterlingen. Отсюда и выраженіе: душа вылетѣла изъ тѣла. Въ Чешской пѣснѣ поётся: z těla (душа) vyletěla, na zelenu luku sedla (Erben 469). Вмѣстѣ съ мертвецомъ въ гробъ кладутъ нѣсколько монетъ (166 стр.). Это дѣлаютъ, вѣроятно, для уплаты перевозчику въ царство мертвыхъ. Духовные стихи говорятъ о платѣ за перевозъ души черезъ рѣку, но представляютъ ее какъ подкупъ:

Грѣшники подходитъ къ рѣкѣ.

Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной сносуляются:
«О свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведная!
Переправь насъ, грѣшныхъ, чрезъ рѣку,
Приведи насъ ко царству небесному;
Возьми съ насъ золота и серебра.
(Калѣки-перехожіе, V, 234).

Умершую дѣвушку одѣваютъ невѣстой, а парень, который ухаживалъ за ней на

досвиткахъ, надѣваетъ на ея палецъ кольцо (168 стр.). Такимъ образомъ происходитъ обрученіе, и умершая на томъ свѣтѣ будетъ имѣть въ этомъ парнѣ мужа. Такой же обычай мы находимъ и въ Индіи у племени Наиановъ, живущаго въ Траванкорѣ, гдѣ онъ совершается болѣе реальнымъ образомъ (Исторія религій древняго міра I т., 35 стр.). Въ день похоронъ устраиваются поминки, причемъ въ селѣ Хитицахъ скамья подлѣ окна оставляется свободной для помѣщенія родителей и предковъ, появляющихся съ того свѣта на кануну (170 стр.). Всю слѣдующую ночь не спятъ, дожидаясь появленія души. Въ полночь свѣча должна затуманиться, и душа появиться въ образѣ мухи (170 стр.). Что же касается маленькихъ дѣтей, то «не крещеное дитя—русалку слѣдуетъ хоронить подъ плодовымъ (родючимъ) деревомъ, подъ вербой или подъ верхомъ въ сѣняхъ... невременный ребенокъ закапывается подъ порогомъ». (172 стр.).

Вл. Шарутинъ.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы собранные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898 г. Цѣна 3 рубля.

Близкое знакомство съ русской народностью сдѣлалось въ настоящее время существенною задачею для нашихъ ученыхъ. Собираніе и изданіе памятниковъ народнаго творчества стало уже результатомъ вполнѣ сознанной потребности, и потому необходимо должно принести богатые научные плоды. На этомъ поприщѣ особенно много поработали разные провинціальные дѣятели, незамѣтно и не слышно трудившіеся во всѣхъ уголкахъ Россіи и Сибири. Къ такимъ дѣятелямъ принадлежитъ и г. Шейнъ*).

Изданная имъ книга есть начало обширнаго сборника, охватывающаго всю духовную культуру Великорусскаго крестьянина. «Согласно вышеуказанному плану, пишетъ онъ въ предисловіи, группы пѣсенъ I-го тома я раздѣляю на два отдѣла въ біографико-календарномъ порядкѣ. Первый отдѣлъ начинается пѣснями колыбельными и дѣтскими потѣшными (куда входятъ и игры съ пѣсенными прибаутками), за ними слѣдуютъ хороводныя и плясовыя. За послѣдними идутъ бесѣдныя, распадающіяся на любовныя, семейныя, сатирическія, юмористическія, скоморошныя и пародіи. Всѣ перечисленные виды бесѣдныхъ пѣсенъ, въ особенности первые два, рисуютъ намъ разныя фазы сердечной и душевной жизни изъ періода юношества и мужества поселянина. Пѣсни любовныя и семейныя расположены по двумъ группамъ, относящимся къ жизни обоего пола: а) до вступленія въ супружество и б) къ жизни этихъ субъектовъ послѣ брака, въ состояніи супружества. За бесѣдными пѣснями біографическій порядокъ размѣщенія пѣсенъ нѣсколько уклоняется въ сторону изображенія жизни обрядовой, выходящей изъ уровня обычнаго, повседневнаго, будничнаго ея теченія. Этотъ циклъ пѣсенъ, составляющій второй отдѣлъ настоящаго перваго тома и озаглавленный словами «Пѣсни обрядовыя» подраздѣляется на: а) пѣсни обрядовыя праздничныя, б) пѣсни обрядовыя свадебныя в) обрядовыя погребальныя (причитанія). Пѣсни обрядовыя праздничныя расположены по календарю: сперва идутъ пѣсни святочныя, колядныя, за которыми слѣдуютъ масляничныя, весеннія, троицкія и духовскія, толочныя и жнивныя. Послѣдними заключается предлежащій выпускъ. Почти всѣ означенныя группы пѣсенъ обставлены относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и играми. Пѣсни же подраздѣловъ б) и в), изъ категоріи обрядовыхъ, т. е. свадебныя и погребальныя, войдутъ уже во второй выпускъ тома. Такимъ образомъ этими послѣдними группами пѣсенъ жизнеописательный порядокъ ихъ размѣщенія вполнѣ возстановляется и завершается круговоротъ жизни—отъ колыбели до могилы. II томъ начинается пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія; солдатскія, казацкія, бурлацкія, извощичьи, воровскія,

*) Объ его дѣятельности см. Вс. Ѳ. Миллера. П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ народнаго творчества. Москва. 1884 г.

разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернечскія. За чисто-народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церковной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшой коллекціей пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ. За этими пѣснями послѣдуетъ тотъ рядъ этнографическихъ данныхъ въ прозаической формѣ, который значится въ началѣ этого предисловія. Въ концѣ каждаго тома будутъ приложены необходимые указатели, примѣчанія и дополненія». (Предисловіе IX—X).

Трудъ г. Шейна—трудъ коллективный: ему въ дѣлѣ собиранія помогали семинаристы, гимназисты, студенты, народные учителя, помѣщики и т. д Кромѣ того онъ пользовался и рукописными сборниками. Такая коллективная работа имѣетъ тотъ недостатокъ, что не всѣ записыватели съ необходимою тщательностью отмѣчали мѣстный говоръ. Кромѣ того многіе №№ пѣсенъ могли быть замѣнены однимъ съ указаніемъ въ выноскахъ варіантовъ. Такъ же совершенно напрасно въ нѣкоторыя пѣсни внесены цензурныя поправки.

Просматривая пѣсенный матеріалъ, заключающійся въ вышедшемъ выпускѣ, мы прежде всего указываемъ на остатки былевого эпоса, выродившагося въ лирическую балладу чисто бытового характера. Къ такимъ пѣснямъ относятся №№ 466, 467 и 470, совпадающіе по своему содержанію съ былиной о связи жены Берматы съ Чурилою. Хотя ни одна изъ указанныхъ пѣсенъ не имѣетъ трагическаго финала былины, но мы въ свою очередь можемъ указать на такіе варіанты данной былины, гдѣ трагическій элементъ также отсутствуетъ. Напр. Рыбниковъ I, № 45, стр. 268. Впрочемъ пѣсня № 895 имѣетъ трагическую развязку, причемъ жена передъ мужемъ обвинена напрасно.

Пѣсни съ подобнымъ содержаніемъ мы находимъ у малороссовъ (Чубинскій. Труды V т. стр. 734—735):

Ой уже сімъ літъ доньця изъ-за Дону ніть,
А на восьмій годъ донецъ на Донъ иде.
Пристигла его нічка темная,
Нічка темная, та невидная;
Вінъ семъ літъ та на кургані,
Привъязавъ коня до дубового колка.
Прилізла къ нёму черна гадина;
То не гадина—то мати его.
«Ой ти ідь, козаче, на швидчій на Донъ,
Ой уже твій двіръ изпустошений,
Вже твоя жинка та заміжъ пішла,
Вже твої діти посиротіли,
Вже твої слуги безъ пана живуть,
Вже твої жупані поношені,
Вже твої меды отпечатані.»
Приізжае казаченко на тихій Донъ,
Зустріла его жинка молода.
Ой якъ вихопивъ та остренькпй мечъ,
Та й знявъ жінці головку съ плечъ.
Приізжае казакъ та у свій у двіръ,
Его дворочекъ—та якъ віночокъ,
Діточки его за столомъ сидять,
За столомъ сидять, все перомъ пишуть
А слуги его золотомъ шиють,
Золотомъ шиють, спдненько плачуть
По своїй панеі та по добренькій.
Якъ увійде вінъ въ новні погреби,
У его меды позацвітали....
—«Ой, мати моя, моя мати!
Ты не мати—чорна гадина!
Зъіла сонце, зъішъ і місяця,
Зъіжъ и зірочки—дрібні діточки.

Сходство съ нашей пѣсней имѣютъ: словацкая (Sborník slovenských národních piesní 1874 г. Sv. II. Soš. I № 36) и моравская (Sušilo Moravské národní písně № 92) только въ нихъ жена или любовница умираетъ до пріѣзда своего мужа или любовника

Къ циклу пѣсенъ объ измѣнѣ жены примыкаютъ пѣсни о Ванькѣ ключникѣ (№ 875... № 887), которыя, какъ указалъ еще Ор. Ѳ. Миллеръ (Илья Муромецъ 25 стр.) есть ничто иное, какъ передѣлка былины о службѣ Дуная Ивановича въ Литвѣ. Какъ отъ крови этого богатыря, по былинѣ, потекла рѣка Дунай (Кирша 83 стр.), такъ точно въ пѣснѣ начинаетъ течь рѣка изъ слезъ матери, плачущей по убитомъ сынѣ (№ 1190):

Йдзѣ мать плачить
Быстра рѣка бяжить.

Упоминается въ пѣсняхъ также бѣлъ-горючь-камень, который лежитъ на морскомъ берегу (№ 709)

Подгоняли они (французы) красну дѣвушку близко къ Синю морю,
Становилась она на бѣленькій горючь-камень...

На этомъ камнѣ сидитъ чудесная птица (№ 405):

Невеличка птичка пташечка
Сине море перелетывала,
Чисто поле перепархивала.
Что садилась пташечка
Среди моря, среди моря
На бѣлый камышокъ, на бѣлый камышокъ.

Здѣсь несомнѣнно говорится о той самой птицѣ—Страфиль, которая, по Голубиной Книгѣ, всѣмъ птицамъ мати, и которая

Живетъ посреди моря,
Она ѣстъ и пьетъ на синемъ морѣ,
Она плодъ плодитъ на синемъ морѣ.
По Божьему все повелѣнію,
Страфиль птица встрепенется,
Океанъ море всколыхнется;
Топитъ она корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными.

(См. Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной Книгѣ. Варшава. 1887 г. 140 стр.).

Народная поэзія была у насъ въ постоянномъ общеніи съ переводною письменностью, какъ это было указано первоначально Буслаевымъ, а позже Веселовскимъ, Кирпичниковымъ, Ждановымъ и др. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ пѣсня № 811, такъ какъ она по своему содержанію близко подходитъ къ двумъ памятникамъ средневѣковой литературы: къ легендарной біографіи философа Секунда, перевода которой до сихъ поръ не найдено въ древней русской письменности, и къ апокрифическому сказанію о царѣ Соломонѣ (См. Памятн. старинной русской литературы 3 в.). Привожу пѣсню:

Какъ у Брянска купца
Была дочка хороша,
По горенкѣ ходила,
Двухъ купчиковъ любила,
Двухъ сыночковъ родила,
Сама бабушкой была,
Въ пеленочки сповила,
На Дунай рѣчку снесла;
«Вы крутые береги!
Дѣтей моихъ стереги,
Вы желты мелки пески,
Не давайте мнѣ тоски!
Красна лодочка плыветъ,—
Сколыхни моихъ дѣтей;
Соловей, мой соловей,
Не буди моихъ дѣтей!

На двѣнадцатомъ году
Пошла дѣвка по воду
Стала дѣвка воду брать,
Сталъ корабль приплывать.
Тамъ два молодца сидитъ,
Одинъ весельцемъ правитъ,
Другой рѣчь говоритъ:
«Что-жъ ты, дѣвица, стоишь?
На насъ, молодцевъ, смотришь?
—«Ужъ я, дѣвица, стою,
На васъ, молодцевъ, смотрю:
За одного замужъ пойду,
За другого дочь отдамъ».—
—«Ужъ ты дѣвица умна,
Ты намъ матушка родна».

Вотъ содержаніе апокрифа: мать Соломона, Вирсавія, рѣшилась погубить своего сына за то, что онъ донесъ отцу своему, Давиду, на супружескую невѣрность матери. Послѣдняя, подмѣнивъ Соломона другимъ мальчикомъ, приказала дядькѣ, Ачкилу, увести сына къ морю, убить и бросить тѣло въ воду, а сердце испечь и подать ей. Ачкилъ отпускаетъ Соломона на волю, а царицѣ подаетъ сердце собаки. Соломонъ бредетъ по морскому берегу и отвѣчаетъ на задаваемые встрѣчными мудреные вопросы. Между тѣмъ Давидъ узнаетъ о подмѣнѣ и, добившись признанія отъ Ачкила, посылаетъ его искать сына. Соломонъ послѣ многихъ приключеній пріѣзжаетъ въ видѣ купца въ Іерусалимъ. Вирсавія, увидавъ его, влюбляется и приглашаетъ въ свою опочивальню. (Передаю дальнѣйшее словами текста). «Затѣмъ царица его ухвати за шею и поцѣлова и положила его съ собою спати на одрѣ своемъ. Взя его за руку и положила ее на верси своемъ и рекла ему: «гость заморянинъ! что сіе?» И рече Соломонъ: «Симъ (скормленъ; что есть мое сахарное кушаніе». И царица подвигнула Соломонову руку по бѣлому своему чреву и рече: «Гость заморянинъ! Что сіе?» И рече Соломонъ: «То есть мой каменны и златы теремъ, въ томъ есмь теремѣ азъ опочивалъ». И царица подвигнула Соломонову руку подъ свой срамъ и рече: «Гость заморянинъ! Что сіе?» И рече Соломонъ; «То есть врата моего терема, оттуду азъ изыдохъ и сей божій свѣтъ узрѣлъ и пошелъ»... Далѣе Соломонъ открывается своей матери и говоритъ: «Во истину ты, мати моя, родившая мя—а напредь глаголахъ тебѣ: у всякія жены волосы долги, да умъ кратокъ».

Переходя теперь къ пѣснямъ, имѣющимъ историческій элементъ, можно прежде всего остановиться на пѣснѣ № 377:

Вылеталъ соловей изъ Нова-города,	Вылеталъ соловей изъ Нова-города,
Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:	Выносилъ онъ вѣсть, вѣсть не радостну:
Какъ у насъ на Руси мальцы дешевы—	Какъ у насъ на Руси дѣвки дороги—
Первый молодецъ хоть бы дровъ костеръ,	Перва дѣвка во сто рублей,
Другой молодецъ хоть бы лыкъ пучекъ,	Друга дѣвка во тысячу,
Третій молодецъ хоть бы дегтю кувшинъ!	А третьей дѣвицы цѣны нѣтути!-

«Пѣсня эта, пишетъ М. Семевскій, можетъ быть, историческая, т. е. заключаетъ въ себѣ намекъ на удало-распутную жизнь молодежи древняго Новгорода, гдѣ дѣвицъ оказывалося мало, а еще вѣрнѣе, что это шутливая запѣвочка парня, въ которой имя города вставлено только для стиха». Но послѣднее предположеніе не вполнѣ основательно, такъ какъ пѣсня № 464 прямо указываетъ, что даже изъ сосѣднихъ областей (пѣсня записана въ Вологодской губерніи) пріѣзжали гулять въ Новгородъ:

Сяду поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Въ Новгородъ гуляти,
Товару закупати.

Упоминается еще до сихъ поръ слово тіунъ:

—Побоялась тіуна.
«Тіунъ тебѣ не судья,—
Судья тебѣ архіерей». (Варіантъ къ № 223).

Въ большинствѣ случаевъ это слово испортилось, превратившись въ типунъ (№ 223), тивунъ (№ 224), драгунъ (№ 225), стригунъ (№ 226).

Вл. Шарутинъ.

Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví. Sepsal Adolf Peter Zaturecký. V Praze. 1897. 4°. VI+391 стр.

Выходъ въ свѣтъ сборника словацкихъ пословицъ въ изданіи Чешской Королевской Академіи восполняетъ одинъ изъ капитальныхъ пробѣловъ вообще очень убогой словацкой фольклористической литературы. Если даже по изданію пѣсенъ и сказокъ у словаковъ было сдѣлано сравнительно мало, то еще меньше было сдѣлано въ области собиранія и изданія пословицъ. Кромѣ небольшихъ сборничковъ, большая часть которыхъ восходитъ къ XVIII и первой четверти XIX в., мы не имѣли до послѣдняго времени ни одного собранія, которое могло бы дать хотя бы приблизительное понятіе о богатствѣ этого рода произведеній словацкаго народнаго творчества. Тѣмъ отраднѣе появленіе сборника, который, соединяя полноту содержанія съ научностью обработки, представляетъ собой такой трудъ, равнаго которому не имѣютъ и чехи, не смотря на всю энергію ихъ національной работы.

По богатству матерьяла, сборникъ г. З а т у р е ц к а г о занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ славянской литературѣ. Заключая въ себѣ болѣе 13,000 пословицъ, поговорокъ и прибаутокъ, онъ уступаетъ по величинѣ только польскому сборнику Адальберга (30,000 №№) и русскому Даля (около 20,000 №№). Такой громадный матеріялъ былъ собранъ г. Затурецкимъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, причемъ только небольшая часть (около 2,000 №№) была услышана и записана самимъ составителемъ, бо́льшая же часть была доставлена ему многочисленными сотрудниками въ разныхъ мѣстахъ Словачины. Особенно крупный вкладъ въ сборникъ сдѣлалъ г. Шуянскій, приславшій составителю 5,500 пословицъ изъ Зволена, Турца, Тренчина, Нитры и Текова. Черпая полною горстью изъ устныхъ источниковъ, г. Затурецкій не пренебрегалъ и письменными. Изъ послѣднихъ онъ указываетъ, какъ на свои источники, сборники Долежала (1746), Бернолака (1790) и Трнки. Сборникомъ чешскихъ и словацкихъ пословицъ Рибая составитель не могъ воспользоваться, такъ какъ не былъ въ состояніи отдѣлить, послѣднія отъ первыхъ. Зато, повидимому, совершенно не былъ извѣстенъ г. Затурецкому сборникъ Горчички: «Neoforum latino-slavonicum» (1678), см. Флоринскій «Лекціи по славянскому языкознанію» (Т. II, стр. 227).

Находясь, такимъ образомъ, почти всецѣло въ зависимости отъ своихъ источниковъ, г. Затурецкій не вездѣ выдерживаетъ фонетическую вѣрность записей. Поэтому только сравнительно немногія пословицы могутъ привлечь вниманіе діалектолога.

Всю массу пословицъ, вошедшихъ въ составъ сборника, г. Затурецкій разбилъ на группы, сообразно съ предметами, о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь. Съ цѣлесообразностью такого способа изданія произведеній народной мудрости нельзя не согласиться, такъ какъ внѣшнія неудобства, истекающія изъ такого расположенія пословицъ, легко устраняются алфавитнымъ указателемъ, приложеннымъ къ книгѣ. Зато много можно возразить противъ системы, принятой составителемъ въ группировкѣ пословицъ. Главный ея недостатокъ заключается въ отсутствіи единаго принципа. Приведя прежде всего пословицы религіознаго и этическаго характера (I—V отд.), г. Затурецкій въ слѣдующей группѣ (VI-й) начинаетъ перечислять вдругъ пословицы, содержащія въ себѣ понятія о физическихъ свойствахъ организма, тогда какъ на ихъ мѣстѣ мы ожидали скорѣе встрѣтить пословицы о житейскомъ благоразумін (отд. IX). Столь же неожиданнымъ является переходъ отъ пословицъ, о явленіяхъ природы (отд. XIV), къ пословицамъ, содержаніе которыхъ составляютъ различныя особенности людскихъ характеровъ (отд. XV). Вслѣдствіе такой безпринципности въ распредѣленіи матеріала, опознаться въ классификаціи г. Затурецкаго довольно трудно. Между тѣмъ составитель могъ бы очень легко избѣжать этого недостатка, если-бы онъ расположилъ пословицы по степени п р о с т о т ы разсматриваемыхъ ими явленій. По такой классификаціи, въ первую группу вошли бы пословицы, содержаніе которыхъ составляютъ явленія природы. Далѣе слѣдовали бы пословицы, о физической организаціи человѣка,—о различныхъ предметахъ матеріальной культуры: одеждѣ, пищѣ, жилищѣ, — о различныхъ юридическихъ институтахъ: семьѣ, сословіяхъ, государствѣ, имуществѣ и пр.,—наконецъ, о явленіяхъ духовной культуры: искуствѣ, наукѣ и религіи. Такимъ образомъ въ группировкѣ пословицъ былъ бы проведенъ единый принципъ—восходящей прогрессіи ихъ идейнаго содержанія.

Въ параллель къ словацкимъ пословицамъ составитель часто приводитъ также пословицы чешскія, польскія, нѣмецкія, мадьярскія и латинскія. Остается пожалѣть, что г. Затурецкій не счелъ нужнымъ присоединить также южно-славянскія и русскія.

Для нѣмецкихъ параллелей, составитель пользовался изданіемъ Фришбира «Preussistche Sprichwörter», но почему-то совершенно оставилъ безъ вниманія капитальный трудъ Вандера «Sprichwörter-Lexicon», значеніе котораго для исторіи славянской пословицы было указано еще Крекомъ *).

Эти и немногіе другіе недостатки сборника г. Затурецкаго не умаляютъ однако его значенія, какъ одного изъ образцовыхъ изданій не только словацкихъ пословицъ, но и вообще славянскихъ.

Deutsche Volkskunde. Von Eduard Meyer. Mit siebzehn Abbildungeu und einer Karte. Strassburg. 1898. VIII+362.

Настоящее сочиненіе представляетъ переработку для широкой публики лекцій по этнографіи нѣмецкаго народа, читанныхъ авторомъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Фрейбургскомъ университетѣ. Хотя въ основу изложенія поставленъ матеріальный и духовный бытъ населенія западной Германіи,—бытъ, большею частью извѣстный автору по личнымъ, свыше тридцатилѣтнимъ наблюденіямъ,—однако, работа г. Мейера справедливо предъявляетъ и болѣе общее значеніе, такъ какъ авторъ постоянно заглядываетъ въ область этнографіи восточной Германіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи, Голландіи и Англіи.

Изложеніе отличается строго объективнымъ характеромъ. Смотря на свою книгу лишь какъ на «вопросный листъ, распространенный въ повѣствовательную форму» (Vorwort, S. IV), авторъ не столько объясняетъ факты, сколько описываетъ. Хотя г. Мейеръ по поводу тѣхъ или другихъ явленій народной жизни и с т а в и т ъ нерѣдко вопросы болѣе или менѣе общаго характера, однако мы напрасно стали-бы искать у него попытокъ хотя бы гипотетическаго ихъ рѣшенія.

Вслѣдствіе такой особенности труда г. Мейера, передать богатое содержаніе «Нѣмецкаго народовѣдѣнія» представляетъ большія трудности. Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся только бѣглымъ обзоромъ содержанія книги, причемъ съ бо́льшей подробностью остановимся на первыхъ двухъ главахъ: какъ ни тѣсны обобщенія г. Мейра, все-таки, въ указанныхъ главахъ имъ дается болѣе широкій просторъ, чѣмъ въ остальныхъ, представляющихъ часто голый фактическій разсказъ.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этому обзору, мы должны подчеркнуть еще одну сторону книги г. Мейера,—его убѣжденіе въ необходимости тѣсной связи этнографіи съ жизнью. Съ первыхъ строкъ своего труда, г. Мейеръ горячо протестуетъ противъ распространеннаго и теперь еще взгляда на этнографію, какъ на собраніе рѣдкостей (Kuriositäten). По его убѣжденію, особенно дорогому для редакціи «Живой Старины», народовѣдѣніе имѣетъ не только научно-теоретическія задачи, но и соціально-практическія, такъ какъ знаніе быта родного народа должно составлять необходимое достояніе каждаго истиннаго друга народа, каждаго образованнаго человѣка, «начиная съ сановника и кончая самымъ скромнымъ сельскимъ учителемъ». (Vorvort, S. 1.).

Книга открывается описаніемъ различныхъ типовъ нѣмецкихъ поселеній. Древнѣйшими изъ нихъ авторъ считаетъ два: типъ м н о г о д в о р н а г о селенія (Haufendorf или Sippendorf) и типъ о д н о д в о р н а г о (Einzelhof). Какъ доказываютъ многочисленныя патронимическія названія, селенія перваго рода обязаны своимъ происхожденіемъ родовымъ союзамъ. Такъ какъ первоначально земля дѣлилась между членами рода на совершенно одинаковые участки, то владѣніе землей необходимо было черезполоснымъ. Впрочемъ, равенство въ распредѣленіи участковъ существовало только по имени, и уже во времена Тацита пахотные участки раздѣлялись по «рангу и значенію отдѣльныхъ членовъ». Что касается до луговъ и лѣсовъ, то эти угодья находи-

---

*) Einleitung in die Slawische Litteratnrgeschichte, 2-te A. Graz. 1887, S. 790.

лись въ общинномъ пользованіи до очень недавняго времени: еще въ XVIII ст., передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, большая часть земель нѣмецкихъ крестьянъ находилась въ общинномъ пользованіи, пока аграрная реформа Штейна не освободила ихъ отъ «оковъ общиннаго хозяйства». Слѣды послѣдняго сохранились и въ современной Германіи или въ видѣ отдѣльныхъ обычаевъ, какъ Flurzwang и жеребьевка пахатныхъ участковъ (Flurverlosung), или въ такихъ учрежденіяхъ, какъ альпійскія товарищества пастуховъ и нижненѣмецкіе родовые союзы. Съ особенной подробностью г. Мейеръ описываетъ соціальную организацію послѣднихъ. Ведя свое начало отъ саксонскихъ шляхтовъ (Schlachten) *), эти роды образовали въ средніе вѣка могущественную политическую общину, успѣшно защищавшую свою независимость отъ враждебныхъ сосѣдей. Въ лучшее время своей жизни, этотъ нижне-нѣмецкій союзъ избиралъ 48 совѣтниковъ, вносившихъ на обсужденіе народнаго собранія законопроекты...

Многодворнымъ селеніямъ не уступаютъ въ древности поселенія, состоящія изъ одного только двора (Einzelhöfe). Выборъ той или другой формы осѣдлой жизни обусловливали различныя обстоятельства. Самое могущественное вліяніе должны были оказывать качества почвы, такъ какъ многодворныя селенія болѣе нуждались въ земляхъ, богато вознаграждающихъ трудъ земледѣльца, чѣмъ одинокіе дворы. Къ географическимъ причинамъ присоединялись иногда соціальныя: крестьянинъ, вышедшій почему-либо изъ числа членовъ родового союза, естественно долженъ былъ стремиться завести особое хозяйство. Сравнительно рѣдко удается объяснить совмѣстное существованіе того и другого типа селенія изъ первоначальнаго различія племенного состава населенія края.—Превосходя жителей деревни практическимъ смысломъ и обладая обыкновенно большимъ матеріальнымъ достаткомъ, «однодворцы» уступаютъ первымъ въ развитіи духа общественности.

Послѣ краткой характеристики другихъ типовъ нѣмецкаго села: виллы (Weiler), рядовой деревни (Reihendorf) и заимствованнаго у славянъ городища (Runddorf), г. Мейеръ во второй главѣ переходитъ къ описанію внѣшняго и внутренняго устройства нѣмецкаго крестьянскаго дома. Принимая во вниманіе первоначальное различіе этнографическаго состава населенія въ различныхъ частяхъ Германіи, авторъ устанавливаетъ пять типическихъ формъ постройки избы: нижнесаксонскую, фризскую, франконско-алеманскую, баварско-ретійскую и сѣверно-восточно-нѣмецкую. Такъ какъ германскія племена разселялись въ направленіи съ сѣвера на югъ, и такъ какъ только саксы и фризы остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, то прагерманская форма дома, въ наиболѣе чистомъ видѣ могла сохраниться, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, только въ нижнесаксонскомъ домѣ. Отличительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе примитивныя черты устройства послѣдняго составляютъ: отсутствіе отдѣльныхъ помѣщеній для скота и вообще сельско-хозяйственнаго инвентаря и свободное, открытое положеніе очага въ серединѣ жилой части дома. Постепенное перенесеніе очага изъ центра дома въ опредѣленную каморку-кухню и отдѣленіе отъ жилья стойла и кладовыхъ проходятъ красною нитью черезъ всю исторію нѣмецкаго крестьянскаго дома. Такъ, уже въ фризскомъ домѣ, представляющемъ видоизмѣненіе нижнесаксонскаго, сѣни (die Diele) отдѣлены перегородкой отъ остальной части дома. Еще высшую стадію представляетъ франконско-алеманнскій домъ, значительно видоизмѣненный въ своемъ строеніи, причемъ кладовыя, если не помѣщаются въ особыхъ пристройкахъ, то, по крайней мѣрѣ, отдѣляются отъ жилья стѣной. Кромѣ того, въ противоположность нижнесаксонскому и фризскому типамъ, средне- и верхне-нѣмецкіе дома часто бываютъ обращены окнами на улицу, и нерѣдко строятся съ двумя и болѣе этажами. Къ этому типу крестьянскаго дома близко подходитъ баварско-ретійскій, который г. Мейеръ называетъ также «баварско-романскимъ», такъ какъ преобладаніе каменныхъ построекъ и обиліе комнатъ въ домѣ доказываетъ, по его мнѣнію, итальянское вліяніе. Наконецъ, что касается сѣверно-восточно-нѣмецкаго дома, то его характернымъ признакомъ можетъ служить навѣсъ (Vorhalle), защищающій фронтонъ дома, а также множество печей, занимающихъ иногда добрую половину жилья.

*) Не отъ этихъ-ли саксонскихъ родовъ славяне заимствовали слово «шляхта»?

Въ небольшой третьей главѣ, вслѣдъ за краткимъ очеркомъ физической организаціи нѣмецкаго крестьянина, авторъ описываетъ различныя формы одежды послѣдняго. Эта глава наименѣе оригинальна. Авторъ доказываетъ уже давно отмѣченное наукою возрастаніе въ направленіи съ юга на сѣверъ свѣтлой наружности (волосъ, глазъ, кожи) сравнительно съ темной и подтверждаетъ не менѣе извѣстный фактъ вытѣсненія крестьянской одежды городскою.

Съ особенной подробностью и любовью авторъ останавливается на нѣмецкихъ нравахъ и обычаяхъ, описанію которыхъ посвящена четвертая глава. Авторъ справедливо считаетъ изученіе нравовъ и обычаевъ народа главной задачей этнографіи не только потому, что изъ нихъ слагается почти вся жизнь крестьянина, но и потому, что они представляютъ конкретное выраженіе психики народа, зеркало его чувствъ и думъ.

Съ исторической точки зрѣнія, авторъ, подобно большинству прежнихъ изслѣдователей, отличаетъ обычаи, восходящіе къ прагерманской древности, отъ обычаевъ, установившихся подъ вліяніемъ христіанства. Не смотря на кажущуюся противоположность тѣхъ и другихъ, они сходятся въ томъ, что представляютъ своеобразное сочетаніе туманнаго мистицизма и грубаго раціонализма. «Нашъ народъ, говоритъ г. Мейеръ, глубоко убѣжденъ не только въ аналогичности процессовъ природы съ явленіями человѣческой жизни, но и твердо вѣритъ въ реальную, хотя бы и столь чудесную связь тѣхъ и другихъ.... Чтò въ поэзіи является только уподобленіемъ, то въ нравѣ—фактомъ. Другую часть народной души составляетъ трезвая разсудочность, грубый реалистическій раціонализмъ» (S. 100).

Описывая съ такой точки зрѣнія нравы и обычаи нѣмецкаго народа, авторъ группируетъ громадный, находившійся въ его распоряженіи матеріалъ около трехъ великихъ таинствъ человѣческой жизни: рожденія, брака и смерти и излагаетъ его въ порядкѣ человѣческихъ возрастовъ: дѣтства, юности, возмужалости и старости. Такъ какъ факты, приводимые г. Мейеромъ въ книгѣ, по собственнымъ его словамъ, имѣютъ значеніе только въ совокупности, рисующей «складъ всей жизни крестьянина» (den Zusammenhang des vollen bauerlichen Daseins), то пересказывать даже самые интересные изъ нихъ считаемъ излишнимъ.

Въ пятой главѣ находимъ очеркъ нѣмецкой діалектологіи, который, по сжатости и содержательности, можетъ служить превосходнымъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ предметомъ. Характернѣйшей чертой нѣмецкой фонетики авторъ считаетъ, конечно, т. н. передвиженіе или перебой согласныхъ, которые ставитъ въ связь съ двумя величайшими исторически извѣстными переселеніями нѣмецкаго племени. Въ то время, какъ первое передвиженіе согласныхъ, побѣдоносно прошедшее по всей территоріи нѣмецкаго племени, было вызвано распространеніемъ послѣдняго въ VI—IV вв. до Р. Х. по сѣверной Европѣ, второе имѣло своей причиной т. н. великое переселеніе народовъ. Такъ какъ скандинавы, фризы и саксы въ послѣднемъ переселеніи участія не принимали, то этимъ и объясняется, почему область ихъ языковъ не была затронута этимъ загадочнымъ фонетическимъ процессомъ.

Послѣ краткаго очерка исторіи образованія нѣмецкаго литературнаго языка, авторъ переходитъ къ характеристикѣ нѣмецкихъ нарѣчій какъ по отношенію ихъ къ литературному языку, такъ и по отношенію ихъ другъ къ другу. Изложеніе поясняется прекрасно подобранными примѣрами, примѣтами же большей или меньшей близости служатъ не только звуковыя, формальныя и словарныя особенности языка, но и удареніе, мелодія и темпъ рѣчи.

Заключительныя главы книги посвящены характеристикѣ нѣмецкаго народно-поэтическаго творчества: въ седьмой главѣ авторъ говоритъ о нѣмецкой народной поэзіи вообще, въ восьмой—о народныхъ преданіяхъ и сказкахъ. Передъ читателемъ проходятъ всѣ виды народно-поэтическаго творчества, начиная съ «пѣсней безъ словъ» ритмическихъ движеній, сопровождающихъ извѣстную работу, и кончая народными балладами и сказаніями о разныхъ фантастическихъ существахъ. Хотя спеціалистъ въ этомъ этюдѣ и немного найдетъ оригинальнаго, но конечно не въ отдѣльныхъ харак-

теристикахъ, хотя бы и очень мѣткихъ, заключается интересъ главы, а въ ихъ совокупности, рисующей довольно яркую картину интимной жизни нѣмецкаго простолюдина.

Два отзыва по присужденію большой и малой золотыхъ медалей Этнографическаго Отдѣленія.

Отзывы о трудахъ заслуживших, по опредѣленію медальной коммисіи, большой и малой золотыхъ медалей Отдѣленія Этнографіи.

Сынъ Итальянца изъ Лукки и русской матери изъ Тулы, Н. Л. Гондатти родился въ Москвѣ, въ 1861 г., среднее образованіе получилъ въ Нижегородскомъ дворянскомъ Институтѣ, высшее въ Московскомъ Университетѣ по естественно-историческому Отдѣленію Физико-Математическаго Факультета.

Въ теченіе 8 лѣтъ съ выхода изъ Университета, т. е. съ 1885 по 1893 г., жилъ обыкновенно въ Москвѣ, состоя преподавателемъ естествовѣдѣнія въ двухъ среднихъ училищахъ и въ школѣ шелководства, также завѣдуя Минералогическимъ кабинетомъ Румянцевскаго Музея и состоя секретаремъ въ Антропологическомъ Отдѣлѣ И. Общ. Любителей Естествознанія.

За это время, по порученіямъ Общ. Любит. Естеств., Комитета по устройству Музея прикладныхъ знаній, а также М. Арх. Общ., Н. Л. совершилъ нѣсколько ученыхъ поѣздокъ въ 1885 г. въ сѣверозап. Сибирь для производства антропологическихъ, этнографическихъ и зоологическихъ изслѣдованій, въ 1887 г. въ Таврическую г. для изслѣдованія состоянія шелководства въ нѣмецкихъ колоніяхъ и для приготовленія целлюлярной грены, въ томъ же году на Урало-Сибирской научно-промышленной выставкѣ въ Екатеринбургѣ, въ 1889 г. въ Парижѣ на международный Географическій конгресъ, въ Германію и Англію для осмотра музеевъ и затѣмъ въ М. Азію, Сирію и Египетъ для ознакомленія съ производствомъ тамошняго шелководства, наконецъ въ Австрію, Италію, Францію для ознакомленія съ устройствомъ шелководныхъ въ нихъ станцій и для изученія мѣропріятій этихъ государствъ для поднятія и развитія въ нихъ этой отрасли сельскаго хозяйства. Въ 1890 г. былъ командированъ г. Министромъ Госуд. Имущ. въ Южное Поволжье для изученія современнаго состоянія тамошняго шелководства и для выработки мѣръ, необходимыхъ для развитія и улучшенія этой отрасли сельскаго хозяйства. Въ томъ же 1890 г. Общ. Люб. Естеств. былъ командированъ въ Закаспійскій Край и Туркестанское Генералъ-Губернаторство для научныхъ изслѣдованій и собиранія коллекцій, причемъ особенно долго останавливался въ Бухарѣ и Ферганѣ. Нѣсколько позже Гондатти успѣлъ съѣздить на Новую Землю, на устье Оби, на о-въ Цейлонъ, въ Остъ-Индію, Китай, Японію и Америку.

За эти годы были имъ напечатаны, сверхъ отчетовъ и статей по шелководству и пчеловодству, слѣд. этнографическія работы: 1. Религіозныя вѣрованія инородцевъ сѣверо-зап. Сибири *) 2. Культъ медвѣдя Маньзовъ **) 3. Описаніе одежды инородцевъ сѣверо-западной Сибири (систем. опис. коллекцій Датск. Этногр; Музея. Вып. I), описаніе Туркест. выставки (этногр. обозр. кн. VII).

Въ 1893 г. Приам. генер. губерн. С. М. Духовскій назначилъ Н. Л. Гондатти на должность Анадырскаго окружнаго начальника. Здѣсь онъ прожилъ и проработалъ для науки и для края три года, лишенный самыхъ незатѣйливыхъ и необходимыхъ удобствъ, подвергаясь, особенно зимою (съ октября мѣсяца) самымъ тяжкимъ лишеніямъ. Въ 50° градусные Р. морозы въ Марковской казармѣ приходилось по цѣлымъ днямъ топить чугунку, но никогда не случалось нагнать тепла болѣе 7°/°, и то къ вечеру. Съ появленіемъ снѣга нужно было облекаться въ двойную кухлянку и не снимать ее уже всю зиму. Вечеромъ за чаемъ вся комната наполнялась густымъ паромъ: свѣчи и лампа меркли. Ложась спать, надо было не только не снимать съ себя кухлянки и торбаса, но и покрываться еще песцовымъ одѣяломъ и медвѣжьею шкурою. Скоро погасала чугунка и черезъ часа два, три температура наружнаго воздуха и температура комнаты почти уравновѣшивались. Самоваръ вечерній, если въ немъ оставалась вода, замерзалъ за ночь такъ, что вся вода превращалась въ сплошную глыбу льда. Еще хуже, когда являлись

---

*) Тр. Этн. Отд. И. Общ. Л. Ест. кн. VIII. **) тамъ-же.

пурги, а онѣ случаются каждую зиму и иногда продолжаются три, четыре недѣли подъ рядъ. Эти пурги въ 6—10 часовъ заносили иногда всю казарму до оконъ. Если пурга началась съ вечера, то къ утру лишь по часамъ можно было узнавать, что долженъ быть свѣтъ, ибо окна заносились огромнымъ слоемъ снѣга, который, утолщаясь съ каждымъ часомъ, доходилъ черезъ два три дня до 2—3 саженъ толщины. Три дня пурги абсолютно лишали свѣта, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль должны были горѣть неугасимыя лампы. Зимою 1895 г. испортились у Гондатти всѣ часы, и приходилось отличать день отъ ночи по догадкамъ.

Д. Чл. Приам. Отд. И. Р. Г. О. Марковъ, пріѣзжавшій на нѣсколько дней въ Авг. 1896 г. къ Гондатти, расказываетъ что сидѣлъ у Гондатти въ казармѣ какъ то вечеромъ, «въ казарму стали собираться казаки, въ кухнѣ готовился ужинъ, какъ для нихъ, такъ и для Гондатти. Кухонный смрадъ дѣлался ощущительнымъ, казачьи дѣти, счетомъ пять, подняли ужасный плачь. Этотъ плачь дѣтей, убаюкиванье ихъ матерями, говоръ казаковъ и чукчей, перебранка между двумя казачками изъ за разбитой тарелки были слышны въ помѣщеніи Н. Л—ча также отчетливо, какъ если бы весь этотъ гамъ и шумъ происходилъ тутъ-же у самаго уха. Гондатти однако это не безпокоило. Живя въ такой обстановкѣ два года, онъ привыкъ и къ плачу дѣтей и къ стону больныхъ, и къ перебранкѣ горластыхъ казаковъ».

За трехлѣтнее свое пребываніе среди Чукчей, нашъ энергическій и преданный наукѣ изслѣдователь собралъ обширныя коллекціи, изучилъ основательно малоизвѣстное племя Чукчей и ихъ языкъ принесъ, по свидѣтельству начальника края, большую пользу нашей администраціи. Г. Гондатти успѣлъ по настоящее время напечатать результаты своихъ наблюденій и изысканій въ слѣд. статьяхъ: «Поѣздка изъ с. Маркова въ бухту Провидѣнія (Зап. Приам. Отд. И. Р. Г. О. IV вып.)». «Свѣдѣнія о поселен. по р. Анадыру, Осѣдлое населеніе р. Анадыра). Составъ населенія Анадырск. округа *) и въ Жив. Стар. II. 1897: Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анад. округа.

Какъ за эти труды, такъ въ особенности за всю плодотворную трехлѣтную дѣятельность въ такомъ суровомъ и почти дикомъ краѣ Отдѣленіе Этнографіи, согласно отзыву Медальной Коммиссіи опредѣлило наградить Н. Л. Гондатти большою золотою медалью Отдѣленія.

Малая же золотая медаль Отдѣленія была присуждена г. Ростковскому за его старательную и полезную работу «Распредѣленіе жителей Битольскаго Виляэта по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1897 г., «съ приложеніемъ карты и подробными статистическими данными, почерпнутыми авторомъ преимущественно изъ Сальнаме (ежегодн. справочная книга). Битольск. виляэта, въ коей перечислены въ алфавитномъ порядкѣ всѣ села съ указаніемъ числа домовъ и жителей безъ различія вѣроисповѣданія и національности, а также разстоянія селъ отъ уѣзднаго ихъ города. Статистическія данныя, предупреждаетъ самъ составитель, и какъ оно давно извѣстно относительно Турецкихъ офиціальныхъ источниковъ, особенною точностью не отличаются. Гдѣ могъ, авторъ провѣрялъ эти данныя села лишь или черезъ довѣренныхъ лицъ, а при полученіи различныхъ цифръ населенія одного и того же села, бралъ среднюю, считая ее наиболѣе близкою къ истинѣ. Вообще г. Ростковскій допускаетъ, что данныя, имъ приводимыя, уклоняются отъ истины процентовъ на 15. Относительно христіанскаго населенія авторъ пользовался полученными имъ, отъ христіанскихъ общинъ данными относительно числа вѣнцовъ или семействъ, обложенныхъ налогами въ пользу епархіальнаго архіерея. Что касается населенія мусульманскаго, то авторъ пользовался сверхъ Сальнаме и списками призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности; при этомъ поневолѣ пришлось принимать на вѣру турецкую систему подсчета населенія съ ея предположеніемъ средняго населенія каждаго дома въ 5 душъ.

Статистическія таблицы и карта г. Ростковскаго (въ уменьшенномъ видѣ) появится въ Живой Старинѣ 1899 г. въ первомъ ея выпускѣ.

Трудъ этотъ весьма полезный появится весьма кстати, въ виду ожидаемыхъ нынѣ реформъ въ Македоніи. Онъ вполнѣ заслуживаетъ поощренія и отличія со стороны И. Р. Геогр. Общества.

В. Ламанскій.

---

*) Отдѣльно—подъ общимъ заглавіемъ «Анадырскіе очерки» Н. Л. Гондатти. г. Хабаровскъ. 1897 (стр. 71—177).

Библiографическiй обзоръ Литовскихъ повременныхъ изданiй за 1898 годъ.

Мѣстная администрацiя Сѣверо-Западнаго края имѣетъ много заботъ по преслѣдованiю литовскихъ книгъ и газетъ доставляемыхъ контрабандой изъ за границы. По преимуществу контрабанда доставляетъ изъ Пруссiи разнаго рода молитвенники, катехизисы и азбуки на литовскомъ языкѣ, почти ничего не заключающихъ противъ цензурныхъ правилъ, кромѣ латино-литовскихъ буквъ. Контрабанда еще доставляетъ изъ заграницы: календари, газеты и журналы на литовскомъ языкѣ съ политическими тенденцiями и время отъ времени распространяетъ ихъ между литовцами Ковенской и Сувалкской губернiй какъ пограничныхъ. Многiя газеты не касаются русскихъ литовцевъ, поэтому для Россiи не имѣютъ никакого значенiя. Напротивъ другiя предназначаются для русскихъ литовцевъ и, проникая въ Русскую Литву, привносятъ въ нее тенденцiозныя понятiя, чего не производили бы, выходя въ Россiи подъ предварительной цензурой. Теперь перечислимъ всѣ ихъ по порядку.

1. «Auszra, lietuwiszkas laiszka wisu bundancziu lietuwiu». Заря, литовскiй листокъ пробуждающихся литовцевъ, выходитъ 2 раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1897—1898 г. Это органъ литовскаго консервативнаго общества прусскихъ литовцевъ для избранiя нацiональныхъ представителей въ германской имперiи и прусскiй, королевскiй сеймъ. Главная забота этого листка о сохраненiи литовскаго языка въ школахъ и вообще литовской нацiональности. Онъ издается въ нѣмецкомъ духѣ на литовскомъ языкѣ сильно онѣмеченномъ. Изрѣдка появляются статейки и стихотворенiя въ защиту литовскаго языка и нацiональности въ духѣ самосохраненiя, особенно это было замѣтно во время выборовъ.

2. «Lietuwiszka Ceitunga». Литовская газета, выходитъ еженедѣльно въ Мемелѣ съ 1878—1898. f. Издатель этой газеты ежегодно получаетъ пособiе отъ нѣмецкой консервативной партiи и, разумѣется, трудится для этой партiи. Редакцiя этой газеты издаетъ ежегодно литовскiй календарь въ этомъ же духѣ, и разсылаетъ какъ премiю подписчикамъ.

3. «Laukinyku Prietelius». Другъ селянъ, выходитъ ежемѣсячно въ Мемелѣ съ 1897—1898 г. 8°. Этотъ журнальчикъ выходитъ какъ приложенiе предыдущей газеты. Сообщаетъ маленькiе расказы и повѣсти, такъ-же полезныя по сельскому хозяйству. Издаетъ Гольцъ.

4. «Nauje Lietuwiszka Ceitunga». Новая литовская газета выходитъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1890—1898 г. f. Эта газета въ такомъ же духѣ, какъ и «Auszra», только болѣе онѣмечена. Сообщаетъ историческiе разсказы изъ мѣстной жизни прошлаго, въ нѣмецкомъ духѣ.

6. «Kaimynas», Селянинъ, выходитъ ежемѣсячно въ Тильзитѣ съ 1896—1898 г. какъ приложенiе къ «Nauje Liet. Ceitunga.» Сообщаетъ повѣсти и расказы, переводимые съ нѣмецкаго языка и изъ нѣмецкой жизни.

6. «Skirimo Ceitunga». Газета выборовъ, издавалась на средства либеральной партiи на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Мемелѣ 1898 г. 4°. Вышло нѣсколько номеровъ.

7. «Tilžes Keleiwis». Тилзитскiй путникъ, выходитъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1883—1898 г. f. нѣсколько лѣтъ, получая пособiе отъ нацiонально-либеральной партiи, былъ органомъ этой партiи между литовцами въ Пруссiи, но въ 1898 г. заговорилъ въ пользу нѣмецкой консервативной партiи. Эта газета есть прототипъ литовской газетки «Keleiwis», издававшейся въ Кенигсбергѣ профессоромъ Куршатисомъ съ 1849—1880 г. Въ старомъ «Keleiwis» еженедѣльно печатались проповѣди, какъ передовыя статьи, въ нынѣшнемъ Tilz. Kel. тоже помѣщаются проповѣди черезъ номеръ въ фельетонѣ и черезъ номеръ повѣсти и разсказы. Редакцiя этой газеты издаетъ ежегодно въ томъ же духѣ календарь и разсылаетъ подписчикамъ. Издаетъ И. Рейлендеръ съ сыномъ.

8. «Konserwatiwu Draugistes Laiszkas». Листокъ нѣмецкаго консервативнаго общества въ Кенигсбергѣ, еженедѣльно выходитъ въ Прекулѣ съ 1882—1898 г. 4°. Такъ какъ этотъ листокъ издается на средства нѣмецкаго консервативнаго общества, то

разумѣется и трудится для этого общества. Онъ постоянно въ борьбѣ съ «Nauje Lit. Ceitung» и «Auszra», всѣ ихъ патріотическія мнѣнія старается опровергать. Но замѣчательно то, что издается на мѣстномъ литовскомъ говорѣ, именно Прекули, и довольно чистомъ, не такъ какъ напр. «Tilz. Keleiwis» и другія газетки которыя выдаются своимъ сильно онѣмеченнымъ языкомъ литовскимъ. Редакторъ Траушисъ.

9. «Lietuwos Paslas», Литовскій вѣстникъ, выходилъ два раза въ недѣлю въ Тильзитѣ съ 1896—1898 г. какъ органъ нѣмецкой консервативной партіи въ Тильзитскомъ округѣ. Вслѣдствіе ограниченности программы и вообще своей безсодержательности мало имѣлъ читателей, и потому въ 1898 г. соединился съ «Tilz. Keleiwiso'мъ» или просто говоря прекратился.

10. «Tevynes Sargas», Сторожъ Отечества, ежемѣсячно выходитъ книжками отъ двухъ до трехъ листовъ, печатаемыхъ латино-литовскимъ шрифтомъ въ Тильзитѣ съ 1896—1898. 8°. Этотъ журналъ желаетъ охранять литовскій народъ посредствомъ просвѣщенія, помогать ему въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи посредствомъ практическихъ совѣтовъ. Это патріотическій журналикъ Русскихъ литовцевъ. Издается подъ редакціею (Saunio) Зауно.

11. «Pakajaus Paslas», Вѣстникъ мира, еженедѣльно выходитъ на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Мемелѣ съ 1881—1898 г. 4°. Это проповѣдническій листокъ сообщаетъ свѣдѣнія, когда и гдѣ будетъ проповѣдь и молитвы.

12. «Ukinykas», Хозяинъ, ежемѣсячный журналъ выходитъ въ Тильзитѣ съ 1890—1898 г. Первоначальная программа этого журнала была практически-научная о сельскомъ хозяйствѣ, которой онъ и держался въ началѣ, но затѣмъ сталъ политико-литературнымъ. Въ 1894, 1895 и 1896 г.г. давалъ приложенія ежемѣсячно книжками практическаго содержанія напр. «Apie Mesilus» объ искуственныхъ удобреніяхъ земли и проч., «Pieninikiste» Молочное дѣло, Ką dariti kad sveiku buti»—Что дѣлать, чтобы быть здоровымъ и т. д. а такъ-же повѣсти и разсказы. Редактировалъ Мартинъ Янкусъ, изд. Воска, печатался латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Воски.

13. Varpas politicos mokslo ir literaturos laikrasztis.—Колоколъ, политическій, научно-литературный журналъ ежемѣсячно въ Тильзитѣ съ 1889—1898 г. 4°. Выходилъ ежемѣсячно, теперь въ два мѣсяца разъ. Этотъ журнальчикъ по своему стилю пытается быть органомъ образованныхъ литовцевъ. Издается на средства кружка образованныхъ литовцевъ, редактировалъ сначала М. Янкусъ, затѣмъ другіе. Печатается латино-литовскимъ шрифтомъ въ типографіи Вейера. Вообще журнальчикъ признается образцовымъ въ литературной обработкѣ и по правописанію, кромѣ рѣзкихъ статей противъ мѣстной русской администраціи, которыхъ въ каждомъ номерѣ найдется не мало.

14. «Nusidawiniai ape ewanglios prapatimima tarpzydu ir pagonu.». Очерки о распространеніи евангелія между евреями и язычниками, ежемѣсячно въ Кенигсбергѣ съ 1832—1898 г. 8°. Это миссіонерскій листокъ.

15. «Lietuva, nedelinis laikrasztis». Литва, еженедѣльная газета издается въ Чикаго съ 1892 — 1898 г. Кромѣ обзора политическихъ событій и свѣдѣній о мѣстахъ заработка, и о жизни литовцевъ въ Америкѣ, помѣщаетъ статьи научнаго содержанія, которыя затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ выпускаютъ книжками, какъ напр. Географія, Космографія, Гигіена, Исторія Америк. Соединенныхъ Штатовъ и др. Издаетъ Ольшевскій.

16. «Vienybe Lietuvniku, literaturos mokslo ir politikos laik». Единство Литовцевъ, литературно-политическій журналъ еженедѣльно въ Плимутѣ въ Пенсильваніи, съ 1887—1898 г. 4°. Здѣсь, кромѣ обзора политическихъ событій и обширныхъ сообщеній изъ Литвы, въ каждомъ номерѣ обильный матеріалъ изъ жизни литовцевъ въ Америкѣ, объ организаціи разныхъ обществъ, устройствѣ приходовъ и церквей; тоже помѣщаются романы и повѣсти, разумѣется переводные, легенды и сказки литовцевъ Фекенштета, переводъ Шлюпаса. Издаетъ Паукштисъ.

17. Garsas Amerikos Lietuviu.—Эхо литовцевъ въ Америкѣ, еженедѣльно въ Шенандоа, въ Пенсильваніи съ 1894—1898 г. 4° Этотъ журнальчикъ переходилъ изъ рукъ въ руки и много разъ перемѣнялъ свое направленіе, теперь же въ рукахъ духовенства. Вообще содержаніе не богато.

18. Saule. Солнце, прежде еженедѣльно, а въ 1898 г. два раза въ недѣлю выходитъ въ Магана Сити съ 1888—1898. Издаетъ Бачковскій. Въ 1897 г. было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ издателя этой газеты за беллетристически-циническія статейки.

19. «Kardas, Satiriszkas laikrasztis.—Мечъ, сатирическій журналъ съ карикатурами, выходилъ еженедѣльно въ Балтиморѣ съ 1896—1898. 4° прекратился.

20. Gallibe, Mokslo menesinis laikrasztis. Могущество, научно-ежемѣсячный журналъ книжками выходилъ въ Балтиморѣ 1898. 8° Содержаніе № 1) Археологія древнихъ жителей Америки, 2) Эволюція нравственности 3) Плодородіе и его уменьшеніе. 4) Жизнь Іисуса Христа, 5) Священникъ, женщина и исповѣдь. Этотъ журналъ выходилъ въ видѣ приложенія къ «Kardas'у».

21. Rytas, szeiminiszkai-draugiszkai-ukiszkai laikrasztis.—Утро, семейно-общественно-хозяйственный журналъ выходилъ еженедѣльно въ Ватербурн. Конектикутѣ съ 1896—1898 г. Издатель редакторъ кс. Жебрисъ. Ультра-католическій журналъ. Прекратился.

22. Tevyne, literaturos, mokslo ir politikos menesinis laikrasztis. Отечество, литературно-научный и политическій журналъ, выходитъ ежемѣсячно въ Шенандоа съ 1896—1898. 8°. Это органъ союза Литовцевъ въ Америкѣ. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія о первыхъ литовскихъ эмигрантахъ въ Америкѣ, ихъ жизни, борьбѣ съ поляками за національность и о началѣ литовскихъ колоній въ Америкѣ. Къ этимъ описаніямъ приложены рисунки, но къ сожалѣнію довольно плохіе. Конечно это цѣнный матеріалъ для исторія литовцевъ въ Америкѣ, такъ какъ составленъ и собранъ очевидцами, самими эмигрантами, но нѣтъ документальныхъ данныхъ.

23. «Pasaule».—Міръ, еженедѣльная газетка, выходила въ Шенандоа, перепечатки изъ «Garsas Amerk. Liet.» въ 1897—1898 г. прекратилась.

24. «Dirva».—Нива, трехнедѣльное изданіе въ Шенандоа Пенсильв. 1898. № 1—4. книжками. Содержаніе кн. 1. Матеріалы для біографіи С. Довконта. № 2. Матеріалы для народной медицины Бассановича № 3—4 Бассановича Изслѣдованія о предкахъ литовцевъ во Ѳракіи.

25. Pensilvanios Darbinikas.—Пенсильванскій рабочій, выходилъ еженедѣльно въ Шенандоа въ 1896—1898 г. соціально-рабочій журналъ.

26. Nauje Draugija. Новая община. Издается съ ноября 1898 г. вмѣсто прекратившихся «Kardas и Galibe».

27. «Tarnas Baznuczios.—Церковный служитель, выходитъ ежемѣсячно книжками съ 1 Декабря 1898 г. въ Ватербури, вмѣсто «Ritas».

28. Liebuvos Darbinikas.—Литовскій рабочій, органъ литовской соціально-демократической партіи. № 1 вышелъ въ 1896 г. № 2 въ 1898 г. переводъ съ польскаго. Издается въ Швейцаріи.

29. Katalikas. Католикъ, еженедѣльно выходитъ въ Чикаго 1899 г.

30. «Blaivistes laiszkas.—Листокъ трезвости, выходитъ два мѣсяца разъ, какъ органъ общества трезвости.

31. Viltis.—Надежда, еженедѣльно въ Шенандоа. 1899. Рабочій листокъ вмѣсто прекратившагося «Pensilvanios Darbiniko».

Б.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Вечеринки и игрища въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, какъ и въ другихъ городахъ Вологодской губерніи, даже и самой Вологдѣ, съ 1-го октября, т. е. съ Покрова Пресвятыя Богородицы, исключая поста Рождественскаго, до самой масляницы, дѣлаются вечеринки или игрища. Одна изъ дѣвицъ, положимъ своего квартала или улицы, приглашаетъ подругъ своихъ къ себѣ въ домъ поиграть и повеселиться. Подружки, принарядясь по возможности, собираются въ этотъ домъ съ пяти и шести часовъ вечера, первоначально пьютъ чай, потомъ лакомятся разными закусками; а къ семи часамъ приходятъ уже извѣстившіеся знакомые и незнакомые добрые молодцы—парни, безъ всякаго приглашенія. Съ ними дѣвицы начинаютъ играть и плясать по пѣснямъ. По окончаніи каждой пѣсни, молодой парень получаетъ отъ вызванной имъ дѣвицы, ходившей съ нимъ объ руку въ кругу или просто по комнатѣ, нѣжный поцѣлуй, и такимъ образомъ игры и пляски продолжаются иногда цѣлую ночь, до самаго утра. Старшіе въ домѣ ни въ чемъ никакого препятствія не дѣлаютъ и не мѣшаютъ, а издали любуются принятыми и позволительными небольшими вольностями. Откуда именно перешло обыкновеніе и начало такихъ собраній и увеселеній, мы не знаемъ, ибо народное преданіе объ этомъ рѣшительно ничего не говоритъ; но кажется оно ведается здѣсь съ глубокой древности, и едвали непроисходитъ отъ временъ языческихъ. Изъ числа пѣсенъ, по которымъ молодцы и дѣвицы кружатся и пляшутъ, мы особенно замѣтили слѣдующую, составленную вѣроятно во XVI или XVII вѣкѣ въ Пермской губерніи.

Когда дѣвицы всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ, (на переднихъ стульяхъ) выходятъ два молодца на сцену. Одинъ изъ нихъ долженъ быть непремѣнно вродѣ дядьки, ходитъ, пляшетъ, топаетъ ногами и поетъ: (причемъ поютъ также молодцы и дѣвицы).

«Скоморохъ идетъ по улицѣ—
«Молодой идетъ по широкой;
«Онъ стучитца. колотитца,
«Ночевать къ дѣвицѣ проситца:
«Вы пустите скомороха ночевать,
«Вы пустите молодова постоять.—
«Скоморохи люди добрые,
«Молоды они счестливые.
«Непьютъ они ни пива ни вина,
«Во царевъ кабакъ не ходятъ никогда.

Послѣ этого одинъ изъ нихъ подходитъ къ дѣвицѣ, спрашиваетъ: пуститъ ли она его поставить на квартиру, и если и получитъ отвѣтъ—«извольте встать», то молодецъ садится съ ней рядомъ и цѣлуетъ, а оставшійся пляшетъ и поетъ:

«Чья эта умная дочь,
«Чья эта разумная дочь,
«Что пустила скомороха ночевать,
«Она пустилъ молодова постоять.

Если же которыя изъ дѣвицъ не примутъ молодца, то въ такомъ случаѣ молодцы поютъ:

«Еще чья эта мерзкая дочь,
«Еще чья это размерзкая дочь:
«Не пустила скомороха ночевать,
«Не пустила молодова постоять.

И въ послѣдствіи начинается снова, пока всѣ молодцы не выберутъ мѣста между дѣвушекъ. Пѣсня эта дошла въ Устьсысольскъ въ послѣднее время изъ Соликамска Пермской губерніи. По имѣющимся у насъ книгамъ таможенныхъ цѣловальниковъ видно, что скоморохи изъ Москвы и великаго Новгорода, приходили и проѣзжали въ Сибирь и въ Пермь великую въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіяхъ; въ это время, какъ я полагаю, должна принять начало свое постоянная наша пѣснь, изъ которой мы ясно усматриваемъ, что въ древнее время, Сибирскіе жители вновь принятымъ гостямъ скоморохамъ бывали иногда и неочень рады:

1852 г. Членъ сотр. Импер. Рус. Геогр. Общ. *С. Мельниковъ.*

(Изъ арх. Г. Общ.).

Коляда въ Устьсысольскѣ.

Въ городѣ Устьсысольскѣ, въ народной памяти у нѣкоторыхъ русскихъ горожанъ, остался еще старинный обрядъ колядованія. Нынѣ его хотя не исполняютъ, однакожъ въ дѣтскихъ пересказахъ, о существованіи коляды—и восхваляемаго винаградья, мы находимъ воспоминаніе о древнемъ празднествѣ. Обрядъ колядованія въ Устьсысольскѣ былъ почти тотъ-же, какъ описанъ онъ въ народномъ дневникѣ, (Сказан. Р. Народа т. П, стр. 69 Г. Сахарова) съ тою разницею: что коляду здѣсь пѣли вечеромъ 25 декабря, послѣ уже славленья со звѣздою, и хожденія съ вертепомъ, а не наканунѣ Рождества, какъ исполнялось въ Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ селѣ Красномъ Ярѣ.

Колядовщики, приходя къ богатому человѣку въ домъ, начально спрашивали хозяина:

«Прикажи сударь-хозяинъ:
«Коляду просказать?

Когда же получали разрѣшеніе и приглашеніе, тогда пѣли, приплясывая:

«Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ:
«По Кремлю Городу.
Виноградье
Краснозеленое!
«Ахъ! мы ищемъ, мы ищемъ:
«Господинова двора.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Господиновъ дворъ.
«На семи верстахъ.
Виноградье,
Краснозеленое!
«На семи верстахъ,
«На восмидесятъ столбахъ.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Тутъ трава шелкова—
«Муравая.
Виноградье,
Краснозеленое!
«По травѣ округъ двора,
«Тутъ желѣзный тынъ.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Какъ на всякой-то тынинкѣ
«По маковкѣ,
Виноградье,
Краснозеленое!
«А на всякой маковкѣ
«По жемчужку.
Виноградье
Краснозеленое!
«Тутъ три терема стоятъ,
«Златоверховаты.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Что во первомъ терему
«Какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
Виноградье,
Краснозеленое!

«То хозяинъ во дому,
«Какъ Адамъ во раю.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Во второмъ-то терему,
«Красно солнце.
Виноградье,
Краснозеленое!
«То хозяйка въ дому,
«Какъ оладья на меду.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Что во третьемъ терему,
«Часты звѣзды.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Малы дѣтушки,
«Какъ оладушки.
Виноградье,
Краснозеленое!
«А за тѣмъ будьте здоровы:
«Нашъ хозяинъ во дому
Виноградье,
Краснозеленое!
«Нашъ хозяинъ во дому.
«Со хозяюшкою;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Со хозяюшкою,
«Съ малымъ дѣтушками.
Виноградье,
Краснозеленое!
«Ужь какъ наша коляда,
«Невеликая бѣда!
Виноградье,
Краснозеленое!
«Невеликая бѣда:
«Только скляница вина;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Только скляница вина,
«Да тарелка пироговъ;
Виноградье,
Краснозеленое!
«Что тарелка пироговъ,
«Всё гороховиковъ!
Виноградье,
Краснозеленое!

Мѣщанинъ *Стефанъ Мельниковъ*. Чл.-сотр. И. Р. Г. Общ. 1852 г. (Изъ Арх. Г. Общ.).

Коляда во Владимірской губерніи.

Старинные обычаи и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе уничтожаются, вымираютъ въ нашемъ народѣ. Назадъ тому 30—40 лѣтъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи было въ послѣдній день сырной недѣли жечь масляницу; теперь этого уже нѣтъ, и только сѣдовласые старики, разсказывая о золотыхъ дняхъ своей молодости, мимоходомъ коснутся и этого обычая, и раскажутъ, какъ въ былое время производилось это. 10—15 лѣтъ назадъ семикъ отправлялся со всей торжественностію, съ особенными «семицкими» пѣснями, съ завиваньемъ березки, съ яичницей и пр.,—въ настоящее время ничего подобнаго въ большинствѣ случаевъ не бываетъ, и семикъ справляется «по старинѣ» только въ глухихъ, «медвѣжьихъ» углахъ Муромскаго, Гороховецкаго, Шуйскаго и др. окраинныхъ уѣздовъ. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстностяхъ Владимірской губ. семикъ даже праздникомъ не считается; всѣ работаютъ, какъ и въ обыкновенные дни; развѣ подъ вечеръ соберутся гдѣ-нибудь молодежь на завалинкѣ, подъ окошкомъ, чтобы поболтать и спѣть какую-нибудь «городскую» пѣсню (у насъ старинныхъ деревенскихъ пѣсенъ уже не поютъ, все больше «городскія» пошли), вродѣ «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Вотъ мчится тройка удалая», «Въ одну несклонную влюбился» и т. под. Старинныя обряды и игры позабыты. Нынѣшняя молодежь деревенская «старины» вообще не любитъ: «невѣжество, говоритъ, тутъ одно... правильныхъ понятіевъ нѣтъ», и начинаетъ жить не отцовскимъ, не дѣдовскимъ, а своимъ собственнымъ разумомъ. Старикамъ теперь «зныку не даютъ:» въ семьѣ ихъ не слушаютъ, на сходахъ смѣются надъ ними, отъ мірского дѣла въ шею «бла-ароднымъ манеромъ» гонятъ. «Вы, декать, старички почтенные не очень шумите, гдѣ васъ не спрашиваютъ... Будетъ, погорланили за свой-то вѣкъ. Дайте другимъ мѣсто, потому какъ по новѣшнему времени понятія вы имѣть не можете

Сидѣли бы вы спокойно на печкѣ,—чего здѣсь толшитесь-то? Будто безъ васъ и дѣла не сдѣлается?»

— Да ты что форсишь больно? огрызается старикъ, когда какой-нибудь «молокососъ» сильно задѣнетъ его на сходѣ. Что ты, братъ, намъ дверь то указываешь? какое-такое право имѣешь? что ты за фря?...

— Уходите, уходите, старички! перебиваютъ расходившагося старика голоса изъ «молодятника», взявшаго въ свои руки бразды правленія и въ семьѣ, и на сходѣ. Уходите! Теперь не до васъ...

И старики, понуря голову, уходятъ отъ «обчественнаго дѣла» домой, чувствуя, что новое время создало «новыхъ людей», и эти новыя люди оставили ихъ, стариковъ, «за-штатомъ»...

«Новые люди» создали, въ свою очередь, новыя пѣсни, новые обычаи, новыя вѣрованія. Старое все позабыто, вонъ выброшено, какъ негодный и никому ненужный хламъ.

«Коледа» принадлежитъ къ такимъ-же забытымъ «добрымъ обычаямъ» старины. 20 лѣтъ тому, обычай «ходить съ коледою« существовалъ почти во всѣхъ селеніяхъ Владимірской губерніи. Теперь онъ встрѣчается очень рѣдко: «Новое время—новыя пѣсни»... По крайней мѣрѣ, относительно Вязниковскаго, Гороховецкаго, Ковривскаго и Владимірскаго уѣздовъ, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что въ этихъ уѣздахъ «коледа» не поется уже нигдѣ. Но еще не далѣе какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ «коледа» здѣсь существовала, и въ каждомъ селѣ наканунѣ Рождества «ребятишки» сходились вмѣстѣ и пѣли подъ окнами «коледныя пѣсни» и получали за это кокуры, пироги ржаные, яйца и пр. Это было еще на памяти всѣхъ, объ этомъ любой мужикъ здѣшній раскажетъ.

Но вышедши изъ употребленія, «колядныя пѣсни» начинаютъ забываться, такъ что теперь только рѣдкіе, особенно памятливые, крестьяне сполна помнятъ всѣ колядныя пѣсни. Не пройдетъ и 10 лѣтъ, какъ онѣ совершенно исчезнутъ изъ памяти народной; ихъ нужно записать теперь, чтобы спасти отъ забвенія; иначе никакого слѣда отъ нихъ не останется, и напрасно позднѣйшіе изслѣдователи будутъ искать ихъ: онѣ забудутся и изгладятся безвозвратно. Въ виду этого я и записалъ нѣкоторыя «колядовки», какія пѣлись бывало во Владимірской губерніи. Варіантовъ по губерніи много, я записалъ только самую незначительную часть ихъ, въ надеждѣ, что люди, болѣе меня знакомые съ этнографіей края, не преминутъ дополнить мои скудныя данныя.

1. Коляда въ селѣ Памочаловѣ, Вязниковскаго у.

Лѣтъ 15 тому назадъ у малыхъ дѣтей былъ обычай собираться наканунѣ Рождества и гурьбой ходить по селу и подъ окнами каждаго дома пѣть:

Коляда, Коляда!
Приходила коляда
Наканунѣ Рождества.
На пешномъ окошкѣ
Блинъ да лепешка,
Кокурка съ дырой
Пирожокъ съ крупой.
Подавай, не будь скупой!

Хозяйка подавала имъ нѣсколько маленькихъ кокурокъ, которыя нарочно для этого случая и пеклись, пирогъ, начиненный лукомъ, и блинъ. Подаянія послѣ дѣлились всей компаніей поровну.

2. Коляда въ с. Груздевѣ, Вязниковскаго у.

Коляда, маляда,
Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества;
Пришла съ помеломъ,
Всѣхъ обсыпала.
Митька—сбой,
Подбирай, не стой!
Чашки, тарелки—
Подай, баушка (или тетушка), разговѣлки!...

Ходили одни малыя дѣти. Подавали имъ «молосныя кокуры», испеченныя нарочно для этого случая. Обыкновеніе это вывелось лѣтъ 20—25 тому назадъ.

3. Коляда въ селѣ Южѣ: Вязниковскаго у.

Коляда, коляда!
По вечеру Рождества!
Дома-ли хозяинъ?
Нѣтъ его дома,—
Уѣхалъ на поле
Пшеницу сѣять.
Дай кишкѣ пирожка;
Какъ не дашь пирожка,
Уведемъ корову за рога,
И за заднимъ воротамъ
Привяжемъ къ столбу,
Ушибемъ метлой.

Ходили одни «ребятишки» во первый день Рождества; подавали имъ «куженьки» и «витушки».

4. Коляда, въ с. Хозниковѣ, Шуйскаго у.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества—
Съ маслицомъ, съ молочкомъ.
У хозяина полонъ дворъ живота,
А сусѣки полны жита.
На полицѣ то пирогъ лежитъ,—
Хозяюшка, подавай:
Подавай, знай, не ломай!

Съ «колядой» ходили не только дѣти, но и взрослые. Уничтожился этотъ обычай лѣтъ 7 тому назадъ.

Г. Добрынкинъ записалъ слѣдующія «калядовки» въ Муромскомъ у.

а) въ деревнѣ Эфановой.

I.

Въ Новоградѣ зеленоемъ
У Ивана кудри завились;
Въ три ряда завивались,
Четвертый рядъ
Ровно заря горитъ.
Въ Москвѣ бояре дивовались:
«Тея, молодецъ, не мать родила,
Не отецъ выкормилъ,
Вскормилъ, вспоилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Вознесли часты звѣзды,
Воскачала легка лодочка!»

II.

У Ивана сады разцвѣли,
Разлапушились.
Захотѣлось Аннѣ
Въ садъ погулять—
Саловьевъ послушать.
Одинъ соловей—воръ—обманщикъ
Проманулъ Аннушку,
Отдалъ на чужу сторонушку.

b) Въ деревнѣ Дьяконовой.

Кишка, лепешка,
Свиная ножка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ кошель хотѣла!
Тетка, тетка,
Подай лепешку!

Какъ въ Эфановой, такъ и въ Дьяконовой ходили съ «колядовками» одни малыя ребята не наканунѣ Рождества, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ «сочельникъ», наканунѣ Новаго года.

Г. Тихонравовъ въ своемъ «Владимірскомъ Сборникѣ» (1857 г.) сообщилъ 2 «колядовки», записанныя имъ во Владимірскомъ и Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

1) Во Владимірскомъ у.

Коледа, Маледа,
Гдѣ была?
Коней пасла!
Что выпасла?
Коня въ золотой уздѣ.
Гдѣ твой конь?
За воротами стоитъ.
Гдѣ ворота?
Водой снесло.
Гдѣ вода?
Быки выпили.
Гдѣ быки?
За гору ушли.
Гдѣ гора?
Черви выточили.
Гдѣ черви?
Гуси выклевали.
Гдѣ гуси?
Гуси съѣдены.

2) Коляда въ Переяславскомъ у.

Овсей шелъ по дорожкѣ,
Нашелъ желѣзцо,
Сдѣлалъ топорикъ,
Вырубилъ сосну,
Намостилъ мосточекъ.
По этому мосту
Шли три брата.
На заднемъ окошкѣ
Блинъ да лепешка.
Подавай, не ломай
И не закусывай!
У хозяина въ дому
Велись-бы телята,
Велись-бы жеребята,
Велись-бы ягнята!

По общему отзыву людей знающихъ, ни въ Переяславскомъ, ни во Владимірскомъ у. «коляды» теперь не поютъ.

25 Сентября, 1883 г.
Г. Владиміръ губернскій.

(Изъ Арх. Р. Г. Общ.). *Н. Добротворскій.*

Духовные стихи.

(Пошех. у.).

1. О Рождествѣ Христовомъ.

Во славномъ было городѣ Вифлеемѣ,
Во той странѣ было Іудейской
На востоцѣ звѣзда возсіяла—
Народился Спаситель—Царь Небесный.
Богъ во убожествѣ преложился,
Во убогихъ ясляхъ возложился,
Никто про Его Свѣта не вѣдаетъ.
Спровѣдали персидскіе цари,
Принесли Ему честные дары:
Измирно (смирну) и злато со ливаномъ.
Царіе Царю поклонились:
«Прими наши честные дары:
Измирно и злато со ливаномъ!»

Царіе Царя стали вопрошати:
«Не Ты-ли есть Богъ надъ богами,
Не Ты-ли есть Царь надъ царями?»
— «Гои есть, (Гой еси,) вы, персидскіе цари!
Хощете Меня вы испытати,
Про Меня царю Ироду сказати,
На распятіе жидамъ Меня предати,
Безвинную кровь проливати».
— «Не дай-же намъ, Господи, подумать,
Не дай намъ, Владыко, помыслить!
Мы хощемъ съ Тобой вкупѣ жити,
Во единомъ царствѣ Небесномъ!»
— «Коли хощете со Мной вкупѣ жити,
Ко Ироду царю вы не ходите,
Инымъ путемъ обратитесь,
Ироду царю вы поругайтесь».
Царіе Царю поклонились,
Поклонившись, они прослезились,
Прослезившись, и вовсе они просвѣтились,
Во своя страны воротились,
Ироду царю поругались.
Безбожный царь про это провѣдалъ,
Безбожный царь Иродъ возъярился,
Послалъ-же онъ свое войско
Во ту страну Іудейскую,
Во вся предѣлы Вифлеемскіе
Побить неповинные младенцы
Отъ двою лѣтъ и нижае
За Спасителя Христа Бога.

2. О Царствѣ Небесномъ.

Что литятъ-то, литять Петръ и Павловичи,
Несите, несите золоты ключи,
Отпирайте, отпирайте вѣковы замки,
Пропущайте, пропущайте спасенныя души.
Что которая душа Христу согрѣшила:
Изъ подъ курочки яичко уносила,
Изъ квашни тѣсто вынимала,
У сосѣдушка корова подоила—
Ужъ какъ той душѣ спасеньеца не будетъ,
У Христа въ раю не бывати,
Во лицо Христа ей не видати.

Образецъ раскольничьихъ духовныхъ стиховъ, по происхожденію—позднѣйшихъ сравнительно съ духовными—вообще стихами, но во многомъ напоминающихъ собой послѣдніе, чѣмъ и объясняется чрезвычайная ихъ популярность: на праздничныхъ собраніяхъ «нѣтовцевъ» они поются наравнѣ съ церковными пѣснопѣніями.

I.

Даждь мнѣ, Господи, о своихъ грѣхахъ поплакати!
Плачу я и день и ночь, и слезами умываюся.
Плакать мнѣ надо о своихъ грѣхахъ, покаяться!

Что приходитъ пора-времячко
Отправлятися въ путь-дороженьку,
Въ путь дороженьку незнакомую;
По меня посланы посланники отъ Царя-то отъ Небеснаго, отъ Пресвятыя
Богородицы.
Дѣлами я неправная: тамъ вопросы будутъ грозные
И мытарства будутъ страшные.
У меня отвѣты неготовые.
Посмотрю я, многогрѣшная, на восточную сторонушку,
Не увижу-ли, многогрѣшная, своего я друга вѣрнаго,
Ангела Хранителя, повсечаснаго свидѣтеля,
Не поможетъ-ли моей бѣдѣ,
Не попроситъ-ли прощеньица
У Царя да у Небеснаго,
У Пресвятыя Богородицы,
У Пречистыя Божіи Матери,
Не возьмутъ-ли меня, грѣшную,
Что ко стаду, ко избранному,
Ко престолу ко Господнему.

Сообщилъ *Яковъ Ильинскій.*

Сказка *).

(записанная въ Эскинскихъ юртахъ Верх.-Демьянск. вол. Тоб. окр.).

Въ глухомъ лѣсу, въ небольшой избушкѣ, жило три брата, двое изъ нихъ были промышленники (охотники), цѣлые дни проводившіе въ урманѣ, охотясь за дичью и пушнымъ звѣремъ; третій же сидѣлъ дома, стряпалъ для братьевъ пищу, шилъ имъ одежду. Возвратившись однажды вечеромъ домой, оба брата къ своему удивленію увидѣли, что въ окнѣ нѣтъ свѣта. Зажегши лучину, они стали осматривать хату и нашли на полу небольшую лужу крови. Они испугались и подумали, что ихъ брата убили злые люди, жаль имъ было своего брата, и они стали говорить другъ другу: «напрасно мы не женились, тогда нашъ братъ былъ бы съ нами на охотѣ и избѣгъ-бы смерти; на женщинъ же не поднялась бы рука разбойниковъ». Братъ же ихъ не былъ убитъ, а сидѣлъ за дверью и слышалъ весь ихъ разговоръ. Спрятался онъ отъ нихъ съ тѣмъ, чтобы узнать, любятъ ли они его и будутъ ли они по немъ горевать. Довольный тѣмъ, что слышалъ, онъ, смѣясь вышелъ изъ своего угла и поздоровался съ ними. Голодные братья разсердились на него за эту шутку и, недолго думая, посадивъ на лопату, которою снѣгъ сгребаютъ, выбросили вмѣстѣ съ нею на улицу. Перелетѣвъ черезъ заборъ, онъ упалъ посреди лѣса; онъ не воротился домой, а, взявши лопату вмѣсто посоха, отправился въ путь, куда глаза глядятъ.

Онъ шелъ долго и наконецъ видитъ, что что-то вдали чернѣетъ. Когда онъ пошелъ въ этомъ направленіи, то скоро убѣдился, что передъ нимъ большой городъ. Но странно, что людей въ немъ не видать, улицы пусты и окна и двери домовъ отперты. Онъ прошелъ весь городъ, и всюду одно запустѣніе. Лишь въ двухъ крайнихъ домахъ виденъ былъ свѣтъ. Усталый путникъ идетъ туда и слышитъ, что въ одномъ домѣ всѣ плачутъ и воютъ, а въ другомъ раздается веселье и смѣхъ. Онъ вошелъ въ первый домъ, чтобы утѣшить страждущихъ. Его обитатели приняли съ распростертыми объятіями, накормили и напоили его. Онъ ихъ спросилъ о причинѣ ихъ горя, и они

*) Эта сказка, безъ сомнѣнія, перенята Остяками отъ русскихъ крестьянъ и лишь нѣсколько видоизмѣнена. Подобная же русско-вогульская сказка обнародована нами раньше. («Сибирск. Сборн.» 1891 г. 2 кн. стр. 137—147).

сказали: «къ намъ уже съ годъ какъ повадился людоѣдъ, который каждый день съѣдаетъ нѣсколько человѣкъ. Онъ уже пожралъ почти всѣхъ жителей города, и теперь за нами чередъ. Все наше упованіе на тебя, не спасешь ли ты насъ отъ угрожающей гибели»? Онъ отвѣчалъ: «хвастать я не буду, а думаю, что съумѣю васъ спасти». Они обрадовались и обѣщали ему, если онъ сдержитъ свое слово, отдать ему въ жены самую красивую изъ ихъ трехъ дочерей. Опять его стали подчивать и хотѣли уложить на пуховыя подушки. Но онъ имъ сказалъ: «мать меня родила на порогѣ, не подобаетъ мнѣ спать на пуховикахъ». Онъ легъ на крыльцѣ, плотнѣе укутавшись въ свою одежду и положивъ подъ голову, вмѣсто подушки, свою лопату. Не долго ему, однако, пришлось спать. Его разбудилъ какой то сильный стукъ, отъ котораго дрожала вся земля. Онъ всталъ и, взявъ свою лопату, спрятался за дверь. Стукъ между тѣмъ все приближался. Вскорѣ къ крыльцу подскакалъ какой то всадникъ, одѣтый въ черное и сидѣвшій на ворономъ конѣ. Входя въ избу, онъ закричалъ: «я чую здѣсь чужестраннаго человѣка, самого Янкудея Василія Васильевича, но тѣмъ хуже для него, и ему не избѣгнуть своей участи»! Въ этотъ самый моментъ спрятавшійся братъ охотниковъ выскочилъ изъ засады и ударилъ его лопатой. Тотъ попятился назадъ, вскочилъ на коня и былъ таковъ. Когда странникъ наносилъ ему ударъ, то услышалъ, что-то брякнуло объ полъ. Онъ зажегъ лучину и увидалъ на полу ногу всадника съ сапогомъ. которую онъ и положилъ въ карманъ. Потомъ онъ вошелъ въ избу и легъ спать. Утромъ онъ проснулся раньше своихъ хозяевъ и сталъ ихъ будить. Тѣ встали и, сѣвши на лавку, начали смѣяться. Онъ ихъ спросилъ о причинѣ ихъ смѣха. Тѣ отвѣтили, что радуются, что онъ ихъ спасъ, а сами все продолжаютъ смѣяться. Ему стало досадно, и онъ напомнилъ имъ ихъ обѣщаніе. Тогда они перестали радоваться и грубо сказали ему: «Ахъ ты говнякъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мы отдадимъ за тебя дочь? Вѣдь людоѣда намъ теперь бояться нечего, нескоро онъ теперь къ намъ заглянетъ».—«Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ странникъ, я можетъ быть найду себѣ болѣе достойную невѣсту».

Опять онъ взялъ свою лопату и отправился въ путь. Пришелъ онъ въ другой городъ, и здѣсь тоже все пусто и темно. Лишь въ трехъ домахъ на краю города свѣтится огонекъ,—въ двухъ изъ нихъ слышно веселье и смѣхъ, въ третьемъ рыданье и плачъ. Онъ подумалъ «веселящимся и безъ меня хорошо, зайду утѣшить плачущихъ». Онъ вошелъ въ ихъ домъ и былъ принятъ радушно. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что и сюда повадился людоѣдъ, который поѣлъ почти всѣхъ жителей города. «Если ты насъ отъ него спасешь, сказали ему здѣсь, то выбирай любую изъ нашихъ 7 дочерей». Онъ у нихъ остался ночевать. Опять громкій стукъ его разбудилъ и заставилъ спрятаться. Стукъ все приближался и къ крыльцу подкатилъ на сѣромъ конѣ всадникъ, одѣтый въ сѣрое, онъ слѣзъ съ коня и съ громкими криками и угрозами сталъ входить въ избу.—Странникъ въ это время нанесъ ему ударъ лопатой. Тотъ, застонавъ, вскочилъ на коня, и быстро ускакалъ. Зажегши лучину, онъ нашелъ на полу ухо съ золотой серьгой, которое спряталъ въ карманъ. Старикъ и старуха несказанно обрадовались своему спасенію, но когда дѣло дошло до расплаты, то они прогнали его изъ дому.

Онъ не сталъ горевать, а опять тронулся въ путь. Долго ли онъ шелъ или коротко, но передъ нимъ опять показался городъ. Въ этомъ городѣ лишь въ пяти домахъ былъ свѣтъ, изъ коихъ въ четырехъ люди ликовали, въ пятомъ плакали. Онъ вошелъ въ этотъ домъ и увидѣлъ, что въ большой комнатѣ сидятъ 20 дѣвицъ одна лучше другой, и посреди нихъ ихъ старуха мать. И тутъ его приняли съ распростертыми объятіями и обѣщали за спасеніе отъ людоѣда любую изъ 20 дѣвицъ. Онъ остался у нихъ и ночью ему посчастливилось нанести ударъ лопатой бѣлому всаднику, подъѣхавшему къ дому на бѣлоснѣжномъ конѣ. Когда людоѣдъ ускакалъ, онъ нашелъ на полу три пальца съ золотымъ перстнемъ на одномъ изъ нихъ. И здѣсь ему не дали дѣвицы въ жены и насмѣялись надъ нимъ.

Онъ опять тронулся въ путь. Шелъ онъ долго и увидѣлъ, что вдали что то бѣлѣетъ и блеститъ. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ высокій, высокій теремъ ослѣпительно-бѣлаго цвѣта и съ серебряной крышей. Вокругъ терема стѣна, но нигдѣ не видно дверей и оконъ. Послѣ долгихъ поисковъ, когда онъ обошелъ

теремъ три раза, онъ замѣтилъ небольшой гвоздокъ. Онъ его дернулъ, и передъ нимъ открылась потайная дверь. Онъ взошелъ, прошелъ нѣсколько пустыхъ комнатъ и пришелъ въ роскошно убранную комнату, въ которой стояли столы покрытые всевозможными явствами и заморскими питіями. Голодный странникъ тотчасъ сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть и пить. Но сколько онъ ни ѣлъ и ни пилъ, яствъ и питей не убывало. Когда онъ насытился, онъ вспомнилъ, что не видѣлъ еще хозяевъ терема. Не желая съ ними прямо встрѣтиться, онъ сталъ поджидать ихъ, спрятавшись за дверь. Ему недолго пришлось ждать. Около терема стали летать три лебедя. Лебеди сѣли на серебряную крышу и, убѣдившись, что кругомъ нѣтъ никого, отворили потайную дверь и проникли въ теремъ. Они пришли въ роскошную комнату, гдѣ стояли накрытые столы и, снявъ свои лебяжьи шкурки и, превратившись въ прекрасныхъ дѣвицъ, стали пировать. Во время пира дѣвицы вели оживленную бесѣду. Младшія спрашивали старшую: «гдѣ ты была и что ты сдѣлала, сестрица? Та отвѣчала: «Я облетѣла много странъ и въ одномъ городѣ погубила почти всѣхъ людей. Осталось всего два жилыхъ дома. Когда я собиралась поѣсть обитателей одного изъ нихъ, меня тамъ такъ сильно ударили, что я лишилась ноги, и мнѣ пришлось замѣнить ее деревянной»—«Ну, а ты гдѣ была, что видѣла и что дѣлала»? спросили старшая и младшая сестры среднюю. Сестра передала о своихъ похожденіяхъ и сообщила, что и её постигло несчастье: ей отрубили ухо, которое у нея дѣйствительно было завязано. Расказала свои похожденія и третья сестра, лишившаяся этой ночью трехъ пальцевъ.

Когда сестры кончили свои разсказы, странникъ выскочилъ изъ за двери и, схвативъ лебяжьи шкурки, сталъ ихъ рвать и разбрасывать. Дѣвицы начали его умолять не дѣлать этого, хотѣли отнять у него шкурки силою, но онъ былъ сильнѣе ихъ и уничтожилъ шкурки. Дѣвицы стали плакать, боясь за свою жизнь, но странникъ имъ сказалъ: «хоть вы и въ моей власти, но я не стану злоупотреблять своею силою и готовъ идти съ вами на мировую. Я требую, чтобы младшая изъ васъ вышла за меня замужъ». Дѣвицамъ не оставалось выбора, и онѣ согласились отдать ему въ жены младшую сестру. Справили блестящую свадьбу, послѣ которой странникъ со своей молодой женою поселились въ чудесномъ терему, въ немъ проживаютъ и по настоящее время.

С. Паткановъ.

Тагасъ на Бѣломъ озерѣ.

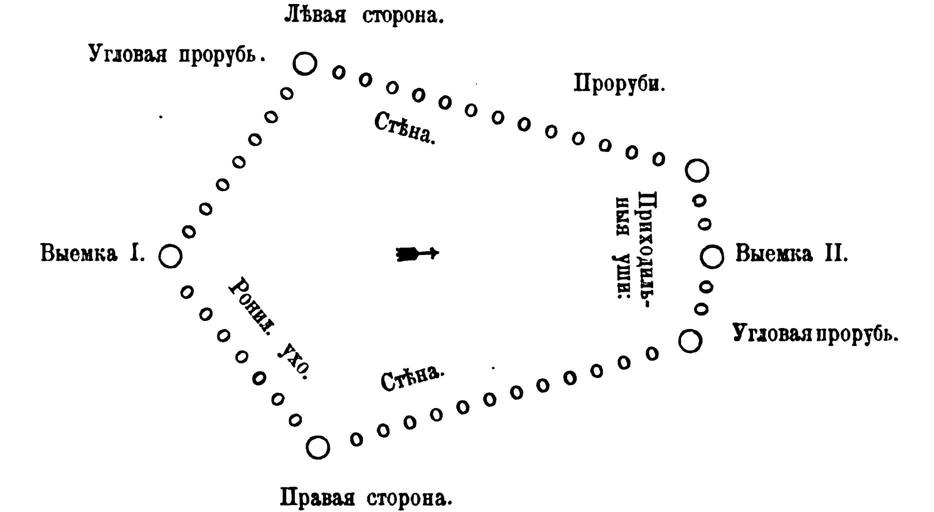
Одна изъ самыхъ распространенныхъ рыбныхъ ловель на Бѣломъ озерѣ въ зимнее время есть ловля такъ называемымъ тагасомъ. Она начинается съ того времени, когда на озерѣ образуется довольно толстый ледъ, по которому можно ѣздить на лошадяхъ, и продолжается до весны.

Въ составъ тагаса входятъ сѣти или мережи, ловцы и лошади. Сѣти, употребляемыя при этомъ, бываютъ пяти названій: матица, притоны, палёвыя, тагаски и рѣдкушки. Рѣдкушекъ иногда не бываетъ.

Матица—самая чистая сѣть съ кошелемъ по серединѣ. Къ матицѣ пришиваются съ обѣихъ сторонъ по одному, по два, а иногда и по три притона на каждую сторону; къ притонамъ пришиваются отъ 6 до 9 палевъ, а къ палевамъ столько же тагасковъ, а иногда и рѣдкушекъ. Палевы порѣже притоновъ, тагаски рѣже палевъ, а рѣдкушки самыя рѣдкія сѣти. Всѣхъ родовъ сѣтей на каждую сторону отъ матицы пришивается поровну, а матица въ срединѣ одна. Всѣ эти сѣти верхними и нижними краями связываются за пропущенныя черезъ каждую изъ нихъ веревки или тетивы, а отъ верхней до нижней тетивы сѣти сшиваются нитками. На верхнихъ краяхъ къ веревкамъ прикрѣпляются деревянные круги, называемые пульями, для того, чтобы эти края шли поверхъ воды возлѣ самаго льда. Къ нижнимъ краямъ привязываются камни, обвитые берестой. Къ нижней тетивѣ привязываются еще пучки соломы для того, чтобы намокшая сѣть шла поверхъ дна и не захватывала грязи. Къ краямъ сшитыхъ сѣтей привязывается къ обѣимъ сторонамъ по длинной веревкѣ, длиною около

120 саж. и болѣе, которая называется ужищемъ. Ближе къ сѣтямъ привазывается часть ужища потолще, а другая часть потоньше. Конецъ тонкой части ужища привязывается къ короткой веревкѣ, прикрѣпленной къ жерди. Жердь (длиною около 7—8 саженей) скрѣпляется толстыми краями изъ двухъ длинныхъ нетолстыхъ деревьевъ. Къ одному концу жерди привязывается веревка (длиною около $1^1/_2$ или 2 саж.), къ которой и прикрѣпляется ужище. Жердь перегоняется подо льдомъ отъ проруби до проруби хорошо обдѣланнымъ расщепомъ (около 1 саж.), который наз. сѣрой. Когда жердь перегнана на другую прорубь, то для отысканія ея употребляется крюкъ. Крюкъ есть загнутый, длинный деревянный прутъ, похожій на букву С. Хозяиномъ или главнымъ распорядителемъ тагаса является владѣлецъ матицы. Ловцовъ въ тагасѣ бываетъ отъ 30 до 50; лошадей—отъ 18 до 25. Одинъ изъ ловцовъ выбирается полевы́мъ. Полевой выбираетъ мѣсто для тонь и опредѣляетъ ихъ направленіе вѣхами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ дѣлать проруби. Для ухода за сѣтями и для уборки рыбы изъ сѣтей выбираются два ма́тесника и два пальщика (обыкновенно владѣльцы притоновъ). Матесники, при вынутіи и опусканіи сѣти, дѣйствуютъ за нижнюю веревку (тетиву), а пальщики—за верхнюю. Всѣ остальные ловцы дѣлятся поровну на двѣ стороны тони, а другіе на другой. Съ каждой стороны отдѣляется поровну людей для пропѣшанья прорубей, а остальные тянутъ сѣть. Первые наз. пѣшка́ми (отъ 3 до 6 на каждой сторонѣ), а тянущіе сѣть—ужищниками (отъ 10 до 14 на сторонѣ). Проруби пѣшаются пѣшнями. Пѣшня—остроконечное желѣзное орудіе на подобіе копья, въ которое вдѣлывается деревянная ручка. Прорубь отъ проруби пѣшается на разстояніи 7 саж. (вообще равномъ длинѣ жерди). Во время пропѣшиванія проруби мелкій ледъ, образующійся въ ней, выгребаютъ или, какъ выражаются ловцы, шугаютъ узенькими лопатками, которыя наз. шугалками.

Для того, чтобы протянуть тоню, пальщики и матесники пѣшаютъ почти круглую прорубь, имѣющую около 2 арш. длины и $1^1/_2$ арш. ширины. Отъ этой проруби въ обѣ стороны отъ нея подъ тупымъ угломъ пѣшаютъ маленькія проруби продолговатой формы (около 5 вершк. ширины и около 10 вершк. длины) на каждой сторонѣ поровну, обыкновенно отъ 9 до 11 прорубей. Рядъ этихъ прорубей носитъ названіе ронильныхъ ушей. Отъ крайнихъ изъ этихъ прорубей пѣшаютъ почти параллельно или немного сходящимися по обѣ стороны еще отъ 10 до 15 прорубей. Рядъ этихъ прорубей носитъ названіе стѣны. Затѣмъ поворачиваютъ подъ тупыми углами и пѣшаютъ еще отъ 1 до 3 прорубей на каждой сторонѣ, которыя сходятся подъ тупымъ же угломъ въ общей проруби такой же величины и формы, какъ и первая большая. Рядъ этихъ прорубей называется приходильными ушами. Проруби отъ по-

ворота до поворота пѣшаются по прямой линіи. Проруби на углахъ имѣютъ форму круга, діаметръ котораго равенъ ½ аршина. Общій видъ пропѣшанныхъ для тони прорубей имѣетъ форму неправильнаго шестиугольника.

Первая и послѣдняя проруби наз. выемками. Въ первую опускаютъ сѣть или, какъ говорятъ ловцы, ронятъ, а во вторую вынимаютъ. Выемки пѣшаютъ матесники и пальщики. Остальныя же проруби пѣшаются пѣшками и служатъ для перегонки жерди изъ одной проруби въ другую. Въ угловыхъ и въ седьмой по стѣнѣ изъ воды вытаскиваютъ ужище и тянутъ сѣть. На каждой сторонѣ должно быть по одной жерди и по человѣку, который жердь прогоняетъ и поэтому наз. жердникомъ. Жердникъ обязанъ имѣть свою жердь и ухаживать за ней самъ; трудъ его тяжелѣе труда другихъ; за это онъ получаетъ лишнюю часть. Жердь при слѣдованіи изъ одной тони въ другую, а также и на ночь остается въ водѣ. Она вынимается изъ воды только при переѣздѣ на новое мѣсто. Въ первой тонѣ на новомъ мѣстѣ первая выемка пѣшается продолговатой для того, чтобы опустить жердь въ воду. Точно также вторая выемка въ послѣдней тонѣ передъ переѣздомъ на новое мѣсто дѣлается продолговатой для вынутія жерди. Такая весьма продолговатая прорубь наз. сѣльгомъ.

Когда жердь опущена въ воду, и къ концу ея веревки привязано ужище, то жердникъ посредствомъ соры гонитъ ее по ронильному ужу отъ проруби до проруби. Дойдя до угловой проруби, онъ, не отвязывая ужища, вынимаетъ его посредствомъ крюка, поворачиваетъ жердь сорой вдоль стѣны и гонитъ по стѣнѣ. Одинъ изъ ловцовъ, который къ этому времени приходитъ на угловую прорубь, вытаскиваетъ часть ужища, идущую къ сѣтямъ, на поверхность. а освободившуюся часть ужища, которая идетъ къ жерди, опускаетъ (ронитъ или слабитъ) въ воду, чтобы жердникъ безпрепятственно перегонялъ жердь дальше по стѣнѣ. Когда тащить одному становится тяжело, тогда тащатъ нѣсколько человѣкъ, цѣпляясь на изворотъ за ужище небольшими крюками, привязанными къ лямкамъ, похожими на тѣ, какія употребляются бурлаками при тягѣ судовъ.

Въ которой нибудь проруби по стѣнѣ, обыкновенно въ седьмой отъ угла—почему это мѣсто и наз. седьмой—жердникъ опять крюкомъ вытаскиваетъ ужище. Здѣсь, какъ и на углу, приходятъ ужищники, цѣпляются крюками и тянутъ ужище, а вмѣстѣ съ этимъ тянутъ и сѣть, которая идетъ подо льдомъ. Въ тоже время освободившуюся часть ужища опускаютъ въ воду для безпрепятственной перегонки жерди. Въ седьмой тянутъ всѣ свободные ловцы кромѣ пѣшковъ, матесниковъ и пальщиковъ, которые въ это время пѣшаютъ проруби и выемки. Затѣмъ переходятъ тянуть на послѣдній уголъ, отъ котораго идутъ проруби къ выемкѣ (приходильныя уши). На угловой проруби жердникъ опять вытаскиваетъ ужище, поварачиваетъ жердь и гонитъ къ выемкѣ, а ловцы тащатъ ужище, опуская въ тоже время освободившуюся часть ужища въ воду. Наконецъ переходятъ къ выемкѣ, гдѣ жердникъ вытаскиваетъ ужище, отвязываетъ его, перегоняетъ жердь до слѣдующей выемки, съ которой начинается новая тоня и которая пѣшается на разстояніи около 1½—2 арш. отъ послѣдней выемки первой (предшествующей) тони. Здѣсь жердникъ вынимаетъ посредствомъ крюка конецъ веревки, прикрѣпленный къ жерди, къ которому и привязываетъ опять ужище, и гонитъ жердь къ угловой проруби ронильныхъ ушей второй (слѣдующей) тони, гдѣ пѣшки уже успѣли сдѣлать проруби. Сѣти же вытаскиваются постепенно ловцами изъ выемки первой (предшествующей) тони и сразу же опускаются въ выемку второй (слѣдующей) тони. Для того, чтобъ обѣ стороны сѣти вытаскивать равномѣрно, къ нимъ черезъ нѣсколько саженей, на одинаковомъ разстояніи у обѣихъ сторонъ, привязываютъ къ верхней тетивѣ пучки соломы, служащіе значками. Когда такимъ образомъ дотащатъ до матицы, то вынимаютъ ее на поверхность льда, вытряхиваютъ изъ кошеля матицы рыбу и опускаютъ ее вслѣдъ за сѣтями въ выемку второй (слѣдующей) тони, гдѣ въ это время часть ловцовъ растягивала сѣть, таща ужище на углу ронильнаго уха. Затѣмъ, какъ съ угловъ, такъ и съ выемки, всѣ свободные ловцы (ужищники) идутъ тащить сѣть въ седьмую, гдѣ жердникъ успѣлъ уже прогнать жердь и вытащить ужище, а матесники и пальщики ѣдутъ на своихъ лошадяхъ къ концу тони и пѣшаютъ выемки: одну для вынутія сѣтей, а другую—для опусканія уже въ третью тоню. Пѣшкй же въ

это время заканчиваютъ проруби второй тони и начинаютъ пѣшать проруби у третьей тони. Такимъ образомъ идетъ работа безостановочно цѣлый день на обѣихъ сторонахъ тони одинаково. Лошади же во время слѣдованія тонь перегоняются попутно самими ловцали обыкновенно съ выемки въ седьмую, а изъ седьмой къ новымъ выемкамъ.

Нѣсколько тонь тянутъ по одному направленію, потомъ, пройдя нѣсколько тонь, поворачиваютъ въ сторону, а черезъ нѣсколько тонь опять поворачиваютъ въ ту же сторону и т. д., и такимъ образомъ приходятъ къ тому мѣсту, откуда начали. Такъ образуется рыболовный кругъ, состоящій отъ 20 до 35 тонь и болѣе. Въ день проходятъ отъ 6 до 9 тонь. Въ каждой тонѣ вылавливается отъ ½ пуда (а иногда и менѣе) и до нѣсколькихъ пудовъ. Средній дневной уловъ, при хорошей ловлѣ, бываетъ около 12 пуд., при средней—8 пуд., а при плохой еще меньше (около 5 пуд.). Когда рыболовный кругъ черезъ 3—4 дня оконченъ, то начинаютъ идти по немъ вновь по старымъ же тонямъ. Это называются ловлей на свѣжеваркѣ. Рыба изъ круга выплываетъ на пройденныя тони. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же кругу ловятъ до тѣхъ поръ, покуда рыба не выловится, а потомъ начинаютъ новый кругъ и т. д. На ночь сѣти зарываютъ въ снѣгъ, чтобы онѣ не застыли. Въ теплые дни сѣть иногда (но весьма рѣдко) оставляютъ подо льдомъ растянутой въ ронильныхъ ушахъ, но оставлять такимъ образомъ очень опасно, такъ какъ случается, что во время морозной ночи сѣти пристываютъ ко льду, и ихъ приходится сильно тянуть, отчего онѣ рвутся.

Въ каждой тонѣ, во время вытаскиванія сѣти изъ воды, ставятъ парусъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, а въ солнечный и безвѣтренный день съ сѣверной стороны, чтобы сѣть не застывала, пока ее перепускаютъ изъ выемки въ выемку.— Ловится преимущественно чистый снятокъ, а иногда съ примѣсью ершей.

Къ концу зимы подо льдомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скопляется много крупной рыбы: судаковъ, лещей и др. Присутствіе ея узнается по сѣтямъ, называемымъ переметами, опущеннымъ въ воду на межахъ (границахъ) рыбныхъ ловель. Скопленіе большого количества рыбы подъ водою наз. ятвою. Если въ сѣти попадетъ ятва, и присутствіе ея обнаружено появленіемъ рыбы въ первыхъ же мережахъ, то сѣть тащатъ на поверхность воды скорѣе, а работу въ слѣдующей тонѣ, куда уже перепущено ужище и даже часть сѣтей, прекращаютъ. Когда вытащатъ сѣть такъ плотно, что рыба въ ней находится очень густо, то плетеными кузовками черпаютъ рыбу и разваливаютъ на ледъ, съ котораго часть ловцовъ успѣетъ лопатами сгрести снѣгъ. Когда рыбы останется меньше, сѣть опять вытаскиваютъ, а рыбу вычерпываютъ. Это дѣлается до тѣхъ поръ, пока не останется столько рыбы, сколько можно вытащить вмѣстѣ съ сѣтью на поверхность льда, не прорвавъ сѣти. Ятвой рыбы вылавливается въ одну сѣть очень много (отъ нѣсколькихъ десятковъ пудовъ и до нѣсколько сотъ, даже до тысячи и болѣе, что бываетъ весьма рѣдко).

Дѣлежъ вырученныхъ за рыбу денегъ, а иногда и самой рыбы происходитъ по частямъ. На каждаго ловца отдѣльно, на каждую лошадь отдѣльно и на каждый тагасокъ съ палевой (а иногда и рѣдкушкой) полагается одна часть. Такая часть наз. жеребьемъ. Жеребьевъ въ тагасѣ бываетъ отъ 70 до 100 и болѣе. Одинъ ловецъ, имѣющій лошадь и тагасокъ съ палевой и рѣдкушкой, получаетъ 3 жеребья (части): одну за себя, другую за лошадь и третью за сѣти (мережи). За притоны полагается по одному жеребью, за матицу—два жеребья, да хозяину одинъ, матесникамъ, жердникамъ и полевому по два жеребья, пальщикамъ и остальнымъ ловцамъ по одному жеребью.

Хозяинъ безплатно пользуется рыбой для себя и своей семьи. Онъ обязанъ отвести кладовую подъ рыбу, продавать ее и хранить вырученныя деньги, будить ловцовъ по утрамъ (около 3—4 часовъ утра). Ловцы предварительно съѣзжаются въ избу къ хозяину, а потомъ уже всѣ вмѣстѣ ѣдутъ на озеро.

Въ одинъ изъ дней на масляной недѣлѣ бываетъ сговоръ. На сговорѣ хозяинъ сговаривается съ участниками тагаса ловить вмѣстѣ и на будущее время, за что онъ угощаетъ ловцовъ у себя на дому.

Время отъ времени сѣти расшиваютъ и возятъ домой на нѣсколько дней для просушки. Дѣлается это обыкновенно передъ праздниками. Черезъ нѣсколько дней ихъ опять сшиваютъ для ловли. Это наз. сшивкой и расшивкой. При послѣдней

расшивкѣ ужище, пріобрѣтенное въ началѣ ловли на общія средства тагаса, дѣлятъ по частямъ между собою, такъ какъ на другой годъ оно уже по ветхости не годится.

Ловля тагасомъ продолжается съ небольшими промежутками въ расшивкахъ всю зиму.

Учитель народн. школы *М. Комельковъ* (уроженецъ села Куности).

Дополненія къ статьѣ г. Комелькова.

1) Притоны называются у насъ косяками, а тагаски—частыми мережками.

2) Жердь бываетъ длиною 13 саженъ, а веревка, привязанная къ одному концу ея, называется поводкомъ,—къ ней, т. е. веревкѣ, прикрѣпляется ужище.

3) Главный хозяинъ тагаса называется ватаманомъ; обязанность его состоитъ въ слѣдующемъ: приготовить матицу, купить ужища и дать ловцамъ все необходимое для ловли, какъ то: веревки, коноплю и пр., а потомъ во время лова онъ и высчитываетъ съ нихъ деньги за всѣ эти предметы.

Кромѣ этого ватамана есть еще два, которые называются полевыми или озерными ватаманами. Главный ватаманъ получаетъ въ каждый день по два ковша рыбы, а озерные—по одному ковшу.

4) Ловцы, которые пѣшаютъ проруби, называются п ѣ ш а л ь н и к а м и.

5) Прорубь отъ проруби пѣшаются на разстояніи 13 саженъ.

6) Первая и вторая выемки наз. у насъ матицами, ронильныя уши—п а л я, а приходильныя уши наз. п р и т и н ъ.

7) Жердникъ приготовляетъ только одну жердь и 30 саж. веревки, и пользуется такою же частью, какъ и прочіе ловцы—лишняго ничего не получаетъ.

8) Крюки, употребляемые ловцами для тяги, называются к р ю к м а н к а м и.

9) Второй кругъ ловли по старымъ тонямъ наз. м у т ь.

10) На ночь всѣ сѣти укладываются въ одну изъ матицъ, которая называется подпольемъ.

11) Дѣлежъ денегъ и рыбы производится между ловцами поровну, не принимая во вниманіе лошадей и снасти. На каждаго ловца полагается два жеребья.

12) Иногда, пройдя нѣсколько тонь, ловцы встрѣчаютъ на пути препятствіе—заломы льда, которые наз. р у б ц а м и. Черезъ эти рубцы сѣть нельзя протянуть, поэтому ловцы на прямомъ разстояніи отъ матицы пѣшаютъ нѣсколько прорубей (10 и больше), которыя наз. п е р е б о р а м и. По этимъ прорубямъ оба жердника вмѣстѣ и прогоняютъ жерди.

Вотъ всѣ подробности нашего тагаса.

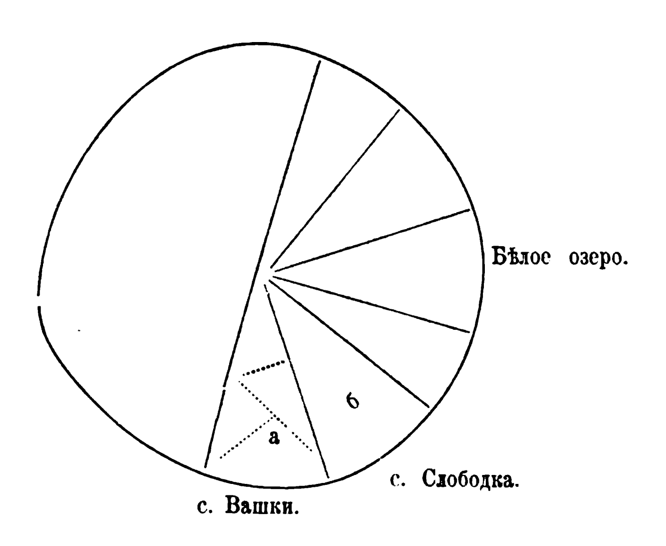
Учитель Киснемскаго училища Кирилловскаго уѣзда *П. Маіоровъ*.

Примѣчанія (къ статьѣ г. Комелькова).

1) Кто дѣлаетъ (пѣшаетъ) проруби, у насъ обыкновенно называются п ѣ ш а л ь н и к а м и. Пѣшальниками обыкновенно бываютъ подростки лѣтъ 15 или 16, потому что работа—пѣшать проруби считается легче, чѣмъ тянуть ужища.

2) На сѣверномъ берегу Бѣлаго озера, какъ напр. въ Вашкахъ, Киснемѣ и др. селахъ, во время дневного лова рыболовныя сѣти не вынимаются изъ воды на ледъ послѣ каждой тони, (какъ это дѣлаютъ рыбаки на южномъ берегу озера, напр. въ Маексѣ, Куности и др. мѣстахъ), а просто въ одномъ краю выемки (по мѣстному выраженію—м а т и ц ы) вынимаютъ сѣти, и въ противоположномъ краю опять бросаютъ въ воду и начинается другая тоня, а тамъ дальше какъ и отъ I выемки дѣлаются въ стороны проруби и также гонятъ жердь и тащать сѣти, вообще повторяется все тоже, что и во время первой тони.

3) Въ лѣтнее время рыбаки всего побережья Бѣлаго озера могутъ ловить рыбу по всему озеру; наприм. Вашкинскіе рыбаки ловятъ на Куностскомъ берегу, т. е. близь с. Куности и наоборотъ, Куностскіе рыбаки могутъ ѣхать ловить на Вашкинскій берегъ. Зимою же этого нельзя дѣлать. Все озеро дѣлится на участки; число участковъ равняется числу селъ, лежащихъ на берегу озера и каждое село можетъ ловить только на своемъ участкѣ. Такъ, напримѣръ, Вашкинцы могутъ ловить только на Вашкинской водѣ т. е. на участкѣ, принадлежащемъ с. Вашки. Если у нихъ на участкѣ худо ловится рыба, то они могутъ арендовать другіе участки за извѣстную плату. Дѣлятъ озеро такъ: въ срединѣ озера ставятъ столбъ, или вѣху и отъ этого столба расходятся въ разныя стороны, какъ бы радіусы къ берегамъ каждаго села, лежащаго на берегу озера. Такимъ образомъ получаются участки въ видѣ треугольниковъ, какъ показано на рисункѣ.

На участкѣ, обозначенномъ буквою (а) могутъ ловить только Вашкинцы, на участкѣ (б) могутъ ловить только Слобожане и т. д. Вотъ переметы то и ставятъ между участками, т. е. на радіусы, такъ какъ въ центръ участковъ переметовъ нельзя ставить, потому что будутъ мѣшать ловлѣ тагасомъ.

Надо еще замѣтить, что если въ селѣ имѣется не одинъ тагасъ, (какъ напр. въ Вашкахъ есть четыре тагаса), то данные участки еще дѣлятся на меньшіе участки по числу тагасовъ. Напр. въ Вашкахъ четыре тагаса, поэтому участокъ (а) дѣлится на 4 части, каждому тагасу по части, гдѣ онъ и можетъ только ловить.

Пословица и загадка.

Пословица.

«Пословица» употребляется часто въ смыслѣ слова или выраженія, которымъ кто либо оснащаетъ свою рѣчь.

«У яго такая пасловица».

У крестьянина (с. Святское) «Чика» пословица—Чикъ, а у «Лопоухаго» (с. Митюли)—Лопоўхій, ибо первый, воодушевляясь въ разговорѣ, прерываетъ нить общаго разговора звукомъ: Чи! и сопровождаетъ свое Чи! важнымъ жестомъ правой

руки; второй же, «Лопоухій», всѣхъ разговаривающихъ съ нимъ и себя самого при этомъ, называетъ «Лопоухими».

Въ XVIII в., отъ котораго осталось намъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ пословицъ, пословицею называли не только притчу, но и всякую поговорку, примолвку, что очевидно изъ слѣдующаго мѣста въ запискахъ Данилова 1771 г.: «у Митрофана Осиповича была пословица южъ; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какую нибудь ничего не значущую примолвку». Очерки Буслаева I, 124.

Что касается до пословицы, то первоначально, какъ замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, употреблялось это слово въ смыслѣ согласія, условія, совѣщанія, міра, напр. «не быша пословици Псковичемъ съ Новгородци»... Первоначальное значеніе пословицы опредѣляется также и ближайшимъ отношеніемъ къ смыслу прилагательнаго «пословный», т. е. послушный, согласный. Съ этимъ опредѣленіемъ гармонируютъ слѣдующія изреченія крестьянъ Смоленской губерніи; они указываютъ и на юридическое значеніе пословицы.

Ня будимъ ссоритца—будить у насъ пословица. Харошъ на присказп, а паглядимъ, якоў ты будишъ на привизи.

Вы, кумушки-галубушки, выхадитя на улицу, гаваритя пословицу.

Пословица по преимуществу свойственна возрасту старческому. Отъ стариковъ поучается молодежь, заимствуя отъ нихъ, между прочимъ, пословицы и поговорки «Старые люди говорятъ—маладымъ людёмъ повыдъ даютъ». «Старувáть» значитъ уговаривать. Порѣч. у. Мамошки.

Пословица изобрѣтается жизненнымъ опытомъ, имъ же подтверждается или отрицается. У нѣкоторыхъ стариковъ есть любимыя пословицы и поговорки. Молодые люди, приводя пословицы, нерѣдко вспоминаютъ стариковъ и ихъ опытъ.—«Это любимая пословица», говорятъ они, «Тарасá, а вотъ эта Борматунá, а эта Бориса Андреича».

Нѣкоторыя пословицы принадлежатъ извѣстному возрасту, полу, классу людей—и соотвѣтствуютъ ихъ занятіямъ.

Люди торговые въ особенности любятъ оснащать рѣчь свою пословицами: тогда дѣло идетъ легко, какъ по маслу; — какъ извѣстно, нашъ простолюдинъ положительно не можетъ противиться логической силѣ пословицы; онъ все будетъ поддакивать: вѣрно, вѣрно! Правда! Знамо дѣло—такъ! Незамѣтно и для купца, и для мужика, дѣло улаживается—быть можетъ—пословицею. «Безъ пасловицы горыдъ ня стрòитца».

И Санчо Пансо въ «Донъ Кихотѣ» говоритъ убѣдительно, когда говоритъ пословицами.

Зналъ я одного купца, рѣчь котораго положительно состояла изъ пословицъ; кто-то сочинилъ ему весьма грустную эпитафію о суетѣ и тлѣнѣ всего мірскаго, уснащенную пословицами, и помѣстилъ ее на надгробномъ памятникѣ.

Пословицы, принадлежа людямъ различныхъ взглядовъ, возрастовъ, положеній, мѣстностей, нерѣдко противорѣчатъ одна другой;—народъ же въ шутку соединяетъ ихъ, и вотъ является полемическій разговоръ въ діалогической формѣ между батракомъ и хозяиномъ, зятемъ и тещею, Торопчаниномъ и Смолякомъ, Рославцемъ и Калужцемъ.

Сопоставляются діаметрально, иногда противоположные прежніе и новые взгляды на мать и жену. Такія пословицы въ особенности интересны въ бытовомъ отношеніи.

Разъ я ѣхалъ въ вагонѣ Московско-Брестской желѣзной дороги; напротивъ меня помѣщались два крестьянина: одинъ старый, другой молодой. Молодой вынулъ изъ кошеля ратника (селедку) и началъ ее ѣсть съ хвоста или съ головы—хорошо не помню.

Старикъ замѣтилъ:—«Хорошо, парень,—хорошо; одно нехорошо, что вотъ сельдя ты грызешь не съ того бока».—Молодой возразилъ. Началось состязаніе пословицами; у молодаго оказалось въ запасѣ ихъ больше—онъ не лѣзъ за словомъ въ карманъ.

Въ тонѣ старика замѣтно стало слышаться раздраженіе, пословицы и поговорки у него истощились, на глазахъ навернулись слезы. Старикъ приподнялся, подошелъ къ молодому и сталъ трясти за воротъ «изъ молодыхъ да ранняго», тотъ засмѣялся, и

всѣ захохотали: произошла уморительная сцена. Мы подъѣзжали къ Кубенкѣ. Старикъ и молодой вышли на платформу, закусили и выпили вмѣстѣ, вошли въ вагонъ, обнявшись—друзьями, и больше ужь не спорили.

Поэзія является не только забавой въ часы досуга, но и насущною потребностью простого человѣка: въ горѣ онъ пробавляется всѣми видами ея: и пѣсней и пословицей и загадкой и проч.

У женщинъ, много испытавшихъ, есть свои любимыя семейныя пѣсни, есть свои пословицы.

Огорченныя мать и сестра поютъ соотвѣтственныя пѣсни про сыновнюю и братнюю неблагодарность и проч. Быть можетъ, онѣ слагаютъ свои пѣсни, пѣсни своей жизни.

Быть можетъ, другія женщины, подруги, по слѣдамъ живого событія выходятъ на улицу и «говорятъ пословицу», или «разгадываютъ» горюшко, удовлетворяя желанію: «подумайте мои думушки, разгадайте крѣпкія».

Иногда старики и старухи, умудренные опытомъ, съ величавымъ спокойствіемъ изрекаютъ свое обоснованное на пословицахъ мнѣніе, безпристрастное и нейтральное, какъ хоръ греческой драмы.

Примиреніе съ горемъ происходитъ на почвѣ поэзіи, и большею частію въ міру; — народъ рѣдко замыкается въ своемъ горѣ.

Пословицы и загадки нерѣдко сходятся. Самыя глубокія наблюденія, вѣроятно, затѣмъ, чтобы заставить другихъ лучше вдуматься въ то, надъ чѣмъ долго работала мысль, народъ выражаетъ въ формѣ загадокъ.

Кругъ народныхъ преданій невеликъ, и народъ ищетъ поучительнаго.

«Иныя пословицы не иное что, какъ рѣзкія выраженія, удержавшіяся въ памяти народа изъ эпической басни (или пѣсни, прибавимъ мы). Очеркъ Ѳ. И. Буслаева. Томъ I, стр. 91.

«Иныя пословицы (и загадки, прибавимъ мы) можно назвать баснею въ маломъ объемѣ. ibidem.

Какъ пословицы, такъ и загадки любятъ касаться иногда старобытныхъ миѳологическихъ или апокрифическихъ вѣрованій и убѣжденій, и передаютъ эти вѣрованія и убѣжденія въ поэтической формѣ.

Но съ другой стороны пословицы и загадки касаются ежедневной жизни со всѣми ея мелочами и подробностями; и мало такихъ предметовъ найдется въ крестьянскомъ домашнемъ быту и обстановкѣ, которые ускользнули отъ пословицы и загадки.

Являются новые предметы въ крестьянскомъ обиходѣ,—тотчасъ возникаютъ пословицы и загадки, разъясняющія ихъ значеніе.

При помощи поэтической фантазіи, загадка приводитъ въ столкновеніе предметы воодушевленные и неодушевленные; нерѣдко она создаетъ цѣлыя драматическія сценки, знакомя насъ съ будничной жизнью народа и природой, которая разстилается передъ глазами крестьянина.

Проводя подъ часъ карикатурныя и пародоксальныя параллели, сравнивая важное и неважное, большое и малое, отвлеченное и матеріальное, тонко отыскивая сходство между самыми различными предметами, иногда запугивая фантазію грубымъ цинизмомъ («загадывать загадки дрянь, разгадывать ихъ дужа хорошо»); загадка въ своихъ изображеніяхъ достигаетъ большой рельефности и подчеркиваетъ, такъ сказать, характерныя и выдающіяся свойства предметовъ. Нѣкоторыя загадки проникнуты древними миѳическими вѣрованіями и отличаются художественностью образовъ, другія (и немало найдется такихъ) свидѣтельствуютъ о близости простаго человѣка къ природѣ и объ его замѣчательной чуткости по отношенію къ ея явленіямъ.

Народный языкъ очень индивидуаленъ. Въ разныхъ деревняхъ самые обыкновенные предметы называются различными именами (Овунь—Смоленскій уѣздъ; въ томъ же уѣздѣ, въ Цызыревкѣ, Сонлякъ и Слюнтявикъ въ Глубокомъ Красн. у.), является почва для соображеній и догадокъ, какой предметъ и какимъ своимъ качествомъ далъ поводъ къ созданію извѣстнаго имени или названія; часто загадка является сама собою.

Названія нѣкоторыхъ предметовъ имѣютъ форму загадки или вопроса. Въ Починкѣ Ельн. у. зельтерская вода называется: что такое?

Въ одной деревушкѣ протекаетъ рѣчка въ которую впалъ ручей. Путешественникъ спрашиваетъ у дѣвочки: какъ зовуть рѣчку? Дѣвочка молчитъ, заминается. Подходитъ баба. «Дура», говоритъ на дѣвочку»: «Отчего ты барину не скажешь, какъ рѣчку нашу дразнятъ». Тутъ баба сказала путнику глупую загадку, служащую названіемъ рѣчки.

Въ зимніе, особливо святочные вечера, развлекаются загадками; ими прежде состязались волочобники, ходившіе на Святой недѣлѣ. Партія, разгадавшая загадки, отнимала у другой ея раздобытки: хлѣбъ, сало и проч.

Въ загадкахъ много созданныхъ народною фантазіею словъ; съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія подобнаго творчества, загадка представляетъ особый интересъ для изслѣдователя народнаго языка.

В. Добровольскій.

Digitized by Google

„РОДИТЕЛЬСКІЙ КРУЖОКЪ"
при Педагогическомъ Музеѣ в.-учебн. завед. въ Спб.

Членами Петербургскаго «Родительскаго кружка», при сотрудничествѣ многихъ педагоговъ, ученыхъ и литераторовъ, составляется, подъ общей редакціей

П. Ѳ. КАПТЕРЕВА

и при участіи въ редакціонныхъ трудахъ **свящ. А. И. Маляревскаго,** гг. **А. Н. Альмедингена, Н. С. Карцева, П. А. Литвинскаго,** докторовъ—**А. С. Виреніуса, В. В. Гориневскаго, М. Н. Нижегеродцева и** г-жъ **Е. Я. Корсаковой и В. В. Поворинской.**

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ и ОБУЧЕНІЯ.

Энциклопедія эта будетъ обнимать, по возможности, всѣ вопросы воспитанія и обученія дѣтей, преимущественно ДО-ШКОЛЬНАГО возраста. Раздѣленная на V частей, она будетъ выходить отдѣльными выпусками, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ цѣлую статью по извѣстному вопросу. При составленіи статей будутъ преслѣдоваться двѣ цѣли: строгая научность содержанія и общедоступность изложенія. Всего предполагается отъ 75 до 80 выпусковъ.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ ЭНЦИКЛОПЕДІИ:

Часть I.—1) Историческій очеркъ развитія идей о первоначальномъ воспитаніи. 2) Семейное воспитаніе въ Россіи прежде и теперь. 3) Семейное воспитаніе у англичанъ. 4) Семейное воспитаніе у французовъ. 5) Семейное воспитаніе у нѣмцевъ. 6) Семейное воспитаніе у сѣверо-американцевъ. 7) Основы и задачи семейнаго воспитанія въ настоящее время. 8) О дѣтской природѣ. 9) Дѣтскіе темпераменты. 10) Дѣтскіе типы. 11) О подражательности въ дѣлѣ воспитанія. 12) Наслѣдственность и вырожденіе.

Часть II.—13) Анатомо-физіологическія свойства дѣтскаго организма; о ходѣ тѣлеснаго развитія. 14) О тѣлесномъ воспитаніи вообще. 15) О закаливаніи. 16) Уходъ за младенцемъ. 17) О нормальной дѣтской. 18) Гигіена глазъ. 19) Гигіена ушей и носа. 20) Гигіена кожи. Уходъ за волосами. 21) Уходъ за зубами. 22) О нормальномъ питаніи и объ уклоненіяхъ отъ него. 23) О возбуждающихъ веществахъ при питаніи. 24) О нормальныхъ одеждѣ, бѣльѣ и обуви. 25) О дѣтскомъ снѣ. 26) О физическихъ упражненіяхъ дѣтей. 27) О болѣзняхъ дѣтскаго возраста. 28) Первая помощь въ семьѣ при заболѣваніяхъ дѣтей. 29) Половое развитіе, аномаліи и борьба съ ними. 30) Объ искривленіи позноночника.

Часть III.—31) Душа дитяти (общій очеркъ душевнаго развитія въ дѣтствѣ, съ характеристикой возрастовъ). 32) Религіозное воспитаніе. 34) О воспитаніи умственномъ. 34) О воспитаніи нравственномъ. 35) О воспитаніи воли и характера. 36) О воспитаніи эстетическомъ. 37) О дѣтской рѣчи. 38) О дѣтскихъ играхъ. 39) Обзоръ дѣтскихъ игрушекъ. 40) О дѣтскихъ развлеченіяхъ. 41) О чтеніи дѣтей.

42) О дѣтскихъ недостаткахъ вообще. 43) О дѣтскихъ капризахъ. 44) О дѣтской лжи. 45) Объ упрямствѣ и непослушаніи. 46) О наградахъ и наказаніяхъ. 47) Хорошія и дурныя привычки и манеры (значеніе ихъ). 48) Объ ускоренномъ и замедленномъ психическомъ развитіи дѣтей. 49) О душевномъ разстройствѣ въ дѣтскомъ возрастѣ. 50) Чему учитъ психіатрическій опытъ въ дѣлѣ воспитанія. 51) О дѣтской преступности.

Часть IV.—52) Когда и какъ начинать ученіе. 53) Основныя начала семейнаго обученія (дидактика семьи). 54) Обученіе чтенію и письму. 55) Чтеніе и письмо съ гигіенической точки зрѣнія. 56) Обученіе рисованію. 57) Обученіе счисленію. 58) Обученіе иностраннымъ языкамъ. 59) Обученіе пѣнію. 60) Обученіе игрѣ на фортепіано. 61) Сообщеніе свѣдѣній по родиновѣдѣнію. 62) Ознакомленіе дѣтей съ міромъ животныхъ, растеній и физическими явленіями. 63) Домашніе аквариумы, террариумы и коллекціи. 64) О дѣтскомъ садѣ и огородѣ. 65) О лѣтнихъ прогулкахъ и экскурсіяхъ. 66) Природа и дѣти зимой. 67) О ручномъ трудѣ дѣтей. 68) Объ участіи дѣвочекъ въ домашнемъ хозяйствѣ. 69) О сравнительныхъ достоинствахъ семейнаго и школьнаго воспитанія и обученія и о выборѣ учебнаго заведенія. 70) О домашней подготовкѣ къ урокамъ и экзаменамъ. 71) Объ отношеніи семьи къ школѣ

Часть V.—72) Объ отношеніи между родителями и дѣтьми по нашему законодательству. 73) Нормальныя отношенія между родителями и дѣтьми; обязанности отца въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей; отношенія ребенка къ братьямъ, сестрамъ, подругамъ и товарищамъ; вліяніе прислуги на развитіе дѣтей. 74) О выборѣ и свойствахъ няни и гувернантки. 75) Образованіе матери и ея библіотека. 76) О дѣтскихъ фребелевскихъ садахъ и семейныхъ школахъ. 77) О дѣтскихъ союзахъ покровительствахъ животнымъ, вѣжливости и т. п. 78) Союзы родителей въ дѣлѣ семейнаго воспитанія. 76) Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. 80) Справочникъ—объ обществахъ и учрежденіяхъ по воспитанію малолѣтнихъ дѣтей, дѣтскихъ садахъ, учебныхъ заведеніяхъ и проч. 81) Алфавитный и предметный указатели къ Энциклопедіи.

Выпуски Энциклопедіи начнутъ выходить съ начала 1898 года, а все изданіе предполагается закончить къ 1901 году.

Для желающихъ получать Энциклопедію по мѣрѣ выхода **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** на слѣдующихъ условіяхъ: **за всю Энциклопедію съ доставкою и пересылкою 12 рублей,** причемъ допускается *разсрочка*—при подпискѣ—**5** руб., по полученіи 25 выпуска—**4** руб. и по полученіи 50 выпуска—**3** руб. При продажѣ отдѣльныхъ выпусковъ и по выходѣ всей Энциклопедіи—цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ слѣдуетъ высылать на имя завѣдывающаго изданіемъ Энциклопедіи, члена «Родительскаго кружка», *Алексѣя Николаевича Альмедингена, въ С.-Петербургѣ, Моховая, д. 1.*

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ
Богословскаго Вѣстника въ 1899 году съ приложеніемъ
ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,
Архіепископа Касаріи Каппадокійскія
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Въ 1899 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ.—

Содержаніе каждой книжки журнала имѣетъ состоять изъ пяти отдѣловъ:

I) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; въ будущемъ году этотъ отдѣлъ займутъ *Толкованіе Св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, на Евангеліе отъ Іоанна и творенія Св. Никифора Исповѣдника, Патріарха Константинопольскаго, написанныя въ защиту иконопочитанія.*

II) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи.

III) Изъ современной жизни. Сюда войдутъ обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи.

IV) Критика, рецензіи и библіографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

V) Приложенія, въ которыхъ будутъ продолжаться печатаніемъ *автобіографическія записки покойнаго Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго* (періодъ его дѣятельности въ званіи завѣдующаго Московской Синодальной разницей и затѣмъ въ должности Ректора Московской Духовной Академіи) и протоколы засѣданій Совѣта Академіи.

Удерживая программу въ прежнемъ объемѣ и прилагая старанія къ наилучшему осуществленію ея на дѣлѣ, Московская Духовная Академія вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ благовременнымъ присоединить къ издаваемому ею журналу *новое и существенно—важное дополненіе.* Именно, начиная съ 1899 года, она намѣрена дать подписчикамъ «Богословскаго Вѣстника» *рядъ переведенныхъ ею на русскій языкъ твореній знаменитѣйшихъ Отцовъ и учителей вселенской церкви IV-го вѣка* НА ВЕСЬМА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ. Вводя это крупное дополненіе къ своему журналу, Московская Духовная Академія руководится слѣдующими побужденіями. Уже болѣе, чѣмъ полвѣка, она непрерывно трудится надъ переводомъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древней святоотеческой письменности эпохи ея наивысшаго разцвѣта. Предпринятая съ 1840 года, при непосредственномъ участіи приснопамятнаго святителя русской церкви Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго, дѣятельность Академіи по переводу св. отцевъ, продолжаясь съ тѣхъ поръ безостановочно успѣла обнять собой очень значительное число святоотеческихъ писаній, какъ то: творенія свв. Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Епифанія Кипрскаго, Ефрема Сирина и мн. др. Но, будучи по условіямъ книжнаго дѣла у насъ въ Россіи довольно высокими по цѣнѣ въ отдѣльной продажѣ, эти изданія святоотеческихъ твореній въ русскомъ переводѣ не достигли еще такого широкаго распространенія среди читающей публики, какого можно было бы пожелать для нихъ какъ вообще въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ, такъ въ особенности въ виду наблюдаемаго въ наше время оживленія церковно-

общественныхъ интересовъ и подъема просвѣщенія среди простого народа. *Желая удовлетворить этой назрѣвшей нуждѣ нашей духовной жизни и облегчить пріобрѣтеніе святоотеческихъ твореній для возможно большаго круга учрежденій и лицъ*, Московская Духовная Академія *и рѣшила съ наступающаго года* воспользоваться тѣмъ способомъ, о которомъ ей подсказывалъ примѣръ другихъ повременныхъ изданій, то есть *выдавать имѣющіяся въ ея распоряженіи переводныя творенія Св. Отцовъ IV-го вѣка въ видѣ приложеній къ своему журналу* ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ. На первый разъ выборъ Академіи остановился на ТВОРЕНІЯХЪ СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ, высокое богословско-образовательное и нравственно-воспитательное значеніе которыхъ не нуждается въ разъясненіяхъ. *Эти творенія въ послѣднемъ полномъ, и пересмотрѣнномъ изданіи ихъ, сдѣланномъ въ 1892 году въ семи томахъ, она и предложитъ подписчикамъ Богословскаго Вѣстника въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1899 года по 1901 годъ,*

подъ условіемъ ежегодной доплаты ОДНОГО рубля къ прежней подписной цѣнѣ журнала

въ такомъ порядкѣ, что *подписчики первыхъ двухъ годовъ трехлѣтія*, выполнившіе означенное условіе, *получаютъ ежегодно по два тома* твореній Св. Василія Великаго, въ *послѣдній же 1901-й годъ—остальные три тома* за таковую же добавочную плату. Такимъ образомъ, уплативши въ теченіе года **одинъ только рубль,** а за все трехлѣтіе **три рубля**, подписчикъ Богословскаго Вѣстника будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи *полное собраніе твореній Св. Василія Великаго*, въ отдѣльной продажѣ стоящее **восемь рублей сорокъ копѣекъ**!

Въ томъ случаѣ, если это новое предпріятіе журнала Богословскій Вѣстникъ найдетъ себѣ желательный откликъ среди ревнителей духовнаго просвѣщенія, Московская Духовная Академія, по истеченіи трехлѣтія, не замедлитъ обратиться къ другимъ замѣчательнымъ памятникамъ святоотеческой письменности, какъ-то къ твореніямъ свв. Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго и т. д., и этимъ путемъ дастъ возможность подписчикамъ своего журнала пріобрѣсти послѣдовательно *цѣлую святоотеческую библіотеку* за весьма умѣренную цѣну, которая къ тому же, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть еще болѣе понижена.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ НА ГОДЪ:

БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **шесть** руб. безъ пересылки, **семь** руб. съ пересылкой внутри Россійской имперіи, **восемь** руб. за границу.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ ТОМОВЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО: **семь** руб. безъ пересылки, **восемь** руб. съ пересылкою внутри Россіи, **девять** руб. за границу.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, Редакція Богословскаго Вѣстника.

Подписчики на журналъ съ *приложеніемъ твореній Св. Василія Великаго* первый томъ ихъ получаютъ при *январской* книжкѣ Богословскаго Вѣстника, а второй—при *іюльской*.

Сергіевъ пос., Москов. губ. Редакція Богословскаго Вѣстника.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 Г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

КУРЬЕРЪ.

Газета «Курьеръ» въ 1899 году будетъ издаваться въ увеличенномъ форматѣ.

6 ноября минетъ первый годъ изданія газеты «Курьеръ». Симпатіи, которыми встрѣтило общество начинанія молодого изданія, заставляютъ редакцію съ особой энергіей продолжать начатое дѣло и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы «Курьеръ» и въ будущемъ году продолжалъ быть живымъ и отзывчивымъ органомъ печати. Редакціей, между прочимъ, обращено особое вниманіе на отдѣлъ телеграфныхъ извѣстій; кромѣ обычныхъ корреспонденцій всѣ важнѣйшія свѣдѣнія сообщаются корреспондентами «Курьера» по телеграфу, благодаря чему читатели «Курьера» имѣютъ возможность слѣдить за всѣми выдающимися событіями какъ русской, такъ и заграничной жизни безъ всякаго промедленія.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Постановленія и распоряженія правительства.

2) Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и спеціальныя телеграммы, какъ внутреннія, такъ и заграничныя.

3) Ежедневное обозрѣніе: статьи политическія, литературныя и по всѣмъ отраслямъ торговли, промышленности и общественной жизни.

4) Біографія и некрологи государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

4) Свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ иностранной, политической и общественной жизни, изъ области торговли, промышленности, финансовъ, науки, литературы и искусства на основаніи сообщеній отъ собственныхъ корреспондентовъ и изъ другихъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ повременныхъ изданій.

6) Внутреннія извѣстія: корреспонденціи изъ разныхъ городовъ отъ собственныхъ корреспондентовъ и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ другихъ повременныхъ изданій, фельетоны провинціальной жизни.

7) Толки печати.

8) Московская хроника: выдающіяся событія московской жизни, пріѣзды и отъѣзды Высочайшихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ, отчеты объ актахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, засѣданіяхъ, въ ученыхъ и общественныхъ собраніяхъ; дневникъ происшествій.

9) Хроника искусствъ и литературы, театръ и музыка. Библіографическія извѣстія въ области литературы. Литературная и художественная критика.

10) Спортъ.

11) Судебныя извѣстія: отчеты о засѣданіяхъ гражданскихъ, коммерческихъ и уголовныхъ судовъ.

12) Биржевая хроника.

13) Разныя свѣдѣнія и полезные совѣты: хозяйственные и другіе совѣты, а также указанія для подачи первой помощи при разныхъ несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ.

14) Научныя статьи въ общедоступномъ изложеніи по всѣмъ отраслямъ науки; романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, какъ русскихъ, такъ и лучшихъ иностранныхъ авторовъ, фельетонъ общественной жизни.

15) Справочный указатель: котировки биржъ русскихъ и иностранныхъ, фондовыхъ и торговыхъ; свѣдѣнія рынковъ. Судебный указатель. Желѣзно-дорожный указатель. Театръ и зрѣлища. Засѣданія ученыхъ обществъ и общественныхъ собраній.

16) Объявленія.

17) Иллюстраціи къ тексту.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: **Л. Н. Андреевъ, В. И. Анофріевъ, Н. П. Ашешовъ**, проф. **П. В. Безобразовъ, С. С. Блументаль, André Beaunier, Г. Н. Браунъ, В. М. Владиславлевъ, Глаголь**, проф. **М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. Д. Гриневскій. В. Е. Ермиловъ, М. К. Іогель, П. С. Коганъ**, проф. **М. С. Корелинъ, В. М. Лавровъ, L'ami**, проф. **М. А. Липинскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невѣжинъ**, проф. **С. П. Никоновъ, И. Д. Новикъ, И. Н. Потапенко, В. П. Преображенскій, М. Н. Ремезовъ**, проф. **А. Р. Свирщевскій, Н. А. Селивановъ, А. С. Схляръ**, кн. **А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Д. И. Тихомировъ, Н. В. Тулуповъ, Я. А. Фейгинъ, Ант. П. Чеховъ** и др.

Газета имѣетъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ въ **Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ, Нью Іоркѣ, Парижѣ, Римѣ** и др. городахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города Россіи:

На 1 годъ	6 руб.	— коп.	На 6 мѣс.	3 руб.	50 коп.
» 11 мѣс.	5 »	60 »	» 5 »	3 »	10 »
» 10 »	5 »	20 »	» 4 »	2 »	60 »
» 9 »	4 »	80 »	» 3 »	2 »	— »
» 8 »	4 »	40 »	» 2 »	1 »	40 »
» 7 »	4 »	— »	» 1 »	— »	75 »

При годовой подпискѣ чрезъ главную контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. къ 1-му апрѣлю—2 руб. и къ 1-му іюля—2 руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

При перемѣнѣ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора газеты помѣщается **въ Москвѣ, Петровскія линіи, подъѣздъ № 3** и открыта отъ 10 час. утра до 6-ти час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

Императорское Московское Археологическое Общество, имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммисію, важнѣйшею задачею которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ напр. собранія коллекціонеровъ, семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства, въ означенныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ уголкахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ, опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно, занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленія вышеозначенныхъ свѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее

1. Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,—независимо отъ времени ихъ написанія, какъ то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,—вообще, о памятникахъ бытового, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2. Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ*), какія именно въ немъ рукописи (перечень**), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ (содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3. Общество позволяетъ себѣ обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, присылать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы ***).

Если лица, описывающія документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ выслать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4. Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе, Общество покорнѣйше проситъ лицъ, неимѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей) сообщать краткія.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5. Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммисіи.

6. Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной програмны для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова.*
Предсѣдатель Археографической Коммиссіи профессоръ *А. Кирпичниковъ.*
Секретарь Коммиссіи *М. Довнаръ-Запольскій.*
Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

---

*) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

**) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть: указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр. кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей и всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

***) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а, по соглашенію, и доставку ихъ.

Digitized by Google

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

и въ девятомъ году своего существованія будетъ выходить 4-мя выпусками по 8—10 листовъ выпускъ. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ 5 р., съ доставкою, въ Имперіи—5 р. 50 к., за границу—6 р.

Книжки „Живой Старины“ 1890—91 до 1897 г. включительно продаются въ Географическомъ Обществѣ по пониженной цѣнѣ: за годъ—3 р. въ Петербургѣ, 3 р. 50 к. въ Имперіи и 4 р. за границу.

Return this book on or before date due.